ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

4 и 5. ПРИ 1871.

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА.

Типографія Грачева и К., у Пречистенскихъ воротъ, д. Шиловой.

1871.

ГЛАВНѢЙШІЯ СТАТЬИ ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ СБОРНИКѢ „ОСМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ.“

ПЕРВАЯ КНИГА ОСМНАДЦАТАГО ВѢКА.

(ВЫШЛО ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ).

Екатерина Вторая. Новыя свѣдѣнія, письма и бумаги, касающіяся ея родителей и ея пріѣзда въ Россію.

Переписка Екатерины II-й съ Московскимъ главнокомандующимъ, княземъ М. Н. Волконскимъ.

Политика Фридриха Великаго съ 1763 по 1775 г. Переведено и составлено княземъ *Павломъ Вяземскимъ.*

Дидро и его отношенія къ Екатеринѣ II-й, статья *М. Ѳ. Шугурова.*

Изъ записокъ *графа Е. Ѳ. Комаровскаго* (Екатерининское время).

Выписки изъ архива канцеляріи Прибалтійскаго генералъ-губернатора (Переписка Екатерины II-й съ графомъ Броуномъ).

„Похожденіе извѣстныхъ Петербургскихъ дѣйствъ“. Записка Малороссіянина о восшествіи на престолъ Екатерины II.

Письма, относящіяся къ восшествію на престолъ Екатерины II: а) *Адмирала Талызина* къ Н. И. Панину, б) *графа Дивіера* къ Е. И. Шарогородской (Сообщены *М. А. Оболенскимъ).*

Procès-verbal du decès de l'Impératrice Catherine II (Запись о кончинѣ Императрицы Екатерины II-й).

Житіе Ѳеодора Васильевича Ушакова, съ пріобщеніемъ нѣкоторыхъ его сочиненій. Статья *А. Н. Радищева*, съ послѣсловіемъ издателя.

ВТОРАЯ КНИГА ОСМНАДЦАТАГО ВѢКА.

(ВЫШЛО ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ).

Письма о Россіи, въ царствованіе Петра II-го, въ Испанію *Дука де Лирія*, бывшаго первымъ Испанскимъ посланникомъ при нашемъ Дворѣ. Переводъ съ Испанскаго, священника *К. Л. Кустодіева.*

Густавъ Биронъ, братъ Регента, статья *М. Д. Хмырова.*

Автобіографическое показаніе *Арсенія Мацѣевича.*

Семейство Разумовскихъ.—I. Графъ Алексѣй и Кирилла Григорьевичи. Статья *А. А. Васильчикова*, написанная на основаніи печатныхъ источниковъ, новооткрытыхъ архивныхъ бумагъ, писемъ и семейныхъ преданій.

Подробный азбучный указатель собственныхъ именъ, упоминаемыхъ въ первыхъ двухъ книгахъ „Осмнадцатаго Вѣка“.

ЖИЗНЬ ИВАНА ИВАНОВИЧА НЕПЛЮЕВА

(имъ самимъ писанная).

Записки эти, представляющія правдивый и умный разсказъ одного изъ младшихъ „птенцовъ Петра Великаго" о его многополезной жизни, писаны по большой части уже въ старости. Но очевидно, что въ основу ихъ легли замѣтки, сдѣланныя Неплюевымъ подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ описываемыхъ событій; такъ напримѣръ, все пребываніе его за границей и непродолжительная служба его во флотѣ изложены имъ въ формѣ почти поденнаго журнала, который и былъ веденъ имъ въ свое время (см. ниже, стр. 590); напротивъ того, дипломатическая служба Неплюева разсказана съ краткостью, заставляющею предполагать, что эта часть автобіографіи обработана имъ лишь по истеченіи многихъ лѣтъ послѣ описываемыхъ событій. Слѣды такой позднѣйшей обработки прямо указываются нѣкоторыми выраженіями; такъ напримѣръ, разсказавъ подъ 1730 годомъ о рожденіи своей дочери Анны и подъ 1731 г. о рожденіи сына Николая, Иванъ Ивановичъ прибавляетъ, что дочь его находится замужемъ за президентомъ коммерцъ-коллегіи Лунинымъ, а сынъ состоитъ сержантомъ въ кадетскомъ корпусѣ, и за тѣмъ поясняетъ, что эти указанія внесены въ Записки въ 1750 году.

Неплюевъ довёлъ Записки свои до послѣдняго года жизни и заключилъ ихъ трогательнымъ прощальнымъ предъ смертью письмомъ къ сыну. Затѣмъ, кто-то изъ лицъ, близкихъ къ Ивану Ивановичу и присутствовавшихъ при его послѣднихъ дняхъ, присовокупилъ къ его автобіографіи извѣстіе объ его кончинѣ. Можетъ быть, авторъ этой приписки былъ извѣстный И. И. Голиковъ, жившій при Неплюевѣ въ послѣдніе годы его жизни. Въ XVII томѣ своихъ „Дополненій къ Дѣяніямъ Петра Великаго" Голиковъ же привелъ и нѣсколько разсказовъ о Петрѣ, слышанныхъ имъ отъ Неплюева, сообщивъ извлеченіе изъ его автобіографіи, и наконецъ, помѣстилъ нѣсколько собственныхъ воспоминаній о почтенномъ старикѣ [1]). Эти воспоминанія мы сочли небезполезными перепечатать въ приложеніи къ автобіографіи Неплюева.

Послѣ извлеченія Голикова, вышедшаго въ свѣтъ въ 1796 г., болѣе полное (и единственное доселѣ) изданіе Записокъ Неплюева появилось въ „Отечественныхъ Запискахъ" П. П. Свиньина [2]). Но и въ этомъ изданіи текстъ Записокъ подвергся сокращеніямъ частію со стороны цензуры, частію по волѣ самаго издателя. Притомъ же, не смотря на увѣреніе издателя, что онъ не сдѣлалъ „ни малѣйшей перемѣны въ семъ образчикѣ стариннаго повѣствовательнаго слога", извѣстная издательская небрежность Свиньина внушала сомнѣніе въ точномъ воспроизведеніи имъ подлиннаго текста автобіографіи. Сличивъ изданіе Свиньина съ рукописью Записокъ, мы имѣли возможность убѣдиться до нѣкоторой степени въ справедливости этого опасенія, а также и въ томъ, что въ „Отечественныхъ Запискахъ" пропущено нѣсколько любопытныхъ мѣстъ противъ рукописнаго текста. Настоящее изданіе представляетъ текстъ Записокъ во всей его полнотѣ.

Рукопись, которою мы пользовались, принадлежитъ Императорской Академіи Наукъ, куда поступила изъ Академіи

[1]) Доп. къ Дѣян. П. В. XVII стр. 74—79, 204—208, 293—294, 311—312, 352—353, 375—382, 397—399 и 416—447.

[2]) 1823 ч. XVI, № 43, стр. 169—197 и № 44, стр. 436—446; 1824 ч. XIX, № 51, стр. 101—108 и № 52, стр. 226—250: ч. XX, № 54, стр. 105—126; 1825 г. ч. XXI, № 59, стр. 428—443; ч. XXII, № 64, стр. 189—203 и № 65, стр. 347—365; ч. XXIV, № 67, стр. 263—293; 1826 г., ч. XXV, № 71, стр. 468—496.

Россійской [1]). Едва ли это не та самая рукопись, которою пользовался и Свиньинъ; такъ по крайней мѣрѣ можно думать потому, что нѣкоторыя очевидныя описки академической рукописи воспроизведены и въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Рукопись Академіи составляетъ переплетенную тетрадь, форматомъ въ листъ; она писана почеркомъ конца прошлаго вѣка, одною рукою, со множествомъ орѳографическихъ ошибокъ. Другимъ почеркомъ и другими чернилами сдѣланы въ ней, какъ бы вслѣдствіе сличеній съ оригиналомъ, поправки, которыя однако не устраняютъ всѣхъ недоразумѣній, причиненныхъ невѣжествомъ перваго писца. Этою же позднѣйшею рукою надписано и заглавіе автобіографіи; оно было принято Свиньинымъ и удержано нами, хотя и не принадлежитъ самому Неплюеву. Намъ пришлось поправить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ очевидныя ошибки писца и вообще установить въ текстѣ правописаніе, при чемъ однако мы удержали нѣкоторыя фонетическія особенности рукописнаго текста. Сличеніе рукописи съ извлеченіемъ Голикова указало намъ у послѣдняго нѣсколько любопытныхъ разнорѣчій, происшедшихъ, безъ сомнѣнія, отъ того, что Голиковъ пользовался другимъ спискомъ Записокъ. Эти разнорѣчія приведены нами въ примѣчаніяхъ; но такъ какъ Голиковъ сокращалъ подлинникъ и очевидно измѣнялъ мѣстами его слогъ, то мы и не сочли нужнымъ приводить всѣ разнорѣчія Голиковскаго извлеченія. Было высказано замѣчаніе, что языкъ Записокъ Неплюева у Свиньина, за исключеніемъ немногихъ Славянскихъ словъ и нѣкоторыхъ выраженій, мало напоминаетъ время, въ которое жилъ ихъ авторъ [1]). Въ настоящемъ изданіи устранены стилистическія поправки Свиньина (впрочемъ не слишкомъ многочисленныя), но и за всѣмъ тѣмъ, языкъ Записокъ не имѣетъ колорита Петровской эпохи: это потому, что Записки писаны большею частію уже во второй половинѣ XVIII вѣка.

Въ заключеніе, считаемъ долгомъ напомнить, что еще при жизни Неплюева было напечатано подробное извѣстіе объ административной дѣятельности его въ Оренбургскомъ краѣ до 1750 г. Мы разумѣемъ сочиненіе П. И. Рычкова „Оренбургская исторія“, изданное въ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ Миллера, за 1759 годъ. Если мы не воспользовались этимъ любопытнымъ сочиненіемъ для примѣчаній къ той части Записокъ Неплюева, въ которой говорится о томъ же предметѣ, то лишь потому, что разсказъ Рычкова гораздо подробнѣе, чѣмъ повѣствованіе Неплюева.

Л. Майковъ.

Сентябрь 1870 года.

[1]) Рукопись эта была обязательно сообщена намъ академикомъ А. А. Куникомъ, которому считаемъ долгомъ выразить нашу признательность.

[1]) Мнѣніе П. П. Пекарскаго въ его статьѣ «Русскіе мемуары XVIII вѣка», въ Современникѣ 1855 г., т. L, отд. II, стр. 65.

ЗАПИСКИ НЕПЛЮЕВА.

Родился я, Иванъ Неплюевъ въ 1693-мъ году, ноября 5-го числа, въ воскресенье по утру, по полуночи въ 7 часовъ, въ Новгородскомъ уѣздѣ, въ усадищѣ Наволокѣ.

По неудачномъ подъ Нарву приступѣ, отецъ мой Иванъ Никитичь, бывъ при ономъ случаѣ на службѣ и возвратясь въ домъ, занемогъ, отъ которой болѣзни въ 1709-мъ іюля 10-го умеръ съ среду по утру на 38-мъ году отъ рожденія своего, оставя по

себѣ одного меня, сына 16-ти лѣтъ, и недвижимаго имѣнія 80 душъ.

Женился я по волѣ матери моей, 1711-го года сентября 9-го дня въ воскресенье, на племянницѣ родной Новгородскаго намѣстника Ивана Юрьевича Татищева, дѣвицѣ Ѳедосьѣ Ѳедоровнѣ Татищевой, получа за нею въ приданое съ небольшимъ 20 душъ.

Въ 1712-мъ году августа мѣсяца 19-го дня во вторникъ, родился мнѣ сынъ, Адріанъ, въ томъ же Новгородскомъ уѣздѣ, въ селѣ Поддубьѣ [1]).

Въ 1713-мъ, ноября мѣсяца, оставивъ жену мою беременну, отшелъ я по обѣщанію въ монастырь.

Въ 1714-мъ году, іюля 14-го дня, въ четвертокъ родилась въ мое отсутствіе дочь Марья [2])

1715-го марта въ первыхъ числахъ возвратился я въ домъ свой и въ томъ же мартѣ мѣсяцѣ взятъ на службу и, бывъ на смотрѣ марта въ 24 день у князя Меншикова, написанъ въ число назначенныхъ обучаться въ Новгородѣ начальныхъ основаній математики [3]).

Того жь года іюня въ 29-й день присланнымъ въ Новгородъ указомъ повелѣно: выбравъ 84 человѣка изъ тѣхъ начавшихъ обучаться, отправить въ Нарвскую школу, въ которой учителемъ былъ навигаторъ Митрофанъ Михайловъ, сынъ Кашинцовъ, а директорами надъ оной были оберъ-комендантъ Кирила Алексѣевичь Нарышкинъ, комендантъ Василій Григорьевичь Титовъ.

Въ томъ же 1715-мъ году, мая 4-го дня, во вторникъ умерла въ отсутствіе мое мать моя Марѳа Петровна, по отцѣ изъ фамиліи князей Мышецкихъ, отъ рожденія своего 43-хъ лѣтъ.

Того же года, октября 1-го дня, по присланному указу, перевели насъ всѣхъ въ школу въ Санктпетербургъ, которой школы былъ содержателемъ Французъ Баро; оная была подъ вѣдѣніемъ адмирала Ѳедора Матвѣевича Апраксина и генералъ-маіора и оберстеръ-кригскомиссара Григорья Петровича Чернышева; потомъ она поручена была Андрею Артамоновичу Матвѣеву. Въ той школѣ было насъ обучающихся 300 человѣкъ [1]).

1716-го, по указу царскаго величества велѣно выбрать изъ той шко-

[1]) Который отъ рожденія своего на 38-мъ году, будучи статскимъ совѣтникомъ и резидентомъ въ Константинополѣ, въ 1750-мъ году, ноября 8-го дня скончался. *Примѣчаніе Неплюева.*

[2]) Которая, бывъ въ замужествѣ за вицъ-адмираломъ Римскимъ Корсаковымъ, оставшись послѣ его вдовою, въ 1769-мъ году скончалась. *Прим. Неплюева.*

[3]) Въ той же партіи дворянскихъ дѣтей, высланныхъ для обученія, находился и Семенъ Ивановичь Мордвиновъ, въ послѣдствіи адмиралъ (1701—1777 гг); см. его „Записки, Спб. 1868 г., стр. 9. Начиная отсюда и до того времени, когда Неплюевъ, въ началѣ 1717 г., былъ отправленъ съ товарищами въ Венецію, а Мордвиновъ во Францію, Записки того и другаго описываютъ одни и тѣ же событія.

[1]) По сличеніи этихъ данныхъ съ извѣстіями о начальномъ образованіи морской академіи (нынѣшняго морскаго корпуса), обнаруживается несомнѣнно, что Неплюевъ говоритъ здѣсь не о частной школѣ Француза *Баро*, а именно объ академіи морской гвардіи, основанной по указу 1-го октября 1715 г., при чемъ директоромъ ея былъ назначенъ Французъ *баронъ* Сентъ-Илеръ, подававшій о томъ проектъ еще въ 1713 г. (см. Очеркъ исторіи морскаго кадетскаго корпуса, сост. Ѳ. Веселаго. 1852 г., стр. 37 и слѣд.) Мордвиновъ, въ своихъ Запискахъ (стр. 9-10) именно говоритъ: „Въ октябрѣ того жь 1715 года именнымъ указомъ, взяты всѣ (ученики) въ С. Петербургъ, какъ изъ Нарвы, такъ и изъ Ревеля таковые жь, бывшіе тамъ, и опредѣлены въ академію съ прибавленіемъ нѣсколько изъ Москвы, съ Сухаревой башни. *И съ того времени въ С. Петербургѣ началася академія*“. Новыя извѣстія о состояніи академіи въ первые года ея существованія см. у Соловьева, Исторія Россіи, т. XVI, стр. 308 и слѣд.

лы 20 человѣкъ [1]) и отослать въ Ревель ко флоту, въ числѣ коихъ былъ и я, Неплюевъ. На дорогу каждому изъ насъ дано по 30 рублей. А жена моя осталась беременною и 1-го числа родила сына Ивана.

По прибытіи нашемъ въ Ревель, марта 31-го дня, опредѣлены мы адмираломъ во флотъ гардемаринами, при чемъ выданы намъ изъ казны порусинные бостроки, а жалованья опредѣлено на мѣсяцъ по 2 рубли по 40 копѣекъ; порція жъ производилась намъ: сухарей по 2 пуда по 10-ти фунтовъ каждому, гороху по 15 фунтовъ кругъ по 15 фунтовъ, соли 2 фунта съ четвертью; муки ржаной на квасъ одинъ четверикъ, вина 25 чарокъ, уксусу полторы кружки, рыбы вялой по 6 фунтовъ, ветчины по 19 фунтовъ.

Апрѣля перваго дня опредѣленъ я на корабль *Архангела Михаила*, на коемъ капитанъ былъ Англичанинъ Рю, а со мною на томъ же кораблѣ были гардемарины: Василій Квашнинъ-Самаринъ, Василій Татищевъ [2]), Семенъ Дубровскій, Степанъ Коновницынъ, Семенъ Мордвиновъ, Ѳеомъ Цымермановъ, Петръ Кашкинъ, Иванъ Алексѣевъ, Петръ Пороховъ и Алексѣй Арбузовъ. Тотъ корабль *Архангела Михаила* былъ о 52-хъ пушкахъ, въ водѣ ходу 16½ футъ, матросовъ на немъ было 300, солдатъ 200 человѣкъ.

Апрѣля 17-го дня выплыли мы изъ гавани.

Въ маѣ 19-го числа [1]) выступили въ походъ подъ командою капитана-командора Сиверса къ Копенгагену.

29-го числа того жъ мѣсяца отъ острова Борнгольма принуждены были поворотиться, потому что шведскій флотъ лежалъ у острова Ругена.

Іюня 30-го дня присланъ отъ его царскаго величества капитанъ Румянцевъ съ указомъ, дабы флоту неотмѣнно плыть въ Копенгагенъ, почему оный отъ Ревеля опять въ путь отбылъ, а въ сей эскадрѣ находились корабли слѣдующіе: *Ингерманландія*, *Екатерина*, *Полтава*, *Михаилъ*, *Гавріилъ*, *Рафаилъ*, *Фортуна*, *Арендель*, *Илія*, *Плинедофъ*.

Іюля 18-го дня остановились мы въ виду Копенгагена и бросили якорь, и того жъ числа соизволилъ пріѣхать его царское величество къ намъ на флотъ и былъ нѣкоторое время у командора на кораблѣ *Екатерины*.

19-го числа пріѣзжалъ къ намъ вторично и, сѣвъ на корабль *Ингерманландію*, поплылъ весь флотъ ближе къ Копенгагену, и стали на якорѣ противъ онаго, а тамъ же уже находилось 12 новыхъ нашихъ кораблей, пришедшихъ отъ города Архангельскаго, гдѣ оные прибытія нашей эскадры ожидали [2]). Въ то жъ время тутъ же на рейдѣ были 6 голандскихъ военныхъ кораблей при ихъ командирѣ и 15 англійскихъ при

---

[1]) У Голикова: „изъ насъ тридцать человѣкъ, да изъ Нарвской школы двадцать четыре человѣка.“ У Мордвинова также показано 30 человѣкъ („Записки“, стр. 10).

[2]) На основаніи этого упоминанія о *Василіи Татищевѣ*, Бантышъ-Каменскій, въ своемъ „Словарѣ достопамятныхъ людей Русской земли“, 1847 г., III, стр. 401—403, предполагаетъ, что здѣсь рѣчь идетъ объ Василіи Никитичѣ Татищевѣ, извѣстномъ администраторѣ и писателѣ прошлаго вѣка. Предположеніе это вполнѣ убѣдительно опровергнуто г. Н. Поповымъ въ его книгѣ: „В. Н. Татищевъ“ (стр. 537). Упомянутый Неплюевымъ, Василій Татищевъ предназначался Петромъ къ морской службѣ, и дѣйствительно извѣстно о существованіи Записокъ *капитанъ командора* Татищева, принадлежащихъ ко времени Анны Іоанновны („см. Русскій Музеумъ“ Свиньина, Спб. 1829, стр. 126).

[1]) У Мордвинова (стр. 10): апрѣля 23-го

[2]) *Гдѣ* относится къ „тамъ же“; т. е. суда ожидали въ Копенгагенѣ.

ихъ адмиралѣ и множество купеческихъ.

Августа 5-го дня его царское величество повелѣлъ на кораблѣ своемъ поднять императорскій штандартъ, при чемъ съ того жь корабля выпалено изъ 27 пушекъ; равные жь сему выстрѣлы и со всѣхъ нашихъ кораблей производились, чему послѣдовали какъ датскіе, такъ английскіе и голанскіе военные корабли. И всѣ наши, какъ и иностранныхъ націй военные и купеческіе корабли выступили отъ Копенгагена въ походъ, подъ командою его царскаго величества. Доплывъ до Борнгольма, бросили якори, откуда голанскіе военные и торговые корабли отпущены въ Ревель.

Того жь Августа 14-го дня повелѣлъ его царское величество снять императорскій штандартъ и, выпаливъ притомъ изъ одной пушки, возвратился на кораблѣ *Ингерманландія* въ Копенгагенъ, а въ конвоѣ за нимъ отправились корабли *Фортуна* и *Арендель*; прочіе жь наши корабли перешли подъ шведскій берегъ и стояли при ономъ до 2-го числа Сентября, котораго прислано повелѣніе всѣмъ нашимъ кораблямъ приближаться къ Копенгагену.

28-го числа того жь мѣсяца его царское величество, будучи на кораблѣ *Ингерманландіи*, изволилъ смотрѣть всѣхъ насъ, гардемариновъ, и выбралъ для посылки въ Венецію (въ числѣ коихъ находился и я, Неплюевъ) 30 человѣкъ для обученія мореплаванія на галерахъ [1]), да во Францію для обученія мореплаванію на корабляхъ 20 человѣкъ, туда жь для обученія архитектуры 4 человѣка.

29-го числа перевезли всѣхъ насъ, выбранныхъ съ кораблей, въ Копенгагенъ, гдѣ его величество повелѣлъ послу своему, князю Василью Лукичу Долгорукому, выдать намъ на дорогу по 6-ти ефимковъ сверхъ прежняго жалованья и отправить въ Амстердамъ; а самъ изволилъ отбыть, и съ ея величествомъ государынею царицею, въ Голандію.

Августа [1]) въ послѣднихъ числахъ отшедшіе отъ нашего флота голандскіе корабли возвратились обратно изъ Ревеля, почему мы 2-го числа октября отправлены флота того къ командору, именуемому Граве, кототорый находился на военномъ кораблѣ *Бутлеръ*, а тотъ былъ о 64-хъ пушкахъ. Командоръ приказалъ насъ раздѣлить по всѣмъ своимъ кораблямъ; я достался на корабль 52-хъ пушечный *Браколъ*; капитанъ на томъ кораблѣ назывался Флознекъ, а всѣхъ людей было 270-ть человѣкъ, и съ офицерами.

14-го числа отплыли мы въ море 20 миль, а потомъ, за противнымъ вѣтромъ, стали на якорѣ, близь датскаго берега и противъ шведскаго города Готенбурга, гдѣ простоявъ трои сутки, принуждены были назадъ поворотиться къ Гельзенгеру (а между тѣмъ шведскій каперъ взялъ въ полонъ 3 купеческія голандскія судна), гдѣ мы простоявъ до 26-го числа и, не надѣясь получить способнаго вѣтра, послали отъ нашей компаніи Петра Салтыкова [2]) въ Копен-

[1]) У Голикова въ примѣчаніи названы „сіи 30 человѣкъ“; но этотъ перечень очевидно, не принадлежитъ Неплюеву, ибо въ немъ, въ числѣ посланныхъ въ Венецію, показаны и такіе (напримѣръ С. Мордвиновъ), которые были отосланы во Францію.

[1]) Въ рукописи: „октября“. Исправлено согласно показанію подъ 5-го августа 1716-го года. Отсюда жь видно, что выраженіе „въ послѣднихъ числахъ“ не совсѣмъ вѣрно.

[2]) Петръ Семеновичь, въ послѣдствіи фельдмаршалъ и побѣдитель Фридриха Великаго при Кунерсдорфѣ (род. 1700 г., ум. 1772 г.);

гагенъ просить отъ посла дозволенія ѣхать въ Голандію сухимъ путемъ, что намъ было дозволено, съ тѣмъ, чтобъ ѣхали, буде желаемъ, на своемъ коштѣ. Будучи на голандскихъ корабляхъ платили мы за пищу каждый на недѣлю по полтора ефимка, а за порцію выдано намъ было деньгами.

27-го числа перебрались мы съ кораблей на берегъ и, получивъ пашпортъ, выѣхали изъ Копенгагена на почтѣ. На канунѣ жь нашего отъѣзда бѣжалъ отъ насъ одинъ изъ нашихъ товарищей, Кастюринъ, въ датскую службу, въ солдаты. На каждой почтовой фурѣ сидѣло насъ по 4 человѣка и, уговорясь съ датскимъ почтмейстеромъ, заплатили ему до Гамбурга по 15-ти рейхстареловъ съ каждаго, съ тѣмъ, чтобъ какъ довезти до онаго города, такъ и въ пути кормить въ сутки по однажды, а за постой и ни за какіе другіе расходы болѣе ничего не требовать. Путь нашъ былъ черезъ Гольтшинію.

Въ Гамбургъ прибыли мы 11-го числа того жь мѣсяца. Въ Гамбургѣ за квартиры платили мы на сутки каждый по двѣ гривны и, нанявъ тутъ подводы до Амстердама, съ каждаго человѣка по 12 ефимковъ, кромѣ пищи, выѣхали 15-го числа.

Въ Амстердамъ прибыли мы декабря 27-го числа и немедленно явились у его царскаго величества.

1717 года генваря съ 1-го числа соизволилъ онъ опредѣлить намъ на каждаго человѣка кормовыхъ денегъ по червонному на недѣлю, которыхъ денегъ намъ на пищу и довольно было, а за квартиру платили мы каждый на недѣлю по 20 алтынъ. При его величествѣ тогда въ Амстердамѣ были министры: Гаврила Ивановичь Головкинъ, Петръ Андреевичь Толстой, Петръ Павловичъ Шафировъ, посолъ князь Борисъ Ивановичь Куракинъ, генералъ-лейтенантъ и кавалеръ князь Василій Володиміровичь Долгорукій, генералъ-лейтенантъ же Иванъ Ивановичь Бутурлинъ, его царскаго величества кабинетъ-секретарь Алексѣй Макаровъ, да Московскаго денежнаго двора комисаръ Тимоѳей Тимоѳеевъ сынъ Левкинъ, а по простому прозванію Топоръ, а былъ онъ для продажи государевыхъ припасовъ.

Февраля 8-го числа послано насъ въ Венецію 27 человѣкъ, и двухъ изволилъ оставить въ Амстердамѣ, а третій, Иванъ Воробьевъ, въ Амстердамѣ умеръ. На дорогу дано намъ по 25 червонныхъ каждому, съ нами посланъ указъ къ агенту въ Венецію, за рукою Шафирова, и паспортъ, за рукою агента Фандебурга.

Въ Венецію прибыли мы 23-числа, издержавъ въ пути каждый на всѣ расходы и на пищу по 24 червонныхъ, — гдѣ явились у господина агента Петра Ивановича Беклемишеа [1]) А въ то же время въ Венеціи находился его царскаго величества тайный совѣтникъ Савва Владиславовичь Рагузинскій [2]).

см. статью *П. Г. Устрялова*: „О навигаторахъ и гардемаринахъ Петра Великаго", въ „Торжеств. собраніи Имп. Академіи Наукъ 29-го Дек. 1765 г. стр. 68 и д.

[1]) Агентъ Беклемишевъ, изъ дворянъ, извѣстенъ переводомъ сочиненія Анастасія Наузензія „Ѳеатронъ или зерцало монарховъ", напечатаннымъ въ 1710 г. въ Амстердамѣ. По догадкѣ г. Пекарскаго („Наука и литература при Петрѣ В." I, стр. 253), Беклемишевъ учился за границей; изъ словъ Неплюева (подъ 1719 г.) видно, что онъ былъ женатъ на иностранкѣ.

[2]) По случаю посылки навигаторовъ, Петръ писалъ къ нему слѣдующее: „Понеже рѣчь посполитая Венецкая обѣщала принять въ свою морскую службу нашихъ молодыхъ дворянъ, для того посылаемъ нынѣ въ Венецію 27 человѣкъ, которымъ исходатайствуй-

Мая 10 дня Венеціянская республика, по старанію его, агента, опредѣлила насъ въ свою службу, и данъ намъ былъ указъ въ опредѣленіи во флотъ генералъ-капитану, съ коимъ насъ къ оному и отправили [1]). На пищу въ пути далъ намъ агентъ 20 цехиновъ.

Мая 30 числа прибыли мы въ Корфу [2]), и тутъ на имя агента заняли у Грека Арсенія Квартана 80 цехиновъ.

Іюня 1-го дня подали мы отъ республики Венеціянской указъ генералъ-капитану, который по прочтеніи онаго объявилъ намъ, что онъ прикажетъ принять насъ на галеры по два человѣка, и чтобъ мы дали ему извѣстіе, кто съ кѣмъ на галерѣ быть желаетъ; почему я и опредѣленъ на галеру, именуемую *Жентела*, съ Васильемъ Татищевымъ, а изъ нашей компаніи три человѣка: Шипиловъ, Аничковъ и Абрютинъ, остались на галерахъ. Въ *Жентель* пушекъ было 21, веселъ 50, конданадовъ [3]), скованныхъ для гребли, было 200; матросовъ 15 человѣкъ; на ней же одинъ писарь, который былъ вмѣсто комисара, лѣкарь одинъ, унтеръ-офицеровъ морскихъ 2, комитъ 1, паронъ 1, песта 1, подкомитъ, паронцинъ 1, капо-да-школя 1, который имѣлъ команду надъ кондавадами, солдатъ Италіянцевъ 64 человѣка, при нихъ капитанъ 1, подпоручикъ 1, прапорщикъ 1, Славянъ 18 человѣкъ, при нихъ два прапорщика. Флотъ состоялъ изъ 19 галеръ венеціянскихъ, 9 галіотовъ, 6 фустъ, 4 бригантинъ; папежскихъ галеръ было 4, малтійскихъ 5, флорентинскихъ 2 галеры; малтійскій генералъ шелъ съ своими по правую сторону генералъ-капитана, а венеціянскія галеры по лѣвую. Сверхъ того, при нашемъ флотѣ было португальскихъ 7 кораблей, малтійскихъ 2, венеціянскій 1. О вояжѣ нашемъ, бывшемъ въ семъ походѣ, описано мною пространнѣе въ особомъ журналѣ.

1718-го Генваря 10 князь Михайла княжъ Андреевъ сынъ Прозоровской бѣжалъ отъ насъ съ іеромонахомъ Филиппомъ, монастыря святаго Павла, бывшимъ въ Корфу для собиранія милостыни, въ Аѳонскую гору. Черезъ нѣкоторое время вышедшій изъ турецкаго плѣна Россіянинъ Яковъ Ивановъ и бывшій въ той Аѳонской горѣ, отдалъ намъ отъ него, Прозоровскаго, письмо слѣдующаго содержанія:

«Мои государи, предражайшіе братія и други! Понуждающая мя ревность моя до васъ и не оставляетъ усердія сердца моего любви вашей и пріятности, сущія являемыя многія въ прешедшую довольную бытность мою завсегда съ вами конечномъ, удостойте забвенію сице нынѣ Господу моему тако Своими праведными судьбами изволившу устроити о моемъ недостоинствѣ; обаче отъ горячести любви моея къ вамъ понудихся при отшествіи моемъ отъ васъ и отлученіи сопребыванія васъ, моихъ предражайшихъ друговъ, сію малую хартію начертати, не яко да оскор-

---

ю заранѣе указъ, чтобы ихъ употребили въ свою службу на галерахъ, а не на корабляхъ, и чтобы они раздѣлены были, какъ для ученія языка, такъ и для лучшей практики навигаціи, по разнымъ судамъ, а именно на каждое судно по одному человѣку, и чтобъ ихъ сперва производили отъ нижняго чину" (см. вышеуказанную статью г. *Устрялова*, стр 69).

[1]) У Голикова: „венеціянскую галерную службу, и посланы были отъ республики съ указомъ на галерѣ, къ генералъ-капитану Пизани, во флотъ, находившійся въ Корфу".

[2]) Тамъ же: „а тогда между республикою и Портою была война".

[3]) Condannado, *осужденный колодникъ*.

битеся о мнѣ, но любовь да познаете, юже имѣхъ къ вамъ; васъ же молю любезно и прошу Самимъ Господемъ моимъ, да устроите тако и исполните всѣ, яко же при семъ конечная и послѣдняя моя всепокорная просьба до васъ явилась. Егда Господу содѣйствующу и по воли Его Божеской благоволите получить нѣколикое число денегъ ко мнѣ отъ отца моего; пожалуйте сотворите знаменіе совершенныя любви вашея со мною и не токмо ради моея сея до васъ просьбы, яо за любовь Бога, всѣхъ заповѣдавшаго другъ друга преискреннѣе любити и обѣщавшаго Самому между оныхъ пребывати и любви Его совершенной быти въ насъ; аще ту заповѣдь Его и заочно соблюдаемъ ко другу, вѣмъ, яко угодное Ему въ томъ будемъ творити, за что оное мое слово повторяю и прошу: не точію меня ради самаго, но и требующа сотворити милость въ томъ святому монастырю преподобнаго отца Павла Аѳонскаго, котораго молитвами да даруетъ вамъ Господь всемилостивый во всемъ богатую Свою милость. А наипаче всѣхъ тебя прошу о томъ, мой государь и прелюбезный другъ Семенъ Леонтьевичь, изволь по своей ко мнѣ являемыя прежнія любви и сущія пріятности оныя мои деньги препроводити, улуча нѣкій благопріятный случай съ приключающимися нѣкоторыми корабельники, хотящими путь свой имѣть до нашихъ Святыя Аѳонскія горы, а наибольше согласясь о той посылкѣ съ Яковомъ, который вамъ сіе письмо мое вручитъ; а онъ, надѣюсь, въ томъ вашей милости учинитъ помощь совершенную во ономъ. О деньгахъ такъ же прошу все по росписи моей, которую я дамъ ему за деньги его; по той упомянутой все пожалуйте ради самаго Бога, не задержавъ ничего отъ того, соизволите отдать, въ чемъ на вашу милость и пріятность остаюсь во благой надеждѣ. О мнѣ жь всепокорно молю, да не возъимѣсте яковую скорбь, или сомнѣніе о мнѣ, понеже бо отлучихся отъ всѣхъ васъ безъ всякаго вашего о томъ совѣта, хотящему всѣмъ человѣкамъ спастися сицевымъ образомъ, и о мнѣ содѣявшу, да не вящше вамъ скорбь на скорбь очевиднымъ разлученіемъ съ вами и нѣкоторымъ сѣтованіемъ, но сугубо прошу и усердіемъ моего сердца молю купно всѣхъ моихъ предражайшихъ друговъ и прелюбезныхъ клевретъ. А аще кого въ чемъ оскорбилъ или прогнѣвалъ кого изъ васъ буйствомъ моимъ и невѣжествомъ во время моего пребыванія съ вами, да оставите ми весь оный долгъ мой за послушаніе и за исполненіе глаголющаго: «остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ». При всѣхъ сихъ препоручая васъ Богу, въ Троицѣ единому, изливающему благодать Свою изобильно на вся человѣки, Который есть всевидящее око; а еще провидя коегождо человѣка ревность и желаніе ко благу отъ младенства суще, устрояетъ по судьбамъ Своимъ праведнымъ, оное ко исполненію и совершенію во время Своея къ тому содѣйствительныя божественныя воли содѣвати, якоже и нынѣ и на мнѣ сотворивъ, не отринувъ прошенія моего и всегдашняго сердца моего желанія, не лишивъ мя, на Него же и во всемъ и во вѣки уповаю и благодарю Его симъ о мнѣ неизрѣченную отеческую благость, желаю вамъ всѣмъ, при окончаніи моего писанія сего, отъ Господа во многія лѣта во благосостоятельномъ здравіи пребывати, и дабы Царь царствующихъ и Господь господствую-

щихъ сподобилъ васъ коегождо во изрядномъ веселіи присныхъ своихъ родителей, по возвращеніи вашемъ въ отечество, лицемъ къ лицу видѣти, и въ радостномъ пребываніи завсегда быти, при которомъ моемъ до васъ желаніи сущемъ остаюся препокорнымъ къ вамъ, моимъ милостивымъ пріятелямъ и прелюбезнымъ друзьямъ, слугою князь Михайло Прозоровской, а Богу соозволившу во иноцѣхъ недостойный Сергій, должное мое поклоненіе купно всѣмъ вамъ пресмиренно отдаю».

О всемъ вышеписанномъ донесли мы господину агенту Беклемишеву.

17-го числа увидили мы изъ печатныхъ авизій [1]), что государь царевичь Алексѣй Петровичь поѣхалъ изъ Неаполя въ Петербургъ.

23-го Февраля фельдмаршалъ на галерѣ *Дунаѣ* поѣхалъ отъ Корфу въ Превезу.

Марта 4 числа на первомъ часу дня нашли мы на улицѣ россійскаго гардемарина Василья Ѳедоровича Квашнина-Самарина заколота шпагою, а кто его закололъ, того хотя никто и не видѣлъ, но явились многія прилики на нашемъ же гардемаринѣ Алексѣѣ Аѳанасьевѣ сынѣ Арбузовѣ. И по тѣмъ приликамъ я, Иванъ Неплюевъ, со всѣми своими товарищами, его, Арбузова, отдали подъ караулъ и донесли о семъ генералъ-капитану; почему онъ приказалъ Арбузова отвезть на галеру и, сковавъ въ желѣзо, держать подъ карауломъ, а нашъ словесный извѣтъ записать въ канцеляріи. Тѣло убитаго Самарина погребли мы въ тотъ же день при церкви Святаго Спиридона; а потомъ Арбузовъ былъ допрашиванъ и осматриванъ; а что въ допросахъ

[1]) Avviso—извѣстіе.

онъ и другіе показали, и въ коей силѣ, мы о семъ писали къ господину агенту, то значитъ ниже сего.

Копія съ письма нашего къ господину агенту Беклемишеву.

«Милостивый къ намъ государь Петръ Ивановичь! Доносимъ вашему благородію: сего марта 4-го числа, на первомъ часу дни пришолъ на квартиру къ Ивану Алексѣевичу солдатскій капралъ и сказалъ, что вашъ-де одинъ русскій дворянинъ лежитъ заколотъ на улицѣ, а кто его закололъ, того я не вѣдаю.» И по онымъ словамъ, Иванъ Алексѣевъ съ товарищи своими, Петромъ Пороховымъ и Алексѣемъ Бѣлосельскимъ, пошли на оное мѣсто, и пришедъ, увидѣли, что лежитъ заколотъ нашъ гардемаринъ Василій Ѳедоровъ сынъ Квашнинъ-Самаринъ, а снято у него только парукъ, шпага, шляпа, запонки и пряжка отъ башмаковъ,—о чемъ они объявили по другимъ нашимъ квартирамъ. И Иванъ Алексѣевъ въ другой разъ пришелъ съ Иваномъ Неплюевымъ къ тѣлу Василья Самарина; тутъ же былъ и Алексѣй Арбузовъ и нѣкоторые офицеры и солдаты, и тогда Иванъ Неплюевъ разодралъ на мертвомъ рубашку и, поднявъ его за голову для осмотрѣнія ранъ, увидѣлъ рану въ правомъ боку близь грудей, и въ той ранѣ его нашли шпажной конецъ клинка. Потомъ собрались и другіе наши товарищи, и Алексѣй Арбузовъ говорилъ всѣмъ, что «вечеръ-де онъ, Василій Самаринъ, былъ со мною въ редутѣ [1]) и вышли-де мы изъ редута вмѣстѣ въ 3 часу но-

[1]) То есть, *игорный домъ.* Въ Запискахъ о путешествіи за границу П. А. Толстого въ 1697 г. есть подробное описаніе редутовъ въ Венеціи (см. журналъ *Атеней* 1859 г., № 7, стр. 338 и 339)

чи, и на дорогѣ съ нимъ разлучась, пошли на свои квартиры, а кто его Василья, закололъ, про то онъ Алексѣй не вѣдаетъ». И потомъ съ того мѣста тѣло мертвое перенесли на квартиру его, Васильеву, и доложили въ канцелярію; а изъ канцеляріи присланъ былъ подъячій для осмотру мертваго тѣла, и тогда осмотрѣли на немъ 7 ранъ шпажныхъ. И потомъ поговорили мы межъ собою всѣ, чтобъ намъ собраться въ одинъ домъ и показать другъ другу свои шпаги, для всякаго себѣ оправданія, что у всѣхъ-ли цѣлы клинки шпажные. И тогда Иванъ Павловъ сынъ Зиновьевъ сказалъ: «вечоръ-де, въ 3-мъ часу ночи, пришелъ на квартиру Алексѣй Арбузовъ и легъ съ нами спать» (понеже онъ, Иванъ, и братъ его, Петръ, Зиновьевы стояли тогда съ нимъ, Алексѣемъ, на одной квартирѣ). Онъ-же, Иванъ Зиновьевъ, сказалъ: «А сего-де утра Алексѣй Арбузовъ всталъ очень рано и замывалъ свой кафтанъ и полотенцомъ отиралъ руки и кафтанъ; и онъ, Иванъ, его, Алексѣя, спросилъ: «Чего ради ты, Алексѣй, замываешь свой кафтанъ?» И онъ, Алексѣй, сказалъ: «Вечоръ-де я былъ пьянъ и облилъ свой кафтанъ краснымъ виномъ.» И потомъ мы, Василій Татищевъ, Степанъ Коновницынъ, Ѳеоимъ Цымермановъ, Семенъ Дубровской, Иванъ Алексѣевъ, Петръ Пороховъ, Алексѣй Бѣлосельскій, Тимоѳей Щербатой, Иванъ Кайсаровъ, Иванъ Кукаринъ, Артемій Толбухинъ, Яковъ Рославлевъ, Иванъ Зиновьевъ, Петръ Зиновьевъ и Алексѣй Арбузовъ, пошли на квартиру Ивана Алексѣева и показывали другъ другу свои шпаги. И какъ Алексѣй Арбузовъ вынялъ свою шпагу, тогда увидѣли всѣ, что у его шпаги клинка конецъ отломленъ и притачиванъ вновь, и тогда тотъ конецъ, который вынели изъ раны у Самарина примѣряли къ его, Алексѣевой, шпагѣ и къ ножнамъ, и означилось, что тотъ конецъ отъ его шпаги. И онъ, Алексѣй, сказалъ тогда, будто у него, какъ сломана шпага и приточена, тому прошло дней 15. И потомъ осмотрѣли на кафтанѣ его, Алексѣя, напереди и на рубашкѣ назади у ворота кровь. Потомъ пошли изъ той квартиры вонъ, и тогда мы, нижеподписавшіеся, поговорили межъ собою, что явились на Алексѣѣ Арбузовѣ многія прилики; и, опасаясь гнѣва его царскаго величества, о семъ умолчать мы не смѣли. И того жь часу мы, нижеподписавшіеся, Алексѣя Арбузова взяли, отдали подъ караулъ у градскихъ воротъ и донесли на словахъ господину генералъ-капитану о Алексѣѣ Арбузовѣ, и какія на немъ явились прилики; и его превосходительство генералъ-капитанъ Алексѣя Арбузова приказалъ взять и отвести на галеру и сковать въ желѣза, гдѣ онъ Алексѣй и до нынѣ сидитъ; а нашъ словесный извѣтъ приказалъ записать въ канцелярію. И тогожь часа шпага Алексѣя Арбузова и конецъ шпажный, который вынятъ изъ мертваго тѣла, приняты въ канцелярію, а вышеписанныя наши извѣтныя слова записаны именемъ Ивана Неплюева. При оной запискѣ его, Ивана Неплюева, допрашивали: бывали-ль у Алексѣя Арбузова съ Васильемъ Самаринымъ напередъ сего какія ссоры и драки, или какія похвальныя межъ ими слова; и онъ, Иванъ Неплюевъ, сказалъ, что «у нихъ напередъ сего ссоры и драки были въ Венеціи, въ Корфу сея зимы, и Алексѣй Арбузовъ послѣ драки въ Корфу говорилъ: «Ежели-де Василій Самаринъ напредки будетъ меня бить, то я его заколю, понеже я съ нимъ

драться не смогу.» И тогожъ 4-го числа въ 10 часу дня Алексѣй Арбузовъ противъ вышеписаннаго нашего словеснаго извѣту допрашиванъ и осматриванъ, а что онъ, Арбузовъ, въ допросѣ своемъ сказалъ, и что по осмотру на немъ явилось, то явствуетъ въ дѣлѣ. И того же числа, въ 10 часу дни, Иванъ Павловъ сынъ Зиновьевъ нашелъ на квартирѣ своей то полотенце, которымъ Алексѣй Арбузовъ отиралъ свои руки и кафтанъ того утра, а то полотенце было въ 6-ти мѣстахъ въ крови; и онъ, Иванъ, отдалъ то полотенцо Василью Татищеву при свидѣтеляхъ, и того жъ часа оное полотенце взято къ дѣлу въ канцелярію. Одинъ балбиръ [1]) Грекъ сказалъ Ивану Неплюеву, при свидѣтеляхъ, что: «сего числа на первомъ часу дни пришелъ ко мнѣ въ лавку одинъ вашъ русскій дворянинъ, въ зеленомъ кафтанѣ, и говорилъ мнѣ, чтобъ я ему заточилъ концъ шпаги, а я ему отвѣтствовалъ: «господинъ, весьма рано, не могу вамъ сего сдѣлать, для того, что не имѣю другаго человѣка, ктобъ вертѣлъ точило;» и онъ мнѣ сказалъ, что «я самъ буду вертѣть;» потомъ тотъ вашъ московскій дворянинъ вынялъ свою шпагу безъ конца и далъ мнѣ, а самъ вертѣлъ точило, и я ему концъ у шпаги приточилъ и взялъ съ него за работу двѣ шолты». Потомъ Иванъ Неплюевъ онаго балбира вышеписанныя слова записалъ въ канцеляріи. Вышеписанный балбиръ въ канцеляріи допрашиванъ и въ допросѣ своемъ не запирался. Потомъ Василій Татищевъ да Степанъ Коновницынъ допрашиваны были, по какимъ приликамъ взяли Алексѣя Арбузова и отдали подъ караулъ, и были-ль у Алексѣя Арбузова съ Васильемъ Самаринымъ напередъ сего какія ссоры и драки или какія похвальныя между ими слова; и они въ допросахъ своихъ сказали противъ вышеписаннаго. И о томъ-же допрашиваны Андрей Сухотинъ, да Ѳимъ Цымермановъ, и они въ допросахъ своихъ сказали противъ тогожъ. 7-го числа въ томъ же допрашиванъ Семенъ Дубровскій и всѣ прочіе, и они въ допросахъ своихъ сказали то же. По всему вышепрописанному докладывали мы еще генералъ-капитану 18-числа сего мѣсяца, на что его превосходительство намъ отвѣчалъ, что «сіе дѣло еще не кончено, а когда окончится, тогда я прикажу вамъ дать знать». Апрѣля 1-го числа увѣдомились мы, что генералъ-капитанъ о семъ происхожденіи писалъ въ Венецію въ сенатъ. Остаемся вашего благородія всепокорные слуги, гардемарины: Иванъ Неплюевъ, Василій Татищевъ, Степанъ Коновницынъ, Семенъ Дубровской, Андрей Сухотинъ, Ѳимъ Цымермановъ отъ Корфу, Апрѣля 2-го дня 1718 года.»

[1]) Barbiere — *цирюльникъ.*

Выписка изъ экстракта по сему дѣлу.

«1-е. Въ допросѣ сидѣлецъ изъ трактира показалъ. Сего-де марта 3-го числа были въ трактирѣ двое московскихъ дворянъ, одинъ въ зеленомъ, а другой въ сѣромъ кафтанахъ; сидя за особымъ столомъ, двое играли въ карты, а въ какую игру, той онъ не знаетъ; денегъ у нихъ на столѣ не было, и крику между ими не происходило; а какъ пробило ночи 2 часа, то одинъ другому, махнувъ рукою, пошли вмѣстѣ, а куда, того онъ не вѣдаетъ».

«2-е. Жители у того мѣста, гдѣ найдено мертвое тѣло, показали: кто

закололъ онаго московскаго дворянина, того они не видали и не знаютъ».

«3-е. Одинъ русскій человѣкъ, Дмитрій Ѳедоровъ, который находится въ венеціянской службѣ въ папежскомъ полку солдатомъ, показалъ: былъ-де онъ, Дмитрій, на галерѣ *Баштардѣ*, и ему, Дмитрію, Алексѣй Арбузовъ сказывалъ, что онъ закололъ Самарина».

«4-е По присланному изъ венеціянскаго сената указу, велѣно генералъ-капитану Алексѣя Арбузова допросить противъ вышеписаннаго; а въ допросѣ онъ показалъ: «Василья Самарина я, Алексѣй Арбузовъ, закололъ по сей причинѣ: пошли-де мы оба изъ трактира въ третьемъ часу ночи, и Самаринъ звалъ меня на свою квартиру табаку курить, а на дворѣ схватилъ онъ меня за уши и, ударивъ кулакомъ въ лобъ, повалилъ подъ себя и потомъ зажалъ ротъ, дабы не кричалъ; а какъ его, Васильевъ, перстъ попался мнѣ въ ротъ, то я его кусалъ изъ всей силы; а потомъ просилъ у Самарина, чтобъ меня пересталъ бить и давить, понеже онъ предъ нимъ ни въ чемъ не виновенъ, на что ему Самаринъ отвѣтствовалъ: «Нѣтъ, я тебя не выпущу, а убью до смерти.» Почему я, Алексѣй, принужденъ былъ, лежа подъ нимъ, лѣвою рукою вынуть мою шпагу и, взявъ за клинокъ возлѣ конца, далъ ему три раны, а потомъ и четвертую; почему онъ, Самаринъ, съ меня свалился на сторону, отъ чего и шпага моя тогда переломилась; а я, вскоча и забывъ на томъ мѣстѣ парикъ и шляпу, побѣжалъ прочь, а потомъ для забранія сихъ вещей назадъ воротился и, увидѣвъ Самарина лежаща бездыханна, побѣжалъ на свою квартиру и, пришедъ на оную, кафтанъ мой замывалъ и назавтрѣе къ балбиру шпагу затачивать ходилъ. «И прибавилъ:» А прежде я въ томъ для того не винился, что не надѣялся, чтобъ меня здѣсь судить стали, а думалъ, что отошлютъ къ моему государю, предъ которымъ я бы ни въ чемъ не заперся. Когда же меня судить велѣно, то я во всемъ вышеписанномъ признаюсь и винюсь по сущей правдѣ.»

Копія съ письма къ матери покойнаго Самарина.

«Моя государыня Наталья Алексѣевна! Не можно умолчать, чтобъ вамъ не донести, хотя то и опечалитъ старость вашу, что̀ случилось здѣсь въ Корфу: сего марта 4-го числа, нынѣшняго года во вторникъ вторыя недѣли великаго поста, въ первомъ часу дни, сына вашего Василья Ѳедоровича нашли на улицѣ заколота, а кто его закололъ, того никто не вѣдаетъ; однакоже того-жь числа явились многія прилики на Торопчанинѣ, дворянинѣ Алексѣѣ Арбузовѣ, по коимъ мы его, Арбузова, взяли и, отдавъ подъ караулъ, донесли о немъ господину генералъ-капитану, и его превосходительство приказалъ его, Арбузова, взять на галеру, гдѣ онъ и по нынѣ сидитъ скованъ; а нашъ извѣтъ записанъ въ канцеляріи моимъ именемъ; и онъ, Арбузовъ допрашиванъ, о чемъ здѣсь дѣло производится. Пространнѣе же сего дать вамъ знать не можно, понеже еще дѣло не кончилось; а чѣмъ оно вершено будетъ, о томъ до вашей милости писать не оставлю. Тѣло же сына вашего погребено у греческой церкви, въ коей лежатъ мощи святаго Спиридона Тримифунтскаго; денегъ по смерти сына вашего ничего не осталось, а что̀ было его скарбу, также кафтанъ и рубашки, то все продано за 10 червонныхъ, которые и роздалъ

я на поминовеніе души его по греческимъ церквамъ; въ прочемъ пребываю вашъ слуга Иванъ Неплюевъ.»

Прошедшаго марта 1-го дня состоялся указъ, чтобъ цехину быть по 31-му фунту, почему съ того числа давали намъ жалованье на мѣсяцъ по 2 цехина безъ фунта.

Въ ту нашу бытность въ Корфу, получили мы изъ Венеціи отъ господина агента Петра Ивановича Беклемишева, отъ 1-го числа Маія 1718 года, письмо слѣдующаго содержанія:

«Писаніе ваше, писанное ко мнѣ изъ Корфу, я здѣсь получилъ во всякой цѣлости, изъ котораго выразумѣлъ о приключившемся случаѣ, а именно чрезвычайномъ несчастіи умершаго господина Квашнина-Самарина, который былъ заколотъ и найденъ на улицѣ, и по суспекціи на Алексѣя Арбузова нѣкоторыхъ приликъ въ томъ приключеніи, оный г. Арбузовъ взятъ за арестъ по повелѣнію его превосходительства господина генералъ-капитана Пизани; и ваша милость о приключившемся случаѣ, здѣсь выше помянутомъ, въ своемъ извѣстіи, писанномъ ко мнѣ, съ нѣкоторою подробностію дали знать, о которомъ приключеніи происшедшемъ, при оказіи обыкновенной почты, по моей рабской повинной должности, доносилъ ко двору его царскаго величества, и какой указъ на то получу, объ томъ къ вамъ буду писать; а между тѣмъ ваша милость не извольте оставить меня безъ извѣстія, что будетъ впредь чиниться. По семъ извѣствую вамъ, что извольте всей своей компаніи объявить вообще, что по сіе время ни писемъ, ни векселей никому не получилъ, и какъ получу, не удержавъ ни моменту, къ вамъ отправлю. Симъ сокращая, остаюсь вашей милости готовымъ слугою Петръ Беклемишевъ».

Копія съ атестату, каковъ далъ мнѣ, Неплюеву, супракомито, Виценца Капелло.

«Господинъ Иванъ Неплюевъ, одинъ отъ дворянъ московскихъ, былъ на моей галерѣ въ общей компаніи прошедшей, и во всемъ показалъ себя въ наукѣ галернаго мореплаванія способнымъ и искуснымъ; таковъ усмотрѣлъ я его существенный куражъ, показанный отъ него въ случаѣ корабельной баталіи съ флотомъ турецкимъ бывшей, 19 іюля 1717 года, въ портѣ Поганія въ голфѣ Елеусъ, понеже тогда была куннона баталіи и армата *Сутиля,* и при взятіи фортецъ Превезы и Вонниціи, какъ были осаждены отъ Венеціянъ, такоже и при осадѣ города Дульцына [1]), нынѣшняго1718 года. И о показанныхъ его изрядныхъ дѣлахъ я усмотрѣлъ самъ во всѣхъ оныхъ случаяхъ и даю ему сіе на справедливости основанное свидѣтельство для доказательства о его службѣ и достоинствѣ. Данъ въ Корфу, генваря 1-го дня 1718 года, штиль новый, Маре Венето». Подписалъ оной *Жентелеи* своею рукою *Виценцо Капелло* супракомито, во увѣреніе.

(Въ Венеціи годъ начинается съ марта 1-го числа).

Копія съ атестату, какой далъ мнѣ венеціянскій генералъ Пансквалиго для большаго свидѣтельства сверхъ вышеписаннаго.

«Мы, Жорзій Пансквалиго, проведиторъ, генералъ морской, съ полномочіемъ генералъ-капитана, между молодыхъ московскихъ дворянъ, ко-

[1]) Паганія, Превеза, Воница и Дульциньо—города на турецкомъ берегу Адріатическаго и Іонійскаго морей.

торые по благодѣянію возвышеннаго сената были содержаны въ галерномъ венеціянскомъ флотѣ со удовольствіемъ всякимъ для наученія практики и обыкновенія военнаго; изъ нихъ господинъ Иванъ Неплюевъ обѣ прошедшія кампаніи былъ содержанъ на галерѣ дворянина Виценца Капелло супракомига съ онымъ былъ на баталіи съ Турками 19 числа іюля, штиль новый, 1717 году, въ заливѣ Елеусъ, въ портѣ Паганія, и при взятіи двухъ фортецъ, Превезы, Вопницы и при крѣпкой осадѣ фортецы Дульцина отъ Венеціянъ. А нынѣ оный господинъ Неплюевъ по указу отзывается во свое отечество; того ради даемъ ему для подтвержденія вышеписаннаго сіе наше свидѣтельство, которое ему во увѣреніе о себѣ объявить своему монарху. Данъ въ Корфу 1 числа февраля 1718 года. Маре Венето». У подлиннаго подписалъ своею рукою *Жорзій Пансквалиго*, проведиторъ, гералъ морской; у подлиннаго печать. Приписалъ *Цезаре Ваннаго*, секретарь. На сторонѣ приписалъ *Гаіо натъ Гистрато Волдиръ*, онъ же и вписалъ въ книгу.

1719-го года генваря 11-го дня получили мы отъ агента Беклемишева письмо изъ Венеціи, отъ 18-го числа ноября прошедшаго году; а въ томъ письмѣ онъ намъ пишетъ, чтобъ мы, получа оное письмо, по указу царскаго величества, ѣхали всѣ вмѣстѣ въ Венецію; а къ генералъ-капитану Андрею Пизани изъ сенату указъ посланъ, чтобъ насъ отпустить и дать бы намъ имбарко и прочее, что намъ принадлежитъ, до Венеціи.

Того жъ генваря 14 числа проведиторъ генералъ Пасквалиго объявилъ намъ, что онъ таковой указъ имѣетъ, но приказалъ дожидать оказій въ Венецію. Того жъ генваря 27 числа далъ намъ оный генералъ вышеписанные атестаты и жалованья намъ выдалъ впредь на проѣздъ, марта до 5 числа, и далъ намъ ордеръ, чтобъ ѣхать въ Венецію на военномъ кораблѣ *Сантъ-Гайтано* при генералѣ-проведиторѣ Деизолѣ и кавалерѣ Антоніѣ Лореданѣ и садиться бы намъ на тотъ корабль, когда прикажетъ.

9-го февраля генералъ-проведиторъ де-маре Пансквалиго объявилъ о рангѣ своемъ указъ, и на *Баштардѣ* галерѣ поставили три фонаря на кормѣ, и сего числа надѣлъ онъ, по обычаю ихъ, красное платье, и шляпу, и башмаки красные, и шелъ въ церковь свою съ церемоніею въ особой одеждѣ, и при немъ шли всѣ командиры, какъ морскіе, такъ и градскіе.

Февраля 3-го числа сѣли мы на корабль; оный въ 78 пушкахъ, капитанъ Итальянецъ Жорзій Фокивето, матросовъ 60 человѣкъ, солдатъ Славянъ и Италіянцевъ 200 человѣкъ. А Алексѣй Арбузовъ посланъ съ нами въ Венецію, подъ карауломъ въ желѣзахъ на томъ же караблѣ.

7-го числа въ вечеру генералъ приказалъ: на корабль.

8-го числа по утру, то есть, недѣля Сырная, пошли отъ Корфу и подняли на гротстенгѣ генеральный флагъ четвероугольный такъ, какъ адмиралъ имѣетъ.

Прибыли въ Венецію 20-го числа и легли на якорь во 2-мъ часу, за 15 миль отъ Венеціи.

21-го числа по утру пришли 20 пехотъ, сирѣчь лодокъ, и взяли нашъ корабль на букширъ и ввели въ гавань, и легли въ гавани на якорь того жъ числа въ 16 часу.

22-го числа генералъ Лореданъ поѣхалъ въ карантинъ, а когда онъ

ѣхалъ, тогда салютовали его съ того корабля изъ 7 пушекъ.

24-го числа февраля прислалъ къ намъ агентъ Льва Семенникова и съ нимъ прислалъ къ намъ 5 цехиновъ, а 26-го числа еще 4 цехина.

27-го числа свезли насъ съ корабля въ карантинъ и дали намъ каморы безденежно, а за барку заплатили мы два цехина. Карантинъ или контумація [1]) учреждена, дабы не спущать ни съ кѣмъ пріѣзжихъ, опасаясь морскаго повѣтрія.

28-го числа агентъ самъ былъ для развѣдыванія близь карантина нашего и переслалъ къ намъ 22 цехина.

Марта 3-го числа прислалъ еще къ намъ 6 цехиновъ.

Марта 12-го числа пріѣзжали къ намъ еще въ карантинъ Савва Владиславовичь Рагузинской да агентъ господинъ Беклемишевъ, и далъ намъ агентъ 12 цехиновъ.

18-го числа марта пріѣзжалъ отъ агента Левъ Семенниковъ и привезъ намъ 10 цехиновъ; и того получили отъ агента съ 24 числа февраля марта по 25 число 59 цехиновъ, изъ чего пришло намъ, 22 человѣкамъ, на всякій день по 2 фунта волдиръ, русскимъ счетомъ по двѣ гривны. А когда прибыли мы на контумацію, то перваго дни осматривали у насъ въ баулахъ весь багажъ.

24-го марта по утру пріѣхалъ къ намъ отъ агента Левъ Семенниковъ съ большей баркой и привезъ намъ денегъ 102 фунта и 18 шолтъ; изъ оныхъ денегъ заплатили мы гвардану [2]) за 27 дней по 44 шолты на день, итого 59 фунтовъ 18 шолтъ, да

[1]) Contumacia значитъ собственно—*не явка въ судъ по позыву его;* отсюда выраженія: sentenza ottenuta in contumacia, *заочный приговоръ* и far la contumacia, *сидѣть въ карантинѣ.*

[2]) Guardiano, сторожъ въ карантинѣ.

финту, который насъ свезъ съ корабля, 15 фунтовъ. Онъ же привезъ намъ ордеръ о выходѣ изъ карантина, за то ему дали 11 фунтовъ, да за ордеръ на канцелярскіе расходы 10 фунтовъ, что учинитъ 102 фунта 18 шолтъ; и тогожъ часу съѣхали мы на оной баркѣ въ Венецію и стали въ одномъ мѣстѣ всѣ, въ локандѣ *дейре каруны* [1]). Господинъ агентъ платилъ за насъ государевыхъ денегъ за пищу, за каморы, за постели и за свѣчи на день за всякаго человѣка по 3 фунта съ половиною волдиръ, русскимъ счетомъ по 10 алтынъ и по 10 денегъ. По прибытіи нашемъ въ Венецію, по указу его царскаго величества, господинъ агентъ сдѣлалъ намъ мундиры: кафтаны темносѣрые, обшлага и отвороты красные, камзолы красные, штаны сѣрые жь и шляпы; а Татищеву, Дубровскому, Коновницыну, Щербатову и Алексѣеву мундировъ не дано, понеже въ письмѣ его царскаго величества, за его собственною рукою, къ агенту написано, чтобъ сдѣлать платье убогимъ, которые платья не имѣютъ. Жили мы въ Венеціи 12-ть дней.

4-го числа апрѣля господинъ агентъ объявилъ намъ его царскаго величества указъ, что насъ повелѣно отправить въ Гишпанію съ тѣмъ, чтобъ намъ быть въ службѣ гишпанскаго короля на галерахъ гардемаринами, и объявилъ намъ, что ѣхать надлежитъ чрезъ Ливорну, и порядилъ одного Флорентинца курьера, чтобъ довести насъ до Ливорны, а на проѣздъ отъ Венеціи до Кадикса, ишпанскаго порта, далъ намъ агентъ по 30 ефимковъ каждому, да мундиръ всякій сталъ по 21 ефимку, итого по 51

[1]) Locanda dei re corona — *гостинница королевской короны.*

ефимку или рублю на человѣка; и въ тѣхъ деньгахъ нѣкоторые изъ насъ расписались, съ тѣмъ, что ежели государь укажетъ взять тѣ деньги изъ домовъ нашихъ, то мы ихъ платить обязуемся. Онъ же, агентъ, заплатилъ за насъ 80 цехиновъ, которые мы заняли у Арсенія Квартана въ Корфу, и въ тѣхъ деньгахъ дали всѣ вексель. Изъ оныхъ 30 ефимковъ до Ливорны за провозъ и за каморы, и за постели, и за багажъ, и за пищу дали мы оному курьеру по 8 скудей флорентинскихъ, а всякая скуди по 11-ти фунтовъ венеціанскихъ съ половиною, итого по 4 цехина по 4 фунта съ человѣка, а ефимокъ считается 9 фунтовъ съ половиною. Господинъ агентъ далъ намъ письмо его превосходительства господина князя Куракина на Кадиксъ къ гишпанскому губернатору донъ Томазу Діакето; онъ же далъ намъ рекомендацію отъ гишпанскаго вице-адмирала, который былъ въ Венеціи, въ Ливорну, къ гишпанкому консулю.

Изъ Венеціи выѣхали мы 4-го числа въ ночи, то-есть, въ недѣлю Ѳомину, а ѣхали въ баркѣ моремъ, подлѣ стѣны ихъ. Отъ Венеціи 25 миль Кастель Гадо, въ 30 миляхъ Терраферма. Въ Террафермѣ ѣхали каналомъ на Оремуче и въѣхали въ рѣку Эчь, венеціянскаго владѣнія, отъ Венеціи 55 миль.

6-го числа проѣхали мы папежскій городъ Феррара, отъ Венеціи 85 миль.

7-го числа прибыли мы въ папежскій городъ Болонія, отъ Феррары 30-ть миль, а ѣхали въ баркахъ каналами бичевою, лошадьми. Того жь числа поѣхали мы изъ Болоніи по причинѣ горъ верхами, а багажъ везли на лошакахъ во вьюкахъ. Папежскаго владѣнія отъ Болоніи 25 миль, потомъ владѣніе флорентинское.

Прибыли мы во Флоренцію 9 числа, а разстоянія отъ Болоніи 55 миль, итого отъ Венеціи до Флоренціи 170 миль. Во Флоренціи были тогда Россіяне, обучающіеся живописному искусству: Иванъ да РоманъНикитины, съ товарищи. Въ Ливорнѣ, у гранъдука, галерія, въ которой разныя вещи отъ пиктуры и отъ скульптуры древней, отъ Рождества Христова и до нынѣ; онъ же, гранъ-дукъ, строитъ церковь, и въ серединѣ той стѣны отъ разнаго каменья, а строятъ оную церковь безпрестанно 50 человѣкъ 114-ть лѣтъ, а еще будетъ совершать 100 лѣтъ.

10-го числа въ вечеру поѣхали мы изъ Флоренціи въ баркѣ рѣкою Арно до города Пизы, 40 миль; тутъ верфь, гдѣ строятъ галеры. Отъ Пизы до Ливорны ѣхали каналами 16 миль и прибыли въ Ливорну 19-го числа, порядили за пищу и за квартиру, со всѣмъ принадлежащимъ, по три павла съ третью съ персоны на сутки, понеже въ папежскомъ владѣніи, флорентинскомъ и генуезскомъ цехинъ ходитъ по 26 павловъ. Ливорна—городъ флорентійскій, при морѣ, и портъ великій и крѣпость, солдатъ 2000 человѣкъ, около города и у порта баттарей. Въ Ливорнѣ агентскій шуринъ, Іоаннесъ Кревтъ, гамбургскій купецъ; по прибытіи нашемъ рекомендацію подали мы гишпанскому консулю Маркези, которую имѣли отъ ихъ вице-адмирала изъ Венеціи, и господинъ Маркези объявилъ намъ, чтобъ ѣхать въ Женеву [1]), понеже тутъ оказіи въ Кадиксъ нѣтъ, а хотя бъ и были ихъ корабли, то намъ

[1]) То-есть, Геную, Genova.

ѣхать на нихъ не можно, понеже они съ Туркомъ дружбы не имѣютъ.

13-го числа въ вечеру поѣхали мы отъ Ливорны моремъ въ двухъ фелюкахъ; а за тѣ фелюки заплатилъ за насъ испанскій консуль 8 дуплей и далъ намъ письмо въ Женеву, къ ихъ маркизу инвіату [1]). Отъ Ливорны въ 60 миляхъ владѣніе генуежское, городъ Санто-Марія и Портъ-Венери; при томъ городѣ былъ испанскій крюсовой корабль осаженъ отъ аглинскихъ двухъ фрегатовъ.

Прибыли мы въ Женеву 15 числа по утру и осматривали у насъ въ баулахъ багажъ; стали мы въ локандѣ *аквиля де доро* [2]), и платили за квартиры и за пищу и за прочее по 4 павла на день съ человѣка. По прибытии нашемъ письмо подали испанскому инвіату, и онъ велѣлъ намъ дожидать аказіи. При Женевѣ портъ, и около города отъ моря стѣна. Генуежская республика содержитъ 5 галеръ, и дворянъ 400 человѣкъ, а князь въ Женевѣ выбирается изъ дворянъ и перемѣняется черезъ 2 года; войска у нихъ въ Генуѣ съ 4000 солдатъ. А когда мы поѣхали изъ Венеціи, Арбузовъ остался подъ карауломъ въ желѣзахъ у Венеціянъ, понеже господинъ агентъ по нашъ отъѣздъ указу о немъ никакого не получилъ. Въ Генуѣ былъ намъ другъ одинъ генуежскій дворянинъ, Анжело Жова, который бывалъ отъ оной республики амбасадоромъ въ Царѣградѣ и зналъ довольно Петра Андреевича Толстого и Петра Павловича Шафирова.

25-го числа апрѣля инвіатъ испанскій отвѣтствовалъ намъ чрезъ своего консуля, что ему безъ указу своего монарха денегъ намъ дать на проѣздъ невозможно, а мы своихъ только имѣли въ остаткѣ по три цекина съ половиною; и того жь числа договорились мы съ французскимъ капитаномъ, который на кораблѣ въ Кадиксъ отправлялся; онъ требовалъ за перевозъ до Кадикса и за пищу по 11-ти цекиновъ съ персоны, а деньги чтобъ всѣ напередъ ему даны были.

26-го числа Семенъ Дубровскій, Василій Татищевъ, Иванъ Алексѣевъ, Тимоѳей Щербатовъ, Иванъ Кайсаровъ, Петръ Пороховъ, Алексѣй Бѣлосельской, Иванъ Неплюевъ, Степанъ Коновницынъ, Иванъ Кукаринъ, и того 10 человѣкъ, съ онымъ капитаномъ договорились и заплатили ему по 10 цекиновъ съ персоны, а по одинадцатому цекину заплатить ему обѣщали по прибытіи въ Кадиксѣ, и взяли съ капитана договорныхъ два письма, и подписали мы и онъ своими руками, и одно письмо взяли мы, а другое онъ взялъ, а письма по договору написаны съ такимъ изъясненіемъ, чтобъ намъ сѣсть на корабль мая 2 числа по утру и съ того числа кормить бы ему насъ съ собою за столомъ до Кадикса, и по прибытіи, въ Кадиксѣ, два дни со всякою выгодностію. Письмо его сіятельства князя Куракина и пашпортъ, который намъ данъ отъ господина агента, взяли мы съ собою, а другіе два пашпорты, которые были даны до Женевы, отдали нашимъ товарищамъ. Того жь 26 числа товарищи наши 12 человѣкъ предложили между собою такой совѣтъ, чтобъ имъ ѣхать въ Ливорну, и одному изъ нихъ ѣхать бы изъ Ливорны въ Венецію, къ господину агенту, и требовать бы отъ него себѣ на проѣздъ денегъ; понеже они въ Кадиксъ съ нами отправиться не могли, потому что денегъ не имѣ-

[1]) Inviato — *посланникъ*.
[2]) Вѣроятно, Locanda Aquila d'Oro, *гостинница Золотаго Орла*.

ли, и для того наняли они фелюку до Ливорны, дали три цекина съ половиною, и того жь 26-го числа поѣхали они въ Ливорну, а мы съ ними писали къ господину агенту съ прошеніемъ, чтобъ и всѣхъ насъ помощію не оставилъ.

Мая 1-го числа французскій консуль по приказу своего агента послалъ ордеръ къ оному капитану Винценцію Біанки, чтобъ насъ на корабль не бралъ и ни въ которую сторону не возилъ того ради, что мы ѣдемъ въ службу короля гишпанскаго, о чемъ имъ говорили цесарскій и англійскій посланники, чтобъ насъ не велѣли везти на ихъ кораблѣ.

Того жь мая 2-го числа говорили мы французскому агенту, чтобъ насъ уволилъ ѣхать на ихъ кораблѣ въ Кадиксъ, понеже мы ѣдемъ по указу его царскаго величества въ свое отечество, а не къ гишпанскому королю въ службу, а между нашихъ монарховъ никакой ссоры нѣтъ, то для чего насъ удерживать. Агентъ на наше представленіе склонился и приказалъ своему консулю, чтобъ тотъ капитанъ насъ по договору отвезъ до Кадикса, въ слѣдствіе чего сѣли мы на корабль и того числа отправили въ Амстердамъ къ его сіятельству князю Куракину 4 письма, въ которыхъ писали о вышеписанномъ происхожденіи и о всемъ партикулярно; изъ тѣхъ два письма послали чрезъ гишпанскаго консуля, а другія два чрезъ онаго дворянина Анзуля Жова; и того жь числа писалъ я въ въ Венецію къ господину агенту о случившемся въ отправленіи нашемъ препятствіи. Корабль, на которомъ мы были, назывался Санъ-Францешко, пропорціею въ 46 пушекъ; матросовъ и съ ундеръ-офицерами 30 человѣкъ.

5-го числа поутру пошли отъ Геновы. Того жь числа, за безвѣтріемъ, легли на якорь отъ Геновы въ 15-ти миляхъ.

Отъ того мѣста пошли въ путь 7-го числа.

9-го числа прошли княженіе дука де Монако, которое бывало Генуезской республики, а нынѣ подъ протекціею французскаго короля, отъ Геновы во 120 миляхъ. Того жь числа прошли мы два порта дуки савойскаго первый—Вилля-франка, второй—Ница. Потомъ пошли возлѣ Французской земли, у острововъ Ересъ выходили два французскихъ крюсовыхъ капора; и какъ сошлись съ нами, тогда нашъ капитанъ спросилъ оныхъ позволенія; и салютовали съ нашего корабля капорному командиру, кричали «ура» 5 разъ; отъ него отвѣтствовали 3 раза; потомъ ему съ нашего корабля еще кричали «ура» трижды; по окончаніи сего нашъ капитанъ ѣздилъ къ нему на капоръ; и пріѣхавъ отъ него, — пошли въ путь. А на оныхъ капорахъ командиромъ морской капитанъ, солдатъ на капорахъ по 130 человѣкъ. Отъ Геновы курсъ мы имѣли между Понента и Горбина.

11-го числа прошли французскій городъ Тулонь.

12-го числа, за противнымъ вѣтромъ, пришли мы къ Тулону и легли на якорь. Тулонь отъ Геновы 250 миль.

13-го числа были мы въ Тулонѣ перво у губернатора. Нашихъ Русскихъ гардемаринъ, въ Тулонѣ было 7 человѣкъ: Андрей Ивановъ сынъ Полянской, Воинъ Яковлевъ сынъ Римскій-Корсаковъ, Михаилъ Андреевъ сынъ Римскій-Корсаковъ, князь Александра Дмитріевъ сынъ Волконскій, князь Борисъ Семеновъ сынъ Барятинскій, князь Борисъ Григорь-

евъ сынъ Юсуповъ, Александра Гаврпловъ сынъ Жеребцовъ. Учатся они въ академіяхъ съ французскими гардемаринами, которыхъ въ той академіи 120 человѣкъ, навигаціи, инженерству, алтилеріи, рисовать мачтаповъ, какъ корабли строятся, боцманству (то есть, оснащивать корабли), артикулу солдатскому, танцовать, на шпагахъ биться, на лошадяхъ ѣздить, въ школу ходятъ дважды въ день; а учатъ ихъ всему безденежно королевскіе мастера; а жалованья отъ королевскаго величества дается имъ на мѣсяцъ по 3 ефимка; а ежели кто согрѣшитъ, въ штрафъ сажаютъ въ тюрьму, по разсмотрѣнію вины: за большую вину на полгода на одинъ хлѣбъ и воду, и никого въ тюрьму не пущаютъ. Въ Тулонѣ городѣ повіэновъ 50 человѣкъ отъ флагу адмиральскаго; они стоятъ у адмирала на караулѣ и числятся старшѣе гардемариновъ; жалованья имъ больше. При Тулонѣ строятъ корабли, и было въ гаванѣ кораблей десять военныхъ, стояли розснащены.

14-го числа пошли мы отъ Тулона.

15-го числа прибыли ко французскому жь городу Марсели и легли на якорь. Въ Марселіи галерная гавань, въ ней стояло 25 галеръ, на всякой галерѣ капитанъ одинъ, поручиковъ два, подпоручиковъ два, гардештандартовъ два, и прочіе ундеръофицеры деля цурма [1]) синифика, цурма каторжныя, въ компаніи; солдатъ бываетъ по компаніи на галерѣ, въ которой компаніи 50 человѣкъ солдатъ; при оной же гавани въ городѣ арсеналъ галерный, то-есть адмиралтейство; въ немъ строятъ галеры и прочіе галерные припасы, а галеры ихъ — малтійскимъ дѣломъ, безъ повизялей. Марсилія отъ Геновы 30 миль; въ Марсиліи жь школа, въ которой 30 человѣкъ изъ перваго шляхетства учатся математикѣ, артикулу, боцманству галерному и прочему, принадлежащему къ навигаціи, и танцовать; и они числятся выше гардемариновъ, а зовутся они гардештандартами, потому что на галерахъ флаги съ гербомъ королевскимъ, то-есть, штандарты; какъ и нашего монарха гербъ—орелъ, и у оныхъ гардештандартовъ капитаномъ королевское величество, и они же кромѣ короля, ни къ кому на караулъ не ходятъ; жалованья онымъ по три дупли съ половиною, изъ того числа на мундиръ у нихъ вычитаютъ по 10 франковъ на мѣсяцъ, которыхъ франковъ въ дуплѣ по 20, а нашихъ денегъ въ дуплѣ 4 рубля безъ четверти. Есть во оныхъ много малтійскихъ кавалеровъ; а жалуютъ гардештандартовъ въ подпоручики галерные, понеже всѣ галерные офицеры изъ гардештандартовъ происходятъ по чинамъ. Мундиръ на гардемаринахъ — кафтаны красные и чулки.

Въ бытность нашу при Марсиліи 18-го числа въ вечеру говорили мы корабельному капитану, что онъ насъ худо кормитъ, и онъ намъ отвѣтствовалъ, что «я-де вамъ въ портахъ неповиненъ стола давать, договоръ-де нашъ разумѣется отъ Геновы до Кадикса, и пища въ пути, а когда-де я прійду въ какой портъ, тогда-де вы повинны свое ѣсть, съѣхавъ на берегъ, какъ и прочіе пассажиры всегда такъ дѣлаютъ.»

19-го числа мая били челомъ мы на капитана губернатору; оный губернаторъ послалъ насъ къ логотененту [1]) мусье Жеринъ, у котораго подъ вѣдѣніемъ всякія морскія дѣла,

[1]) То есть della turma. Turma—*отрядъ*.

[1]) Locotenente -лейтенантъ.

и онъ говорилъ капитану, что ему надлежитъ намъ давать пищу и въ портахъ до уреченнаго мѣста Кадикса по договорному нашему письму, для того что въ письмѣ о портахъ не упомянуто; въ чемъ капитанъ словесному его приказу не послѣдовалъ, приносилъ въ резонъ, будто онъ въ портѣ не повиненъ про насъ имѣть стола, и оный логотенентъ велѣлъ намъ подать суплику [1]), что мы и учинили; и на той супликѣ оный логотенентъ помѣтилъ, чтобы капитана сыскать въ канцелярію и противъ нашего челобитья допросить; и оный капитанъ вмѣсто допросу далъ сказку, подписалъ подъ оной челобитной въ отвѣтствіе, что онъ столъ про насъ держитъ и впредь держать по своему договору во всякомъ до Кадикса мѣстѣ обязуется.

22-го числа судьи, слушавъ онаго дѣла, помѣтили, чтобъ оному капитану по договорному своему письму держать про насъ столъ во всякомъ мѣстѣ до Кадикса противъ договорнаго нашего письма, и противъ тоѐ помѣты дали намъ указъ, а когда дѣло слушали, докладывалъ по дѣлу дьякъ, а отвѣтствовалъ за капитана наемный стряпчій «адвокатъ,» да писарь его корабля, а отъ насъ былъ я, Иванъ Неплюевъ. Судьи во Франціи ходятъ въ черныхъ платьяхъ, также и дьяки; а дьяки называются прокураторы; всѣхъ дѣлъ канцеляріи и судьи въ одномъ домѣ по разнымъ каморамъ, которыя палаты называются «палацо де юстиція».

Отъ Марсиліи пошли мы мая 26-го числа.

Пришли къ Аликанту, ишпанскому городу, іюня 1-го числа и легли на якорь. При немъ порту нѣтъ; разстоянія отъ Марсиліи 400 миль, а отъ Женовы 700 миль, которыя въ градусѣ по 75. Оный Аликантъ въ прошедшую войну былъ взятъ отъ Агличанъ и отъ цесаря; потомъ возвратили Гишпаніи.

Отъ Аликанту 7-го числа пришли въ Карѳагену, гишпанскій же городъ, и легли въ портѣ на якорь 10-го числа. Разстоянія отъ Аликанта 60 миль; въ Карѳагенѣ зимуютъ галеры. Тогожъ числа капитанъ былъ у губернатора, который приказалъ ему объ насъ, чтобы мы были всѣ къ нему.

И по сему приказу 11-го числа пришли мы къ губернатору конте де Ровиръ. И онъ, посмотря нашего пашпорту, сказалъ намъ, что его царскаго величества 40 кораблей будетъ въ помощь къ ихъ королю, о чемъ отъ королевскаго величества указъ имѣетъ, чтобъ въ портахъ приготовляли провизію для того россійскаго флота. На что̀ обьявили мы губернатору, что и мы ѣдимъ въ службу ихъ короля, и просили совѣта, что можно ли намъ проѣхать моремъ въ Кадиксъ, понеже въ Перузѣ Гибралтарской крюсутъ аглинскіе корабли. На что̀ оный губернаторъ сказалъ: «лучше вамъ ѣхать до Малаги, ишпанскаго города, моремъ,» и въ Малагу къ губернатору далъ письмо, чтобъ насъ отъ Малаги отправить бы въ Кадиксъ сухимъ путемъ, и капитану о томъ приказалъ, чтобъ насъ ссадилъ въ Малагѣ, далъ письмо, чтобъ съ капитана обычайныхъ пошлинъ въ Малагѣ не брать, потому что онъ посланъ въ Малагу для насъ

Пошли мы изъ Карѳагена 18-го числа.

[1]) Supplica—прошеніе.

23-го числа, за противнымъ вѣтромъ, легли на якорь при гишпанскомъ кастелѣ [1]) Ракето; тутъ же неподалеку городъ ихъ Армеліо [2]), отъ Карѳагены въ 100 миляхъ. У Кадегаго [3]) видѣли мы барбаретскіе крюсовые корабли, гдѣ всегда обычайно крюсуютъ.

Пошли отъ Ракета 24-го числа, въ вечеру. Сей день рождество святаго Іоанна Предтечи.

28-го числа прибыли къ Малагѣ и легли на якорь. Малага отъ Карѳагены 200 миль.

29-го числа, по рекомендаціи карѳагенскаго губернатора, просили исполненія у губернатора, и онъ намъ велѣлъ соидтить съ корабля и приказалъ насъ въ трактирѣ кормить на счетъ королевскій. Послѣдуя тому, съѣхали мы съ корабля, заплатя капитану достальныя 10 цехиновъ.

28-го числа прибыли въ Малагу наши товарищи 12 человѣкъ, которые остались въ Ливорнѣ, а изъ нихъ Кашкинъ ѣздилъ въ Венецію, и господинъ агентъ далъ имъ на проѣздъ по 18-ти цехиповъ на человѣка отъ Ливорны до Барцелоніи, а отъ Барцелоніи до Малаги дано было имъ же на проѣздъ отъ ишпанскихъ министровъ королевскихъ денегъ.

30-го числа, малажскій губернаторъ, по ордеру обрѣтающагося тутъ сухопутнаго генерала-капитана, далъ намъ лошадей и на пищу 100 пецъ, которыхъ въ цехинѣ 2½. Въ тѣхъ деньгахъ расписался я, Неплюевъ, да Петръ Зиновьевъ. Оныя деньги губернаторъ отдалъ комиссару, котораго послалъ съ нами и велѣлъ насъ кормить, въ прочемъ содержать до Кадикса.

[1]) Castello—замокъ.
[2]) Т. е. Альмерія.
[3]) Мысъ Capo de Gato.

Выѣхали мы изъ Малаги 30-го числа.

Іюля 2-го числа проѣхали ишпанскій городъ Ронда, 11 лехъ отъ Малаги, которыхъ лехъ въ градусѣ 17½.

3-го числа проѣхали деревню Борно, 20 лехъ отъ Малаги.

4-го числа проѣхали городъ Хересъ де Фронтера, 26 лехъ отъ Малаги.

5-го числа поѣхали въ баркѣ въ Кадиксъ, понеже тутъ моремъ 2 лехи. Того жь числа прибывъ въ Кадиксъ, письмо его сіятельства князя Куракина подали губернатору, а тотъ губернаторъ у себя такихъ дѣлъ не отправляетъ, понеже онъ сухопутный генералъ-поручикъ. Онъ отослалъ насъ ко интенданту де марина; тотъ интендантъ далъ намъ квартиры и платилъ за насъ изъ королевской казны за квартиру и за пищу по три реаля де плата съ персоны, которыхъ реаловъ въ пеціи по 8. И писали они объ насъ къ королевскому величеству, а намъ велѣли дожидаться указу, понеже объ насъ указу отъ короля своего никакого не имѣли.

20-го числа пришли авизіи [1]), что Гишпанцы имѣли баталіи съ цесарскимъ войскомъ въ Сициліи, на которой Гишпанцы выиграли, побили Тадешовъ [2]) 7000, и за оную викторію былъ фунціонъ по 3 дни, то есть, по отпускѣ молебна палили изъ пушекъ и по вечерамъ вездѣ въ домѣхъ ставили свѣчи. А достальное цесарское войско осталось въ осадѣ, въ горахъ, котораго еще будетъ около 12,000, а Гишпанцевъ 25,000. Кадиксъ на острову, на мысу, сухой путь къ крѣпости съ одной стороны, гарнизону въ немъ 4 полка, да около порту, по

[1]) Т. е. извѣстія.
[2]) т. е. Нѣмцовъ.

другимъ крѣпостямъ, три полка. Оной числится въ провинціи Андалузіи, въ которой губернаторъ въ портѣ Санта-Маріи; а губернаторъ у нихъ называется генералъ-капитанъ, а комендантъ зовется губернаторъ. Между теры-фермы и острова Кадикса портъ корабельный, который числится первый портъ въ Гишпаніи; около онаго многія цитадели. Обычай гишпанскій: когда прійдетъ въ портъ какой купеческій корабль иностранный, то оной, пришедъ въ бадью, салютуетъ изъ пушекъ, а съ города никакому кораблю не отвѣтствуютъ; часовой солдатъ ежели стоитъ съ фузеей на часахъ, и ежели мимо его идетъ офицеръ, которому по нашему надлежитъ ружье поставить, а у нихъ — подниметъ на плечо, вмѣсто караулу, а генераламъ ставится на караулъ; противъ нашего же, стоя на часахъ, держитъ всегда, не спущая, на рукѣ.

Августа 4-го числа отъ его королевскаго величества присланъ указъ ко интенданту де марина, аль донъ Францешко де-Варасъ, и къ поручику гардемаринскому, аль донъ Юзефѣ Маринъ, по которому повелѣно насъ опредѣлить во академію и содержать въ компаніи гардемаринской, какъ ихъ гардемарины содержатся; а жалованье на мѣсяцъ на человѣка по двѣ добли, и по двѣ пецы, и по пяти реалей де плата, и по пяти кварты, которое по русски сдѣлаетъ 10 ефимковъ; а мундиръ намъ не опредѣленъ. А ихъ гардемаринамъ жалованья дается по 8 и по 5 реалей и по 5 пецъ; по двѣ пецы вычитаютъ у нихъ на мундиръ. А окладъ гардемарину противъ прапорщика по 16 ефимковъ; на прочія деньги вычитаютъ у нихъ учителямъ, и на содержаніе академіи, и въ гошпиталь. Во время нашего пріѣзда въ кампанію въ ротѣ было гардемариновъ 240 человѣкъ, изъ того числа въ Сициліи на корабляхъ 60 человѣкъ, въ Америкѣ на корабляхъ 18-ть человѣкъ. Мундиръ на гардемаринахъ королевскій; кафтаны васильковые, обшлаги красные, пуговицы и петли золотомъ обшиты, камзолы и чулки красные, штаны васильковые, а которые служатъ на корабляхъ тѣмъ даются еще суртуки васильковые простые. А ежели гардемаринъ занеможетъ, то содержанъ бываетъ въ гошпиталѣ, какъ лѣкарствомъ, такъ и пищею, и прочимъ всѣмъ, сколько будетъ лежать, изъ его жалованья за мѣсяцъ вычитается по 5 пецъ, и прочія отдаются ему. А ежели котораго отпустятъ на время домой, и тогда ему жалованья дается безъ вычету. А въ гардемарины безъ имянного королевскаго указу никого не принимаютъ, понеже всѣ должны быть свидѣтельствованные дворяна, а нѣкоторые есть и офицерскія дѣти, записанныя особымъ имяннымъ королевскимъ указомъ за службу отцовъ ихъ. Гардемаринамъ жениться отнюдь не дозволяется, покуда не выйдетъ въ офицеры. Жалуютъ оныхъ въ поручики и въ подпоручики, а на фрегаты въ офицеры, а фрегатные у нихъ противъ сухопутныхъ; оные же жалуются въ артиллерійскіе офицеры такими же рангами; тако жь выпускаютъ ихъ въ драгунскіе и пѣхотные полки въ поручики и въ прапорщики; а ежели который можетъ у полковника купить роту, того жалуютъ и въ капитаны, потому что полковникъ вербуетъ солдатъ за свои деньги. Квартиры гардемаринамъ, ни офицерамъ въ Гишпаніи не дается; нанимаютъ за свои деньги изъ жалованья; а нѣкоторымъ гардемаринамъ даны квар-

тиры королевскія въ кастелѣ; а мы нанимали изъ жалованья. По ордеру королевскому долженъ всякій гардемаринъ во второмъ часу ночи быть на квартирѣ и никуды ночью съ квартиры не сходить, чего ходя по вечерамъ осматриваютъ брегадиры, а ежели который гардемаринъ явится въ какой винѣ, то поручикъ и прочіе офицеры штрафуютъ; первый штрафъ: скажутъ арестъ, чтобъ никуды съ квартиры не сходилъ; 2-ой: сажаютъ въ камору и замыкаютъ; 3-ій: по великой винѣ сажаютъ въ тюрьму и ѣсть, кромѣ хлѣба и воды, не даютъ. А на караулъ оные ни къ кому не ходятъ, кромѣ королевскаго величества, да во время ученія стоитъ на караулѣ одинъ.

Офицеры компаніи гардемаринской: капитанъ — его королевское величество. Команданте де компанія, который правитъ за капитана-поручика, — донъ Луисъ д'Ормей; рангъ его противъ генерала-маіора; который больше живетъ при дворѣ. Поручикъ, логотененте де компанія — донъ Юзефе Маринъ, рангъ его полковничій: жалованья ему по 30 доблей на мѣсяцъ; или рангъ его противъ капитана морскаго, понеже капитанъ морской равенъ полковнику, о чемъ ему и прочимъ офицерамъ даны отъ короля патенты. Подпоручикъ офицеръ де компаніи, — донъ Гуанъ Наваро; рангъ его подполковничій; жалованья ему по 25 доблей на мѣсяцъ; онъ же и жалованье принимаетъ отъ коммисарства на всю компанію и раздаетъ. Брегадировъ де компанія, сержантовъ 4 человѣка, которыхъ рангъ капитана сухопутнаго, жалованья онымъ по $12\frac{1}{2}$ доблей на мѣсяцъ — донъ Августинъ Редонда, донъ Геронимо Буштоммете, который въ Сициліи на корабляхъ съ гардемаринами, донъ Юзефе Павестезъ, донъ Гашперъ де Евна, который учитъ артикулу солдатскому повсядневно. Мастеръ, который учитъ математикѣ всѣхъ повсядневно—донъ Францешко де Орье; жалованья ему по двѣ добли съ половиною на всякій день. Мастеръ, который учитъ артиллерному искусству, жалованья имѣетъ 15 доблей на мѣсяцъ. Во академіи жь: фехмейстеръ одинъ, который учитъ на шпагахъ биться, жалованья ему 15 доблей на мѣсяцъ; танцмейстеръ одинъ, который учитъ танцовать; жалованья ему 15 доблей на мѣсяцъ.

О ученіи гардемариновъ. По утру соберутся всѣ въ церковь, въ указной часъ, и чередной брегадиръ, понеже по установленію должны къ обѣдни приходить на всякъ день, потомъ въ академіи учатся всѣ математикѣ два часа; а за вины ихъ штрафуетъ брегадиръ. Въ другой разъ сходятся гардемарины во академію послѣ обѣда въ 3 часа вседневно: 3 кварты учатся артиллерному искусству, двѣ кварты учатся солдатскому артикулу, одна кварта учатся на шпагахъ биться, одна жь кварта учится танцовать; учатся симъ образомъ — перемѣняяся по вся дни по полтора часа.

6-го числа августа, штиль vejo *), расписали насъ въ шесть квартъ, а въ первую кварту изъ насъ никого не написали, и какъ гишпанскіе, такъ и мы ходили во академію всегда, кромѣ того, что мы къ обѣднѣ не ходили; а учились со оными солдатскому артикулу, танцовать и на шпагахъ биться; а къ математикѣ приходили, только безъ дѣла сидѣли, понеже учиться невозможно, для то-

*) Стараго стиля.

го что мы ихъ языку не знали. Въ тѣ жь числа просили мы многажды, чтобъ насъ, противъ рекомендаціи князя Куракина, послать служить на галеры его королевскаго величества. Оный намъ сказалъ, что его королевское величество содержитъ только 6 галеръ, и тѣ въ Сициліи; «и опредѣлить-де васъ, кромѣ академіи, не куда; а жалованья вамъ не прибавятъ»; и на ихъ галерахъ гардемаринъ нѣтъ. И объ ономъ обо всемъ писали мы многажды въ Санктпетербургъ, къ адмиралу Ѳедору Матвѣевичу Апраксину, и въ Голландію, къ послу князю Борису Ивановичу Куракину, и просили ихъ, чтобъ они доложили его царскаго величества, чтобъ насъ повелѣлъ опредѣлить въ службу и опредѣлилъ бы намъ свое государево денежное жалованье, чѣмъ бы мы могли содержаться, понеже гишпанскимъ жалованьемъ намъ содержаться невозможно, и въ житьѣ нашемъ пользы намъ никакой нѣтъ, понеже шпажное и танцовальное ученіе къ службѣ его величеству въ насъ годно быть не можетъ. А жалованья королевскаго въ руки намъ не давалъ поручикъ де компанія, а платилъ за насъ за пищу и за квартиру по двѣ добли на мѣсяцъ съ персоны, отчего мы имѣли нужную пищу, а пили только воду; оный же за мытье рубашекъ и прочаго платилъ за насъ по полупецы на мѣсяцъ, и по приказу его перемѣняли мы по три рубашки въ недѣлю и брали на мѣсяцъ по парѣ башмаковъ, за которые онъ платилъ за насъ по 9 реалей де плата за пару; онъ же платилъ за насъ балбиру по 4 реаля на мѣсяцъ, который брилъ намъ бороды по 2 раза въ недѣлю, а паруки намъ пудрилъ по трижды въ недѣлю; и за тѣмъ за всѣмъ осталось намъ по 4 реаля по 5 квартъ отъ мѣсяца; и оные платилъ за насъ портному мастеру за починку верхняго платья, или кто что возьметъ новое противъ жалованья.

13-го числа августа умеръ нашъ товарищъ, гардемаринъ, князь Алексѣй Андреевъ сынъ Бѣлосельскій, за тѣмъ насъ осталось 21 человѣкъ.

19-го числа августа противъ письма князя Куракина послали мы къ королевскому величеству челобитную, и притомъ къ секретарю его величества, аль донъ Микель Фернандецу Рангъ де Епаро, писали письмо, въ которомъ просили его по супликѣ нашей доложить его королевскому величеству, чтобъ насъ его величество повелѣлъ послать въ службу на галеры, понеже намъ во академіи учиться невозможно того ради, что гишпанскому языку не знаемъ, и чтобъ его величество прибавилъ намъ жалованья, понеже вышепомянутымъ жалованьемъ намъ содержаться невозможно, а отъ царскаго величества нынѣ мы денежнаго жалованья не имѣемъ. И противъ того оный секретарь намъ отвѣтствовалъ письмомъ же, что его королевское величество повелѣлъ отписать къ намъ, чтобъ намъ быть во академіи и учиться языку и прочаго, а на галерахъ намъ быть невозможно, понеже галеры въ Сициліи, а въ жалованьѣ намъ его величество излишнемъ противъ ихъ гардемариновъ опредѣлилъ отказать. По полученіи сего письма о всемъ писали мы въ Голландію къ послу князь Борису Ивановичу Куракину.

12-го числа сентября вся компанія, офицеры и гардемарины, собраны были въ кастель, и при насъ указомъ королевскимъ съ одного гардемарина офицеры велѣли снять королевскій мундиръ и объявили намъ его за без-

дѣльника, чтобъ гардемарины съ нимъ компаніи не имѣли за то, что онъ женился безъ указу, — понеже имъ жениться не велѣно; и отказали оному отъ компаніи, а сверхъ того оный изъ королевской службы выкинутъ и отпущенъ на волю; а покуда объ немъ отписывались къ королю, потуда онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, съ 25-го дня.

Октября 6-го числа, штиль vejo, товарищъ нашъ, гардемаринъ Иванъ Ивановъ сынъ Аничковъ, сошелъ съ ума, и отъ того числа содержался въ кастелѣ, никуда не выпущая,— понеже дѣлалъ всякіе непорядки и говорилъ вздоръ.

Октября 19-го числа получили мы отъ князя Бориса Ивановича Куракина письмо, писанное изъ Гаги, сентября отъ 18-го числа, въ которомъ онъ намъ писалъ, что онъ письма наши изъ Кадикса получилъ, которыя мы къ нему писали, и по онымъ онъ ко двору его царскаго величества писалъ и во увѣреніе подлинное наше письмо послалъ, и какъ на то получитъ отъ государя указъ, обѣщалъ къ намъ отписать.

Октября 29-го числа собраны были въ кастель вся компанія, офицеры и гардемарины, и указомъ королевскимъ сняли съ одного гардемарина мундиръ, и выкинули его изъ гардемариновъ, и объявили его за противника королевскому величеству за то, что онъ чинилъ противности и непослушаніе поручику своему (разумѣется: противенъ командѣ—противенъ королю); и сидѣлъ оный въ тюрьмѣ 5 мѣсяцевъ на хлѣбѣ и на водѣ; и повелѣно его выкинуть изъ гардемаринъ, послать въ ссылку за карауломъ въ городъ Сеуту, что и учинено. Сеута—городъ ишпанскій въ Африкѣ, между Медитерана и Осіана.

18-го число ноября, штиль vejo, по именному его королевскаго величества указу риформовали Гишпанцевъ гардемариновъ 20 человѣкъ за то, что они не имѣли прилежности къ наукѣ, а прочимъ сказали указъ, что которые имѣютъ прилежность и приняли науки, тѣ будутъ пожалованы по времени въ офицеры; а ежели которые прилежности къ наукѣ имѣть не будутъ, тѣ также выкинуты изъ академіи будутъ,—чего ради интендантъ пріѣзжалъ во академію.

20-го ноября расписали гардемаринъ на 6 квартъ.

Того жь ноября 18-го числа объявилъ намъ губернаторъ Томазо и Діакесъ, что онъ получилъ изъ Голландіи отъ князя Бориса Ивановича Куракина письмо, въ которомъ къ нему пишетъ, чтобъ насъ прислать въ Амстердамъ, на кораблѣ, а за имбарку и за пищу будутъ деньги заплачены государевы отъ князя Куракина. Однако оный губернаторъ безъ указу своего короля учинить того не можетъ, о чемъ того жь числа писалъ ко двору королевскаго величества.

14-го числа декабря получили мы отъ князя Куракина письмо, въ которомъ намъ пишетъ, что намъ по указу царскаго величества велѣно возвратиться въ отечество, и объ отправленіи нашемъ онъ писалъ къ губернатору кадикскому, чтобъ насъ отправилъ въ Голландію на голландскихъ корабляхъ, и отправляться бы намъ немедленно.

15-го числа декабря губернаторъ намъ объявилъ, что онъ отъ королевскаго величества объ отправленіи нашемъ по письму князя Куракина указъ получилъ, и велѣлъ намъ дожидать оказіи въ Голландію. Того жь числа получили мы отъ князя Ку-

ракина другое письмо о своемъ отправленіи противъ вышеписаннаго.

29-го декабря получили мы отъ князя Куракина еще третье письмо объ отправленіи нашемъ противъ вышеписаннаго жь, которое все писано его рукою; въ ономъ же онъ къ намъ пишетъ, что ежели мы имѣемъ въ деньгахъ нужду, чтобъ намъ занять и вексель дать на имя его.

1720-го года генваря 16-го дня генералъ и губернаторъ Кадикскій донъ Томазо и Діакезъ, по письму князя Бориса Ивановича Куракина, занялъ намъ денегъ у купца донъ Изанбеше въ Кадиксѣ 63 добли и далъ намъ всякому по 3 добли, а тому купцу далъ вексель за своею рукою въ томъ, что тѣ деньги будутъ заплачены отъ князя Куракина въ Амстердамѣ корреспонденту его, донъ Петро Тречао, конрезго маритимо [1]), по 18-ти на сто, и того всего на голландскія деньги 713 флориновъ гульденъ и 12 штиверовъ. Тогожь числа оный же губернаторъ договорился съ датскимъ капитаномъ Буй Нельшенъ, чтобъ ему насъ свести на своемъ кораблѣ, имянуемомъ *Соль*, въ Голландію и кормить съ собою, и ежели за противнымъ вѣтромъ или иного какого ради случаю зайдетъ въ какіе порты, непремѣнно вездѣ насъ въ пищѣ содержать до Голландіи; взять ему въ Амстердамѣ у князя Куракина по 31 пеціи, чего будетъ 1502 флориновъ. И о всемъ вышеписанномъ губернаторъ далъ письмо за своею рукою; а оные за 21 человѣка 651 взять оному корреспонденту, Петро Тречао. О семъ мы къ князю Куракину того жь числа писали.

Генваря 28-го числа получили мы письмо изъ Амстердама, отъ резидента господина Кристофора Бранта, въ которомъ къ намъ пишетъ, чтобъ намъ взять въ Кадиксѣ, у купца господина Лашкета по 50-ти ефимковъ на каждую персону для отправленія до Голландіи. И по оному письму взяли мы только по 19 ефимковъ на персону, а по 31 ефимку отъ персоны велѣли ему, Лашкетѣ, перевести въ Амстердамъ для платежу за насъ датскому капитану противъ вышеписаннаго договорнаго губернаторскаго письма. Того жь числа вышеозначенные заемные 63 добли купцу донъ Изанбеше заплатили и отъ него заемное губернаторское письмо взяли назадъ; и о всемъ вышеписанномъ того жь числа писали мы до его сіятельства князя Куракина, такожь и до резидента Бранта. И сверхъ того была объ насъ отъ резидента рекомендація, чтобъ намъ вездѣ въ Гишпаніи въ деньгахъ вѣрили, сколько понадобится на проѣздъ.

Февраля 6-го числа корабль нашъ былъ готовъ отходить въ путь, но воспрещено указомъ королевскимъ, чтобъ никакому купеческому кораблю изъ порту не выходить, покуда не выйдетъ шквадра королевскихъ кораблей.

12-го числа пошло въ Америку западную два корабля линейныхъ да фрегатъ, на которыхъ гардемариновъ 40 человѣкъ, при бригадирѣ донъ Юзефе Павестеръ. При нихъ же пошли купеческихъ 5 кораблей да одна тартана.

Февраля 17-го дня имбаркались мы на корабль вышеозначенный, имянуемый *Соль*, котораго пропорція 50 пушекъ; а было на немъ только 26 пушекъ, понеже нижній декъ безъ оконъ, по обычаю купеческому; капитанъ Буй Нельшенъ, патентъ имѣетъ военный;

людей на немъ 50 человѣкъ. И пошли мы въ путь того жь числа.

12-го марта звали мы къ себѣ аглицкой торговый корабль, палили изъ пушки, чтобъ онъ парусы отмѣнилъ и насъ дожидался, отъ котораго мы взяли свѣдѣнія, сколь далече мы отъ земли.

13-го числа, по обычаю морскому, мы, убавя парусы, дожидали гамбургской флейты.

14-го числа вошли въ каналъ и шли возлѣ Англіи.

16-го числа отъ полуночи сталъ вѣтеръ крѣпкій вѣять, которымъ мы вышли изъ каналу, между мелей. Тогожь числа отъ полудни сталъ вѣтеръ нордъ-вестъ съ великимъ штурмомъ, въ 6-мъ часу пополудни сталъ штурмъ, и большой парусъ фокъ разодрало; и гротъ-рей, и фокъ-рей опустили, и руль подвязали, и пустились на волю Божію, и понесло корабль на остъ, къ мели, къ Голландской землѣ, понеже были отъ земли только 20 миль; однако Богъ сохранилъ: къ полуночи вѣтеръ утихъ.

18-го числа пошли мы на остъ, понеже вѣтеръ противенъ, и въ Тексель идти не можно; и увидя лоцмановъ, звали ихъ пушечной стрѣльбой къ себѣ, перво просто, потомъ съ ядрами, и легли на якорь. За провозку корабля далъ капитанъ лоцманамъ 130 гульденовъ. Портъ зовется Фанъ Шлейссе; республичныхъ 20 кораблей стоятъ военныхъ въ портѣ, разснащены.

19-го числа поутру поѣхали мы съ корабля, салютовали насъ трижды, кричали ура и палили изъ трехъ пушекъ. Отъ Фанъ-Шлейсса ѣхали мы на фурахъ до Бриля одну легу отъ Бриля черезъ заливъ 2 леги, мѣстечко Маштенлянъ-Шлюссенъ, отъ того каналами Делфтъ 3 лиги [1]). Отъ Гарлема до Амстердама $2\frac{1}{2}$ леги. Путь все каналами.

Прибыли мы въ Амстердамъ 20 числа; отъ Фанъ-Шлейссе до Амстердама издержалъ намъ на пищу и на провозъ капитанъ своихъ 163 гульдена; и по прибытіи своемъ просили мы его царскаго величества резидента Кристофора Игнатьевича, чтобъ онъ за насъ заплатилъ капитану за провозъ до Голландіи по 31 ефимку съ персоны, такожь и оные 163 гульдена. И оный резидентъ капитану сказалъ, что ему деньги будутъ заплачены всѣ, а намъ далъ по 4 ефимка на персону и велѣлъ намъ дожидать его сіятельства князя Бориса Ивановича Куракина.

Князь Борисъ Ивановичъ Куракинъ прибылъ въ Амстердамъ 27 ч.

28-го ч. его сіятельство далъ намъ пашпорты и письмы къ адмиралу Ѳедору Матвѣевичу [2]) и опредѣлилъ намъ ѣхать до Гамбурга водою, отъ Гамбурга до Данцига на ланкугѣ, отъ Данцига до Кенигсберга водою, отъ Кенигсберга до Риги на ландкугѣ, а въ Ригу, къ губернатору Никитѣ Ивановичу Репнину, далъ намъ письмо, чтобъ его сіятельство отправилъ насъ отъ Риги на подводахъ въ Ревель, или гдѣ обрѣтается адмиралъ; а на проѣздъ отъ Амстердама до Риги приказалъ намъ выдатъ по 70 ефимковъ; а пашпорты и письма были намъ даны по компаніямъ по 4 и по 3 человѣка въ компаніи. Его же свѣтлость приказалъ намъ выдать кормовыхъ денегъ по 6 гульденовъ на

[1]) Здѣсь, повидимому, пропускъ, соотвѣтствующій пути между Дельфтомъ и Гарлемомъ; затѣмъ въ рукописи повторено нѣсколько словъ, уже сказанныхъ выше, и эта ошибка удержана въ Отеч. Запискахъ, у насъ же исправлена.

[2]) Апраксину.

недѣлю, а гульденъ содержитъ 4 гривны, и получили мы оныя деньги марта съ 20-го; и до отъѣзду его жь сiятельство далъ намъ рекомендацiю въ Гамбургъ, къ купцу, чтобъ онъ намъ въ наемѣ чинилъ вспоможенiе. Мы жь его сiятельство просили, чтобъ онъ приказалъ намъ выдать на наши нужды оныя по 31 ефимку на персону, которые мы возвратили господину резиденту Бранту, и онъ совѣтовалъ господину резиденту, чтобъ онъ намъ тѣ деньги выдалъ, понеже по именному его царскаго величества указу адмиралъ Ѳедоръ Матвѣевичъ писалъ къ господину Брандту, чтобъ онъ перевелъ намъ въ Гишпанiю по 50 ефимковъ на человѣка; и господинъ резидентъ взялъ резолюцiю, чтобъ намъ оныя деньги выдать, понеже за нашъ проѣздъ отъ Кадикса капитану деньги заплачены отъ князя Бориса Ивановича. Ему жь дали мы сказку въ томъ, что которыя мы деньги заняли было въ Кадиксѣ, по 3 добли на персону, что мы, получа по 19 ефимковъ изъ Брантова векселя, оныя заплатили, и чтобъ по первой губернаторской ассигнацiи оныхъ не платить; а деньги мы кормовыя и подъемныя брали отъ Фонъ Левена, который бывалъ секретарь Соловьева.

30-го числа господинъ резидентъ выдалъ намъ по 31 ефимку на персону, да въ Кадиксѣ по его векселю взяли мы по 19, и того будетъ противъ письма адмиральскаго по 50 ефимковъ на человѣка, кромѣ тѣхъ, что на проѣздъ далъ по 4 ефимка на человѣка, и велѣно намъ, дожидаться своего богажу, ѣхать, понеже богажъ нашъ остался на кораблѣ. А князю былъ указъ, чтобъ насъ отправить въ Петербургъ на голланскихъ корабляхъ, а онъ насъ отправилъ другимъ трактомъ, потому что оказiи вскорѣ къ Санктпетербургу моремъ не было, а хотя бъ и были, но опасно, чтобъ Шведы въ Балтикѣ не взяли въ полонъ. Въ бытность нашу въ Амстердамѣ были Андрей Ѳедоровъ сынъ Хрущовъ, да Иванъ Талызинъ, Алексѣй Вешняковъ, которые учились экипажеству и механикѣ, да царскаго величества деньщикъ Иванъ Андреевъ сынъ Толстой для покупки разныхъ птицъ; еще были человѣкъ съ 40 школьниковъ, которые учились всякимъ ремесламъ —мѣдному [1]), столярному и судовымъ строенiямъ; а приказаны оные были его величества агенту Фадербургу.

4-го числа апрѣля Василiй Татищевъ поѣхалъ по богажъ въ Геншвлейсъ, да по приказу князя Бориса Ивановича Фонъ-Левенъ далъ ему шкипора и денегъ на проѣздъ и рекомендацiю къ капитану.

8-го числа Василiй Татищевъ прибылъ съ богажемъ и денегъ издержалъ себѣ и шкипору на проѣздъ и на провозъ богажа 51 гульденъ.

12-го числа апрѣля въ вечеру поѣхали мы отъ Амстердама на яхтѣ 14 человѣкъ, а 7 человѣкъ нашихъ товарищевъ поѣхали на тялкѣ (?) [2]). Дали мы на яхтѣ за провозъ и съ пивомъ, кромѣ пищи, по червонному съ персоны. Когда отъѣзжали, заплатили мы въ казну посажгелтъ по шеленгу съ персоны, а провизiю для пути имѣли свою.

18-го числа взошли въ гамбургскую рѣку; на одной сторонѣ Голштинiя, а на другой Линебургiя. Тогожь числа легли мы на якорь возлѣ линебургскаго городка Штаде и платили по облигѣ по 8 штиверовъ съ баула.

---

[1]) У Голикова прибавлено: „слѣсарному."

[2]) У Свиньина исправлено: „въ яликѣ".

19-го числа пришли къ Гамбургу и ночевали за городомъ, въ ардинаріи [1]), понеже того дня не успѣли въ городъ. Отъ Амстердама до Гамбурга моремъ 60 миль нѣмецкихъ.

20-го числа прибыли въ Гамбургъ и по рекомендаціи были у Говерса, который отправляетъ за консуля государевы дѣла. Гамбургъ — республика, подъ протекціею цесарской.

21-го числа господинъ Питеръ Говерсъ далъ намъ совѣтъ, чтобъ ѣхать чрезъ Берлинъ на почтѣ, понеже ландсцуги не нашли, чтобъ прямо ѣхать въ Данцигъ. Товарищи наши при насъ въ Гамбургъ не пріѣхали. Того жь 21-го числа поѣхали изъ Гамбурга на ординарной почтѣ — на фурѣ 6 человѣкъ, да на экстраординарной почтѣ — на дву(хъ) фурахъ по 4 человѣка; платили на ординарной почтѣ по 6 штиверовъ съ персоны на милю, да на всякой перемѣнѣ почтарю постъ-гелтъ по 12 грошей съ персоны, а перемѣна отъ перемѣны по 3 и по 4 мили нѣмецкихъ; а на экстраординарной почтѣ платили на три лошади по 48 рейхсталеръ талеръ штиверовъ на милю съ 4 человѣкъ, понеже въ фурѣ сидитъ 4 человѣка, а имѣютъ три лошади; да на всякой перемѣнѣ за телѣгу по 4 штивера; а ѣхали и перемѣняли лошадей обѣ почты вмѣстѣ, и деньги платили вообще. Отъ Гамбурга ихъ владѣнія — 7 миль. Берлинъ — столица прусскаго короля; червонный ходитъ 130 штиверовъ или грошей. Издержали мы денегъ на пищу по червонному да на проѣздъ безъ мала 3 червонныхъ съ персоны; а пути отъ Гамбурга до Берлина 33 мили. Отъ Говерса имѣли мы письма въ Берлинъ къ послу, графу Александрѣ Гавриловичу Головкину. Прибыли мы въ Берлинъ 24-го числа по утру, и осматривали у насъ богажъ.

25-го поѣхали мы изъ Берлина на экстраординарной почтѣ на трехъ фурахъ. Платить до Данцига на 56 миль по ефимку на милю со всякой телѣги, да за телѣги по 4 штивера на всякой перемѣнѣ; всего до Данцига издержали отъ Берлина по 5 червонныхъ, и съ пищею. Господинъ посолъ Головкинъ далъ намъ подорожныя, чтобъ отъ Мемеля до Риги въ Курляндіи брать подводы безъ прогонъ. Владѣніе прусское до Гданска, а 7 миль владѣніе польское, понеже Данцигъ принадлежитъ республикѣ Польской; а дорогой городокъ отъ городка въ Пруссіи по 3 и по 4 мили.

Прибыли во Гданскъ 30-го числа и порядили до Кенигсберга яхту съ персоны по получервонному, безъ пищи. Агентъ государевъ во Гданскѣ — Ертманъ, примьеръ-аудиторъ, и агентъ его величества другой — иноземецъ Куріусъ.

Поѣхали отъ Гданска мая 2-го числа. Ѣхали рѣкою 7 миль, заливомъ 17 миль. Прибыли въ Кенигсбергъ 14-го числа, Королевецъ тожъ. Въ Кенигсбергѣ управляетъ государевы интересы консиліеръ королевскаго величества прусскаго, которому прозваніе Неглинъ. Наняли изъ Кенигсберга до Мемеля на 15 миль, дали по получервонному съ персоны, безъ пищи; ѣхали сухимъ путемъ три мили, заливомъ 12 миль.

Прибыли въ Мемель 7-го числа. Мемель — прусская крѣпость; и смотрѣли нашихъ пашпортовъ.

Поѣхали изъ Мемеля 8-го числа и наняли до курляндской почты на 8 миль, дали по рейхсталеру съ персоны.

---

[1]) Т. е. въ почтовомъ домѣ.

9-го числа по подорожной взяли на курляндской почтѣ подводы.

Прибыли въ Митаву 11-го числа. Митава — столица курляндская. Въ ней владѣтельница государыня царевна Анна Ивановна; при ней изъ Русскихъ генералъ кригсъ-коммиссаръ Петръ Михайловичъ Бестужевъ, полкъ драгунскій каргопольскій. Пути отъ Мемеля 33 мили.

Поѣхали отъ Митавы 12-го числа.

Пріѣхали въ Ригу 13-го числа. Разстояніе 7 миль. Въ Ригѣ губернаторъ князь Никита Ивановичъ Репнинъ далъ намъ подорожную, чтобъ намъ до Санкпетербурга давали по подставамъ почтовыхъ — по подводѣ на человѣка, съ прогонами, а на прогоны намъ денегъ не далъ.

Выѣхали мы изъ Риги 15-го числа.

Прибыли въ Дерптъ 17-го числа.

18-го изъ Дерпта въ Нарву.

Въ Нарву прибыли 19-го числа.

Изъ Нарвы поѣхали 20-го числа.

Прибыли въ Санкпетербургъ 22-го числа. Разстояніе отъ Риги [1]) 202 версты, отъ Дерпта до Нарвы 141, отъ Нарвы 165, всего 510 верстъ [2]). Во весь вышеписанный вояжъ издержалъ я собственныхъ 400 рублей, да государевыхъ 600 рублей. Каждый изъ насъ по пріѣздѣ въ Петербургъ пристали у нашихъ родственниковъ, а я у капитана гвардіи Семена Марковича Спицына [3]).

На завтрѣ собравшись вся наша компанія ко мнѣ на квартиру, пошли явиться генералу-адмиралу, а потомъ ко всѣмъ флагманамъ, находящимся

[1]) Безъ сомнѣнія, до Дерпта.

[2]) Счетъ не вѣренъ; должно быть: 508 верстъ.

[3]) У Голикова (Дѣянія, т. XXIX, стр. 322—326), упоминается объ этомъ капитанѣ Преображенскаго полка Спицынѣ, который былъ „у государя, а наче у ея величества, въ великой милости“.

въ Петербургѣ, и ко всѣмъ присутствующимъ въ адмиралтейской коллегіи. Всѣ насъ приняли весьма ласково, особливо Григорій Петровичъ Чернышевъ, который о вояжѣ и службѣ нашей внѣ государства подробно и милостиво распрашивалъ и обнадежилъ насъ своимъ предстательствомъ у его величества, подавъ намъ, какъ отецъ, совѣтъ, чтобы просили генерала-адмирала быть представлены къ государю, и когда его величество изъ насъ съ кѣмъ говорить изволитъ, то чтобъ мы по истинѣ и безъ робости сказали, кто что̀ знаетъ, и сколько кто преуспѣлъ въ наукахъ [1]). За таковую его милость мы всѣ, какъ неимущіе никакого покровительства, а по нашему отлученію отъ отечества не токмо отъ равныхъ намъ возненавидѣны, но и отъ свойственниковъ нашихъ при первомъ случаѣ насмѣшкою и ругательствомъ по европейскому обычаю, въ насъ примѣчанному, осмѣянные, благодарили Григорія Петровича со слезами. Флагманъ Змѣевичъ, человѣкъ въ морской наукѣ весьма искусный, любопытствовалъ [2]) у каждаго изъ насъ о нашемъ въ навигаціи знаніи, и сколько примѣтить можно, Кайсарова [3]) и моими отвѣтами былъ довольнѣе.

На завтрѣ пошли мы въ адмиралтейскую коллегію и ожидали прибытія генералъ-адмирала, который, пріѣхавъ и насъ увидя, сказалъ, что онъ объ насъ доложитъ, и когда при-

[1]) У Голикова: „Всѣ приняли насъ съ отеческою ласкою; а Григорій Петровичъ Чернышевъ распрашивалъ подробно о вояжѣ и о службѣ нашей, а наче что̀ каждый выучилъ; далъ намъ милостивое наставленіе, чтобъ мы, когда будемъ представлены государю, говорили безъ робости и правду, кто въ чемъ успѣлъ“.

[2]) У Голикова: „распрашивалъ“.

[3]) Тамъ же: „Кукарина“.

казано будетъ, чтобы явились въ коллегію, а нынѣ бъ шли по домамъ [1]).

26-го числа была асамблея на почтовомъ дворѣ, на которой генералъ-адмиралъ государю объ насъ докладывалъ, и отъ него получили повелѣніе, чтобъ намъ быть представленнымъ завтра въ адмиралтейской коллегіи, почему мы и получили отъ коллегіи приказъ явиться въ 5 часовъ въ коллегію. Не знаю, какъ мои товарищи оное приняли, а я всю ночь не спалъ, готовился какъ на страшный судъ.

И по сему приказу собрались мы въ назначенное время въ коллегію, а между тѣмъ присутствующіе съѣзжались [2]), изъ коихъ генералъ-адмиралъ, идучи мимо, сказалъ намъ: «Я васъ теперь государю представлю». А черезъ малое время потомъ пріѣхалъ Григорій Петровичъ Чернышевъ и, остановясь съ нами, говорилъ то же, что и въ своемъ домѣ и ласковымъ и милостивымъ симъ разговоромъ убавилъ нашего страха. Наконецъ и его величество прибыть изволилъ, но не тѣмъ путемъ, которымъ мы его ожидали; потому мы и не имѣли счастія путь его видѣть [3]). Въ 7 часовъ впустили насъ въ присутственную палату. Мы его величеству поклонились въ ноги, а прочимъ въ поясъ. Онъ, будучи или немощенъ или невеселъ, чего я не знаю, изволилъ спросить насъ только, имѣемъ ли мы отъ командировъ тамошнихъ атестаты, и всѣ ль на галерахъ, или иные и на корабляхъ служили. Получивъ на сіе отвѣтъ, оборотясь къ генералъ-адмиралу, изволилъ сказать слѣдующее: «Я хочу ихъ самъ увидѣть на пратикѣ, а нынѣ напишите ихъ во флотъ гардемаринами». Не успѣлъ послѣдней рѣчи государь еще окончить, какъ великодушный покровитель всѣхъ бѣдныхъ, Григорій Петровичъ, очень громко сказалъ его величеству: «Грѣхъ тебѣ, государь, будетъ: люди по волѣ твоей бывши отлученные отъ своихъ родственниковъ [1]) въ чужихъ краяхъ, и по бѣдности ихъ сносили голодъ и холодъ [2]) и учились по возможности, желая угодить тебѣ и по достоинству своему и въ чужомъ государствѣ были уже гардемаринами, а нынѣ [3]), возвратясь по твоей же волѣ и надѣясь за службу и науку получить награжденіе, отсылаются ни съ чѣмъ и будутъ наравнѣ съ тѣми, которые ни нужды такой не видали, ни практики такой не имѣли [4]). Его величество на сіе изволилъ ему отвѣтствовать: «Я ихъ награжу; пусть только одну компанію прослужатъ!»—«Но легко ль, государь, гардемаринами служить», сказалъ Григорій Петровичъ, «такимъ, кои изъ нихъ есть достойны управлять кораблемъ или галерою?» Государь спросилъ его: «Кто жь бы такіе были, кто бъ такъ достоинъ?» Онъ ни мало не мѣшкавъ: «Кайсаровъ [5]) и Неплюевъ». Сіи слова наполнили меня благодарностію, радостію и страхомъ, и такъ меня замѣшало, что я уже послѣ примѣтилъ, что государь, желая, чтобъ насъ двоихъ ему указали, и обоихъ изволилъ

[1]) Тамъ же: „домой и ожидали повелѣнія“.

[2]) У Голикова: „На другой день въ 5 часовъ утра мы пришли, и при насъ съѣзжались присутствующіе“.

[3]) Тамъ же: „Вмѣстѣ почти съ ними прибыть изволилъ и его величество, но не тѣмъ путемъ прошелъ въ коллегію, на которомъ мы его ожидали, почему и не имѣли счастія видѣть очей его“.

[1]) У Голикова: „и отъ отечества“.

[2]) Тамъ же: „всякія нужды“.

[3]) Тамъ же: „потомъ объѣхавъ многія государства“.

[4]) У Голикова дѣла: „ни столько не знаютъ“.

[5]) Въ рукописи не вѣрно: „Куракинъ“. У Голикова: „Кукаринъ“.

пристально осматривать и потомъ, помолчавъ не много, изволилъ приказать записать свой указъ, чтобъ въ коллегіи было въ будущемъ мѣсяцѣ [1]) полное собраніе, при которомъ насъ всѣхъ какъ въ навигаціи, такъ и въ прочихъ наукахъ и языкахъ экзаменовать, при чемъ онъ и самъ быть желаетъ [2]); а потомъ насъ вонъ выслали. Мое попеченіе было первое бѣжать въ домъ Григорія Петровича Чернышева и благодарить его за оказанную мнѣ милость, что̀ я и исполнилъ; а сія милость тѣмъ больше ко мнѣ оказана, что я никакого свойства̀, ни знакомства съ нимъ не имѣю, и никакого такого у меня не было, кто бъ ему за меня слово замолвилъ. Все сіе значитъ великодушное его сердце и человѣколюбивую его душу. А съ нами разговаривалъ онъ какъ съ ровными, не допуская насъ и поклониться себѣ. Сіе значитъ его смиренномудріе, и что онъ, въ великомъ чинѣ будучи, тѣмъ не гордится, а употребляетъ оный въ пользу и къ показанію милостей къ безпомощнымъ. Пишучи сіе, я мѣшаю благодарныя мои слезы къ нему съ чернилами, да благословитъ его и весь домъ его Господь Богъ изобильными своими щедротами. Во ожиданіи означеннаго экзамена упражненіе мое было въ пріуготовленіи себя къ оному.

30-го іюня присланъ къ намъ отъ коллегіи приказъ явиться 1-го іюня на экзаменъ. Мы, собравшись у коллегіи, дожидались повелѣнія. Въ 8 часовъ государь пріѣхалъ въ одноколкѣ и, мимо идучи, сказалъ намъ: «Здорово, ребята». Потомъ, чрезъ нѣкоторое время впустили насъ въ ассамблею, и генералъ-амиралъ приказалъ Зміевичу напредь распрашивать порознь, что̀ кто знаетъ о навигаціи. Потомъ, какъ дошла и моя очередь (а я былъ, по условію между нами, изъ послѣднихъ), то государь изволилъ подойдти ко мнѣ и, не давъ Зміевичу дѣлать задачи, спросилъ: «Всему ли ты научился, для чего былъ посланъ?» На что̀ я отвѣтствовалъ: «Всемилостивѣйшій государь, прилежалъ я по всей моей возможности, но не могу похвалиться, что всему научился, а болѣе почитаю себя предъ вами рабомъ недостойнымъ, и того ради прошу, какъ предъ Богомъ, вашея ко мнѣ щедроты». При сказываніи сихъ словъ я сталъ на колѣни, а государь, оборотивъ руку праву ладонью, далъ поцѣловать и при томъ изволилъ молвить: [1]) «Видишь, братецъ, я и царь, да у меня на рукахъ мозоли; а все отъ того: показать вамъ примѣръ и хотя бъ подъ старость видѣть мнѣ достойныхъ помощниковъ и слугъ отечеству». Я, стоя на колѣняхъ, взялъ самъ его руку и цѣловалъ оную многократно [2]), а онъ мнѣ сказалъ: «Встань, братецъ, и дай отвѣтъ, о чемъ тебя спросятъ; но не робѣй; буде что̀ знаешь, сказывай, а чего не знаешь, такъ и скажи». И оборотясь къ Зміевичу, приказалъ распросить меня; а какъ я давалъ отвѣты, то онъ изволилъ сказать Зміевичу: «Распрашивай о высшихъ знаніяхъ» [3]). И

---

[1]) У Голикова: „въ первой половинѣ будущаго мѣсяца“.

[2]) Тамъ же прибавлено: „Это дѣло иное, сказалъ на сіе великодушный Григорій Петровичъ“.

[1]) У Голикова прибавлено: „Трудиться надобно“.

[2]) Тамъ же: „осмѣлился взять самъ его царскую ручку и, многократно цѣлуя оную, пролилъ радостныя слезы“.

[3]) У Голикова: „И какъ распросы сіи касались до навигаціи и отвѣтами моими былъ онъ доволенъ, то государь велѣлъ ему экзаме-

по окончаніи у всѣхъ распросовъ, тутъ же пожаловалъ меня въ 'поручики въ морскіе галернаго флота и другого — Кайсарова [1]), а и другихъ также пожаловалъ, но ниже чинами [2]). Чрезъ малое потомъ время указалъ государь опредѣлить меня, Неплюева, смотрителемъ и командиромъ надъ строющимися [3]) морскими судами, по каковому случаю видѣлъ я государя почти ежедневно [4]), и всякій разъ [5]) благоволилъ со мною разговаривать о всякихъ вещахъ и случаяхъ [6]). И отъ флагмановъ Григорья Петровича Чернышева, къ которому я во всякое свободное время хаживалъ, и отъ Зміевича слыхалъ, что: «Государь-де тобою, господинъ поручикъ, является доволенъ и изволитъ говорить, что въ этомъ маломъ путь будетъ». Они же мнѣ подавали совѣты, чтобъ я прилежалъ къ своему дѣлу и былъ бы исправенъ. «То-де его величество тебя не оставитъ; только будь проворенъ и говори правду и ничего не солги, хотя бы что̀ и худо было; онъ-де больше разсердится, буде что̀ солжешь». Ихъ слова и въ правду явились. Однажды я пришелъ на работу, а государь уже прежде пріѣхалъ. Я испужался презѣльно и хотѣлъ бѣжать домой больнымъ сказаться, но вспомянувъ тотъ отеческій моего благодѣтеля совѣтъ, бѣжать раздумалъ, а пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ государь находился; онъ, увидѣвъ меня, сказалъ: «Я уже, мой другъ, здѣсь!» А я ему отвѣчалъ: «Виноватъ, государь, вчера былъ въ гостяхъ и долго засидѣлся [1]) и оттого опоздалъ». Онъ, взявъ меня за плечо, пожалъ, а я вздрогнулся, думалъ, что прогнѣвался: «Спасибо, малый, что говоришь правду: Богъ проститъ! Кто бабѣ не внукъ [2])! А теперь поѣдемъ со мной на родины» [3]). Я поклонился и сталъ за его одноколкою. Пріѣхали мы къ плотнику [4]) моей команды и вошли въ избу. Государь пожаловалъ родильницѣ 5 гривенъ и съ нею поцѣловался; а я стоялъ у дверей; онъ мнѣ приказалъ тоже сдѣлать, а я далъ гривну. Государь спросилъ бабу-родительницу: «Что̀ далъ поручикъ?» Она гривну показала, и онъ засмѣялся и сказалъ: «Ей, братъ, я вижу ты даришь не позаморски».—«Не чѣмъ мнѣ, царь-государь, дарить много; дворянинъ я бѣдный, имѣю жену и дѣтей, и когда бы не ваше царское жалованье, то бы, здѣсь живучи, и ѣсть было нечего». Государь спросилъ, что̀ за мною душъ, и гдѣ испомѣщенъ? Я все разсказалъ справедливо и безъ утайки. А потомъ хозяинъ поднесъ на деревянной тарелкѣ въ рюмкѣ горячаго вина; онъ изволилъ выкушать и заѣлъ пирогомъ съ морковью [5]). А потомъ и мнѣ поднесъ хозяинъ; но я отъ роду не пивалъ горячаго, не хо-

новать меня въ математикѣ, далеко ль я успѣлъ въ оной. Милостивое одобреніе, какое видѣлъ я въ очахъ монарха, сдѣлало меня неробкимъ; я рѣшилъ предлагаемыя мнѣ задачи довольно удачно".

[1]) Въ рукописи „Куракина"; у Гол. Кукарина.

[2]) У Голикова: „а всѣхъ другихъ мичманами".

[3]) У Голикова: „галерами и другими".

[4]) Тамъ же добавлено: „когда онъ не былъ въ отлучкѣ".

[5]) Тамъ же: „всякій пріѣздъ свой на работы".

[6]) Тамъ же: „о разныхъ матеріяхъ, паче же касательно до должности и званія моего".

[1]) У Голикова: „и долго меня позадержали". [2]) Тамъ же: „Кто Богу не грѣшенъ, кто бабѣ не внукъ"! [3]) Тамъ же: „По окончаніи работы государь сказалъ мнѣ: „Ты вчера былъ въ гостяхъ; а меня сегодня звали на родины; поѣдемъ со мною". [4]) Въ рукописи и у Свиньина ошибочно: „полковнику", у Голикова „плотнику".

[5]) У Голикова добавлено: „лежавшемъ на столѣ".

тѣлъ пить. Государь изволилъ сказать: «Откушай, сколько можешь; не обижай хозяина». Что я и сдѣлалъ. И изъ своихъ (рукъ) пожаловалъ мнѣ, отломя кусокъ пирога и сказалъ: «Заѣшь! Это родимая, а не италіянская пища». Потомъ изволилъ поѣхать, а я домой пошелъ обѣдать.

Былъ я также, по указу государеву, для переводу у чужестранныхъ министровъ, когда ихъ трактовали на новоспущенномъ кораблѣ, и когда государь изволилъ съѣзжать съ онаго, то пожаловалъ мимо идучи мнѣ поцѣловать руку.

1721 года, генваря въ первыхъ числахъ, былъ трактаментъ для всѣхъ бояръ и для морскихъ и гвардіи офицеровъ, почему и я тутъ былъ [1]). Мы, отобѣдавъ прежде, изъ-за столовъ встали, и я и со мною нѣсколько человѣкъ вошли въ ту камору, гдѣ государь сидѣлъ еще за столомъ; государь былъ очень веселъ, и по маломъ времени, изволилъ начать разговоръ, что ему потребенъ человѣкъ съ итальянскимъ языкомъ—послать въ Царьградъ резидентомъ. Александра Гавриловичъ [2]) отвѣчалъ, что онъ такого не знаетъ, а Ѳедоръ Матвѣевичъ говорилъ, что онъ такого знаетъ и очень достойнаго, но то бѣда, что очень бѣденъ. Государь отвѣчалъ, что бѣдность не бѣда. «Этому помочь можно скоро, но кто тотъ такой?» Ѳедоръ Матвѣевичъ сказалъ: «Вотъ онъ за тобою стоитъ».—«Да ихъ стоитъ за мною много», сказалъ государь. Ѳедоръ Матвѣевичъ отвѣчалъ: «Твой хвалёный, что у галернаго строенія». Онъ оборотился и, глядѣвъ на меня, изволилъ сказать: «Это правда, Ѳедоръ Матвѣевичъ, что онъ добръ, но мнѣ хотѣлось его у себя имѣть». Я поклонился государю; а онъ, подумавъ, изволилъ приказать, чтобъ меня во оную посылку назначить; и при семъ изъ-за стола встали, а меня адмиралъ поздравилъ резидентомъ и, взявъ за руку, повелъ благодарить къ государю. Я упалъ ему государю въ ноги и, охватя оныя, цѣловалъ и плакалъ [1]). Онъ изволилъ самъ меня поднять и, взявъ за руку, говорилъ: «Не кланяйся, братецъ, я вашъ отъ Бога приставникъ, и должность моя—смотрѣть того, чтобы недостойному не дать, а у достойнаго не отнять; буде хорошъ будешь, не мнѣ, а болѣе себѣ и отечеству добро сдѣлаешь; а буде худо, такъ я истецъ; ибо Богъ того отъ меня за всѣхъ васъ востребуетъ, чтобъ злому и глупому не дать мѣста вредъ дѣлать; служи вѣрою и правдою! Въ началѣ Богъ, а при немъ и я долженъ буду не оставить». Сіе говоря, оборотясь, изволилъ молвить: «кого жь я возьму на его мѣсто?» И съ тѣмъ словомъ опустилъ свою руку, а я при семъ цѣловалъ оную; и изволилъ отъ меня отдалиться. Благотворитель мой Григорій Петровичъ меня обнялъ и цѣловалъ отъ радости [2]); а я не могъ ему промолвить ни слова.

25 генваря изъ коллегіи иностранной [3]) присланъ именной указъ, дабы меня изъ адмиралтейской коллегіи прислать во оную для посылки ре-

[1]) У Голикова дополнено: „Государь съ боярами сидѣлъ за однимъ столомъ, а офицеры въ другой комнатѣ за другимъ“.

[2]) У Голикова: „Господинъ Головкинъ“; это былъ второй сынъ государственнаго канцлера графа Гаврилы Ивановича (1660—1734 г.) ум. въ 1760 году.

[1]) У Голикова: „я упалъ къ ногамъ его величества и, схватя оныя, цѣловалъ, проливая слезы, называя его отцемъ“.

[2]) У Голикова: „обнялъ меня и съ искренностію сердца поцѣловалъ, поздравилъ съ новою моею должностью“.

[3]) У Голикова добавлено: „въ адмиралтейскую при сообщеніи“.

зидентомъ ко двору султана турскаго въ Константинополь.

26-го генваря въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ учиненъ мнѣ, Неплюеву, окладъ резидентскій на годъ по три тысячи рублей; на подъемъ пожаловалъ государь тысячу рублей, а тѣ деньги велѣно принять въ Москвѣ, а инструкція дана изъ оной же коллегіи февраля 26-го числа, котораго дня я имѣлъ отпускную аудіенцію, при коемъ случаѣ его величество изволилъ поступать со мною съ отмѣнною милостію, обнадеживалъ своею государскою милостію и, прощаясь со мною, поцѣловалъ меня въ лобъ и изволилъ сказать послѣднее таковое слово: «Прости, братецъ, кому Богъ велитъ видѣться!» О разговорахъ при томъ бывшихъ, не описую, потому что запамятовалъ, съ единой стороны отъ того, что я обрадованъ былъ таковымъ милостивымъ мѣстомъ и отпускомъ; съ другой стороны, я совершенно былъ внѣ себя отъ печали и отъ слезъ съ нимъ, государемъ, прощаясь [1]). Потомъ былъ я для прощанія у господъ министровъ, которые меня всѣ обнадеживали своею помощію, а я просилъ ихъ о неоставленіи меня, потому что я сихъ министерскихъ дѣлъ не отправлялъ [2]). Былъ я также у всѣхъ нашихъ морскихъ командировъ, кои меня также весьма ласково отпустили. Господина Зміевича просилъ я о неоставленіи въ случаяхъ нужныхъ жены моей и деревнюшекъ. Пришедъ къ генералъ-адміралу прощаться, донесъ ему, что я отъѣзжаю и просилъ его о неоставленіи меня по заочности; онъ мнѣ на сіе только сказалъ: «Дуракъ!» Я, поклонясь его сіятельству, докладывалъ, что не знаю чѣмъ его прогнѣвалъ, а онъ мнѣ на то отвѣчалъ тоже слово: «Дуракъ!» На что я уже и не посмѣлъ ничего говорить, а онъ помолчавъ сказалъ: «Съ чѣмъ ты жену да дѣтей оставляешь? Вѣдь имъ только что по міру ходить; для чего ты не просилъ государя, чтобъ давать въ твое отсутствіе [1]) по окладу твоего чина имъ отъ насъ жалованья?» Я ему на то докладывалъ, что того не посмѣлъ, да и не думалъ; а онъ, выслушавъ сіе, закричалъ на меня: «Потому-то ты и дуракъ! Да добро, помиримся и простимся съ тобою! Коли будешь хорошо служить, такъ государь тебя не оставитъ и наградитъ; онъ и вчера со мною говорилъ; прикажи же женѣ своей, что ежели ей въ чемъ нужда будетъ, то бъ ко мнѣ за всѣмъ присылала, сколько ей будетъ надобно; я и деньгами ссужать буду». Я доложилъ на сіе его сіятельству, что я жену намѣренъ отправить въ деревню, ибо здѣсь себя содержать не можно. «Ну такъ вели ей ко мнѣ писать, сказалъ на то генералъ-адміралъ; я всякую ей помощь сдѣлаю» [2]). Простясь я съ нимъ, для того жь пошелъ къ Григорью Петровичу Чернышеву; сей добродѣтельный мужъ прощался со мною, какъ съ кровнымъ, и далъ мнѣ еще отеческое наставленіе, чтобъ я служилъ и отправлялъ

---

[1]) У Голикова: „Разговоровъ и отеческихъ наставленій его величества не могу припомнить, потому что находился тогда отъ печали, прощаясь съ государемъ, внѣ себя и какъ бы помѣшаннымъ“.

[2]) Тамъ же: „яко безопытнаго въ дѣлахъ министерскихъ“.

---

[1]) У Голикова добавлено „по крайней мѣрѣ“.

[2]) У Голикова: „....прикажи же женѣ-то твоей, что буде ей въ чемъ нужда будетъ, за всѣмъ ко мнѣ присылать; я ея не оставлю“. „Я, государь, намѣренъ ее отправить въ деревнишку свою, ибо здѣсь содержать ей себя не можно“. „Фу, какая бѣда! Инъ — вели ей ко мнѣ писать, это все равно“, заключилъ графъ.

дѣло мое съ подлежащею вѣрностію [1]: «А прежде-де отъѣзда твоего сходи къ Остерману и съ нимъ ознакомься: онъ по [2]) вашимъ дѣламъ у государя въ отмѣнности; а я-де за тебя его уже просилъ, чтобъ онъ тебя любилъ, и чтобъ далъ тебѣ наставленіе, какъ тебѣ поступать». А сверхъ того и такое сдѣлалъ мнѣ благодѣяніе: изъ деревень его замосковныхъ Ерополецъ [3]) былъ отданъ въ рекруты во флотъ одинъ крестьянинъ, именемъ Аѳанасій, который по той причинѣ жилъ въ домѣ Григорья Петровича и всему былъ обученъ и весьма проворенъ; того онъ далъ мнѣ вмѣсто деньщика, а моего деньщика взялъ на то мѣсто, увѣривъ меня, что я на сего человѣка могу во всемъ положиться. Простясь я съ моимъ благодѣтелемъ, былъ у Остермана, который меня принялъ также весьма ласково и далъ мнѣ на многіе случаи поученія, о чемъ я прежде по истинѣ и не думалъ.

Изъ Санкпетербурга выѣхалъ я, и при мнѣ сынъ мой Адріанъ, бывшій тогда по 9-му году, марта 9-го числа 1721 году, и заѣхалъ въ деревню мою въ сельцо Поддубье, и тутъ 2 дни пробывъ, оставивъ жену мою и сына моего Ивана и дочь Марью, самъ отправился въ путь, оставя жену мою беременну, которая и родила дочь Марѳу, коя умерла вскорѣ. Пріѣхавъ въ Москву, получилъ я пожалованныя деньги и закупилъ потребное; и тутъ я увидѣлъ, какимъ проворнымъ и усерднымъ человѣкомъ наградилъ меня Григорій Петровичъ.

[1]) У Голикова добавлено: «и усердіемъ».
[2]) Тамъ же: „министерскимъ“.
[3]) Ерополецъ, Ярополчь или Казанское, большое село Московской губерніи, по дорогѣ въ Зубцовъ, въ 115 в. отъ Москвы, на р. Ламѣ.

1721 года сентября 8-го числа прибылъ я въ Царьградъ и октября 17-го числа имѣлъ купно съ прежнимъ посланникомъ Даниловымъ аудіенцію у султана турецкаго Ахмета, на коей о себѣ подалъ вѣрющую грамоту, и прежде были на аудіенціи у визиря его Ибрагима.

Того-жь году октября 22-го числа его царское величество Петръ Первый самодержецъ всероссійскій изволилъ воспріять императорскій титулъ и съ того времени начали писать во всѣхъ письмахъ императоромъ.

1722 года октября 31-го дня отправилъ я сына моего Адріана и при немъ дядькою вышеписаннаго Аѳанасья еропольскаго чрезъ Мальту и Францію въ Голландію для науки, а въ Голландію рекомендовалъ его послу князю Куракину.

Того же года его императорское величество Петръ Первый изволилъ ходить съ войсками въ Персію противъ персидскихъ бутонщиковъ Лезвовъ за учиненныя отъ нихъ убійства и убытки россійскимъ купцамъ въ Шамахѣ; тѣмъ походомъ взятъ городъ Дербентъ.

Въ началѣ 1723 году прислана ко мнѣ отъ его императорскаго величества полная мочь трактовать съ Портою о персидскихъ дѣлахъ подъ медіаціею французскаго посла марки де Бонака по причинѣ начатой его величествомъ войны въ Персіи, по случаю которой посланъ отъ Порты ко двору россійскому посланникъ Капиджи-Пашаникли-Мехметъ-Ага.

Того жь года мѣсяца іюля умеръ сынъ мой Иванъ 7 лѣтъ отъ роду.

Въ семъ-же году взятъ персидскій городъ Баку.

Сентября 12-го числа того-жь году его величество заключилъ трактатъ

съ персидскимъ шахомъ Тахмасебомъ. Въ слѣдствіе вышеписаннаго полномочія происходили съ турецкими министрами рейсъ-ефендіемъ Мегметомъ да Хаджи-Мустафою-ефендіемъ многія конференціи, и наконецъ 1724 году іюня 27-го дня заключилъ я, Неплюевъ, подъ медіаціею того посла марки де Бонака, о персидскихъ дѣлахъ трактатъ, а тѣми размѣнялся съ самимъ визиремъ Ибрагимъ-Пашею, при чемъ визирь подарилъ мнѣ шубу соболью, да лошадь съ уборомъ.

Съ онымъ трактатомъ послалъ я ко двору переводчика Мальцева, которому, по прибытіи въ Петербургъ, велѣлъ я оному и мою реляцію подать въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, а съ нимъ отправилъ письмо къ моему благодѣтелю Григорью Петровичу Чернышеву, также и къ Андрею Ивановичу Остерману слѣдующаго содержанія:

«Милостивый ко мнѣ государь Григорій Петровичь!»

«Ваше превосходительство первая причина моего благополучія, и я по милостивому вашему предстательству пожалованъ чиномъ и награжденъ мѣстомъ сверхъ моего достоинства; нынѣ же нахожусь, что отпуская сего курьера, и во ожиданіи—какъ мои дѣла приняты будутъ, въ безмѣрномъ страхѣ, и если оныя къ несчастью моему не угодны окажутся его императорскому величеству, то по истинѣ я жить болѣе не желаю, но вамъ до послѣдней минуты жизни съ совершеннымъ благодарнымъ высокопочитаніемъ пребуду».

«Милостивый государь Андрей Ивановичь!»

«При отъѣздѣ моемъ милостиво меня обнадежить изволили не оставлять меня вашею протекціею, а какъ нынѣ при полученіи сего курьера, вамъ, милостивый государь, къ тому есть пространный случай, то о показаніи вашея ко мнѣ милости и прошу покорно. Ей, ей, Богомъ свидѣтельствуюсь, что весь смыслъ мой употребилъ сдѣлать его императорскому величеству угодное; но какъ принято будетъ, и могъ ли я предусмотрѣть всѣ виды пользы, того не знаю, и сіе меня мучитъ смертельно, и доколѣ не возъимѣю на оное отвѣта, въ страданіи останусь; и потому васъ, милостивый государь, покорно прошу оказать ко мнѣ и ту милость— увѣдомить меня, не умедля, ибо коллежское отправленіе такъ быть не можетъ; а я за все то инымъ ничѣмъ воздать не имѣю, какъ славить вашу милость и до послѣдняго издыханія пребыть со искреннѣйшею благодарностію и высокопочитаніемъ».

Августа 25-го числа получилъ я отъ Андрея Ивановича Остермана письмо слѣдующаго содержанія:

«Милостивый государь мой Иванъ Ивановичь!»

«Не имѣлъ я желаннаго случая оказать вамъ мои услуги по причинѣ присланной піесы вашей съ господиномъ Мальцевымъ, потому что пакетъ вашъ и письма всѣ партикулярныя распечатаны въ коллегіи того-жь дня въ присутствіи императора; я только предварительно васъ могу увѣдомить и поздравить, что его императорское величество не токмо въ томъ поступокъ вашъ апробовать, но и наградить васъ чиномъ, деревнями и для фамиліи вашей жалованьемъ соизволилъ. Позвольте жь мнѣ васъ со всѣмъ тѣмъ поздравить, а себѣ испросить у васъ время ко оказательству услугами моими самымъ дѣйствіемъ того почтенія, съ коимъ я есмь и пребуду навсегда при должномъ почтеніи».

Сіе письмо получилъ я, будучи на асамблеи у цесарскаго министра, и съ сего часа начало проходить мое уныніе, въ которомъ я былъ съ самаго дня заключенія трактата.

Августа 29-го числа получилъ я указъ, что его императорское величество, выслушавъ присланныя письма съ Мальцовымъ, апробовать мой поступокъ въ томъ изволилъ и меня пожаловалъ: 1-е) капитаномъ морскимъ 1-го ранга; 2-е) деревнями въ Устюжно-Желѣзопольскомъ уѣздѣ 400 душъ; 3-е) женѣ и дѣтямъ моимъ производить отъ адмиральтейской коллегіи жалованье полное по морскому моему чину; 4-е) сыну моему Адріану, находящемуся въ Голландіи, жалованья по 300 рублей на годъ съ повелѣніемъ обучаться ему математическимъ и протчимъ наукамъ. Съ ратификаціею на оной трактатъ къ Портѣ присланъ генералъ-маіоръ Александръ Ивановичъ Румянцовъ.

1725 году въ февралѣ мѣсяцѣ получилъ я плачевное извѣстіе, что отецъ отечества, Петръ, императоръ I-й, отъиде сего свѣта. Я омочилъ ту бумагу слезами, какъ по должности о моемъ государѣ [1]), такъ и по многимъ его ко мнѣ милостямъ, и ей-ей, не лгу, былъ болѣе сутокъ въ безпамятствѣ; да иначе бы и мнѣ и грѣшно было: сей монархъ отечество наше привелъ въ сравненіе съ прочими [2]); научилъ узнавать, что и мы люди [3]); однимъ словомъ, на что̀ въ Россіи ни взгляни, все его началомъ имѣетъ, и что̀ бы впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ; а мнѣ собственно, сверхъ-вышеписаннаго, былъ государь и отецъ милосердый; да вчинитъ Господь душу его, многотрудившагося о пользѣ общей, съ праведными.

1727 году, ея императорское величество государыня императрица Екатерина Алексѣевна изволила жену мою повелѣть, по прошенію моему, отпустить въ Царьградъ и на дорогу пожаловала 500 руб. и въ провожатые съ нею повелѣла отпустить съ жалованьемъ флота лейтенанта Василья Ивановича Татищева, ея двоюроднаго брата, да прапорщика Наковальнина, и подводы до Кіева съ казенными прогонами; а того-жь году августа 15-го дня прибыла въ Царьградъ.

1728 году іюля 17-го числа, его императорское величество Петръ II-й пожаловалъ меня, Неплюева, въ галерной флотъ капитаномъ-командоромъ.

1730 году генваря 19-го числа, въ 3 часу по полудни, родилась въ Царьградѣ дочь моя Анна, которая въ замужствѣ коммерцъ-коллегіи за вице-президентомъ Лунинымъ.

Того жь году декабря 2-го числа, ея величество государыня императрица Анна Ивановна пожаловала меня, Неплюева, въ галерный флотъ шоубенахтомъ.

1731 году мая 12-го числа, въ 8 часу по полудни, въ Царѣградѣ, родился сынъ Николай, который нынѣ находится въ кадетскомъ корпусѣ сержантомъ. (А сіе о немъ и о дочери моей приписано 1750 году).

1732 году, отъ пріѣхавшаго изъ Аѳонскихъ горъ архимандрита былъ я зараженъ повѣтріемъ, почему, жалѣя жену мою и дѣтей, также и служителей, въ предмѣстіи у Царьграда, именуемомъ Буюкдере, заперся во особую комнату и получалъ пропитаніе въ окно, никого къ себѣ не до-

[1]) У Голикова добавлено: „и подданныхъ своихъ истинномъ отцѣ“.

[2]) Тамъ-же: „съ лучшими державами.“

[3]) Тамъ-же: „научилъ узнавать насъ свои дарованія и способности“.

пуская; жена моя ежечасно у дверей о томъ со слезами просила меня; но при помощи Божіей, приниманіемъ хины съ водою, которая поносъ производила, отъ той язвы хотя и исцѣлился, но съ самаго того времени чувствую частые и тяжкіе припадки; а по вышеписанному обстоятельству, опасаясь быть причиною напрасной смерти жены моей и дѣтей, вознамѣрился я ихъ возвратить въ отечество, почему противъ воли жены моей, дѣтей моихъ, Анну и Николая изъ Цареграда марта 11 дня, отправилъ съ чрезвычайнымъ посланникомъ, княземъ Иваномъ Андреевичемъ Щербатовымъ, къ Оттоманской Портѣ пріѣзжавшимъ [1]).

1734 году нашелся я столь отягченъ болѣзнію и отъ того пришелъ въ такую слабость, что медики отказались отъ пользованія, и по сей причинѣ принужденъ я былъ отъ правленія дѣлъ отказаться и на свое мѣсто именемъ ея величества акредитовать надворнаго совѣтника Алексѣя Вешнякова, что̀ учинено 30-го декабря того-жь году, а ко двору о всемъ вышеписанномъ представилъ; почему и присланъ указъ: быть на моемъ мѣстѣ помянутому Вешнякову, а мнѣ ѣхать въ Россію.

[1]) Князь Иванъ Андреевичъ Щербатовъ, извѣстный русскій дипломатъ первой половины XVIII в.; род. въ 1696 г., съ 1719 г., учился въ Лондонѣ и въ 1723 г. былъ оправленъ въ Испанію, чтобъ завязать торговыя сношенія съ тамошними купцами, въ 1726 г. въ туже страну былъ назначенъ посланникомъ; затѣмъ, какъ говоритъ Неплюевъ, пріѣзжалъ чрезвычайнымъ посланникомъ въ Царьградъ, потомъ былъ президентомъ юстицъ-коллегіи и наконецъ посланникомъ въ Лондонѣ; ум. въ 1761 г. Онъ въ 1720 г. перевелъ сочиненіе Джона Ло „Деньги и купечество“, а въ 1724 г. написалъ „Вѣдѣніе о торговлѣ россійской“. Свѣдѣнія о немъ въ письмахъ герцога де Лиріа („Осмнадцатый вѣкъ, кн. II и III) и въ изслѣдованіи *П. П. Пекарскаго* „Наука и литература при Петрѣ Великомъ“, т. I

Въ 1735 году прибылъ я въ С.-Петербургъ и пожалованъ тайнымъ совѣтникомъ, съ тѣмъ, чтобъ присутствовать мнѣ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

Въ 1737 году посланъ я съ двумя еще послами въ Немировъ, на конгрессъ, для трактованія [1]) съ Турками; но въ семъ не преуспѣли, за несогласіемъ съ другими послами; почему два нашихъ посла и возвращены ко двору, а мнѣ повелѣно въ ожиданіи, удобнѣйшаго къ тому случая ѣхать въ Кіевъ, а между тѣмъ быть губернаторомъ для заграничной корреспонденціи, во время войны съ Турками, по окончаніи которой употребленъ я полномочнымъ министромъ къ разграниченію земель, по трактату съ высочайшимъ государыни императрицы Анны Ивановны обнадеживаніемъ, что если я сіе исполню, то принятъ буду въ особую ея милость и награжденъ буду орденомъ святаго Александра и великими деревнями, которое въ 1740 году между рѣкъ Буга и Днѣпра мною и учинено [2]) и возвратился въ Кіевъ, во ожиданіи указа.

Тогожь году декабря 4-го числа преставилась въ Кіевѣ жена моя Ѳедосья Ѳедоровна и погребена надъ Ѳеодосіевыми пещерами, внутри церкви, стоящей у землянаго вала.

Въ томъ-же году присланнымъ указомъ повелѣно мнѣ быть въ Петербургъ, для вящшаго объясненія по моей комиссіи и для переговоровъ съ турецкимъ посломъ, въ Санктпетербургѣ находящимся; по пріѣздѣ мо-

[1]) У Голикова: прибавлено „о мирѣ“

[2]) Въ статьѣ: „Историческія бумаги XVIII вѣка“, помѣщенной въ Русской Бесѣдѣ 1860 г., кн. I, находится одно письмо И. И. Неплюева къ герцогу Бирону, отъ 4-го сентября 1740 г, изъ лагеря при р. Бугѣ.

емъ въ Петербургъ, отъ правительницы Анны, по силѣ обѣщанія императрицы Анны Ивановны, награжденъ орденомъ святаго Александра и немалыми въ Украйнѣ деревнями, а именно: волостью Ропскою и мѣстечкомъ Быковымъ со всѣми ко онымъ принадлежностьми, въ коихъ было болѣе 2000 дворовъ, и пожалованъ я надъ всею Малороссіею главнымъ командиромъ, почему я изъ Петербурга и отъѣхалъ.

Въ проѣздъ моей, въ Москвѣ женился на дѣвицѣ Аннѣ Ивановнѣ, дочери покойнаго генералъ-поручика Ивана Ивановича Панина, [1]) 1741 году октября 7 дня, и съ нею отправился къ управленію Малороссіею, въ Глуховъ. Въ исходѣ того года присланъ въ Глуховъ съ объявленіемъ о восшествіи на престолъ императорской дщери Петра Перваго, цесаревны Елисаветъ Петровны, Александра Борисовичъ Бутурлинъ, коему повелѣно меня, смѣня отъ всѣхъ должностей, отправить въ Петербургъ, а при томъ публиковать, такъ какъ и во всемъ государствѣ публиковано было, что всѣ указы, какого-бы званія ни были, данные въ бывшее правленіе, уничтожаются, и всѣ чины и достоинства отъемлются, и посему я увидѣлъ себя вдругъ лишеннымъ знатнаго поста, ордена и деревень; но какъ я во всю мою жизнь и всѣмъ бывшимъ на престолѣ службу отправлялъ по всей возможности силъ моихъ и ни въ какія придворныя дѣла никогда и нисколько не мѣшался, то, возложась на промыслъ Божій, выѣхалъ изъ Глухова немедленно и путь продолжалъ съ поспѣшностью, дабы узнать скорѣе мой жребій и успокоить страждующую жену мою, которая, самое малое время живъ со мною, ввергалась чрезъ меня, хотя и неповинно, чему самъ Богъ свидѣтель, въ такое бѣдственное и неизвѣстное состояніе. Пріѣхавъ въ Москву, узналъ отъ тещи моей, Аграфены Васильевны, что меня обвиняютъ дружбою съ графомъ Андреемъ Ивановичемъ Остерманомъ, и что онъ и другіе признаны достойными наказанія, и публично то надъ ними исполнилось; и хотя я ничего противнаго отечеству и самодержавной власти не только не дѣлалъ, но не слыхалъ, но ей-ей и никогда и не думалъ; со всѣмъ тѣмъ сія вѣдомость меня потревожила несказанно. Въ графѣ жь Андреѣ Ивановичѣ имѣлъ я всегда моего благодѣтеля, и за что онъ такъ осужденъ былъ, того также, по совѣсти, какъ предъ Бога явиться, не вѣдалъ; но, жалѣя бѣдную жену мою, старался ее ободривать; да и въ самомъ дѣлѣ возложился на Бога и на мою неповинность, и съ тѣми мыслями въ Петербургъ прибылъ, и явился у князя Алексѣя Михайловича [1]) и у князя Никиты Юрьевича [2]), кои мнѣ всегда были благодѣтели. Князь Никита Юрьевичъ сказалъ, чтобъ я ѣхалъ къ принцу Гессенъ-Гомбургскому и ему доложилъ о моемъ пріѣздѣ, что я и сдѣлалъ. Отъ принца присланъ былъ ко мнѣ приказъ, чрезъ нѣсколько часовъ послѣ моея у него бытности, чтобъ я никуды не съѣзжалъ съ двора, и потомъ увѣдалъ, что въ бывшей особоучрежденной Коммисіи въ 16-ти пунктахъ допрашивали графа Остермана: не вѣдалъ ли о семъ Неплю-

---

[1]) Отецъ гр. Никиты и Петра Ивановичей, род. 1673 г., ум. 1736 г. Въ Рос. род. книгѣ" Долгорукова, I, стр. 166, и у Лонгинова. (XVIII в., III, стр. 168) онъ названъ Иваномъ Васильевичемъ; но показаніе Неплюева едвали можно считать не вѣрнымъ.

[1]) Черкасскаго (род. 1680, ум. 1742 г.).

[2]) Трубецкаго (род. 1700 г., ум. 1768 г.).

евъ; а онъ давалъ отвѣты, какъ то и подлинно и было, что я ни о чемъ не былъ извѣстенъ; и хотя онъ нынѣ несчастенъ, но я не могу отперсться, что онъ былъ мой благотворитель и человѣкъ таковыхъ дарованій ко управленію дѣлами, каковыхъ мало было въ Европѣ [1]).

Въ началѣ 1742 года присланъ ко мнѣ отъ принца приказъ, чтобъ я у двора явился, что̀ я и исполнилъ, и при семъ случаѣ поставленъ я былъ на колѣни предъ церковью въ то время, когда императрица Елизаветъ Петровна проходила во оную; она изволила, остановясь, возложить на меня паки орденъ святаго Александра и пожаловать меня допустить къ рукѣ; я, увидѣвъ дщерь государя, мною обожаемаго, въ славѣ, ей принадлежащей, и въ лицѣ ея черты моего отца и государя Петра Перваго, такъ обрадовался, что забылъ и все минувшее и желалъ ей отъ истинной души всѣхъ благъ и послѣдованія ей путемъ въ Бозѣ опочивающаго родителя. Потомъ сдѣлалъ я визиты всѣмъ знатнымъ. Старый мой благодѣтель, Григорій Петровичъ, принялъ меня, какъ роднаго, и всѣ силы употреблялъ къ защищенію моей невинности, но не преуспѣлъ въ томъ. Чрезъ нѣсколько дней сдѣлана мнѣ отъ сената повѣстка, чтобъ я во оный явился, гдѣ мнѣ объявленъ ея величества именной указъ, чтобъ ѣхать въ Оренбургскую экспедицію командиромъ, которая экспедиція учреждена въ 1735 году для новоподдавшагося Киргизъ-Кайсацкаго кочующаго между морей Каспійскаго и Аральскаго народа, и для распространенія коммерціи, утвержденія отъ того степнаго народа границы; а въ какомъ состояніи я нашелъ тамошнія дѣла, что̀ преуспѣлъ, то ниже показано будетъ.

По содержанію того высочайшаго повелѣнія, отправился я съ покойнымъ по невинности моей духомъ; но въ несчастіе таковое приведенная жена моя, съ самого сего дня, поверглась во уныніе, и отъ того никакимъ совѣтомъ ее я извлечь не могъ, отъ чего и почувствовала тяжкіе болѣзненные припадки. Прибылъ я наконецъ съ нею и съ дѣтьми моими, Анною и Николаемъ, въ Самару, въ которомъ, на Волгѣ лежащемъ городѣ, всѣ командиры той экспедиціи имѣли свое пребываніе, а граница оставалась вся неукрѣпленною, кромѣ нѣкотораго малаго числа крѣпостей по Самарской и Яицкой линіямъ, и главнѣйшая изъ тѣхъ крѣпость, именуемая Оренбургъ, а послѣ мною переименованная Орскою, на рѣкѣ Яикѣ, была окружена заборомъ изъ плетня, осыпаннымъ землянымъ бруствером и снабженная малымъ числомъ гарнизона. Въ ту крѣпость Орскую по однажды въ годъ ѣзжали командиры со многочисленнымъ кон-

[1]) Порошинъ, въ своихъ „Запискахъ (стр. 75—76), приводитъ разсказъ Н. И. Панина, что по дѣлу Волынскаго„ дошло было и до князя Никиты Юрьевича Трубецкаго, но что спасъ его въ то время Иванъ Ивановичъ Неплюевъ; какъ послѣ добрались до Остермана, и князь Никита Юрьевичъ былъ въ коммиссіи, то и Ивана Ивановича Неплюева также было выслуживаясь хотѣлъ управить какъ Остермана, говоря, что въ немъ душа Остерманская» — Приводимъ здѣсь кстати и другой разсказъ Панина о Неплюевѣ, относящійся ко временамъ императрицы Анны и также записанный Порошинымъ (стр. 151—152): «Иванъ Ивановичъ въ свое время человѣкъ былъ гораздо не глупый и дѣловой; особливо похвалялъ (Панинъ) сочиненный имъ во владѣніе императрицы Анны Іоанновны, по приказанію графа Остермана, указъ о выкупѣ и о закладѣ имѣній, называя указъ сей сочиненіемъ весьма благоразумнымъ и достойнымъ быть въ законахъ государства просвѣщеннаго. Сей указъ послѣ отмѣненъ, какъ Никита Ивановичъ изволилъ сказывать, по предложенію князя Никиты Юрьевича“.

воемъ, потому что по всей той линіи регулярныхъ командъ нигдѣ не было, кромѣ бѣглыхъ крестьянъ, названныхъ казаками, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ населенныхъ, а въ зиму и вовсе коммуникація съ Яицкою линіею пресѣкалась.

Увѣдавъ о всемъ томъ, первою должностію почелъ осмотрѣть всѣ мѣста и положенія той линіи; почему того-жь 1742 году по онымъ и ѣздилъ и, сдѣлавъ примѣчанія, опредѣлилъ заведенныя селенія и вновь мною на пустыхъ и удобныхъ мѣстахъ назначенныя, укрѣпить по правиламъ фортификаціоннымъ и отъ степнаго народа къ оборонѣ достаточными.... [1]) снабдя всѣ тѣ мѣста гварнизономъ изъ регулярныхъ, артиллеріею и пороховыми казнами, а прежде меня названную крѣпость Оренбургскую переименовалъ Орскою, по близости рѣки того названія, укрѣпить валомъ съ бастіонами. Къ переименованію жь имени сей крѣпости, и что я за главную къ торговлѣ ту не могъ назначить, были таковыя причины: 1-е, то мѣсто безлѣсно; 2-е, построена на поемномъ мѣстѣ и по сему къ житью не здорово; 3-е, для произведенія торговли по отдаленности и по опасности въ проѣздахъ купцамъ россійскимъ не способная; 4-е, въ проѣздъ къ той крѣпости по пустымъ мѣстамъ, всегда подвержены были купеческіе капиталы грабленію отъ Киргизцовъ, что̀ и ежегодно исполнялось. Для всѣхъ сихъ обстоятельствъ и болѣе для ближайшаго надзиранія надъ склоннымъ къ бунтамъ Башкирскимъ народомъ, внутри тѣхъ линій поселеннымъ, избралъ я мѣсто ниже по теченію рѣки Яика прежде означенной главной крѣпости 250 верстъ и основалъ тутъ крѣпость, которую и наименовалъ, слѣдуя первому названію, Оренбургомъ. О всемъ выше писанномъ донесъ я какъ въ сенатъ, такъ и въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, отъ коихъ и получилъ во всемъ томъ апробацію. Возъимѣвъ тое̑, было мое стараніе привесть тотъ городъ въ порядокъ, какъ для безопасности жителей, назнача оный оградить рвомъ и валомъ съ каменною одеждою въ цирконференціи безъ мала 5 верстъ, и снабдить достаточнымъ гарнизономъ и поселянами, для коихъ, какъ и многія публичныя строенія, построилъ я изъ казны, приманивая купцовъ изъ Самары и изъ другихъ мѣстъ разными выгодами; а какъ во всякомъ случаѣ лучшій примѣръ къ снесенію труда можетъ подать командующій, то я самъ на томъ мѣстѣ жилъ въ палаткахъ до ноября мѣсяца, имѣя только для дочери моей кибитку, а для себя обыкновенную землянку, каковыя и у послѣдняго жителя были, и не прежде въ построенный командирскій домъ вошелъ, какъ и всѣ жители—въ ихъ домы, а гарнизонъ—въ казармы, и болѣе уже (по прежнему обычаю командировъ) въ Самару, то есть въ Русь, не возвращался. Сіе исполнивъ, обратилъ я мое вниманіе на приманиваніе къ торговлѣ купцовъ изъ Россіи, также и Азіятцевъ. О первыхъ писалъ я во всѣ магистраты, увѣряя, что польза собственная ихъ изъ словъ моихъ будетъ свидѣтелемъ; а для вторыхъ посылалъ я за границу грамоты, приглашая какъ Киргизцовъ, такъ Хивинцевъ, Ташкенцевъ, Кашкарцевъ, Трухменцевъ и Бухарцевъ къ торговлѣ, обнадеживая и симъ ихъ пользою. Въ сію посылку употреблялъ я магометанъ, Татаръ слободы Сеи-

[1]) Въ рукописи пропускъ одного или нѣсколькихъ словъ.

товой [1]); и какъ сей народъ легко ослѣпленъ быть можетъ корыстію, то я сихъ Татаръ и наградилъ изобильно и обнадежилъ, по исполненіи ихъ комиссіи съ успѣхомъ, наградить еще болѣе, кои, получа первое и льстясь послѣднимъ, столь усердно по всѣмъ тѣмъ областямъ старались, что съ 1745-го году знатный торгъ въ Оренбургѣ возъимѣлъ начало, такъ что я уже въ состояніи былъ, вмѣсто получаемыхъ отъ начала той экспедиціи ежегодно до 30,000 р. изъ казны, содержать оную отъ доходовъ пошлинныхъ; а сверхъ того, ввезено торгомъ въ Россію вошедшаго въ объявленіи слишкомъ 5000 р. серебра, а болѣе того числа вошло, кое не было въ объявкѣ, и не мало золота, а пошлинный сборъ доходилъ до 50 тысячъ въ годъ. Прежде меня отъ бывшей коммерціи никогда трехъ тысячъ въ годъ не приходило.

Въ 1743-мъ году ѣздилъ я выше той Орской крѣпости, вверхъ по рѣкамъ Яику и Ую, которое разстояніе отъ заложеннаго мною Оренбурга слишкомъ 700 верстъ, на коемъ, кромѣ Верхояицкой крѣпости, по всей линіи никакого не было укрѣпленія и селенія. По удобнымъ мѣстамъ назначилъ я созидать крѣпости и редуты, и тѣ снабдилъ гарнизонами и всѣмъ потребнымъ; къ размноженію-жь торга за полезное призналъ и на Уйской линіи построить одну крѣпость познатнѣе, для того что къ той рѣкѣ прилегаютъ Киргизцы Средней Орды, коимъ въ Оренбургъ на торгъ ѣздить за отдаленностью не было удобно, а болѣе для обузданія Башкирцевъ Ногайской дороги. Все сіе мое учрежденіе получило апробацію; а я, видѣвъ дѣламъ моимъ успѣхъ въ пользу отечества, былъ совершенно доволенъ и спокоенъ, забывъ ту прискорбность, съ коею въ сію экспедицію прибылъ. На возвратномъ моемъ пути съ верхней линіи, превозмогла грусть жену мою, которая въ томъ-же году, въ Орской крѣпости, преставилась. Я спѣшилъ удалиться сего мѣста, что̀ и исполнилъ, отдавъ ей послѣдній долгъ пристойнымъ погребеніемъ.

Въ 1745 году представилъ я о переименованіи сей экспедиціи въ губернію и о приписаніи ко оной отъ Казанской Уфимской и отъ Сибирской Исецкой провинцій, что̀ также апробовано. Во многихъ мѣстахъ лежавшіе отъ начала праздно въ нѣдрахъ земныхъ минералы стараніемъ моимъ сдѣлались открыты; а по сему и желающіе явились заводить разные заводы, коихъ польза̀ какъ общая, такъ и частная заводчиковъ, всѣмъ уже извѣстна, почему я и описывать то оставляю.

Въ 1750 году дозволено мнѣ было наконецъ у двора на время явиться, дабы трактовать со мною по представленіямъ моимъ о начатіи торга въ Индію; почему я въ Петербургъ и пріѣхалъ. И въ сію бытность, слѣдуя волѣ моей, женился сынъ мой Николай на дочери Санктпетербургскаго оберъ-коменданта, князя Ѳеодора Васильевича Мещерскаго, Татьянѣ, что̀ и исполнилось мая 30 числа 1751 года; а въ томъ же годѣ, въ день торжества восшествія на престолъ, пожалованъ я дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и от-

[1]) Слобода Сеитова, подъ Оренбургомъ на рѣкахъ Сакмарѣ и Каргалѣ (нынѣ посадъ Сеитовскій или Каргала) основана Неплюевымъ въ 1744 г, и первоначально была заселена зажиточными торговыми людьми изъ Казанскихъ Татаръ. Историческія свѣдѣнія объ этомъ поселеніи см. въ изданіи министерства внутреннихъ дѣлъ: „Городскія поселенія Россійской имперіи“, т. III, стр. 492—497.

правленъ обратно въ Оренбургъ, не возъимѣвъ къ огорченію моему успѣха о начатіи предпріятаго мною въ пользу Россіи торга съ Индіею [1]). Возвратясь въ Оренбургъ, пребывалъ тамо во исполненіи по всей возможности моего долгу спокойно.

Въ томъ же 1751 году сынъ мой Николай, бывшій сержантомъ, атестованъ и въ докладъ написанъ въ подпорутчики кадетскаго корпуса, по прошенію моему выпущенъ въ порутчики армейскихъ полковъ и опредѣленъ въ мою команду, почему и причисленъ мною въ должность генеральсъ-адъютанта.

Въ началѣ 1752 года, по имянному указу, пожалованъ капитаномъ сынъ мой и прибылъ съ женою и двумя его сыновьями, Иваномъ и Николаемъ, ко мнѣ въ Оренбургъ и употребленъ мною къ правленію дѣлъ, какъ по воинской командѣ и заграничной экспедиціи, такъ и къ сочиненію по всѣмъ тѣмъ и губернскимъ дѣламъ отъ меня въ сенатъ, въ коллегіи иностранную и военную представленій, а сверхъ того, будучи я уже дряхлъ, вмѣсто себя посылалъ его въ разныя мѣста дѣлать примѣчанія для безсомнительнаго и вѣрнѣйшаго моего познанія.

Въ 1754 году родился мнѣ третій внукъ, коего я наименовалъ Самсономъ по той причинѣ, что прадѣдъ мой былъ того имени, который, будучи выгнанъ отъ роднаго своего брата изъ наслѣднаго ему дома, дожилъ вѣкъ свой въ недостаткахъ терпѣливо, но Провидѣніе, награждающее смиренныхъ и наказующее злыхъ, не токмо тому праведному Самсону принадлежащую, но и брату, обидѣвшему его, части доставило отцу моему.

Въ 1755 году мая 13-го числа преставился внукъ мой Николай, всякаго портрета къ сыну моему лицемъ сходнѣйшій, а въ томъ же годѣ іюля 20-го дня скончала жизнь и невѣстка моя, Татьяна Ѳедоровна. Скорбь, сею утратою сыну моему причиненная, потому что они жили столь согласно, какъ рѣдко и примѣры бываютъ, меня сокрушила. Стараясь его удалить отъ предмета, имъ столь любимаго, примыслилъ о отправленіи его вверхъ по линіи осмотрѣть вмѣсто себя какъ оную, такъ и внутри живущихъ Башкирцевъ, нѣтъ ли имъ отъ кого обидъ, что я и почасту чрезъ него, сына моего, дѣлывалъ; и какъ только объявилъ о семъ пути, то въ ту жь ночь приключилась мнѣ прежестокая горячка, и хотя жаръ мой пущаніемъ крови и убавленъ, но, продолжаясь, умножалъ мою слабость, почему я и принужденъ нашелся отмѣнить отправленіе сына моего. На третій день послѣ сего получилъ я изъ Исецкой провинціи репортъ, что Башкирцы Нагайской дороги, убивъ всѣхъ присланныхъ отъ Кабинета для сысканія къ фарфоровому заводу глины и каменотесцевъ, всѣ взбунтовались по разсѣянному во всѣхъ мѣстахъ и почти въ одинъ часъ возмутительному письму, коего сочинитель былъ одинъ изъ ихъ духовныхъ, именуемый Батырша, который имѣлъ въ разсѣяніи того почти всѣхъ духовныхъ себѣ помощниками; причины въ томъ по ихъ суевѣрію показаны, что они состоятъ, правовѣрные, подъ игомъ безвѣрнаго христіанскаго народа, и чтобъ каждый вѣрящій въ Бога и послѣдующій праведному Магомету припялъ въ защищеніе зако-

[1]) Извѣстія объ этихъ предположеніяхъ Неплюева сообщены въ книгѣ П. П. Пекарскаго: „Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова" (Спб. 1867), стр. 32.

на оружіе, хотя бъ и съ погибелью каждаго и всѣхъ въ разсужденіи могущей встрѣтиться превосходной силы, но за то несумнѣннымъ награжденіемъ обѣщанныхъ благъ въ Алкоранѣ; а въ самое жь то время посланы отъ него Батырши какъ въ Казанскую губернію къ Татарамъ, такъ и Киргизъ-Кайсацкому народу, кочующему за Яикомъ, таковыя жь письма, въ коихъ назначенъ былъ день и часъ къ начатію сего возмущенія; почему вдругъ по предписанному времени весь Башкирскій народъ взбунтовался. Оный Башкирскій народъ съ начала подданства царю Ивану Васильевичу, по ихъ природному звѣрству, прежде бытности моей, въ разныя времена бунтовалъ 6 разъ; а Киргизцы начали производить набѣги за границу, какъ для погубленія Россіянъ, такъ и для вспоможенія Башкирцевъ. Все сіе, какъ выше я сказалъ, приключилось во время тяжкой моей болѣзни, но къ счастію, оставившей мнѣ память къ принятію мѣръ потребныхъ, кои состояли въ томъ, что я послалъ ордеры:

1-е. Во всѣ по линіи крѣпости и редуты о наблюденіи къ защищенію должной предосторожности; въ случаѣ возможности о дѣланіи поисковъ надъ злодѣями.

2-е. О немедленной высылкѣ изъ Яицкаго войска тысячи человѣкъ козаковъ.

3-е. Къ находящимся команды моей армейскимъ тремъ драгунскимъ полкамъ Московскому, Троицкому и Ревельскому, чтобъ немедленно внутрь Башкиріи вступили и тамо дѣлали поиски, не щадя не токмо жилищъ, но самыхъ Башкирцевъ, женъ ихъ и дѣтей, для вкорененія страха къ недопущенію сему злу распространиться.

4-е. Въ Казанской же губерніи пребывающимъ четыремъ армейскимъ полкамъ писалъ я, что хотя они и не въ моей командѣ, но начинающееся зло есть такого рода, что каждый по должности и присягѣ обязанъ быть послушнымъ начальнику, какъ то мнѣ, въ губерніи, въ которой оное открылось, и потому я высочайшимъ ея императорскаго величества именемъ командирамъ тѣхъ полковъ опредѣляю поспѣшить приходомъ своимъ въ Оренбургскую губернію, а въ случаѣ паче чаянія ихъ ослушанія, подвергнутъ себя командиры тягчайшему по законамъ штрафу; по приближеніи жь каждаго полка найдетъ командиръ въ предписанныхъ мѣстахъ себѣ наставленіе, куда слѣдовать и что дѣлать, каковыя наставленія отъ меня во всѣ мѣста, куда тѣмъ полкамъ по способности слѣдовать надлежало, съ нарочными офицерами, знающими внутренность положеній башкирскихъ жилищъ, и разосланы.

5-е. Намѣстнику Калмыцкаго ханства Дундукъ-Тайшѣ писалъ я, скрывъ однакожь отъ него башкирское возмущеніе, чтобъ онъ прислалъ тысячу человѣкъ Калмыкъ по причинѣ умножающихся отъ Киргизцевъ наглостей, которымъ Киргизцамъ тѣ Калмыки были, есть и будутъ, по ненависти врожденной въ нихъ, непріятелями.

6-е. На Донъ къ атаману писалъ я, чтобъ прислалъ немедленно тысячу человѣкъ козаковъ.

7-е. Оренбургскихъ тысяча человѣкъ козаковъ и 500 Ставропольскихъ крещенныхъ Калмыкъ отправилъ я по линіи въ тѣ мѣста, гдѣ болѣе киргизскихъ набѣговъ имѣлъ причину опасаться, куда и пришедшихъ Яицкихъ казаковъ подъ командою ландмилицкаго Шешминскаго полка ка-

питана Тимашева, человѣка мнѣ весьма надежнаго, и во многихъ случаяхъ о храбрости его, будучи въ полкахъ, и въ знаніи какъ съ сими непріятелями поступать извѣданнаго.

8-е. Съ самаго жь начала полученія о семъ извѣстія писалъ я къ киргизскому Нурали-Хану, чтобъ онъ народъ свой удерживалъ отъ вспоможенія бунтовщиковъ Бишкирцевъ, а какъ оный ханъ надъ своими народами не самовластенъ, то я при томъ же велѣлъ писать и ко всѣмъ знатнымъ старшинамъ моему сыну, со обнадеживаніемъ за послушаніе высочайшей ея величества милости, которой опытомъ предварительно подтвердилъ я нѣкоторыми имъ подарками, а въ случаѣ ихъ ослушанія пристращиваніемъ ихъ достойнаго наказанія, тому жь посланному въ Киргизскую Орду изъ Магометанъ толмачу были отъ меня даны секретно сдѣланные нарочно на татарскомъ языкѣ листы отъ имени пребывающаго въ Оренбургѣ магометанскаго, ими почитаемаго знатнаго духовнаго [1]), такого содержанія, что онъ подвигу своихъ одновѣрцовъ, хотя и радуется, но какъ Башкирскій народъ, о чемъ и имъ Киргизцамъ извѣстно, вѣроломный и непостоянный, то онъ опасается, чтобъ оный, возъимѣвъ успѣхъ въ своемъ предпріятіи съ помощію ихъ Киргизъ потомъ первою жертвою себѣ назначитъ ихъ же, Киргизцовъ. Таковы листы посланный мой иногда нарочно обранивалъ, а иногда по дружбѣ и отдавалъ въ руки; хотя сіе средство, употребленное мною въ старшинахъ и въ ханѣ, и имѣло желаемое дѣйствіе, но вообще въ народѣ не произвело успѣха; ибо тотъ Киргизскій народъ, будучи кочевый и степной, ко всякому воровству и грабительству наклонный, не внималъ никакихъ увѣщаніямъ, а пользовался симъ случаемъ, чтобъ наживаться.

9-е. Съ полученія жь о томъ бунтѣ вѣдомости, разослалъ я во всю Башкирію грамоты, коими прощались всѣ бунтовщики, кромѣ зачинщиковъ, такъ что всѣ безъ малѣйшаго наказанія останутся и пребудутъ при прежнихъ своихъ вольностяхъ, если съ полученія сего принесутъ повинную, а кто помянутаго Батыршу поймавъ привезетъ въ Оренбургъ, тому обѣщано дать 1000 руб.; а буде изъ простыхъ, то старшинское достоинство съ награжденіемъ богато осыпанной каменьями сабли, лисьей шапки и кафтана, а буде кто изъ послѣдователей его, Батырши, 10 человѣкъ имянитыхъ его учениковъ поймавъ приведетъ, тому дано будетъ 500 руб.; буде-же и за симъ милосердымъ объявленіемъ оный Башкирскій народъ останется въ возмущеніи, то съ онымъ и съ женами ихъ поступлено будетъ какъ съ злодѣями, безъ пощады и малолѣтныхъ ихъ дѣтей. При сихъ грамотахъ разосланы такъ же въ Башкирію, отъ имени предъупомянутаго въ Оренбургѣ находящагося духовнаго, нарочно сочиненные мною листы, коими онъ увѣщевалъ къ усмиренію, а что извѣстный Абызъ-Батырша не что иное есть, какъ прелестникъ и нарушитель ихъ покоя, что таковое за законъ вступленіе безъ подтвержденія всего ихъ духовенства не можетъ быть согласно съ святою книгою Алкораномъ, а посему и конецъ сему будетъ только

[1]) Безъ сомнѣнія, объ этомъ же магометанскомъ духовномъ лицѣ, Ахунѣ Ибрагимѣ Абдрахмановѣ (ум. въ 1761 г.), какъ о человѣкѣ ученомъ, знатокѣ татарской исторіи, упоминаетъ П. И. Рычковъ въ письмахъ къ В. Н. Татищеву, см. вышеупомянутое сочиненіе П. П. Пекарскаго, стр. 12, 13 и др.

ихъ погибель; онъ, яко бы сострадая объ нихъ и по ихъ невѣжеству сіе имъ упущая, совѣтуетъ, а инако должность его требуетъ ихъ признать за противниковъ закона. По сему и по вышеписаннымъ въ Киргизскую орду посланнымъ письмамъ, дабы прикрыть и вѣроятнѣе показать мною сдѣланное, принужденъ былъ ласкать поминаемаго Оренбургскаго Ахуна и съ нимъ иногда нарочно въ присутствіи другихъ магометанъ о семъ возмущеніи совѣтовать; онъ, какъ то и подлинно, не глупъ, недалеко отходилъ своими разсужденіями отъ написаннаго мною отъ его имени, хотя онъ о томъ и ничего не вѣдалъ.

10-е. Живущимъ же въ Башкиріи народамъ Тевтерякамъ, Мещерякамъ, которыхъ Башкирцы до вступленія подъ Россійскую державу считали своими подданными, послалъ я тогда грамоты, поощряя ихъ противъ бунтовщиковъ Башкирцевъ къ вооруженію, какъ то по подданнической должности, такъ и для собственной своея безопасности; ибо ненависть и гордость противъ ихъ башкирская имъ довольно извѣстна, и что главнѣйшая причина ихъ возмущенія есть та, чтобъ обратить ихъ въ прежнее рабство, а къ поимкѣ извѣстнаго Батырши и его учениковъ, я на нихъ Мещеряковъ и Тевтеряковъ болѣе всѣхъ надѣюсь; желалъ-бы, чтобъ обѣщанное за то награжденіе изъ нихъ кому досталось.

О всемъ вышеписанномъ донесъ я ко двору съ курьеромъ, съ которымъ я и получилъ на все апробацію; но между тѣмъ, пока команды въ Башкирію доходили и отправленныя отъ меня нерегулярныя войска пришли въ назначенныя мѣста, многое убивство отъ тѣхъ злодѣевъ произошло, и съ такою свирѣпостію, что, убивая Россіянина, тѣло его въ куски рѣзали, и сожгли заводъ Александры Ивановича Шувалова. Не могу и сего пропустить молчаніемъ, что при толь къ возмущеніямъ неправильнымъ причинамъ, какъ отъ того Батырши, такъ и отъ всѣхъ его сообщниковъ въ разсѣянныхъ письмахъ, а по производившимся послѣ допросамъ — ни одного слова къ нареканію моему въ управленіи ими не написано и не сказано. Разосланныя въ Башкирію отъ меня грамоты имѣли тотъ успѣхъ, что многіе, отъ намѣреннаго зла отставъ, приходили съ повинными, почему отъ меня и даваны таковымъ за моею рукою охранительные указы. Тевтяри и Мещеряки съ такою ревностію противъ Башкирцевъ вступились, какой только желать возможно было, а знатнѣйшіе ихъ старшины отправили отъ себя для сысканія тѣхъ возмутителей такихъ людей, которые ихъ и въ лицо знали. Въ сей же поискъ поѣхалъ одинъ престарѣлый и мною всегда любимый старшина мещеряцкій, коему было болѣе 80 лѣтъ отъ роду.

По приходѣ жь всѣхъ мною требованныхъ и ожидаемыхъ командъ въ Башкирію, не могли уже бунтовщики во оной остаться, а принуждены нашлись перебираться за Яикъ, по условію своему, къ Киргизъ-Кайсакомъ, и хотя отъ меня къ пресѣченію и того приняты надлежащія мѣры, но какъ линія продолжается съ лишкомъ на 1000 верстъ, то во всѣхъ мѣстахъ того отвратить было не возможно, почему Башкирцевъ съ женами и съ дѣтьми перебралось болѣе 50000 душъ. При перелазахъ за Яикъ многіе побиты, а лошадей и имѣніе ихъ, кое при нихъ было, велѣлъ я отдавать тѣмъ командамъ, которыя при дѣлѣ были; къ чему я употреблялъ болѣе некрещенныхъ

Калмыкъ и Донскихъ казаковъ. Башкирцы, увидя себѣ къ переходу къ Киргизцамъ препятствія, обращались въ домы и приносили повинную, почему таковые всѣ были прощаемы; но я симъ покореніемъ ихъ не успокоился, потому что сіе было сдѣлано отъ нихъ по нуждѣ, и что мнѣ толикаго войска содержать въ губерніи невсегда возможно; то по сему обратилъ я мое вниманіе на искорененіе той надежды, которую Башкирцы на Киргизцовъ имѣли, что̀ я и исполнилъ слѣдующимъ образомъ. Послалъ я грамоты отъ себя въ Киргизскую орду съ разными Татарами Сеитовой слободы, а въ тѣхъ было написано, что ея императорское величество, примѣчая непоколебимую вѣрность къ себѣ Киргизскаго народа, хотя нѣкоторые изъ молодыхъ людей, и то самая малая часть, попользнулись, будучи обмануты Башкирцами, дѣлать внутри границъ набѣги, но сихъ по ихъ преступленію наказать предоставляетъ Киргизскому хану, однако съ тѣмъ, чтобъ никто изъ нихъ не лишенъ былъ жизни; и сіе все писано было для того, ибо ханъ тамъ, какъ выше писано, не самовластенъ и никого не только жизни лишить, но и штрафовать не можетъ, но для лучшаго успѣха послѣдующихъ тоя грамоты строкъ; прочихъ же того народа милуетъ ея величество женами и дочерьми и имѣніемъ перебѣжавшихъ къ нимъ Башкирцовъ, но съ тѣмъ, чтобъ мужчины отвезены въ Россію или бы выгнаны были изъ ихъ кочевья, за исполненіе чего, сверхъ того, награжденіе получитъ каждый по мѣрѣ своея въ томъ услуги.

Не успѣли сіи грамоты привезены быть въ орду, какъ склонные къ плотскому паденію магометане, Киргизъ-Кайсаки, тѣмъ пожалованіемъ желали пользоваться. Башкирцы-жь, мужья и отцы, увидѣвъ въ своихъ защитникахъ и обнадеживателяхъ такое надъ женами ихъ и надъ дочерьми насильство, принуждены нашлись защищать ихъ съ потеряніемъ жизни, и симъ способомъ погибло не мало Башкирцевъ и Киргизцовъ. Ушедшіе изъ орды выгнанные присуждены были возвращаться на прежнія жилища, потерявъ женъ и дѣтей и свое имѣніе. На границѣ жь отъ меня приказано было таковыхъ пропускать въ ихъ жилища, дабы слухомъ симъ огнять у всѣхъ Башкирцевъ ту надежду, которую они на Киргизцевъ имѣли. Многіе, потерявъ матерей, сестеръ, женъ своихъ и дочерей, пріѣзжали ко мнѣ просить дозволенія переѣхать имъ за Яикъ для отмщенія и воздаянія за обиду обманувшимъ ихъ Киргизцамъ; я въ нихъ болѣе старался влагать къ нимъ ненависти, но чтобъ дозволить имъ въ улусы ихъ ѣхать, того я безъ указу не могу, ибо довольно съ нихъ и тоя милости, что они за возмущеніе остаются не наказанными, для того что киргизскій поступокъ съ женами ихъ и дочерьми довольно для нихъ наказателенъ; желая жь еще болѣе вражду между сими народами вкоренить, велѣлъ я переводчикамъ, чтобъ они отъ себя имъ совѣтовали, что: «генералу-де ѣхать вамъ позволить нельзя, а буде вы и поѣдите и Киргизцовъ разобьете, такъ надѣемся де взыскивать на васъ не будутъ».

Они, обрадовавшись сему совѣту, многими партіями собрались и поѣхали за Яикъ противъ Киргизцовъ, которые, плавая въ новомъ сластолюбіи и вознадѣясь, что разоренные Башкирцы не осмѣлятся о женахъ и дѣтяхъ своихъ и помыслить, пребывали безпечно.

Между тѣмъ послалъ я по линіи къ командирамъ секретные ордеры, что если Башкирцы безъ семейства и по ихъ обычаю вооруженные будутъ за Яикъ перебираться, то бы они не воспрещали, а притворились бы такъ, будто того не примѣтили.

Озлобленные Башкирцы обратили всю свою ярость на ближайшіе киргизскіе улусы, многихъ побили и взяли ихъ женъ и дѣтей и весь скотъ. Ханъ не умедлилъ меня о семъ увѣдомить и требовалъ отмщенія,—которымъ [1]) я отписывать хотя и обѣщалъ, но велѣлъ сказать хану и отписалъ къ нему письмо, что если бы они [2]) тѣхъ злодѣевъ прежде не принимали, то бъ и сего произойти никогда не могло, и что, сколько мнѣ извѣстно, весь Башкирскій народъ только о томъ и мыслитъ, какъ погублять Киргизцовъ, и если бъ мною не были удерживаемы, то бъ Киргизцы скоро увидѣли истину словъ моихъ. Пока сей присланный отъ хана у меня былъ, то я получилъ репортъ съ линіи, что Киргизцы болѣе какъ въ 2000 человѣкъ покушались перейти чрезъ Яикъ; но, встрѣчены будучи некрещеными Калмыками и Донскими козаками, разбиты, а для вѣрности одинъ изъ тѣхъ Киргизцовъ, скованный, ко мнѣ присланъ. И какъ нѣкоторая часть Киргизцовъ, желая спастись бѣгствомъ послѣ того сраженія, попалась на наѣхавшихъ для отмщенія Башкирцевъ, и тѣми Киргизцы почти всѣ переколоты, а остальные гнаны были до ихъ улусовъ, въ которыхъ Башкирцы взяли множество лошадей и въ домы свои перебрались, я въ томъ письмѣ моемъ къ хану приписалъ и сіе обстоятельство, укоряя его, что если Башкирцы и безъ позволенія моего къ нимъ для воровства ѣздятъ, напротивъ чего плѣнный Киргизецъ показалъ, что о намѣреніи ихъ Киргизцевъ къ впаденію въ Башкирію онъ, ханъ, былъ извѣстенъ и то апробовалъ, чему однако жь я не вѣрю и того плѣннаго Киргизца по дружбѣ моей къ нему хану отпущаю, дабы онъ былъ извѣстителемъ, какъ то дѣло происходило; а при томъ совѣтую ему хану и всѣмъ старшинамъ, чтобъ они народъ свой увѣщевали, дабы впредь такихъ продерзостей дѣлать не отваживались, а инако я принужденъ буду, къ утвержденію вновь въ вѣрности, Башкирскій народъ обратить къ нападенію на ихъ улусы и подкрѣплять оный всѣми въ моей командѣ состоящими силами. Сіе происшествіе положило таковую вражду между тѣми народами, что Россія навсегда отъ согласія ихъ можетъ быть безопасна. Въ Башкирію послалъ я указы, чтобъ отнюдь никто не дерзалъ безъ дозволенія моего за Яикъ ѣздить, и что мнѣ непріятно было услышать жалобы отъ Киргизскаго хана, что нѣкоторые Башкирцы разорили его улусы, чему я однакожь не могу вѣрить; ежели жь кто изъ Башкирцевъ отнынѣ пойманъ будетъ ѣдущій на добычу въ орду, тотъ или тѣ, и съ женами и дѣтьми, отданы будутъ Киргизцамъ. Таковое воспрещеніе принужденъ я былъ для того сдѣлать, дабы отъ умноженія ихъ ссоръ не навесть новыхъ замѣшательствъ и затрудненій; Киргизцамъ же совѣтовалъ съ ихъ улусами, для убѣжанія отъ Башкирскихъ продерзостей, отъ границъ удаляться, что они и исполнили; внутри жь Башкиріи заложилъ я крѣпость на рѣкѣ Зелайрѣ, назвалъ оную Зелайрскою и снабдилъ

[1]) Т. е. Башкирцамъ.
[2]) Т. е. Киргизы.

ту немалымъ гарнизономъ и всѣми потребностьми, опредѣливъ въ оную комендантомъ надежнаго и исправнаго человѣка, снабдя его секретною инструкціею, что главная его должность состоитъ въ томъ, чтобъ надзирать надъ Башкирцами въ наблюденіи тишины и спокойствія. И какъ такимъ образомъ все устроено, то, по частымъ моимъ подтвержденіямъ въ орду и Башкирію, вышеписанный возмутитель сего бунта, Абызъ Батырша, уже не смѣя показаться въ жилищахъ, странствуя съ учениками своими въ лѣсахъ, тѣмъ престарѣлымъ мещеряцкимъ старшиною, о коемъ я выше упомянулъ, пойманъ и отданъ Зелайрской крѣпости коменданту, а тотъ его переслалъ ко мнѣ. Я отправилъ его въ Петербургъ; поймавшій его мещеряцкій старшина, ѣхавъ ко мнѣ въ Оренбургъ, на дорогѣ умеръ; но я, желая исполнить мое слово и наградить его за услугу, велѣлъ прислать старшаго изъ его дѣтей; почему сынъ его, 14 лѣтъ и будучи только одинъ у него, ко мнѣ и явился. Я, сдѣлавъ ему кафтанъ и шапку на свой коштъ и придавъ ему переводчика для большаго уваженія заслуги его отца, отправилъ ко Двору, представя и испрашивая, чтобъ все обѣщанное мною вмѣсто отца надъ нимъ было исполнено; почему онъ и пожалованъ по имянному указу старшиною на мѣсто отцово, а сверхъ того, дано ему въ награжденіе 1000 руб., сабля богатоубранная каменьями, съ надписью имени отца его, и что онъ за заслуги его симъ награждается, съ таковою же надписью серебрянный ковшъ съ позолотою въ полторы бутылки, кафтанъ и полукафтанье и кушакъ пребогатой парчи, шапка черныхъ лисицъ парчевая жь, а сверхъ того, имѣлъ счастье представленъ быть къ рукѣ ея величества. По полученіи о семъ извѣстія, не оставилъ я дать знать о семъ во всю Башкирію указами, также въ Киргизскую орду письмомъ, для показанія симъ народамъ, сколь щедро отъ ея величества заслуги награждаются не токмо надъ самыми тѣми, но и надъ дѣтьми ихъ.

Въ томъ же году осенью, всѣми вышеписанными средствами приведя я ввѣренную мнѣ губернію въ прежнюю тишину, отпустилъ я какъ регулярныя, такъ и нерегулярныя команды, кромѣ Яицкихъ козаковъ, коимъ опредѣлилъ я зимовать близко линіи и Ногайской дороги; а съ подробнымъ всего того описаніемъ и для объясненія на словахъ, въ началѣ декабря мѣсяца, отправилъ я ко Двору моего сына, по всѣмъ симъ дѣламъ особенно трудившагося и мнѣ дѣлающаго помощь; но просить оказать къ нему милость я не отважился, а предалъ то въ руки Божія, въ коихъ содержится, по слову Давидову, и сердце царево; которыхъ словъ и симъ случаемъ оказана истина: ибо ея величество и безъ моего прошенія его въ маіоры пожаловать изволила, и онъ возвратился ко мнѣ въ 1756 году въ августѣ мѣсяцѣ.

1757 году пожалованъ сынъ мой по старшинству въ подполковники, а во мнѣ съ самаго времени бунта умножились болѣзненные припадки, такъ что принужденъ былъ въ томъ же году отправить моего сына въ Петербургъ съ прошеніемъ о увольненіи меня изъ Оренбурга и отъ всѣхъ дѣлъ по той губерніи, на что я въ 1758 году и получилъ повелѣніе быть въ Петербургъ, а на мое мѣсто пожалованъ губернаторомъ тайный совѣтникъ Давыдовъ, и я въ томъ же году прибылъ въ Петербургъ и былъ

празденъ до 760 году, въ коемъ пожалованъ я сенаторомъ и конференцъ-министромъ.

Того жъ года въ началѣ, то есть генваря 28-го дня, сынъ мой женился на дочери Александра Львовича Нарышкина Аграфенѣ, и въ 1761 году родилась имъ дочь Елена, а потомъ Ѳедосья и Александра, кои всѣ въ младенцахъ скончалися; сынъ же ихъ Дмитрій, родившійся въ 1763 году 16-го декабря, остался только одинъ залогомъ ихъ брака.

Въ 1762 году купленный мною и пристроенный немалымъ капиталомъ домъ близь церкви Спаса, на Сѣнной, бывшимъ великимъ въ томъ году пожаромъ обращенъ въ пепелъ; я же возъимѣлъ случай купить въ Милліонной улицѣ домъ и дачу близь пороговъ на Невѣ у княгини Долгоруковой; а по сему недвижимому имѣнію послѣдній въ родѣ по отцѣ Склеевой просилъ ея величество на то дозволенія, что̀ имяннымъ указомъ, не въ образецъ другимъ, покупать у послѣднихъ въ родѣ и дозволено.

По причинѣ бытности моей въ сенатѣ былъ я почасту увѣдомляемъ о желаніяхъ великаго князя Петра Ѳедоровича, а какъ всѣ тѣ начало свое брали отъ людей, жаждущихъ только своей корысти, съ повреждeніемъ общей пользы и учрежденнаго закономъ порядка, то я тѣмъ присылаемымъ отъ него многократно давалъ по совѣсти отвѣты, съ желаніемъ несогласные, и чрезъ сына моего, къ коему онъ являлся милостивъ, по часту представлялъ, по чему то исполнить вредно; и хотя на то время сносилось сіе мое усердное представленіе терпѣливо, но въ 762 году, по восшествіи его на престолъ, генералъ-прокуроръ князь Яковъ Петровичь отставленъ, а и со мною являемый поступокъ нелучше подавалъ мнѣ надежду; сынъ же мой, послѣ всѣхъ отъ него прежнихъ обѣщаній, остался не токмо безъ награжденія, но и въ презрѣніи, почему я и разсудилъ чрезъ канцлера просить объ отставкѣ, но и въ томъ отказано было; внукъ же мой Иванъ опредѣленъ въ сіе время въ конной полкъ гвардіи капраломъ; чрезъ нѣсколько дней принцемъ Жоржіемъ пожалованъ въ каптенармусы по просьбѣ тетки его двоюродной, Анны Никитишны Нарышкиной. Въ отставкѣ моей получилъ я отказъ и находился въ невѣдѣніи и мученіи, чѣмъ опредѣлится жребій мой и сына моего кончится; бывалъ я ежедневно у моея должности, но нѣмымъ; ибо никто уже и мнѣнія моего не требовалъ.

Въ семъ-то мучительномъ состояніи пребывалъ я до самаго того дня и часа, какъ Всевышнему благоугодно оказалось утѣшить опечаленную Россію восшествіемъ на престолъ императрицы Екатерины Алексѣевны, что̀ исполнилось 28-го іюня. При отшествіи ея величества въ Петергофъ съ частію гвардіи полковъ и артиллеріи, врученъ мнѣ былъ въ сохраненіе дражайшій залогъ отечества нашего, его высочество государь цесаревичь Павелъ Петровичь и столичный городъ Петербургъ, со всѣми воономъ находящимися воинскими командами, сынъ же мой взятъ при ея величествѣ слѣдовать. По благополучномъ ея величества изъ Петергофа возвращеніи, употреблялся я, по милостивой высочайшей довѣренности, во всѣ дѣла; внукъ мой Иванъ пожалованъ княземъ Михайлою Никитичемъ Волконскимъ вахмистромъ; а когда по принятому намѣренію ея величество изволила для коронованія и мѵропомазанія на императорскій престолъ отъѣзжать въ Москву, то благоволи-

ла помазанница Божія меня въ Петербургѣ оставить, поручивъ мнѣ въ главную команду какъ сію столицу, такъ и всѣ оставшіяся воинскія команды, и въ конторѣ сенатской повелѣно мнѣ быть первымъ присутствующимъ, а на столъ пожаловано мнѣ въ мѣсяцъ по 500 руб., наградя меня при самомъ отъѣздѣ въ Селѣ Сарскомъ орденомъ святаго Андрея. Въ сіе отсутствіе былъ я счастливъ получать собственноручныя ея величества повелѣніи, кои всѣ и отданы отъ меня для сохраненія сей монаршей щедроты въ родъ моему сыну; онъ же, сынъ мой, посланъ былъ отъ меня въ Москву какъ для познанія его жребія, а болѣе для дѣлъ по данной мнѣ довѣренности.

1763 году апрѣля 11-го числа, по высочайшей милости, пожалованъ сынъ мой вице-президентомъ въ камеръ-коллегію и того жь года по исходѣ сюда прибылъ, а въ томъ же годѣ и всемилостивѣйшая наша матерь и государыня благополучнымъ возвращеніемъ въ Петербургъ всѣхъ обрадовала, и я ежедневные имѣлъ знаки ея величества ко мнѣ благоволенія и исправлялъ по всей возможности смысла моего всѣ довѣряемыя мнѣ коммисіи, о которыхъ подробно описывать не настоитъ моего намѣренія, ибо я только веду исторію о всемъ томъ, что ко мнѣ единственно принадлежитъ.

Въ 1764 году іюня 20-го числа, ея величеству угодно было отъѣхать въ Остзейскія провинціи, а мнѣ паки поручить въ главную команду Петербургъ и всѣ команды, а его высочество подъ смотрѣніемъ графа Никиты Ивановича Панина остался въ Селѣ Сарскомъ, и я по прежнему переѣхалъ жить во дворецъ. По причинѣ бывшей сыну моему лихорадки, разсуждаемо было медиками сдѣлать ему движеніе; почему онъ, будучи на 29 дней уволенъ, поѣхалъ въ Новогородскія деревни, я же въ теченіе ея величества отсутствія награждаемъ былъ по часту наполненными милосердія указами и пребывалъ въ желаемомъ спокойствіи и благополучіи.

20-го числа іюля мѣсяца, а въ оное по полуночи въ 2-мъ часу, былъ я разбуженъ по случаю присланнаго ко мнѣ изъ Сарскаго Села отъ Никиты Ивановича Панина бригадира Савина, черезъ котораго онъ на словахъ приказалъ мнѣ слѣдующее, что нѣкто изъ Малороссіянъ, именемъ Мировичь, дослужившись до офицерства и бывъ въ Слюссельбургской крѣпости на караулѣ, предпріялъ злодѣйскій умыселъ сдѣлать возмущеніе, при коемъ несчастно рожденный принцъ Іоаннъ лишился жизни, и хотя онъ Мировичь и его сообщники всѣ переловлены и содержатся подъ карауломъ, но потребно взять и въ столицѣ по сему случаю должную предосторожность и, сіе объявя, онъ Савинъ отъ меня обратно въ Сарское Село поѣхалъ, а я того жь моменту послалъ къ себѣ позвать правящаго генералъ-прокурорскую должность генералъ-маіора князя Александра Алексѣевича Вяземскаго, и пока онъ ко мнѣ не пріѣхалъ, отправилъ нарочнаго на почтѣ черезъ Новгородъ къ моему сыну, чтобъ онъ по полученіи моего письма, тотъ бы часъ и не для чего не отлагая, всевозможно поспѣшилъ скорѣе ко мнѣ возвратиться. По пріѣздѣ онаго князя сдѣлали мы совѣтъ, что публикивать о семъ происхожденіи не было нужды, а за нужное признали увѣдомить всѣхъ командъ командировъ; а о томъ, что тотъ несчастно рожденный принцъ былъ въ Слюссельбургѣ, мы прежде

и не вѣдали, почему и послалъ я къ себѣ звать князя Александра Михайловича Голицына, Ѳедора Ивановича Ушакова, Ѳедора Ивановича Вадковскаго, Семена Ивановича Мордвинова и Николая Ивановича Чичерина и, о семъ имъ сообща, рекомендовалъ, чтобъ каждый въ своей командѣ дѣлалъ примѣчанія о порядкѣ и о спокойствіи имѣлъ бы попеченіе.

Съ самой той минуты, какъ я Савинымъ разбуженъ былъ, находился я въ превеликомъ безпокойствіи, ибо самъ Богъ — сердца моего зритель, что я здравіе и благополучіе всемилостивѣйшей государыни моей въ тысячу кратъ дороже считалъ моей жизни, а о происхожденіи и намѣреніи сего злодѣянина я болѣе, какъ выше сказалъ, ничего не вѣдалъ; а происходило о томъ слѣдствіе отъ Никиты Ивановича чрезъ посланнаго отъ него въ Слюссельбургъ генералъ-поручика Веймарна. Отъ сего времени почувствовалъ я вдругъ ослабленіе глазъ, такъ что и я въ очкахъ уже худо сталъ видѣть и чрезъ короткое потомъ время лишился совершенно зрѣнія, о чемъ ниже будетъ писано. Сынъ мой возвратился изъ деревни, коего я ожидалъ съ великимъ нетерпѣніемъ.

Богу сохраняющу къ благополучію Россіи обладательницу нашу, соизволила ея величество возвратиться благополучно въ Санктпетербургъ іюля мѣсяца 25-го числа, а я переѣхалъ паки въ мой домъ и, исполняя по званію моему должность, наслаждался монаршею щедротою; а какъ зрѣніе мое и вовсе меня оставить приближилось, посему противъ желанія моего (ибо намѣреніе мое было служить до конца жизни) принужденнымъ нашелся просить о увольненіи меня отъ всѣхъ дѣлъ [1]). Милосердая матерь отечества, снишедъ на мою просьбу, наградила меня 20,000 руб. и деревнями въ Малой Россіи, засвидѣтельствуя о службѣ моей милосердыми указами слѣдующаго содержанія:

Указъ нашему сенату.

Тайный дѣйствительный совѣтникъ и сенаторъ Неплюевъ, по долговременной предкамъ, намъ и отечеству службѣ, пришедъ въ глубокую старость, всеподданнѣйше просилъ по слабости своего здоровья увольненія отъ всѣхъ военныхъ и гражданскихъ дѣлъ, такъ какъ и свободы окончать остатки жизни своея спокойно, гдѣ онъ пожелаетъ. Мы, не токмо совершенно вѣдая все прошедшее время похвальной его службы, но и сами довольные имѣя опыты отличной его вѣрности и усердія къ намъ и отечеству, всемилостивѣйше снисходя на его прошеніе, дозволяемъ ему сенатору Неплюеву по смерть его жить ему свободно отъ всѣхъ военныхъ и гражданскихъ дѣлъ тамъ, гдѣ онъ пожелаетъ, и сверхъ того, жалуемъ ему на оплату долговъ двадцать тысячь рублей.

Указъ нашему сенату.

Всемилостивѣйше пожаловали мы нашему тайному дѣйствительному совѣтнику сенатору и кавалеру Ивану Ивановичу Неплюеву за долговремен-

[1]) Въ „Запискахъ“ Порошина (стр. 151) находится слѣдующее относящееся къ этому времени извѣстіе о Неплюевѣ: „Никита Ивановичь (Панинъ) изволилъ сказывать о Иванѣ Ивановичѣ Неплюевѣ, что онъ въ глубокой своей старости положенье нынѣ сдѣлалъ, чтобъ ѣхать самому на Украйну, развести тамъ конскій заводъ и, побывъ тамъ года три, приведя все въ порядокъ, пріѣхать сюда и, здѣсь живучи, плодами отъ сего заведенія пользоваться“.

ную службу, а особливо за учиненное имъ въ бытности его въ Оренбургѣ знатное приращеніе государственныхъ доходовъ, малороссійскія волости Чеховскую и Ямпольскую, со всѣми принадлежашими къ нимъ хуторами, деревнями, селами и мѣстечками и принадлежностями, въ вѣчное и потомственное владѣніе. Ноября дня 1764 года.

На подлинномъ подписано высочайшею ея императорскою величества рукою тако:

Екатерина.

По отданіи моего за ту высочайшую милость ея величеству рабскаго благодаренія, вознамѣрился я въ надеждѣ воспользоваться теплѣйшимъ климатомъ отъѣхать въ Малую Россію, въ новопожалованныя мнѣ деревни, а прежде побывать на моей родинѣ, то есть, въ новогородскихъ деревняхъ, поклониться гробамъ моихъ родителей, до коихъ проводить меня испросилъ я быть отпущену моему сыну.

Въ новгородскихъ деревняхъ былъ я 11 дней и поѣхалъ чрезъ Москву въ Украйну. Въ Ямполь прибылъ я февраля 6-го дня 1765 году. О сихъ малороссійскихъ деревняхъ описывать не буду; къ счастію жъ моему, пребывалъ въ то время въ Глуховѣ командиръ всея Украйны графъ Петръ Александровичь Румянцевъ и съ графинею Катериною Михайловною, которые обращались со мною съ таковою снисходительностію и ласкою, каковая рѣдко и отъ родныхъ оказуема бываетъ; но сіе въ разсужденіи ихъ свойствъ и не удивительно, ибо онъ, будучи человѣкъ отмѣннаго разума, а она — житія добродѣтельнаго, воздавали мнѣ тѣмъ усердіемъ, каковымъ я всегда къ дому ихъ былъ наполненъ.

Того жь 1765 года въ исходѣ іюля мѣсяца сдѣлался мнѣ столь тяжкій болѣзненный припадокъ, что я съ великою нуждою и едва могъ начальныя литеры имени и фамиліи моей написать къ моему сыну, а уже и не надѣялся, хотя только того и желалъ на свѣтѣ, чтобъ его увидѣть и съ нимъ проститься; и то письмо, по благодѣянію графа Петра Александровича, съ нарочною штафетою въ Петербургъ отправлено, а я съ сего времени лишился совершенно зрѣнія, такъ что уже солнечнаго сіянія нимало видѣть не могъ.

23-го іюля прибылъ въ Ямполь сынъ мой и нашелъ меня при послѣднемъ уже издыханіи, потому что съ самаго начала сея болѣзни я былъ въ безпрерывномъ жару. Голосъ его и чрезвычайная моя радость, его осязая, какъ отъ сна меня возбудили, и сими-то двумя движеніями отворилась геморондальныя крови, и хотя отъ многаго теченія тѣхъ ослабъ, но жаръ весьма умалился, и чрезъ недѣлю я уже въ состояніи былъ вставать съ постели. По внушенію сыну моему всѣхъ потребныхъ свѣдѣній о Ямполѣ, и какъ сіи деревни совсѣмъ разоренныя, то чѣмъ ихъ хотя нѣсколько поправить, совѣтовалъ я сыну моему ѣхать посмотрѣть и другія пожалованныя деревни, въ Переяславскомъ полку лежащія, а онъ при томъ возжелалъ отдать долгъ на гробѣ своея матери въ Кіевѣ; поѣхалъ отъ меня въ началѣ сентября мѣсяца.

Въ исходѣ сего мѣсяца паки тѣмъ же припадкомъ я страдать началъ и дошелъ чрезъ двои сутки въ такое жь состояніе, въ какомъ нашелъ меня прежде сынъ мой, почему я и принужденъ былъ его звать къ себѣ, а между тѣмъ графъ Петръ Александ-

ровичь и графиня прислали ко мнѣ доктора и о моемъ покоѣ и поправленіи здоровья столько старались, какъ бы были со мною единоутробные. Возвратный пріѣздъ моего сына вновь оживилъ меня, а какъ я пришелъ въ желаемое состояніе, то убѣждаемъ я былъ отъ него просьбою и слезами, чтобъ жилъ съ нимъ вмѣстѣ въ Петербургѣ, на что я и согласился, но однакожь съ тѣмъ, чтобъ жить не въ городѣ, а на дачѣ; въ слѣдствіе чего я съ нимъ генваря 8-го числа 1766 году въ Петербургъ и пріѣхалъ и, пробывъ у него въ домѣ нѣсколько дней, переѣхалъ на дачу, гдѣ я и жилъ по сентябрь мѣсяцъ; а того 20-го числа поѣхалъ я въ новгородскія мои деревни, въ село Поддубье, куда и прибылъ благополучно.

Въ исходѣ декабря мѣсяца пріѣхалъ ко мнѣ сынъ мой для свиданія со мною на три недѣли, и съ нимъ господинъ ассессоръ Баролевской. Тутъ мы положили намѣреніе отправить внука моего Ивана для обученія въ чужія государства, почему онъ, по волѣ графа Никиты Ивановича, и посланъ въ Швецію, гдѣ и былъ слишкомъ 2 года. Утѣшивъ онъ меня въ старости, отъѣхалъ я 20-го числа генваря 1767 году, назнача прежде мѣста къ начатью каменной церкви во имя святаго пророка Предтечи Іоанна.

О всѣхъ мнѣ припадкахъ и домашнихъ мелкостяхъ описывать не разсуждаю, ибо всѣ деревни и всѣ имѣнія во употребленіи его моего сына, мнѣ жь потребныхъ какъ деньги, такъ и прочая провизія отъ него присылаются. Упражненіе жь мое было привесть сію новгородскую деревню въ такое состояніе хлѣбопашества, чтобъ оная довольствовать могла домъ петербургскій Николая Ивановича и дачу всякимъ хлѣбомъ. Сосѣди, каковы есть, всѣ ко мнѣ ласковы и ежедневно у меня изъ нихъ по нѣскольку бываетъ. Оставшееся за тѣмъ время провождаю я въ слушаніи книгъ, для чего и два чтеца при мнѣ содержатся, а ни о какихъ новостяхъ, ниже о газетахъ я уже не желалъ слышать, потому что считаю себя уже отшедшаго отъ міра.

Въ 1768 году, въ началѣ декабря мѣсяца, заѣхала ко мнѣ невѣстка моя и со внукомъ Дмитріемъ и, пробывъ у меня 10 дней, отправилась для богомолія въ Нилову пустыню. Я уже лишенъ былъ того удовольствія увидѣть черты лица моего внука, но и тѣмъ былъ несказанно обрадованъ, что могъ его осязать.

1769. Возвратился изъ Швеціи въ Петербургъ внукъ мой Иванъ, а я просилъ чрезъ письмо ея императорское величество о пожалованіи его въ гвардію офицеромъ и увольненіи его вояжировать въ чужія государства.

Того жь года въ октябрѣ мѣсяцѣ выпущенъ онъ по имянному указу въ армейскіе капитаны, съ дозволеніемъ ему вояжировать.

Въ исходѣ ноября мѣсяца прибылъ ко мнѣ внукъ мой Иванъ, и съ нимъ маіоръ Рейценштейнъ, съ которымъ, по условію моему съ сыномъ, имѣлъ онъ вояжировать.

1770 году, въ генварѣ мѣсяцѣ, отъѣхалъ онъ съ тѣмъ маіоромъ изъ Петербурга, а чрезъ какія мѣста, гдѣ былъ, какъ принятъ и что примѣтилъ, о томъ журналъ руки его имѣется.

Въ семъ же году посѣтилъ меня и сынъ мой.

Тѣмъ же я обрадованъ отъ него и въ нынѣшнемъ 1771 году.

1772 года въ мартѣ мѣсяцѣ возвратился внукъ мой Иванъ изъ чужихъ краевъ и по совѣту отца своего (на что и я согласенъ), отправленъ въ

первую армію и имѣлъ съ собою рекомендательное письмо къ графу Петру Александровичу только отъ одного графа Захара Григорьевича и заѣзжалъ ко мнѣ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ; я тутъ узналъ, что онъ единственно для моего удовольствія обучился во время путешествія италіянскому языку.

Въ семъ же году іюля 24-го числа освященъ построенный каменный храмъ Божій, въ которой по желанію сына моего перенесено тѣло покойной жены его Татьяны Ѳедоровны, а я и для себя во ономъ приготовилъ мѣсто.

1773 году въ исходѣ апрѣля мѣсяца получилъ я съ нарочнымъ отъ сына моего извѣстіе, что ея величество всемилостивѣйше изволила пожаловать его 21-го того жь апрѣля въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Я, какъ ни былъ болѣнъ, велѣлъ вести себя въ новую церковь и со всѣми у меня случившимися гостьми и домашними моими съ колѣнопреклоненіемъ отправляли благодарное молебствіе и за здравіе нашей милосердой матери и государыни.

Въ половинѣ іюля мѣсяца обрадовался вновь полученіемъ вѣдомости, что внукъ мой Иванъ пожалованъ въ секундъ-маіоры, за что и будетъ хвала всѣхъ благъ подающему Богу, и сіе тѣмъ наипаче, что получаемыя мною отъ него внука моего изъ арміи о военныхъ его подвигахъ (извѣстія) утверждали надежду мою, кою я всегда полагалъ на него, что увижу въ немъ усерднаго слугу отечества, жертвующаго ему жизнію.

Октября 4-го дня получилъ я отъ сына моего обрадовавшее меня даже до слезъ письмо, коимъ онъ меня извѣстилъ, что ея величество, пекущаяся неусыпно о устроеніи непоколебимаго благополучія отечества, сочетала брачнымъ союзомъ любезнѣйшаго своего сына, его императорское высочество, надежду Россійскую, съ ея императорскимъ высочествомъ великою княгинею Наталіею Алексѣевною, и что онъ сынъ мой всемилостивѣйше пожалованъ въ правительствующій сенатъ въ оберъ-прокуроры. Сколь я ни слабъ былъ, однако ту жь самую минуту велѣлъ себя вести въ домовую церковь и, собравъ всѣхъ моихъ служителей, принесли благодарное наше съ колѣнопреклоненіемъ молебное моленіе Господу Богу о здравіи всемилостивѣйшей нашей государыни и о ниспосланіи Его святаго благословенія на сочетавшихся ихъ высочествъ: да утвердитъ, милуя Россію, Богъ корень ихъ во вѣкъ вѣковъ. Сколь на усилились мои болѣзненные припадки и сколь я уже былъ ни безнадеженъ о моей жизни, однако таковыя извѣстія наполняли меня радостію, что судилъ мнѣ Господь Богъ дождать сего въ старости моей.

Съ сего времени началъ я покойно пріуготовлять себя къ смерти; оставалось только мнѣ въ такомъ моемъ состояніи желать обнять въ послѣднее сына моего и на его рукахъ испустить духъ мой, почему я и писалъ къ нему письмо слѣдующаго содержанія [1]):

«Мой любезный сынъ Николай Ивановичь! Святость пророческихъ словъ: дни лѣтъ нашихъ яко семьдесятъ, аще же въ силахъ — осемьдесятъ лѣтъ, какъ я и нынѣ себя чувствую, исполняется надо мною; се уже приближается вѣкъ мой и къ по-

[1]) Это письмо и слѣдующее за нимъ приведены у Голикова въ сокращеніи, и притомъ оба письма соединены въ одно. Приводимъ изъ Голикова только важнѣйшіе варіанты, такъ какъ остальные суть, по нашему мнѣнію, лишь стилистическія поправки самого составителя „Дѣяній Петра Великаго".

слѣднему назначенному времени жизни человѣческой, а умножающаяся не токмо день отъ дня, но и часъ отъ часа слабость не только тѣла моего, но и памяти, предвѣщаетъ разрушеніе храмины [1]), въ чемъ я и предаюсь судьбамъ Всевышняго; ожидаю смерти съ должнымъ повиновеніемъ и, по колику человѣку возможно, спокойнымъ духомъ; но Онъ зритъ сердце мое и знаетъ, чего еще въ жизни моей желаю, а именно только того, чтобъ мнѣ еще прежде кончины обнять тебя въ послѣднее и на твоихъ рукахъ предать духъ мой, и чтобъ твои руки закрыли глаза мои; я знаю твою ко мнѣ горячность, увѣренъ о твоемъ всегдашнемъ послушаніи, а сіе уже будетъ и въ послѣднее: утѣшь меня, буде возможно. Командиръ твой и особенный благодѣтель князь Александръ Алексѣевичъ [2]) въ томъ тебѣ помочь можетъ; буде же ты разсудишь, что по новости опредѣленія твоего къ мѣсту или за чѣмъ другимъ того сдѣлать не сходно, то и я предварительно въ томъ съ тобою и соглашаюсь, да и по настоящей совершенной распутицѣ какъ тебѣ ѣхать! И такъ да будетъ милость Божія надъ тобою! Октября 17-го числа 1773 году.»

Сіе письмо послано съ Лаврентіемъ Бархатовымъ; по возвращеніи того посланнаго и по полученіи съ нимъ отъ сына моего письма, узналъ я о совершенной непроѣздимости пути и о томъ по его основательнымъ причинамъ, что сыну моему ко мнѣ проситься было не сходно, почему, лишась я сей надежды, остаюсь во ожиданіи смерти. Но признаться должно, что малѣйшее движеніе въ моемъ покоѣ предвѣщаетъ мнѣ входъ Николая Ивановича; съ нимъ однимъ отдѣляюсь я отъ должнаго въ моемъ состояніи богомыслія, а прежде, нежели потеряю совершенную память, то желаю отписать къ нему еще и начинаю:

«Напрасно, мой любезный сынъ, надеждою себя ласкаешь увидѣть меня живаго; чувствую, что уже смерть моя приближается, къ чему не столько болѣзненные припадки, какъ и лѣта меня опредѣляютъ,—въ разсужденіи чего и печаль твоя должна быть умѣренна, въ чемъ я на твое благоразуміе и надѣюсь; да инако и волѣ Господней противно. Прежде, нежели душа моя отъ тѣла разлучится, въ должности нахожусь сказать тебѣ, Николай Иановичь, въ послѣднее: Сохраняй святую вѣру [1]), вразумляй о той дѣтей своихъ; исполняй же по возможности заповѣди Господни. Онъ Всевышній есть источникъ всѣхъ благъ небесныхъ и земныхъ, и вѣруяй въ Него никогда не постыдится. Сохраняй въ совершенствѣ вѣрность твою къ ея величеству и къ учреждаемымъ отъ нея и чрезъ нея наслѣдникомъ; наблюдай правду во всѣхъ твоихъ дѣлахъ и поступкахъ, хотя бы иногда и непріятное что тебѣ за то понесть случилось; вѣдай, что Богъ и ея величество правды твоея будутъ покровители: если не въ это время, то послѣ чрезъ нихъ тебѣ откроется. Люби свое отечество, отъ коего весь родъ твой облагодѣтельствованъ былъ и потомки будутъ, и въ защищеніи того пользы не щади не токмо благосостоянія, но и жизни. Я по всей возможности симъ шелъ путемъ, мой любезный сынъ, и ты всѣхъ лучше знаешь бывшія иногда мнѣ огорченія,

---

[1]) У Голикова дополнено: „тѣла моего“.
[2]) Вяземскій, генералъ-прокуроръ.

[1]) У Голикова: „Соблюдай святую вѣру во всей ея непорочности“.

сколь я ихъ сносилъ терпѣливо, и наконецъ, Богъ, владычествуяй всѣми, возвалъ меня въ такое состояніе, каковаго только человѣку при моихъ свойствахъ ожидать было возможно [1]). Наконецъ скажу: умѣряй свою вспыльчивость; она не токмо здоровью твоему вредна, но и познанію каждаго дѣла въ точномъ его видѣ препятствуетъ; я знаю твое доброе сердце, знаю твои свойства, знаю жь и расположеніе души твоея и потому [2]) спокойнѣе умираю и скажу тебѣ еще въ послѣднее: прости, Николай Ивановичь!»

«Прошу тебя по смерти моей исполнить все по моему завѣщанію. Вамъ, Аграфена Александровна, искренне всѣхъ благъ желаю. Скажи пожалуй, Николай Ивановичь, при случаѣ, извѣстному господину, что я предъ нимъ никогда виноватъ не былъ, въ чемъ и умираю и клянуся; буде же онъ меня почитаетъ виноватымъ, то прошу его Бога ради простить меня, а я ему какъ прежде, такъ и нынѣ всѣхъ благъ истинно желаю. Дочери моей Аннѣ Ивановнѣ и дѣтямъ ея и дѣтямъ дочери моей Марьи Ивановны оставляю Божіе и мое благословеніе, а Михаилѣ Купріяновичу [*]) искренне всѣхъ благъ желаю. Заключая жь сіе, всѣмъ вамъ совокупно и дѣткамъ твоимъ, Ванюшкѣ и Митѣ, преподаю отеческое благословеніе, а къ Тебѣ, Отецъ щедротъ и милосердія, обращаю мою молитву: сохрани ихъ [1]) совершить теченіе сея жизни Тебѣ угодное въ вѣрности къ нашей государынѣ и въ пользу отечества. Еще прости, мой любезный сынъ Николай Ивановичь, мысленно тебя обнимаю, цѣлую; да будетъ благодать Господня надъ тобою [2]); когда любишь дѣтей своихъ такъ, какъ я тебя, представляя мое теперешнее состояніе, можешь себѣ и то представить, сколь горестна моя съ тобою разлука, Творцемъ вселѣнная и Его милосердіемъ, и какъ мнѣ на судъ явиться должно. Я наполнилъ мои мысли [3]); но признаюсь и каюсь въ томъ, что ты меня столько же занимаешь; представленіе тебя предстоитъ неотлучно предо мною, а молитва моя о себѣ препровождается купно и о тебѣ; не могу больше писать. Боже всякаго милосердія, сохрани его [4]) такъ, какъ я желаю».

*

Сіе письмо какъ князь Андрей Ивановичь Мышецкой и Василій Васильевичь Татищевъ писали, диктовалъ его высокопревосходительство почти трои сутки — какъ по великой его слабости, такъ и потому, что онъ, сказывая оное, многократно плакалъ и уже инако двухъ литеръ имени своего и фамилии приложить къ оному не могъ, какъ рукою его водилъ князь Андрей Ивановичь.

Сіе письмо отправлено съ нарочнымъ 29-го октября, а въ ту жь ночь жаръ усилился, такъ что не надѣялись, чтобъ могъ до свѣту продол-

---

[1]) У Голикова добавлено: „Подчиненнымъ твоимъ и паче крестьянамъ, будь больше отецъ, нежели господинъ, имѣя присно въ памяти слово Божіе: „милости хощу, а не жертвы“, и что они — такіе же люди, какъ и ты, кромѣ чиновъ и власти, данной тебѣ гражданскими законами.

[2]) У Голикова добавлено: „зная, что послѣдуешь сему моему послѣднему наставленію“.

[*]) Лунину.

[1]) У Голикова: „сохрани его, дѣтей его, и весь родъ мой и вразуми ихъ совершить....“

[2]) У Голикова добавлено: „дѣтьми твоими, Ванею и Митею, невѣсткою моею Аграфеною Александровною и всѣми моими дѣтьми и внуками“.

[3]) У Голикова иначе: ...разлука. Я долженъ наполнять мои мысли Творцемъ вселенныя и Его правосудіемъ...“

[4]) У Голикова: „и всѣхъ моихъ“.

житься; но къ утру полчаса заснулъ и пробудившись спросилъ: «Поѣхалъ ли посланный въ Петербургъ?»

3-го ноября сдѣлался жаръ поменѣе, и притомъ между прочимъ были его такія слова: «Кто стучитъ тамъ? Не пріѣхалъ ли Николай Ивановичъ? Но за чѣмъ ему ко мнѣ и ѣхать! Я съ нимъ уже простился, и все, что́ имѣлъ, сказалъ, и что́ бы теперь сказать ему могъ? Уже ничего не осталось!» И вздохнувши, помолчавъ, началъ еще говорить: «Если бы онъ и пріѣхалъ, то, кромѣ огорченія себѣ, ничего не найдетъ; я знаю его нѣжное чувство; онъ, увидя меня въ такой уже слабости, поврежденіе своему здоровью сдѣлать можетъ, а меня присутствіемъ своимъ и болѣе отвлечь отъ моего долга».

При сказываніи сихъ словъ текли изобильныя слезы, и сквозь оныя, весьма томнымъ голосомъ сказалъ: «Ты, Боже, ниспосли ему Свою милость!» Потомъ приказалъ готовиться къ литургіи и, исповѣдавшись, пріобщился святыхъ таинъ, но при томъ головы, сколько ни старался, нисколько приподнять не могъ, и затѣмъ продолжался до 11-го числа ноября мѣсяца, котораго въ 6 часовъ по полуночи и за полчаса еще спросилъ: «будетъ ли сегодня обѣдня?» А на отвѣтъ, что будетъ, послѣднее его было слово: «Помолитесь о мнѣ грѣшномъ!» отъ сея временныя жизни преселился въ вѣчную.

20-го числа того жь мѣсяца погребено тѣло его въ назначенномъ отъ него самаго мѣстѣ, и на доскѣ по собственному жь его повелѣнію, прежде имъ къ Николаю Ивановичу посланному, сдѣлана слѣдующая надпись:

«Здѣсь лежитъ тѣло дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, сенатора и обоихъ Россійскихъ орденовъ кавалера Ивана Неплюева. Зрите! Вся та тщетная слава, могущество и богатство исчезаютъ, и все то покрываетъ камень, тѣло жь истлѣваетъ и въ прахъ обращается. Умеръ въ селѣ Поддубьѣ, 80-ти лѣтъ и 6 дней, ноября 11-го дня 1773 году.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Воспоминаніе И. И. Голикова объ И. И. Неплюевѣ [1]).

Остатки достохвальной жизни своей сей питомецъ Петра Великаго препровелъ въ деревняхъ своихъ, въ богомысліи, въ приведеніи хлѣбопашества въ лучшее состояніе, въ устроеніи блага крестьянъ своихъ и въ наставленіяхъ сыну и внукамъ своимъ. Все окружавшее жилище его дворянство находило удовольствіе ежедневно наслаждаться его же наставленіями и разсужденіями за столомъ его.

Сей достопочтеннѣйшій мужъ имѣлъ разумъ твердый и тонкій, дѣятельность неусыпную, правосудіе строгое и никакими пристрастіями и интересами непоколебимое. Сіе между прочимъ и то одно доказать можетъ, что онъ никогда ни отъ кого, ни за какое дѣло, ничего не взялъ, и никто не смѣлъ къ нему показаться ни съ какими подарками; засвидѣтельствуютъ сіе всѣ бывшіе подъ его начальствованіемъ. Доступъ до него былъ всякому невозбранной; выслушивалъ отъ каждаго съ внимательнымъ терпѣніемъ; интересы отечества предпочиталъ онъ самой жизни и благосостоянію своему, и правило его было служить оному до послѣдняго изнеможенія силъ; а потому и

[1]) См. Дополненія къ Дѣяніямъ Петра Великаго, т. XVII, стр. 447—450.

несносны были ему всѣ, а паче въ молодыхъ лѣтахъ оставляющіе службу и выходящіе въ отставку; защищалъ всегда ревностно самодержавное, какъ наилучшее изъ всѣхъ другихъ, правленіе и исполнялъ съ благоговѣніемъ волю верховной власти; къ памяти Петра Великаго имѣлъ безпредѣльное почитаніе, и имя его не инако произносилъ, какъ священное, и почти всегда со слезами; вѣру и благочестіе соблюлъ до конца ненарушимо, и не выѣзжалъ никогда со двора, не отслушавъ святыя литургіи, которая въ домовой церкви его ежедневно отправлялась; былъ врагъ вольнодумства, суевѣрія, ласкательства и потаковщиковъ; всякія нещастія и прискорбности сносилъ съ благодареніемъ Богу, вѣруя несумнѣнно провидѣнію Его, управляющему жребіемъ смертныхъ; искренность сердца его изливалась и на языкъ его въ дѣлахъ тайности не подлежащихъ; сему послѣднему послужитъ доказательствомъ и одно слѣдущее. Когда лишился онъ зрѣнія, и силы его тѣлесныя ослабѣли, и слѣдовательно продолжать служенія болѣе не могъ, то, написавъ просительное къ императрицѣ письмо о увольненіи своемъ отъ службы, поѣхалъ съ онымъ въ день воскресный на куртагъ во дворецъ; его подвели къ ея величеству. Великая сія монархиня, почитавшая его добродѣтели, посадила его подлѣ себя, и старецъ заговорилъ, что онъ ослѣпъ и не можетъ исправлять должности службы.—«Я разумѣю тебя», сказала на сіе Великая Екатерина, «я разумѣю тебя, Иванъ Ивановичъ; ты конечно хочешь проситься въ отставку; но воля твоя, я прежде не отставлю тебя, пока не отрекомендуешь мнѣ на свое мѣсто человѣка съ таковыми же достоинствами, съ каковыми и ты». Толь лестная монархини рѣчь тронула его даже до слезъ. Чтожъ онъ отвѣтствовалъ на оную? «Нѣтъ, государыня, мы Петра Великаго ученики, проведены имъ сквозь огнь и воду, инако воспитывались, инако мыслили и вели себя, а нынѣ инако воспитываются, инако ведутъ себя и инако мыслятъ; и такъ я не могу ни за кого, ниже за сына моего, ручаться.» Сей добродѣтельный старецъ разсказывалъ самъ сіе мнѣ по пріѣздѣ изъ дворца, прибавя къ тому: «Тутъ всѣ были, но мнѣ что̀ за нужда? Я сказалъ, что̀ чувствовалъ».

Впрочемъ всѣ описанныя мною добродѣтели его извѣстны были мнѣ совершенно, и могу сказать, что всѣ движенія сердца его не могли отъ меня быть сокрытыми; ибо имѣлъ я щастіе быть имъ любимъ, и болѣе двадцати лѣтъ жилъ съ нимъ почти неразлучно, въ теченіе которыхъ почти ежедневно наслаждался утренними его съ собою разговорами и разсужденіями, открывавшими мнѣ всѣ чувствованія души его.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ ПАВЛОВИЧЪ И КНЯЗЬ АДАМЪ ЧАРТОРЫЖСКІЙ *).

РАЗСКАЗЪ КНЯЗЯ АДАМА ЧАРТОРЫЖСКАГО О СБЛИЖЕНІИ ЕГО СЪ ИМПЕРАТОРОМЪ АЛЕКСАНДРОМЪ ПАВЛОВИЧЕМЪ.

1796.

Передъ вскрытіемъ Ладожскаго озера и проходомъ его льдинъ по Невѣ, производящемъ въ Петербургѣ рѣзкій холодъ (что обыкновенно происходитъ въ концѣ Апрѣля) въ этой столицѣ выдаются ясные, солнечные дни, при холодѣ, не превышающемъ нѣсколькихъ градусовъ; и тогда набережныя переполнены гуляющими. Тутъ встрѣтишь все общество: дамъ въ тщательныхъ утреннихъ туалетахъ, точно такъ же и кавалеровъ.

Великій Князь Александръ часто гулялъ по набережнымъ, иногда одинъ, иногда съ Великою Княгинею, и это еще болѣе привлекало туда великосвѣтскую толпу. Мы съ братомъ также были въ числѣ гуляющихъ, и каждый разъ, какъ Великій Князь встрѣчалъ одного изъ насъ, онъ останавливался, вступалъ съ нами въ разговоры и оказывалъ намъ особое благоволеніе.

Эти утреннія встрѣчи нѣкоторымъ образомъ служили продолженіемъ придворныхъ вечеровъ, и наши сношенія съ Великимъ Княземъ съ каждымъ днемъ принимали характеръ болѣе близкаго знакомства. Дворъ по обыкновенію переѣзжалъ весною въ Таврическій дворецъ, гдѣ Императрица Екатерина жила менѣе открыто и допускала къ себѣ по вечерамъ лишь избранное общество, въ которое не включалась толпа придворныхъ чиновъ, развѣ по случаю концертовъ, на которые разсылались особыя приглашенія. Великій Князь еще не прекращалъ своихъ прогулокъ по набережной. Однажды, встрѣтясь со мной, онъ выразилъ сожалѣніе, что мы рѣдко видимся и пригласилъ меня посѣтить его въ Таврическомъ дворцѣ и прогуляться съ нимъ по садамъ, которые онъ хотѣлъ мнѣ показать. Онъ назначилъ мнѣ день и часъ.

Весна уже установилась и, какъ бываетъ въ этомъ климатѣ, природа наверстала упущенное время: ра-

(*) Извлечено и переведено изъ книги, вышедшей въ 1865 г. въ Парижѣ: „Alexandre 1-er et le prince Czartoryski. Correspondance particulière et conversations 1801—1823. Publées par le prince Ladislas Czartoryski, avec une introduction par Charles de Masade. 8⁰ XXXV и 368 стр. По важности содержанія, книга эта должна быть усвоена нашей исторіографіи. Желательно однако, чтобы князь Владиславъ Чарторыжскій передалъ куда либо въ общественное мѣсто самые подлинники этой переписки отца своего; иначе Русскіе читатели, къ несчастію слишкомъ знакомые съ пріемами Польской аристократіи, не перестанутъ подозрѣвать, что переписка обнародована не вполнѣ и, пожалуй, съ нужными Полякамъ искаженіями. — Мы уже имѣли случай говорить о князѣ Адамѣ (XVIII-й вѣкъ, IV, 151). Здѣсь прибавимъ, что этотъ старшій сынъ Маріи Изабеллы Сѣнявской (1743 — 1835), дочери Саксонскаго перваго министра Флемминга и супруги князя Адама Казимира Чарторыжскаго, столь извѣстнаго тѣмъ, что онъ безпрестанно продавалъ свою родину за получаемыя изъ Петербурга деньги, родился 14 Янв. 1770 г., слѣд. былъ съ небольшимъ на 6 лѣтъ старше императора Александра Павловича. Въ 1795 г. съ братомъ своимъ кн. Константиномъ онъ привезенъ былъ въ Петербургъ въ одно время съ красавицами княжнами Четвертинскими. Можно думать, что истинный отецъ его князь Н. В. Репнинъ (тогда Виленскій ген. губернаторъ) позаботился объ его положеніи въ столицѣ Русскаго царства. *П. Б.*

стительность быстро развилась въ нѣсколько дней; все зеленѣло и цвѣло.

Въ назначенный день и часъ, я не преминулъ явиться въ Таврическій дворецъ. Жалѣю, что не записалъ числа: этотъ день имѣлъ рѣшительное вліяніе на значительную часть моей жизни и на судьбы моего отечества. Съ этого дня и съ разговора, который я тотчасъ изложу, ведется моя преданность Великому Князю, могу сказать, наша дружба и рядъ событій, счастливыхъ и несчастныхъ, цѣпь коихъ еще длится и еще дастъ себя чувствовать въ теченіи долгихъ лѣтъ.

Какъ только я вошелъ, Великій Князь взялъ меня за руку и предложилъ мнѣ пойти въ садъ, что-бы я посудилъ, сказалъ онъ, объ искусствѣ Англійскаго садовника, съумѣвшаго придать саду много разнообразія и распорядиться такъ, что ни откуда не было видно предѣловъ весьма ограниченнаго его пространства. Мы исходили садъ во всѣхъ направленіяхъ во время трехъ часоваго, неумолкаемаго и оживленнаго разговора.

Великій Князь сказалъ мнѣ, что наше поведеніе (моего брата и мое) наша покорность судьбѣ, столь для насъ тягостной, спокойствіе и равнодушіе, съ коимъ мы все приняли, не придавая цѣны ничему и не отвергая милостей для насъ стѣснительныхъ, внушили ему къ намъ уваженіе и довѣріе; что онъ сочувствуетъ нашимъ побужденіямъ, что онъ угадываетъ ихъ и одобряетъ; что онъ ощутилъ потребность ознакомить насъ съ истиннымъ своимъ образомъ мыслей, что онъ не можетъ помириться съ мыслію, что-бы мы имѣли о немъ понятіе, не согласное съ дѣйствительностію. Онъ сказалъ мнѣ затѣмъ, что онъ нисколько не раздѣляетъ воззрѣній и правилъ Кабинета и Двора, что онъ далеко не одобряетъ политики и образа дѣйствій своей бабки; что всѣ его желанія были за Польшу и за успѣхъ ея славной борьбы; что онъ оплакивалъ ея паденіе; Костюшко, въ его глазахъ, былъ человѣкомъ великимъ по своимъ добродѣтелямъ и потому, что онъ защищалъ дѣло правды и человѣчества*).

Онъ сознался мнѣ, что онъ ненавидитъ деспотизмъ повсюду, во всѣхъ его проявленіяхъ, что онъ любитъ свободу, на которую имѣютъ право всѣ люди; что онъ съ живымъ участіемъ слѣдилъ за Французскою революціею; что, осуждая ея ужасныя крайности, онъ желаетъ республикѣ успѣховъ и радуется имъ. Онъ съ благоговѣніемъ говорилъ мнѣ о своемъ наставникѣ, г. Лагарпѣ, какъ о человѣкѣ высокой добродѣтели, истинной мудрости, строгихъ правилъ, сильнаго характера. Ему онъ былъ обязанъ всѣмъ, что̀ въ немъ есть хорошаго, всѣмъ, что̀ онъ знаетъ; ему въ особенности онъ былъ обязанъ тѣми началами истины и справедливости, которыя онъ имѣетъ счастіе носить въ своемъ сердцѣ, куда внѣдрилъ ихъ г. Лагарпъ.

Прохаживаясь вдоль и поперекъ по саду, мы нѣсколько разъ встрѣчали

(*) Бесѣды съ Чарторыжскимъ для 19 лѣтняго и ничѣмъ еще не занятаго Великаго Князя имѣли совершенно тоже значеніе, какъ для нашего поколѣнія запрещенныя сношенія съ Герценомъ. Проживи Екатерина еще нѣсколько недѣль, Александръ непремѣнно бы отрезвился. По свидѣтельству Саблукова (Р. Арх. 1869 стр. 1883) Екатерина готовила къ новому 1797 году манифестъ о назначеніи его Наслѣдникомъ Престола, и тогда безъ сомнѣнія ему предоставили бы опредѣленный кругъ государственныхъ занятій, къ коимъ невозможно было допустить Павла ради его характера. *П. Б.*

Великую Княгиню, прогуливавшуюся отдѣльно. Великій Князь сказалъ мнѣ, что его супруга — повѣренная всѣхъ его мыслей, что одна она знаетъ и раздѣляетъ его чувства, но что, за изъятіемъ ея, я первое и единственное лицо, съ которымъ, послѣ отъѣзда своего наставника, онъ рѣшился о нихъ говорить; что онъ не можетъ повѣрить ихъ рѣшительно никому, ибо никто въ Россіи еще не способенъ раздѣлять ихъ или даже понять; что поэтому я долженъ чувствовать, какъ для него впредь будетъ отрадно имѣть человѣка, съ которымъ онъ можетъ говорить откровенно и съ полнымъ довѣріемъ.

Этотъ разговоръ былъ пересыпанъ, какъ легко себѣ представить, изліяніями дружбы съ его стороны, съ моей выраженіями удивленія, благодарности и увѣреніями въ преданности. Онъ отпустилъ меня, сказавъ, что постарается видаться со мною какъ можно чаще и предписавъ мнѣ крайнюю осторожность и безусловную тайну, впрочемъ позволилъ мнѣ сообщить брату содержаніе нашего разговора.

Я оставилъ его, сознаюсь въ томъ, внѣ себя, глубоко взволнованный, не зная, сонъ-ли это, или дѣйствительность.

Какъ! Русскій Великій Ккнязь, наслѣдникъ Екатерины, ея любимый внукъ и воспитанникъ, тотъ, кого она, устранивъ сына, желала возвести послѣ себя на престолъ, тотъ, о которомъ говорили, что въ немъ возродится Екатерина — этотъ Великій Князь ненавидѣлъ правила своей бабки и отрекался отъ нихъ и отъ ненавистной политики Россіи! Онъ страстно любилъ свободу и правду, онъ жалѣлъ о Польшѣ и хотѣлъ-бы видѣть ее счастливою! Не чудомъ-ли въ этой атмосферѣ, въ этой обстановкѣ, могли развиться столь благородные помыслы, столь высокія добродѣтели?

Я былъ молодъ, исполненъ восторженныхъ мыслей и чувствъ; самыя необычайныя вещи меня не удивляли; я охотно вѣрилъ всему, что казалось мнѣ величіемъ и добродѣтелью. Я легко поддался понятному очарованію. Въ словахъ и въ поведеніи этого царственнаго юноши было столько искренности, чистоты, столько рѣшительности повидимому несокрушимой, столько самозабвенія и великодушія, что онъ показался мнѣ существомъ избраннымъ свыше, ниспосланнымъ Провидѣніемъ для блага человѣчества и моей родины. Я возъимѣлъ къ нему безграничную привязанность, и чувство, внушенное имъ мнѣ въ эту первую минуту, пережило даже постепенное разрушеніе возбужденныхъ имъ надеждъ; позже оно устояло противъ всѣхъ ударовъ, нанесенныхъ ему самимъ Александромъ, и никогда не погасло, не смотря на всѣ причины, на всѣ печальныя разочарованія, которыя могли-бы его разрушить. Я сообщилъ моему брату о бывшемъ между нами разговорѣ и, изливши другъ передъ другомъ нашъ восторгъ и наше удивленіе, мы вмѣстѣ предались мечтамъ о свѣтломъ будущемъ, которое, казалось, раскрывалось передъ нами.

Слѣдуетъ припомнить, что въ то время такъ называемыя либеральныя воззрѣнія были гораздо менѣе распространены, чѣмъ теперь, что они еще не проникали во всѣ классы общества и въ кабинеты государей, и что все на нихъ похожее, напротивъ того, клеймилось и предавалось анаѳемѣ при Дворахъ и въ салонахъ большинства Европейскихъ столицъ, въ

особенности-же въ Россіи и въ Петербургѣ, гдѣ всѣ воззрѣнія стараго Французскаго строя, доведенныя до крайности, привились къ Русскому деспотизму и раболѣпству. Встрѣтить среди этихъ элементовъ человѣка, призваннаго царствовать надъ этимъ народомъ, оказать громадное вліяніе на Европу, съ мнѣніями столь рѣшительными, столь благородными, столь противоположными существующему порядку, не было ли то самая счастливая, самая знаменательная случайность?

Черезъ сорокъ лѣтъ, оглядывая событія, совершившіяся послѣ этого разговора, слишкомъ ясно видишь, сколь мало они соотвѣтствовали надеждамъ, которыя были ими въ насъ вызваны. Это потому, что тогда либеральныя идеи являлись для насъ съ сіяніи, которое съ тѣхъ поръ поблекло, и попытки ихъ приложенія къ дѣлу повели къ жестокимъ разочарованіямъ, слишкомъ часто повторявшимся. Французская республика, очнувшись отъ террора, казалось, шествовала непобѣдимымъ шагомъ къ дивной будущности, счастливой и славной. Въ 1796 и 1797 годахъ было лучшее ея время. Имперія еще не охладила и не сбила съ толку самыхъ горячихъ приверженцевъ революціи.

Пусть представять себѣ наши Польскія чувства, наши желанія, нашу неопытность, нашу вѣру въ конечный успѣхъ правды и свободы, и легко поймутъ, что въ то время мы съ восторгомъ предались самымъ заманчивымъ мечтамъ.

Послѣ этого знаменательнаго разговора, мы, въ теченіи нѣсколькихъ дней, не находили случая къ бесѣдамъ съ Великимъ Княземъ; но, при всякой встрѣчѣ, мы обмѣнивались дружескими словами, многозначительными взглядами.

Вскорѣ Дворъ переѣхалъ въ Царское Село. Обыкновенно всѣ придворные чины пріѣзжали туда въ праздники и воскресные дни, присутствовали у обѣдни, обѣдали, проводили вечеръ. Иные оставались ночевать и даже проводили по нѣскольку времени въ маленькихъ домикахъ, окружавшихъ дворъ насупротивъ дворца, и въ которыхъ жить было весьма неудобно, либо въ городѣ (гдѣ жить было столь-же неудобно, но нѣсколько свободнѣе) въ домахъ, въ коихъ кромѣ стѣнъ, дверей и оконъ, ничего не было.

Великій Князь сперва пригласилъ насъ пріѣзжать почаще въ Царское Село, потомъ и жить въ немъ, для того, говорилъ онъ, что-бы мы имѣли случай проводить болѣе времени вмѣстѣ. Онъ любилъ наше общество и искалъ его, ибо только съ нами могъ онъ говорить откровенно и высказывать всѣ свои мысли.

Мы имѣли право являться въ апартаменты дворца, когда Императрица выходила туда по вечерамъ, участвовать въ прогулкахъ и въ игрѣ въ бары, что повторялось каждый разъ, какъ была хорошая погода, или присоединяться къ придворнымъ, собиравшимся подъ колонадою, въ той части дворца, которую Императрица предпочитала всѣмъ прочимъ и которая соприкасалась съ ея внутренними покоями. Въ обыкновенные дни, за столомъ Императрицы обѣдали лишь дежурные. Однажды мнѣ выпалъ этотъ случай. Я былъ помѣщенъ противъ Екатерины и ей прислуживалъ, что исполнялъ довольно неловко.

Мы часто ѣзжали въ Царское Село и вскорѣ поселились въ немъ почти на все лѣто.

Наши сношенія съ Великимъ Княземъ были въ высшей степени завле-

кательны. Это было своего рода франъ-масонство, коему не оставалась чуждою и Великая Княгиня. Близость, возникшая при такихъ условіяхъ и причина коей была намъ столь дорога, вела къ разговорамъ, которые мы прерывали лишь нехотя, обѣщая другъ другу возобновлять ихъ. Политическія мнѣнія, которыя нынѣ показались-бы избитыми общими мѣстами, были тогда животрепещущими новостями; и тайна, которую мы должны были соблюдать, мысль, что это происходитъ передъ глазами Двора, погрязшаго въ предразсудкахъ абсолютизма, на зло всѣмъ этимъ министрамъ, столь убѣжденнымъ въ своей непогрѣшимости, придавала еще болѣе занимательности и соли этимъ сношеніямъ, которыя становились все болѣе частыми и близкими.

Императрица Екатерина взглянула благосклонно на близость, возникавшую между ея внукомъ и нами двумя; она одобряла это сближеніе, не угадывая, конечно, ни истиннаго его повода, ни послѣдствій. Полагаю, что по ея представленіямъ и по стариннымъ воззрѣніямъ на значеніе аристократіи, она сочла полезнымъ привязать къ своему внуку вліятельное семейство. Она не подозрѣвала, что эта дружба укрѣпитъ его въ мнѣніяхъ, внушавшихъ ей страхъ и ненависть и что она будетъ одною изъ тысячи причинъ успѣха либеральныхъ идей въ Европѣ, и появленія, увы! кратковременнаго на политической сценѣ Польши, которую она считала навсегда похороненною. Одобреніе, высказанное Императрицею явному благоволенію, которое оказывалъ намъ Великій Князь, заставило молчать всѣхъ порицателей и поощрило насъ въ нашихъ сношеніяхъ, и безъ того столь привлекательныхъ.

Великій Князь Константинъ, изъ подражанія и угодливости Императрицѣ, также возъимѣлъ дружбу къ моему брату, сталъ приглашать его къ себѣ, вводить его насильно въ свой семейный кругъ; но при этихъ сношеніяхъ о политикѣ и рѣчи не было. Судьба, въ этомъ отношеніи, не благопріятствовала моему брату; ни одинъ изъ поводовъ, сблизившихъ насъ съ Александромъ, не существовалъ относительно Константина; и его характеръ, капризный, вспыльчивый, не поддававшійся никакой сдержкѣ, кромѣ страха, внушалъ мало желанія съ нимъ сближаться. Великій Князь Александръ попросилъ моего брата не уклоняться отъ этого сближенія, но только скрывать наши тайные разговоры отъ Константина, къ которому впрочемъ онъ питалъ братскія чувства.

Великій Князь, въ началѣ этого лѣта, жилъ въ большомъ зданіи и еще не переселялся въ отдѣльный дворецъ, расположенный въ паркѣ, который велѣла для него выстроить Императрица и который только что былъ оконченъ. Въ теченіи нѣкотораго времени, посѣщеніе этого дворца служило намъ цѣлью въ нашихъ послѣобѣденныхъ прогулкахъ. Великій Князь наконецъ переселился туда, и тогда наши свиданія стали гораздо болѣе свободными. Онъ часто оставлялъ насъ обѣдать у себя, и рѣдко проходилъ день безъ того, что-бы одинъ изъ насъ не ходилъ къ нему ужинать, когда изъ большаго дворца разъѣзжались. По утрамъ мы прогуливались пѣшкомъ, иногда по нѣскольку верстъ. Великій Князь любилъ ходить пѣшкомъ, заходить въ окрестныя деревни и, тутъ въ особенности, предавался онъ любимымъ своимъ разговорамъ. Онъ находился

подъ обаяніемъ едва начинавшейся юности, создающей себѣ образы, утѣшающей себя ими, не останавливающейся на невозможностяхъ, строящей безконечные планы для будущности, коей предѣловъ оно не видитъ.

Мнѣнія его были мнѣніями школьника 89-го года, который желалъ бы видѣть повсюду республику и считалъ эту форму правленія единственною сообразною съ желаніями и правами человѣчества. Хотя я самъ въ это время былъ оченъ восторженъ, хотя родился и былъ воспитанъ въ республикѣ, съ жаромъ принявшей всѣ начала Французской революціи, однако-же, въ нашихъ спорахъ, я держалъ сторону благоразумія и умѣрялъ крайнія мнѣнія Великаго Князя. Между прочимъ, онъ утверждалъ, что наслѣдственность престола—установленіе несправедливое и нелѣпое, что верховную власть долженъ даровать не случай рожденія, а приговоръ всей націи, которая съумѣетъ избрать способнѣйшаго къ управленію ею. Я представлялъ ему все то, что можно сказать противъ этого мнѣнія, трудности и случайности избранія, все что отъ нихъ претерпѣла Польша и сколь мало Россія была способна и подготовлена къ такому порядку вещей. Я присовокуплялъ, что на этотъ разъ по крайней мѣрѣ, Россія отъ этого ничего не выиграла-бы, ибо она лишилась-бы того, кто всѣхъ достойнѣе верховной власти, чьи намѣренія самыя благодѣтельныя и самыя чистыя.

Объ этомъ пунктѣ у насъ шли нескончаемыя пренія. Иногда, во время нашихъ долгихъ прогулокъ, разговоръ обращался къ инымъ предметамъ. Дѣло шло уже не о политикѣ, а о природѣ: юный Великій Князь восторгался ея красотами. Нужна была большая склонность къ наслажденіямъ этого рода, что-бы находить ихъ въ мѣстности, по которой мы совершали свои прогулки; но такъ какъ все въ этомъ мірѣ относительно, то Великій Князь восхищался цвѣткомъ, зеленью дерева, нѣсколько открытымъ видомъ съ небольшаго пригорка, ибо нѣтъ ничего менѣе живописнаго, болѣе некрасиваго, какъ окрестности Петербурга. Александръ любилъ земледѣльцевъ и сельскую красоту крестьянокъ. Сельскія занятія, сельскіе труды, жизнь простая и тихая, на хорошенькой фермѣ, въ странѣ отдаленной и цвѣтущей: вотъ романъ, который ему хотѣлось осуществить и къ которому онъ постоянно со вздохомъ возвращался.

Я очень хорошо чувствовалъ, что такія мечты ему не пристали, что, при столь высокомъ призваніи и для того что-бы произвести въ общественномъ строю великія и счастливыя перемѣны, нужно было болѣе возвышенности, болѣе силы, болѣе вѣры въ себя, чѣмъ имѣлъ ихъ Великій Князь; что, въ своемъ положеніи онъ заслуживалъ порицанія за то, что желалъ бы сбросить съ себя громадное бремя, ему предназначенное, и вздыхаетъ о досугахъ спокойной жизни; что сознавать трудности своего положенія и страшиться ихъ недостаточно и что слѣдуетъ возгорѣть пламеннымъ желаньемъ преодолѣть ихъ.

Эти размышленія приходили мнѣ на умъ лишь по временамъ, да и тогда, когда истина ихъ всего болѣе меня поражала, они не уменьшали моего восторга и моей преданности къ Великому Князю. Его искренность, его прямота, легкость, съ которою онъ предавался прекраснымъ заблужденіямъ, имѣли неотразимую прелесть. При томъ, онъ былъ еще такъ молодъ, что могъ пріобрѣсти то, чего ему не доставало; обстоятельства, не-

обходимость могли развить способности, не имѣвшія ни времени, ни случая обнаруживаться; но его воззрѣнія, его намѣренія оставались чистымъ золотомъ, и хотя онъ съ тѣхъ поръ сильно измѣнился, однако до своей кончины сохранялъ нѣкоторые вкусы и мнѣнія своей юности.

Многія лица, въ особенности изъ моихъ соотечественниковъ, упрекали меня впослѣдствіи за то, что я слишкомъ поддался увѣреніямъ Александра; я часто отстаивалъ передъ его порицателями искренность и неподдѣльность его мнѣній. Впечатлѣніе, произведенное первыми годами нашего знакомства, не могло изгладиться. Нѣтъ сомнѣнія, что когда девятнадцатилѣтній Александръ изливалъ мнѣ, подъ величайшею тайною и съ беззавѣтностію, облегчавшею его душу, мнѣнія и чувства, скрываемыя имъ отъ всѣхъ, онъ дѣйствительно испытывалъ эти чувства и потребность съ кѣмъ нибудь подѣлиться ими. Какое иное побужденіе могло тогда быть у него? Кого хотѣлъ-бы онъ обмануть? Онъ очевидно повиновался влеченію своего сердца и довѣрялъ мнѣ истинныя свои мысли. Буду имѣть случай вернуться къ этому предмету, говоря объ измѣненіяхъ, происшедшихъ въ характерѣ этого государя.

ПЕРЕПИСКА

(1801 — 1806)

I.

*Императоръ къ кн. Чарторыжскому**).

17 Марта 1801.

Вамъ уже извѣстно, любезный другъ, что кончина моего отца поставила меня во главу управленія. Умалчиваю о всѣхъ подробностяхъ, что-бы сообщить ихъ Вамъ изустно. Пишу Вамъ для того, что-бы Вы немедленно передали всѣ дѣла Вашей миссіи старшему по Васъ и что-бы Вы ѣхали въ Петербургъ. Мнѣ нѣтъ надобности говорить Вамъ, съ какимъ нетерпѣніемъ я Васъ ожидаю. Надѣюсь, что Небо сохранитъ Васъ во время Вашего путешествія и приведетъ Васъ сюда въ совершенномъ здравіи. Прощайте, любезный другъ; болѣе писать не могу; прилагаю при семъ паспортъ для предъявленія на границѣ.

Александръ.

*) Въ Римъ, гдѣ онъ находился посланникомъ нашимъ при Сардинскомъ Дворѣ. *П. Б.*

II.

Императоръ къ кн. Чарторыжскому.

Петербургъ, 12 Іюня 1801.

Не могу выразить Вамъ, любезный другъ, что я испыталъ при полученіи Вашего письма и особенно при мысли, что я скоро Васъ увижу. Не могу понять, какъ могъ я ошибиться на счетъ Вашего чина *); прилагаю при семъ, по Вашему желанію, другой паспортъ. Прощайте, любезный другъ; не могу писать къ Вамъ болѣе.

Александръ **).

III.

Кн. А. Чарторыжскій къ Императору.

22 Марта 1806.

Не съ намѣреніемъ преувеличивать передъ В. И. В-вомъ опасности, угрожающія Вашей Имперіи, и напрасно тревожить Васъ на счетъ ея положенія, составилъ я записку, повергаемую много нынѣ на Ваше усмотрѣ-

*) Императоръ, по ошибкѣ, въ адресѣ письма, поставилъ передъ именемъ князя титулъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника.

**) Въ исходѣ 1802 года князь Чарторыжскій получилъ въ завѣдываніе министерство иностран. дѣлъ *П. Б.*

ніе. Она внушена мнѣ самымъ искреннимъ, самымъ обдуманнымъ усердіемъ.

Я счелъ необходимымъ указать В-у И. В-ву на нѣкоторые изъ подводныхъ камней, Васъ окружающихъ, но, повидимому, незамѣчаемыхъ Вами. Россія, по истинѣ, въ положеніи весьма критическомъ. Опасности, угрожающія ей, Вамъ самимъ, Государь, могутъ возрасти до степени, на которую я не могу взирать безъ страха. И такъ, я подумалъ, что не слѣдуетъ упускать ни минуты для того, что-бы предложить В. И. В-ву единственную мѣру, которая можетъ сдѣлать исполнимыми всѣ прочія, требуемыя обстоятельствами, мѣру, еще недостаточную для спасенія государства, но безъ которой это спасеніе стало-бы сомнительнымъ, что-бы не сказать невозможнымъ.

До начала войны, въ правительственной дѣятельности господствовало единство, ибо В. И. В-во удостоивали нѣкоторой доли довѣрія опредѣленное число лицъ, съ коими Вы совѣтывались и обыкновенно обсуждали дѣла прежде, чѣмъ ихъ рѣшать. Однако-же, даже тогда, необходимость придать болѣе единства всѣмъ отраслямъ управленія постоянно давала себя чувствовать, и это единство всегда казалось желательнымъ. Испытанныя нами бѣдствія отчасти должны быть приписаны тому, что единство это не было достаточно соблюдено, и что, позже, оно разрушилось вовсе, въ то время, какъ сохраненіе его стало болѣе необходимымъ, чѣмъ когда-либо.

Впрочемъ, какія-бъ ни были причины, не допустившія до сихъ поръ образованія комитета или тайнаго совѣта, который бы постоянно завѣдывалъ государственными дѣлами, какъ только оказался вредъ отсутствія подобнаго учрежденія, становится необходимымъ принять мѣры къ тому, особенно въ минуту, когда, по обстоятельствамъ, положеніе Имперіи стало не въ примѣръ затруднительнѣе, чѣмъ въ предъидущее время.

Позвольте мнѣ, Государь, сдѣлать замѣчаніе, которое тутъ не будетъ неумѣстно. Съ крайнимъ удивленіемъ замѣчалъ я постоянно, что В-е В-во, повидимому, поставили себѣ задачею взваливать на себя одного отвѣтственность не только за всякую мѣру, но даже за исполненіе ея во всѣхъ малѣйшихъ подробностяхъ, между тѣмъ какъ по духу учрежденія о министерствахъ, Вамъ бы слѣдовало быть избавленнымъ отъ этой отвѣтственности и постоянно имѣть возможность взыскивать съ кого-либо за неудачи правительства, нынѣ всѣмъ своимъ бременемъ ложащіяся на Васъ, Государь, ибо В. В. все хотите дѣлать сами, какъ по военному, такъ и по гражданскому вѣдомству.

Среди обстоятельствъ самыхъ трудныхъ и когда дѣло идетъ о принятіи рѣшеній, отъ которыхъ зависитъ спасеніе или гибель государства, В. И. В-во, повидимому, приняли за правило слѣдовать лишь первой мысли, приходящей Вамъ на умъ, не обращаясь ни къ сужденію, ни къ опытности другихъ лицъ; однимъ словомъ, лишать себя всѣхъ способовъ и данныхъ для составленія себѣ разумнаго убѣжденія. Осмѣлюсь присовокупить, что такъ какъ значительная доля драгоцѣннаго времени В. И. В-ва поглощена занятіями второстепенной важности, Вы не можете удѣлить обсужденію мѣръ собственно государственныхъ и наблюденію за ихъ исполненіемъ той доли времени и послѣдовательнаго вниманія, коей онѣ требуютъ. Если это замѣчаніе, слышанное мною отъ

многихъ лицъ, не лишено основанія, то В. И. В-во не удивитесь, узнавши, что вообще господствуетъ весьма прискорбное безпокойство на счетъ хода правленія и правительственныхъ мѣропріятій и на счетъ событій, которыя готовитъ намъ будущее.

Въ случаѣ, если-бы В. И. В-во не согласились на предложенную мѣру, которая кажется мнѣ единственнымъ средствомъ для устраненія неудобствъ настоящаго положенія, и если дѣла будутъ идти по прежнему, при всемъ желаніи моемъ ошибиться, боюсь самыхъ прискорбныхъ послѣдствій, какъ для Россіи, такъ и для Васъ, Государь. Предположимъ, что наше бездѣйствіе или нашъ слишкомъ страдательный образъ дѣйствій наконецъ приведутъ войну въ предѣлы Вашего государства: въ этомъ случаѣ, Государь (а его нельзя считать невозможнымъ) я не отвѣчалъ-бы за Поляковъ. Болѣе того, я опасался-бы за дѣйствіе, которое произвелъ-бы ихъ примѣръ на самихъ Русскихъ. Уже сіи послѣдніе выносятъ лишь съ трудомъ умаленіе государственной славы, униженіе народнаго самолюбія. Если оно будетъ оскорблено еще глубже, если границы будутъ нарушены, обвиненіе за то падетъ на В. И. В-во, и разнародные толки, происходящіе въ обѣихъ столицахъ, на этотъ счетъ не успокоительны. Мнѣ показалось, что совѣсть обязываетъ меня не скрывать этихъ подробностей отъ В. В-ва:

Такъ какъ убѣжденій навязывать нельзя, то весьма возможно, что В. В-во останетесь при своихъ и не придадите ни цѣны, ни вѣры тѣмъ, которыя я осмѣливаюсь Вамъ излагать. Въ такомъ случаѣ, мнѣ остается только удалиться, съ сознаніемъ, что мнѣ упрекать себя не въ чѣмъ, и молить Бога, что-бы мои предсказанія не исполнились.

Однако, В. В-во въ этомъ случаѣ найдете справедливымъ, что-бы я попросилъ Васъ тотчасъ-же уволить меня отъ службы, и я въ своей жизни слишкомъ часто удостоивался знаковъ Вашего благоволенія, для того, что-бы сомнѣваться въ томъ, что Вы въ этомъ случаѣ не захотите отказать мнѣ въ этомъ для меня самомъ чувствительномъ доказательствѣ Вашей благосклонности.

Не стану напоминать В. В-ву все то, что происходило со времени моего сюда возвращенія и что конечно не изгладилось изъ Вашей памяти: сколь мало Вы обратили вниманія на мнѣнія, мною изложенныя, на мои представленія, какъ о дѣлахъ, такъ и о выборѣ лицъ, назначаемыхъ на заграничные посты, выборѣ, вліяющемъ на ходъ дипломатическихъ дѣлъ столь существенно, что отъ него по большей части зависятъ ихъ успѣхъ или неудача.

Это обращеніе со мною, при должности мною занимаемой и при отвѣтственности, которую съ полнымъ правомъ соединяетъ съ нею публика, есть лишь послѣдствіе и продолженіе того по истинѣ тягостнаго положенія, въ коемъ я нахожусь. въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ Вы, Государь, рѣшились отправиться въ армію.

Съ тѣхъ поръ, какъ В. И. В-во изволите совѣтоваться со мною о дѣлахъ, Вы имѣли случай узнать вполнѣ всѣ мои мнѣнія, и Вамъ извѣстно напередъ, какого рода тѣ мѣры, которыя я постоянно буду предлагать Вамъ. Если В. В-во заблагоразсудите отвергнуть ту изъ нихъ, которую я сегодня повергаю на Ваше усмотрѣніе (предварительно и какъ первую основу): то конечно не для того, что-

бы принять тѣ мѣры, которыя я могъ-бы предложить Вамъ въ послѣдствіи. Но даже, если-бы Вы удостоили ихъ своего одобренія, и какой-бы ни былъ Вашъ образъ дѣйствій, безъ предложенной мѣры исполненіе всегда будетъ неумѣстно по недостатку послѣдовательности и связи, что уже испытано нами прежде. В. И. В-во слишкомъ добры, чтобы еще возлагать на меня тяжкое, смѣю сказать, мучительное обязательство участвовать въ порядкѣ вещей и приводить въ исполненіе мѣры, которыя я считаю прямо противными благу Имперіи и Вашему собственному.

Какая Вамъ выгода, Государь, удерживать при себѣ министра, совѣты коего не уважены В.В-омъ, министра, не внушающаго Вамъ довѣрія, всегда Вамъ противодѣйствующаго, не соглашающагося исполнить Вашу волю, утратившаго всякую бодрость, не чувствующаго въ себѣ силъ и усердія на то, что-бы постигать и исполнять приказанія, противныя его убѣжденію, даже если-бы нравственный его характеръ позволялъ ему быть ихъ орудіемъ? В. И. В-во постоянно ободряли либеральный образъ мыслей. Вы не захотите придерживаться самого безусловнаго произвола, того, который требуетъ смѣлаго исполненія приказаній, противныхъ совѣсти исполнителя. Если В. И. В-во окончательно рѣшились вести дѣла такъ, какъ они идутъ теперь; если Вы начертали себѣ планъ дѣйствій, который Вы считаете приложимымъ къ труднымъ обстоятельствамъ настоящей минуты и отъ котораго Вы рѣшительно не хотите отступить: Вамъ нуженъ министръ, который-бы съумѣлъ понять этотъ планъ, сознательно имъ проникнуться, который-бы усердно сообразовался съ нимъ, съ надеждою на успѣхъ и съ свѣжими силами. В. В-у нуженъ человѣкъ внушающій Вамъ довѣріе, Русскій, который имѣлъ-бы болѣе вѣсу въ странѣ и менѣе подвергался-бы клеветѣ, чѣмъ я. Въ положеніи, его ожидающемъ, всѣ эти условія для него болѣе чѣмъ когда либо необходимы. Я не представляю ни одного изъ нихъ. И какъ можете желать В. В-во, чтобы я продолжалъ исполнять мою должность при настоящемъ положеніи дѣлъ, не имѣя возможности оправдаться ни передъ кѣмъ, кромѣ Васъ одного, Государь, при глубокомъ моемъ убѣжденіи, что настоящій ходъ дѣлъ, въ коемъ я буду казаться участникомъ, можетъ вести лишь къ гибели?

Кромѣ того, я обязанъ предвидѣть, что мои соотечественники, моя родина, легко могутъ быть впутаны въ готовящіяся событія, и тутъ-то непремѣнно стали-бы говорить здѣсь, что я нарочно повелъ дѣла къ этому результату.

Съ другой стороны, сознаюсь В. И. В-ву, что я не могу объяснить себѣ, по какому еще побужденію Вамъ могло-бы быть желательно удержать меня въ министерствѣ. В. В-во полагаете, что система, въ которую Вы были вовлечены Вашимъ министерствомъ, была источникомъ всѣхъ бѣдствій, испытанныхъ нами. Я-же не могъ скрыть отъ Васъ, что я убѣжденъ, напротивъ того, въ томъ, что они произошли отъ недостаточно искренняго и рѣшительнаго приложенія этой системы, отъ того, что Вы уклонились отъ условленнаго плана и лишили своего довѣрія, во время исполненія, его составителей; такъ что во всемъ сдѣланномъ послѣ того не оказалось ни единства, ни послѣдовательности. Долженъ сознаться Вамъ, что, по моему мнѣнію, начала, руко-

водствовавшія до тѣхъ поръ дѣйствіями Русскаго Кабинета, должны руководить имъ и теперь; что это единственныя начала, коимъ ему прилично слѣдовать, и что лишь величайшая энергія и дѣятельность могутъ извлечь Россію изъ ея прискорбнаго положенія. В. И. В-во, повидимому, держитесь мнѣнія совершенно противуположнаго. Вы считаете начала, руководствовавшія нами, опасными и вредными и, какъ кажется, въ особенности отрекаетесь отъ всякой мѣры, которая была-бы дальнѣйшимъ ихъ приложеніемъ.

На какой-бы сторонѣ, при этихъ двухъ воззрѣніяхъ, ни были истина и разумность, но приличіе и необходимость требуютъ или, что-бы В. В-во дали мнѣ увольненіе или что-бы я о немъ просилъ Васъ. Дѣйствительно, если В. И. В-во убѣждены, что несчастныя событія прошлаго года произошли отъ легкомыслія и безпечности Вашего Кабинета въ то время, какъ я онымъ управлялъ, если Вы полагаете, что слѣдовать совѣтамъ, основаннымъ на тѣхъ-же началахъ, значитъ увеличить опасности Россіи; если Вы считаете нужнымъ съ особымъ тщаніемъ устранять всѣ мои предложенія, въ опасеніи быть завлечену въ новые перевороты,—то я по истинѣ не понимаю, почему-бы В. В-ву колебаться на счетъ моего увольненія, почему бы Вамъ не передать моей должности другому лицу, отъ котораго Вы могли-бы ожидать болѣе искусства и благоразумія. Къ тому-же, при слишкомъ рѣзкомъ различіи въ мнѣніяхъ и руководящихъ началахъ, невозможно понять другъ друга: является раздраженіе, всякій тянетъ въ свою сторону, невольно и постоянно сталкиваешься. Какое бы направленіе В-у В-ву ни было угодно придать дѣламъ, не этимъ путемъ можно обезпечить ихъ правильный ходъ.

Таковы поводы, заставляющіе меня умолять В. И. В-во уволить меня отъ должности. Они заимствуютъ новую силу отъ моихъ частныхъ обстоятельствъ. В. В-у извѣстны всѣ тѣ причины, которыя заставляютъ меня такъ сильно желать жизни тихой, удаленной отъ дѣлъ. Вы вспомните, что я далеко не желалъ занимаемаго мною нынѣ положенія; я даже долго отъ него отказывался, предвидя всѣ непріятности, ожидавшія меня, въ качествѣ Поляка. Съ тѣхъ поръ, и даже лишь вступая въ должность, я не переставалъ мечтать о минутѣ, когда, Государь, Вы мнѣ позволите сдать ее въ Ваши руки.

Я не разъ просилъ объ увольненіи, и за послѣднее время, причины, изложенныя въ этомъ письмѣ, заставляли меня повторять мою просьбу настоятельнѣе и чаще. В. И. В-во соблаговолили не разъ обѣщать мнѣ, что моя просьба будетъ исполнена, и Вы только требовали, что-бы я еще повременилъ немного.

Осмѣливаюсь, Государь, напомнить Вамъ Ваше обѣщаніе, на которое я имѣю право разсчитывать. Причина, до сихъ поръ удерживавшая В. В-во отъ его исполненія, болѣе не существуетъ. Вы достаточно показали, что Вы, Государь, не уступаете навязчивымъ толкамъ. Никто нынѣ въ томъ не сомнѣвается и, если Вы согласитесь уволить меня, никто и не подумаетъ объяснить это интригами, недостойными влiять на Ваши рѣшенія. Мое удаленіе, при томъ, порадуетъ многихъ, и большинство лицъ, составляющихъ обычное и близкое общество В. В-ва, будетъ имъ довольно. Доволенъ буду и я. Зачѣмъ же откладывать развязку, которая удовлетворитъ

всѣхъ, не огорчитъ никого, не исключая и В. И. В-ва. Вы, наконецъ, будете трудиться по моей части спокойно, безъ пререканій и въ томъ смыслѣ, въ какомъ Вы желаете.

Если-бы В. И. В-во одобрили мѣру, предлагаемую мною, и въ то-же время могли исполнить данное мнѣ обѣщаніе объ увольненіи, то я счелъ-бы себя вдвойнѣ счастливымъ: мои частныя желанія были бы удовлетворены, и въ то-же время мнѣ удалось бы оказать В. И. В-ву услугу, которую я считаю весьма существенною; ибо, Государь, каковъ-бы ни былъ Вашъ выборъ въ разсужденіи лицъ, способъ, предлагаемый мною, всегда останется единственнымъ для извлеченія пользы изъ талантовъ.— Остаюсь, и пр.

IV.

Кн. Чарторыжскій къ Императору.

Апрѣль 1806 г.

Ваше И. В-во соблаговолите оцѣнить побужденія, заставившія меня собрать всѣ факты, могущіе дать ясное понятіе объ образѣ дѣйствій Вашего Кабинета съ тѣхъ поръ, какъ я въ оный допущенъ, и служить матеріялами и данными къ особому отчету о моемъ управленіи, предназначенному для Васъ исключительно.

Вы не удивитесь тому, Государь, что наравнѣ со всѣми учавствовавшими въ дѣлахъ политическихъ и пользовавшимися Вашимъ довѣріемъ за послѣднее время, я такъ живо заинтересованъ тѣмъ, что-бы В. В-во имѣли передъ глазами все, что́ можетъ дать Вамъ средства составить себѣ объ этомъ предметѣ безпристрастное и благопріятное мнѣніе.

Желаніе такого рода естественно и законно во всякомъ изъ слугъ В. В-ва.

Другія побужденія, однако-же, еще болѣе законныя и настоятельныя (какъ могли замѣтить В. И. В-во при чтеніи приложенной при семъ записки) побужденія, вытекающія изъ усердія моего къ службѣ В. В-ва и изъ преданности къ Вашей особѣ, также руководствовали мною при этой работѣ и, увлекаемый ими, считаю священнѣйшимъ моимъ долгомъ присовокупить къ упомянутой запискѣ нѣсколько замѣчаній, обращенныхъ лишь къ Вамъ самимъ, Государь, при которыхъ ссылаюсь лишь на Ваше собственное свидѣтельство, — словомъ, дополнить передъ глазами В. В-ва картину прошлаго и его послѣдствій, въ томъ видѣ, какъ она мнѣ представляется, ни о чемъ не умалчивая, ничего не смягчая, и изложить Вамъ голую и цѣлую истину, по крайнему и глубокому моему убѣжденію.

Возвращаясь къ прошлымъ событіямъ приблизительно въ томъ-же порядкѣ, въ коемъ изложены они въ запискѣ, я долженъ предупредить В. В-во, что рѣчь будетъ идти преимущественно о Васъ самихъ.

Государи до того нераздѣльны съ государствомъ, что, говоря о его судьбахъ, нельзя избѣгнуть обсужденія ихъ личнаго образа дѣйствій: ибо отъ него, въ значительной мѣрѣ, зависятъ успѣхи и упадокъ самаго государства.

Изъ упрековъ, возведенныхъ на Петербургскій Кабинетъ, едва-ли не самый несправедливый заключается въ томъ, будто онъ увлекся преувеличенною ревностью о благѣ Европы, не помышляя о прямыхъ интересахъ Россіи, не стараясь доставить ей должныя выгоды.

Напирая на этотъ упрекъ, забывали, что отъ поддержки общаго благосостоянія зависѣла и честь, и самая безопасность Россіи. Сверхъ того, никому не были извѣстны разговоры, веденные съ В. В-вомъ и въ которыхъ, за послѣдніе два года, столь часто выдвигалась впередъ мысль о комбинаціяхъ, могущихъ принести пользу Россіи, каковы обладаніе Молдавіею и Валахіею, расширеніе границъ по Вислу, соединеніе Славянскихъ и Греческихъ народовъ, и т. д.; словомъ, о своевременности пріобрѣтеній для Россіи и обезпеченія ея торговыхъ путей.

Мысли эти постоянно отвергались В. И. В-вомъ, и притомъ столь рѣзко, что оставалось мало надежды помирить Васъ съ какою либо изъ нихъ. Слѣдовательно было бы трудно заняться, напримѣръ, раздѣломъ Европы съ Бонапартомъ, проэктомъ, о которомъ можно было думать лишь рѣшившись усилиться на счетъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ сосѣдей.

Событія, однако-же, уже указывали на то, что потребность расширить предѣлы и средства Имперіи можетъ сдѣлаться все болѣе и болѣе настоятельною, какъ въ видахъ удержанія Россіи на подобающемъ ей мѣстѣ, такъ для установленія въ Европѣ дѣйствительнаго и прочнаго покоя. По этому казалось, что слѣдовало избрать такой путь, при коемъ все было-бы основано на самыхъ чистыхъ и безкорыстныхъ побужденіяхъ. Оттуда слѣдовало исходить, тутъ искать главной пружины нашихъ дѣйствій; но, при развитіи мѣръ, которыя вызвало бы охраненіе общаго блага и общая защита, В. И. В-во, силою вещей и вовсе даже о томъ не помышляя, были-бы приведены къ тому, что-бы достигнуть и для самихъ себя значительныхъ выгодъ. Это конечно путь самый прекрасный и, быть можетъ, и самый вѣрный для достиженія ихъ, и въ двухъ послѣдовательныхъ случаяхъ, мы были столь близки къ такому достиженію, что стоило лишь настоять для того, чтобы успѣть.

Никто болѣе меня не сознавалъ необходимости обезпечить себѣ полное убѣжденіе и безусловное одобреніе В. В-ва въ пользу всякого дѣйствія, предпринимаемаго правительствомъ; безъ этого, можно-ли было надѣяться, что оно будетъ ведено съ послѣдовательностію и энергіею? Казалось, Государь, что лишь благородствомъ побужденій, величіемъ результатовъ, однимъ словомъ, благомъ человѣчества и славою Россіи, можно обезпечить за всякою системою, принятою Вашимъ Кабинетомъ, поддержку последовательной и непоколебимой воли съ Вашей стороны.

Ссылаюсь на Васъ самихъ, Государь. Въ спорахъ, происходившихъ между нами, въ моихъ представленіяхъ за то время, не было-ли постояннымъ моимъ стараніемъ вызвать истинное убѣжденіе, самостоятельную и сознательную рѣшимость?

Признаюсь однакожь, что я увидѣлъ, слишкомъ быть можетъ поздно и съ глубокимъ прискорбіемъ, что В. В-во не составили себѣ глубокаго и рѣшительнаго убѣжденія на счетъ предметовъ, занимавшихъ Вашъ Кабинетъ.

Разобравши дѣло во всѣхъ подробностяхъ, условившись съ нами въ принципѣ, В. В-во, по прошествіи нѣкотораго времени, приходили въ колебаніе, предавались сожалѣніямъ тягостнымъ для Васъ, но еще болѣе для Вашего Кабинета. Въ то время, когда, по собственнымъ Вашимъ рѣшеніямъ, Государь, событія уже при-

нимали опредѣленное направленіе, намъ приходилось все передѣлывать съизнова, какъ-будто-бы ничего не было ни рѣшено, ни условлено. Мы никогда не были увѣрены въ своей исходной точкѣ, и лишь только мы пускались въ исполненіе данныхъ намъ приказаній, вновь возникали сомнѣнія, и всѣ основы нашей дѣятельности приходили въ колебаніе.

Конечно тогда, къ крайнему моему, но слишкомъ позднему, сожалѣнію, не бывало уже возможности выслушивать и разсѣевать сомнѣнія, столь опасныя для хода дѣлъ, и я находилъ себя вынужденнымъ представлять Вамъ, что, зашедши столь далеко, слѣдуетъ довести дѣло до конца.

Можно было видѣть по результатамъ, въ теченіи прошлаго года, когда именно существовало это столь желанное убѣжденіе, когда оно измѣнялось, слабѣло или вовсе оставлялось, и этотъ послѣдній поворотъ случился, какъ только возникли неожиданныя препятствія; но да будетъ мнѣ позволено замѣтить, что какъ-бы ни былъ хорошо обдуманъ планъ, всегда слѣдуетъ готовиться къ неудачамъ, къ неблагопріятнымъ случайностямъ, и что если-бы мы преслѣдовали осуществленіе нашихъ намѣреній, лишь пока все устроивается по нашимъ желаніямъ, они бы никогда не осуществлялись.

Боязнь неосторожно предупредить окончательную установку мнѣній В. И. В-ва и поступить несогласно съ Вашими убѣжденіями, прежде всего заставила Вашъ Кабинетъ дѣйствовать съ крайнею осмотрительностію, за которую въ то время не преминули его упрекнуть.

Когда было получено въ Петербургѣ извѣстіе о смерти герцога Энгіенскаго, то, не смотря на мое личное, весьма живое негодованіе по поводу этого преступленія, на мою готовность выставить во всей силѣ энергію и благородство чувствъ, руководившихъ нашимъ Дворомъ, я долженъ однакоже напомнить В. И. В-ву, что я не предлагалъ никакой мѣры подобной тѣмъ, которыя были приняты. Депеши, приготовленныя мною, содержали представленія весьма рѣзкія, но не гласныя, и въ этомъ случаѣ направленіе всему дѣлу было дано исключительно В. И. В-вомъ. Признаюсь, что порывъ этотъ нисколько меня не огорчилъ; напротивъ того онъ обрадовалъ и обнадежилъ меня; я счелъ бы преступнымъ останавливать и охлаждать его возраженіями, тогда какъ эта энергія, это негодованіе были необходимыми элементами системы, считавшейся единственною-приложимою, и тогда какъ этотъ порывъ, казалось, окончательно возбуждалъ въ Вашей душѣ то окончательное убѣжденіе, которое до тѣхъ поръ недостаточно опредѣлилось.

Я однако не скрылъ отъ себя послѣдствій этого шага, и съ этой минуты война, предвѣщаемая и безъ того столь многими признаками, показалась мнѣ неизбѣжною.

Въ этомъ смыслѣ и выражались о немъ постоянно передъ Вами всѣ лица, которымъ поручаемы были В. В-вомъ дѣла политическія.

Но къ несчастію Вы, въ глубинѣ души, не были убѣждены въ этой истинѣ. Лишь въ послѣдствіи могъ я заключить, что, по Вашимъ частнымъ соображеніямъ, Вы до послѣдней минуты предполагали, что войны не будетъ, что Австрія слишкомъ труслива, что-бы начать ее и что это послужитъ Россіи предлогомъ, что-бы устраниться также.

Отсюда возникло разногласіе между сообщеніями, которыя вынужденъ былъ дѣлать Кабинетъ по прямому приказанію В. В-ва, и разными мѣрами, которыя въ соотвѣтствіе онымъ должны были приниматься внутри Имперіи. В. И. В-во давали волю Вашему министерству, быть можетъ, полагая, что оно основывается на предположеніяхъ несбыточныхъ. Событіе доказало противное; а между тѣмъ, ни одна изъ прочихъ частей управленія не подвинула своихъ приготовленій сообразно шагамъ Кабинета.

В. В-во не сочли нужнымъ предписать въ 1804 году достаточнаго набора, о необходимости коего было Вамъ представлено.

Отправка приказаній полкамъ выступать въ походъ откладывалась со дня на день, не смотря на настоятельныя мои представленія по этому предмету каждый разъ, какъ о немъ доходили до меня свѣдѣнія.

Это неопредѣленное настроеніе, производящее лишь полумѣры (проявленія полуволи) есть условіе самое опасное и вредное для успѣшнаго хода дѣлъ.

Ваше В-во позволите мнѣ при этомъ случаѣ напомнить Вамъ то, что я уже высказывалъ Вамъ прежде, а именно, что были сдѣланы двѣ важныя ошибки. Первая состоитъ въ томъ, что Вы, Государь, съ самаго начала не двинули въ Грузію (какъ Вамъ это безпрестанно предлагали) значительныхъ силъ, для того что-бы поскорѣе покончить съ этою войною и избавиться отъ нея. Вторая состоитъ въ томъ, что всѣ полки, назначенные для защиты Австріи и противъ Пруссіи, не были двинуты во время въ походъ.

Вашему В-ву извѣстно изрѣченіе Суворова, что одна минута рѣшаетъ исходъ битвы, одинъ часъ—успѣхъ кампаніи, одинъ день—судьбы имперій.

Этого изрѣченія никогда не слѣдовало-бы забывать тѣмъ, кто имѣетъ вліяніе на управленіе государствами.

Въ Европѣ одинъ Бонапартъ знаетъ цѣну времени, и этого достаточно, что-бы доставлять ему постоянный успѣхъ. Онъ умѣетъ предпринимать сегодня то, что черезъ недѣлю будетъ невозможнымъ. Опираясь на успѣхи уже одержанные, онъ съ удвоенной силою борется противъ наступающихъ затрудненій.

Не съ 500 тысячами человѣкъ, которыми насъ пугали, пришлось намъ сражаться; нѣтъ, имѣя едва ли 140 тысячъ, Бонапартъ справился съ Австріею, Россіею и Пруссіею, единственно потому, что, не заботясь о послѣдствіяхъ, онъ умѣетъ пользоваться настоящею минутою. Этотъ талантъ удвоиваетъ, утроиваетъ его силы; одно и то-же войско какъ бы размножается и, побѣдивъ на одномъ пунктѣ, быстро переносится на другой. Такъ дѣйствовали Кесарь и Фридрихъ.

Никогда эти истины (что какъ мнѣ кажется доказано до очевидности въ моей запискѣ) не дали почувствовать себя сильнѣе, какъ во всемъ томъ что происходило съ Пруссіею.

Рѣшеніе, которое хотѣли принять на ея счетъ, было вполнѣ одобрено самыми значительными лицами въ Европѣ. Оно заставило эрцгерцога Карла высказаться въ пользу войны; ибо, говорилъ онъ, это доказательство тому, что Россія хочетъ вести ее серьозно. Питтъ и Фоксъ также выразили свое одобреніе. «Если начнутся военныя дѣйствія противъ Пруссіи, присовокупилъ этотъ послѣдній, нужно вести ихъ съ энергіею и объ остальномъ не заботиться».

Правда, В. В-во объявили намъ впослѣдствіи, что Вы приняли это рѣшеніе и желали опредѣлить весь Вашъ образъ дѣйствій лишь на основаніи великой вѣроятности, почти увѣренности, что король, подъ сильнымъ давленіемъ, приметъ нашу сторону. Однакоже кто могъ въ этомъ поручиться?

Когда предлагаются двѣ альтернативы, то это потому, что предвидится два шанса, и принята рѣшимость подвергнуться каждому изъ нихъ. Кто могъ-бы подумать, что Россія, въ случаѣ отрицательнаго отвѣта, остановится въ нерѣшимости, что она вооружилась лишь въ убѣжденіи, что Пруссія уступитъ безъ малѣйшаго сопротивленія?

Планы обдумываются, выработываются лишь для того, что-бы исполнять ихъ безъ отступленій; но если, въ самый моментъ исполненія, отказываешься отъ пункта, на которомъ было основано все прочее, или разстраиваешь ту или другую существенную его часть, какъ надѣяться, что-бы прочія части плана, расчитанныя на то, что-бы составить стройное цѣлое, могли быть увѣнчаны успѣхомъ?

Если не было твердой рѣшимости исполнить планъ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ составленъ, тогда конечно лучше было и не начинать, или составить планъ совсѣмъ иной.

Такъ какъ въ этомъ письмѣ я поставилъ себя цѣлью говорить о прошломъ искренно и безъ утайки, или точнѣе собрать и повторить письменно В. И. В-ву всѣ тѣ замѣчанія, которыя я часто осмѣливался предлагать Вамъ изустно, то Вы, Государь не откажете мнѣ въ прощеніи, если я постараюсь исполнить до конца задачу, которую я на себя возложилъ съ тою полною искренностію, которую можетъ внушить лишь глубочайшая преданность.

Прискорбный исходъ нашихъ дѣйствій прежде всего слѣдуетъ приписать Мемельскому свиданію. Считаю это свиданіе однимъ изъ несчастнѣйшихъ для Россіи событій, какъ по непосредственнымъ его послѣдствіямъ, такъ и по дальнѣйшимъ и будущимъ.

Близкая дружба, въ которую, послѣ нѣсколькихъ дней знакомства, В. И. В-во вступили съ королемъ, произвела то, что вмѣсто политической силы Вы стали видѣть въ Пруссіи дорогое Вамъ лицо, относительно коего Вы возложили на себя особыя обязательства.

Эта личная связь, заключенная съ государемъ державы, интересы коей по большой части противуположны интересамъ Россіи, имѣла значительное вліяніе на дѣйствія нашего Кабинета, постоянно стѣсняла его и наконецъ воспрепятствовала обдуманному и рѣшительному исполненію энергическихъ мѣръ въ началѣ кампаніи. В. В-во полагали, что грѣшите противъ Вашихъ личныхъ чувствъ къ королю, соглашаясь на враждебные Пруссіи планы; Вы даже упрекали себя за средній путь, избранный Вами, между тѣмъ какъ, для разрѣшенія вопроса, слѣдовало только взвѣсить государственные интересы и отношенія, тѣмъ болѣе, что король явно доказывалъ свою неспособность оцѣнить подобныя чувства и на нихъ отвѣчать.

И такъ, вступленіе войскъ въ Пруссію было замедлено, хотя весь планъ былъ основанъ на томъ, чтобы дѣйствовать на эту державу понудительно.

Не слушая никакихъ представленій, В. И. В-во внезапно рѣшились отмѣнить свои приказанія по поводу нѣкоторыхъ выраженій въ депешахъ г. Алопеуса, выраженій, не имѣвшихъ

никакой важности, ибо наконецъ нельзя было надѣяться, чтобы Пруссія покорилась нашимъ требованіямъ, не попытавшись разжалобить насъ упреками или запугать насъ притворною твердостію.

Поведеніе этой державы относительно Бонапарта, послѣ нарушенія Анспахской территоріи и со времени Вѣнскаго трактата, достаточно доказываетъ, чего можно ожидать отъ нея, когда дѣйствуешь энергически и безъ колебаній. Не успѣли-бы мы и разъ побить Прусаковъ, какъ они вступили-бы въ переговоры. Слѣдовало спѣшить доведеніемъ Пруссіи до того положенія, въ которое привелъ Австрію Бонапартъ, и это стоило-бы намъ еще менѣе труда.

Эту-то отмѣну приказаній и отъѣздъ В. В-во въ армію считаю я главными причинами всѣхъ несчастій, приключившихся впослѣдствіи.

Я тогда-же представлялъ В. И В-ву о всѣхъ неудобствахъ, которыя проистекутъ отъ присутствія Вашего въ арміи и, къ сожалѣнію, всѣ мои предсказанія сбылись.

« Какъ только В. И. В-во прибудете въ армію (осмѣливался я говорить Вамъ) отвѣтственность съ генераловъ будетъ снята, и вся падетъ на Васъ. Съ той самой минуты генералы перестанутъ заниматься тщательно дѣлами, не станутъ брать ничего на себя, оставятъ попеченіе о всѣхъ возможныхъ способахъ для наилучшаго веденія кампаніи. Все будетъ стекаться и сосредоточиваться въ волѣ Вашего В-ва. Главнокомандованія больше не будетъ, ибо оно не будетъ принято формально Вашимъ В-вомъ, а на дѣлѣ будетъ снято съ генераловъ. Интриги Двора и партій перенесутся въ лагерь.» Я присовокуплялъ, что государь, пока опытъ не доказалъ ему, что онъ способенъ командовать, никогда не долженъ ставить себя въ положеніе, при которомъ необходимо принимать, въ извѣстныя минуты, рѣшенія немедленныя и окончательныя, среди обстоятельствъ самыхъ критическихъ. Я представлялъ о томъ, сколь гибельны были бы неудачи, постигающія лично В. И. В-во, и спрашивалъ, какія у Васъ запасныя средства и что Вамъ осталось-бы сдѣлать, въ случаѣ, если бы цѣлости и чести Россіи угрожала какая либо опасность.

Представленія эти были уважены столь-же мало, какъ и всѣ прочія. Я такъ и не узналъ, какія побужденія могли въ умѣ В. В-ва побѣдить соображенія столь очевидныя и важныя, по которымъ Вамъ слѣдовало, если Вы хотѣли оставить столицу, сдѣлать это лишь для того, что-бы еще тщательнѣе слѣдить за ходомъ всего правительственнаго механизма, въ минуту, когда была необходима крайняя дѣятельность, а отнюдь не для того, что-бы подвергать Русскаго Государя личнымъ опасностямъ, личнымъ неудачамъ.

В. В-ву слѣдовало-бы отправиться въ армію лишь тогда, когда военныя дѣйствія приняли-бы оборотъ, рѣшительно благопріятный, и это было Вамъ предложено, но напрасно.

Вы поѣхали, Государь, и отмѣна прежнихъ приказаній предшествовала Вамъ въ арміяхъ. Она огорчила и генераловъ и солдатъ, горѣвшихъ желаніемъ помѣриться съ Прусаками, и привела въ отчаяніе Поляковъ, ожидавшихъ лишь знака, что-бы соединить всѣ свои усилія.

Распространился общій страхъ, общее уныніе, и они еще усилились, когда, по прибытіи Вашемъ, положеніе дѣлъ не измѣнилось. Всякій лишній

день, протекавшій безъ вступленія нашихъ войскъ въ Пруссію, былъ днемъ потеряннымъ для Россіи, для Европы и выиграннымъ для Бонапарта.

Онъ подвигался, а мы стояли на мѣстѣ. Сколько онъ выигралъ отъ этого промедленія, это доказали послѣдствія.

В. В-во конечно отдадите всѣмъ Васъ сопровождавшимъ ту справедливость, что не отъ нихъ зависѣло предупредить такое стеченіе обстоятельствъ. Когда рѣшеніе было уже принято, всѣ наши старанія должны были обратиться на то, что бы вызвать Пруссію на энергическое содѣйствіе и выиграть время.

Тутъ у мѣста напомнить В.И. В-ву что съ начала военныхъ дѣйствій и въ особенности со времени выѣзда В. В-ва изъ Пулавъ, Ваши мнѣнія и чувства подверглись явной перемѣнѣ, которая не могла остаться безъ вліянія на успѣхъ дальнѣйшихъ нашихъ дѣйствій.

Съ этой минуты В. В-во удалили лицъ, до тѣхъ поръ пользовавшихся Вашимъ довѣріемъ, знакомыхъ съ положеніемъ дѣлъ, и совокупность коихъ именно тогда могла быть для Васъ полезною.

Это обстоятельство съ удивленіемъ было замѣчено въ Берлинѣ. Оно ослабило наши силы и настолько-же усилило недовольныхъ, ибо изъ него заключили, что Вы, Государь, недовольны ходомъ, которому до тѣхъ поръ слѣдовали дѣла. Хотя я и сопутствовалъ Вашему В-ву въ Берлинъ, обращеніе Ваше со мною измѣнилось. Въ Вашемъ способѣ дѣйствій, въ Вашихъ рѣчахъ, Вы съ тѣхъ поръ стали выражать лишь неудовольствіе и сожалѣніе о всѣмъ томъ, что было нами сдѣлано. Вы не разъ упрекали меня, говоря, что въ другой разъ Вы не поддадитесь, выказывая при всякомъ удобномъ случаѣ (отказомъ на всѣ мои предложенія въ смыслѣ начатаго нами дѣла и Вашими сужденіями о современныхъ событіяхъ) что въ сущности Вы совершенно измѣнили и образъ мыслей и систему дѣйствій, и что вы лишь противъ воли вынуждены преслѣдовать планъ, осуществленіе коего только что началось.

Предоставляю справедливости В. И. В-ва судить о томъ, могло-ли все это не стѣснить и не охладить самого горячаго усердія?

Ваши совѣщанія въ Козеницахъ съ генераломъ Калькрейтомъ, пріѣхавшимъ для согласованія немедленнаго движенія нашихъ войскъ, говорившаго лишь съ В. И. В.-вомъ и уѣхавшаго, ничего не устроивши, отсутствіе внимательности и настойчивости въ ускореніи похода черезъ Прусскія земли, все это служило предисловіемъ къ тому, что случилось въ послѣдствіи.

Такъ какъ Вы ежедневно удостоивали новыя лица Вашего довѣрія относительно веденія политическихъ дѣлъ и совѣтовались съ ними преимущественно, то это еще болѣе придало намъ, смѣю такъ выразиться, видъ нерѣшимости и шаткости, который не ускользнулъ отъ Прусскаго министерства, внушилъ и сомнѣніе на счетъ истинныхъ Вашихъ намѣреній, воскрешая мнѣніе, столь вредное для дѣлъ, что В. И. В-во и Вашъ Кабинетъ не одно и то-же, и поощряя двуличность Кабинета Берлинскаго.

Безмѣрное пристрастіе, которое В. В-во сочли нужнымъ выказать Пруссакамъ, уменьшеніе довѣрія и холодность, которую предполагали въ Васъ къ Вашему Кабинету, придали этому Двору, съ одной стороны беззаботно-

сти, съ другой боязни довѣряться намъ, усилили трудность переговоровъ: ибо нѣкотораго рода немилость, въ которой я находился, ослабляла вѣсъ, который должно-бы было имѣть каждое слово Вашего министра, и ухудшила постановленія несчастнаго Потсдамскаго трактата. Никогда не перестану сожалѣть о томъ, что стеченіе обстоятельствъ принудило меня подписать подъ нимъ мое имя.

Въ теченіи всего этого періода, я вообще имѣлъ мало случаевъ основательно говорить съ Вашимъ В-вомъ о дѣлахъ. Дорогой это было даже почти невозможно, развѣ наскоро, при остановкахъ, и В. В-во, не смотря на важность тогдашнихъ обстоятельствъ, сами не искали такихъ разговоровъ. По этому было трудно условиться напередъ на счетъ образа дѣйствій самаго приличнаго при различныхъ положеніяхъ, Вамъ предстоявшихъ.

Хотя обстоятельства съ каждымъ днемъ становились опаснѣе, ни въ чемъ уже болѣе не было согласнаго хода, ничто даже не обсуждалось.

Люди, по Вашему приказанію, Государь, составившіе планъ, не созывались болѣе для совѣщаній о лучшихъ путяхъ къ успѣшному его исполненію. Нашъ образъ дѣйствій принялъ характеръ безпорядочности и поспѣшности, не предвѣщавшій намъ успѣховъ. Совѣщались то съ тѣмъ, то съ другимъ, отрывочно и при случаѣ, не давая себѣ времени разобрать дѣло внимательно, размыслить о немъ на досугѣ, спокойно взвѣсить доводы.

По пріѣздѣ Вашемъ въ Ольмюцъ, Государь, можно было замѣтить, что между лицами, Вамъ близкими, господствовали два мнѣнія. Одни были не прочь бросить дѣло, не обнаживши меча; другіе, повидимому, желали поскорѣе драться лишь для того, что-бы потомъ отступить. Лишь въ немногихъ была замѣтна та обдуманная и непоколебимая воля, которая одна обезпечиваетъ успѣхъ, заставляетъ настаивать до конца, даже желать, что-бы опасности и труды продолжались, лишь бы только достигнуть счастливаго и почетнаго конца. Вслѣдствіе разногласныхъ донесеній, доходившихъ до В. И. В-ва, мы, въ теченіи одного и того-же утра, переходили отъ крайняго унынія къ крайней самонадѣянности. Въ это время, только и были слышны жалобы на голодъ и противъ Австрійцевъ. Было-бы политичнѣе и великодушнѣе поднять духъ этихъ послѣднихъ вниманіемъ и нѣкоторою похвалою, чѣмъ унижать и раздражать ихъ, давая имъ чувствовать наше превосходство и осыпая ихъ насмѣшками, слишкомъ гласными и повторяемыми слишкомъ часто для того, что-бы они до нихъ не доходили, такъ что офицеры двухъ союзныхъ войскъ вскорѣ стали ненавидѣть другъ друга болѣе, чѣмъ общаго врага — Французовъ. Эти послѣдніе, болѣе ловкіе, льстя самолюбію и самыхъ ничтожныхъ своихъ союзниковъ, одушевляютъ ихъ на бой и извлекаютъ изъ нихъ пользу.

Что касается до голода, то тотъже недостатокъ въ припасахъ выносился до тѣхъ поръ; войска бывали болѣе измучены и въ положеніяхъ болѣе затруднительныхъ, однако-же до В. И. В-ва не доносилось никакихъ жалобъ. Войска дрались, и дѣло шло своимъ порядкомъ, потому что вѣрили въ Ваше желаніе, во что-бы то ни стало, довести предпріятіе до счастливаго конца.

Какъ только В. В-во прибыли въ армію, жалобы во множествѣ дошли

до Вашего свѣдѣнія; генералы не увидѣли той рѣшимости всѣмъ жертвовать для успѣха, которая представлялась имъ издали; они стали склоняться къ тѣмъ мнѣніямъ, которыя приписывали Вамъ, Государь; многія лица вообразили, что, распространяя и преувеличивая эти жалобы, они оказываютъ услугу Россіи. Напротивъ того, поощряя жалобы, мы лишь дѣлаемъ болѣе жгучимъ ощущеніе боли; слѣдовало, напротивъ, сдержать ихъ строгою твердостію.

Голодъ былъ однимъ изъ великихъ частныхъ золъ, которыя слѣдовало уврачевать, какъ и многія другія. Но какова-бы ни была нужда войскъ, лучше было перенести ее терпѣливо, чѣмъ погубить Европу и славу Русскаго оружія.

Было необходимо, что-бы В. И. В-во оставили Ольмюцъ и предоставили военныя дѣйствія естественному ихъ теченію; или, если уже Вамъ непремѣнно хотѣлось тамъ остаться, было желательно, что-бы Ваше время тамъ было занято болѣе выгоднымъ образомъ.

Мало было надобности въ томъ, Государь, что-бы Вы выказали личную храбрость на бою; но нужно было спасти Европу, сохранить славу Россіи, которая есть истинная честь ея Государя.

Вмѣсто того, что-бы безпрестанно выѣзжать на аванпосты или, позже, выставлять себя впереди колоннъ, гдѣ присутствіе В. В-ва (да будетъ мнѣ позволено выразиться правдиво) лишь смущало и сбивало съ толку генераловъ,—конечно было-бы лучше держаться подалѣе отъ войска, дать ему двинуться впередъ, не слѣдуя за его движеніями и употреблять все Ваше попеченіе, Государь, все Ваше время, всѣ Ваши способности на то, что-бы возстановить правильный ходъ въ совокупности дѣлъ, что-бы не дать ослабнуть ни одной изъ отраслей управленія въ Вашей имперіи; что-бы настоять на реорганизаціи Австріи, на что̀ и вызывали В. И. В-во. Но какъ могли-бы Вы заняться столькими трудными и важными предметами, когда всѣ Ваши дни были посвящены инымъ занятіямъ, мало полезнымъ и одинаково поглощавшимъ и Ваше время, и Ваши силы?

Наши совѣты давались въ виду успѣха начатаго предпріятія, а также того высшаго соображенія, что благо Россіи и судьбы Европы были связаны съ лицомъ В. И. В-ва; что, слѣдовательно, подвергать опасностямъ В. И. В-во значило не придавать должной цѣны тому, что̀ всего драгоцѣннѣе въ мірѣ; это значило ставить такъ сказать на карту судьбу странъ, вручившихъ Вамъ свое спасеніе, и милліоновъ, которымъ Вы принадлежите; это значило подвергать ихъ тѣмъ же опасностямъ и брать на себя, передъ ними, тяжкую вину.

Проникнутые силою столь могучихъ побужденій, чувствуя всю тяжесть столь великой отвѣтственности, мы истощили передъ В. В-вомъ всѣ представленія, всѣ мольбы въ этомъ смыслѣ. Но дѣйствіе ихъ на васъ становилось все болѣе ничтожнымъ и, наконецъ, Вы перестали даже позволять намъ разговоры о предметѣ, наиболѣе важномъ и рѣшительномъ изъ всѣхъ.

Предположу даже, что репутація личной храбрости В. И. В-ва пострадала-бы отъ уступки совѣтамъ, повторенным нами до пресыщенія: Вы имѣли-бы, Государь, полную возможность возстановить ее и выказаться, когда дѣла приняли бы счастливый оборотъ. Сципіонъ Африканскій, въ

первый разъ какъ онъ принялъ на себя главную команду надъ войскомъ при осадѣ Карѳагены, велѣлъ сопровождать себя двумъ воинамъ, постоянно прикрывавшимъ его своими щитами. Поставивъ себя выше опасенія, что его могутъ счесть трусомъ, онъ не позаботился о томъ, что его могутъ осудить, помышляя единственно о томъ, что отъ его цѣлости зависитъ успѣхъ предпріятія. Послѣ того какъ были пробиты стѣны, и заданный штурмъ обезпечилъ побѣду, Сципіонъ появился безъ прикрытія и вполнѣ успѣлъ доказать, что онъ не менѣе храбръ, чѣмъ каждый изъ солдатовъ, находившихся подъ его командою.

Если простой военачальникъ счелъ своимъ долгомъ поступить такимъ образомъ, какихъ предосторожностей не слѣдовало-бы принять Государю въ томъ положеніи, въ которомъ находились В. И. В-во! Хотя-бы Вы поберегли впечатлѣніе, которое должно было произвести Ваше появленіе, для крайнихъ случаевъ! Если-бы В. И. В-во не были при арміи, но лишь приблизились къ ней, и могли бы показаться войскамъ послѣ битвы, то Ваше прибытіе произвело бы то-же полезное и трогательное дѣйствіе, которое Вы съ удовольствіемъ замѣтили въ Ольмюцѣ. Войско пришло бы въ порядокъ и снова почувствовало бы себя готовымъ къ бою. Но, пріучая солдата къ своему присутствію тамъ, гдѣ оно вовсе не было нужно, В. В-во ослабили обаяніе, съ нимъ соединенное. Присутствіе Ваше не принесло никакой пользы при Аустерлицѣ. Именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ Вы находились, пораженіе было всего быстрѣе и полнѣе.. Въ Голицѣ, Вашъ отъѣздъ, Государь, бывшій лишь послѣдствіемъ Вашего пріѣзда (если смѣю такъ выразиться) плохо расчитаннаго по тогдашнимъ обстоятельствамъ, лишь усилилъ общій безпорядокъ и уныніе.

Общимъ чувствомъ арміи съ той минуты сдѣлалось не потребность отомстить за обиду, но желаніе уйти какъ можно скорѣе и покончить съ войною. Никто не долженъ былъ-бы посмѣть оставить свой постъ; но, считая себя оправданнымъ Вашимъ отъѣздомъ, всякій офицеръ, который могъ получить на это разрѣшеніе, поспѣшилъ воспользоваться этою возможностію и уѣхалъ какъ по данному знаку. Надобно отдать и генераламъ ту справедливость, что, до послѣдняго кризиса, чувствуя на сколько Ваше присутствіе связывало и затрудняло ихъ дѣйствія, они и съ своей стороны обращались къ Вамъ съ представленіями, не переставая настаивать на томъ, сперва, чтобы В. В-во удалились изъ арміи, а затѣмъ, чтобы Вы не подвергались ненужнымъ опасностямъ.

Ваше И. В-во, упорно отвергнувъ всѣ эти представленія, должны будете упрекать себя въ томъ, что Вы повиновались лишь побужденіямъ, совершенно личнымъ, не принявъ во вниманіе того, чего очевидно требовали благо Россіи и всей Европы.

Сознаю, что, говоря о предметахъ столь важныхъ и значительныхъ по ихъ послѣдствіямъ, я вовлекся въ длинноты, которыя и при самомъ благосклонномъ сужденіи Вашего В-ва объ этомъ письмѣ, покажутся Вамъ утомительными. Но соблаговолите, Государь, снисходительно прочесть до конца и позвольте мнѣ воспользоваться вольностію, которую я себѣ на этотъ разъ присвоилъ, и обязанностію, которую я на себя возложилъ, что-бы выразить Вамъ, Государь, всѣ мысли, внушаемыя мнѣ занимающимъ насъ предметомъ.

Государю никогда не слѣдовало бы смотрѣть на себя иначе, какъ на одно цѣлое съ государствомъ, коимъ онъ управляетъ. Мужество, приличествующее ему, не есть мужество частнаго лица; въ дѣлахъ политическихъ, онъ долженъ дѣйствовать лишь какъ лицо отвлеченное, отождественное съ государствомъ. Лишь исполнивши свой долгъ въ этомъ отношеніи, имѣетъ онъ право подумать о своихъ частныхъ требованіяхъ; свои личныя удобства, свое самолюбіе, все долженъ принести онъ въ жертву государственному благу.

И такъ не слѣдуетъ увлекаться желаніемъ во всемъ проводить собственныя идеи, все дѣлать самому, что-бы доказать, что никто нами не руководствуетъ и что мы одарены способностію ко всѣмъ должностямъ, которыя суть лишь истеченіе верховной власти, ибо интересъ государства отъ того неминуемо пострадаетъ. Это желаніе, впрочемъ, заставляетъ насъ попадать въ ту ловушку, которой мы хотѣли-бы избѣгнуть, и мы часто, изъ боязни подпасть подъ чужое вліяніе, именно ему то и подчиняемся.—Государь есть душа всего, центральная пружина, приводящая въ движеніе всѣ части; онъ обезпечиваетъ ихъ хорошимъ выборомъ и даруемымъ имъ довѣріемъ; онъ умѣетъ отличать истинныя заслуги, не допускать никого до унынія, поддерживать во всякомъ усердіе и преданность и обращаться со всякимъ по его заслугамъ.

Помѣщенный въ центрѣ, въ которомъ сходится столько разнородныхъ лучей, онъ, впрочемъ, занимается лишь главнымъ управленіемъ, лишь общими предначертаніями; если онъ исполнитъ эту задачу, въ коей никто не можетъ замѣнить его, онъ будетъ имѣть случай выказать много характера и онъ найдетъ себѣ достаточно дѣла, что-бы не имѣть лишняго времени.

Способности и силы человѣка ограничены, одно и то-же лицо не можетъ быть въ одно время и офицеромъ, и полковникомъ, и генераломъ, и секретаремъ, и министромъ, и—государемъ. Все въ жизни зависитъ отъ распредѣленія времени, отъ разумнаго выбора занятій. Если государь захочетъ все дѣлать, вездѣ выказываться, онъ по необходимости упуститъ изъ виду собственную свою задачу, самую существенную и трудную изъ всѣхъ, безъ исполненія которой не можетъ двигаться все остальное; онъ будетъ заниматься предметами второстепенными, по самой природѣ вещей болѣе сподручными другимъ, и отъ этого остановятся и прійдутъ въ упадокъ какъ цѣлое, такъ и отдѣльныя части.

Если-бы В. В-во соблаговолили послушаться совѣта, который безпрестанно Вамъ повторяли, если-бы Вы во первыхъ не отправились въ армію, а во вторыхъ не остались бы при ней, но вмѣсто того потребовали бы у короля Прусскаго свиданія для того, что-бы уговорить его (что въ то время должно было быть болѣе главнѣйшею Вашею заботою) то можно сказать положительно, что Аустерлицкая битва не была-бы ни дана, ни проиграна, и что если-бы даже она была проиграна, она не имѣла-бы тѣхъ послѣдствій, которыя она повлекла за собою.—Если бы Кутузовъ былъ предоставленъ самому себѣ, то онъ конечно не далъ бы такой воли начальнику своего штаба, Вейротеру, и захотѣлъ бы самъ направлять войско, ему ввѣренное.—Его характеръ, по природѣ предусмотритель-

ный, заставилъ-бы его временить и избѣгать рѣшительнаго исхода, что въ то время (и пока не начиналось Прусское содѣйствіе) и было самымъ разумнымъ планомъ кампаніи. Такого впрочемъ и было мнѣніе, выраженное Кутузовымъ. Бонапарту было необходимо не терять времени, намъ же время нужно было выиграть. Онъ имѣлъ всѣ поводы отважиться на рѣшительную битву, мы же всѣ поводы ея избѣгать. В. И В-во соблаговолите припомнить, что и я въ то время дѣлалъ о томъ неоднократныя представленія, какъ Вамъ, такъ и всѣмъ тѣмъ, которые хотѣли меня слушать. Нужно было утомить врага частными схватками, недопускать его до главнаго войска, добраться до Венгріи и вступить въ сношенія съ эрцгерцогомъ.

Если-бы однако-же битва была сочтена необходимою, можно ли предположить, чтобы Кутузовъ взялъ на себя отвѣтственность дать ее, не собравши Русскихъ и Австрійскихъ генераловъ, для того, чтобы сказать каждому, что ему слѣдуетъ дѣлать, сговориться, посовѣтоваться, ознакомиться съ мѣстностію, словомъ, принять всѣ предосторожности, необходимыя въ подобномъ случаѣ.

Наконецъ, если бы битва была проиграна, кто взялъ-бы на себя заключить окончательное перемиріе и предоставить Императора Австрійскаго собственнымъ его средствамъ? Ваши генералы, страшась отвѣтственности, сдѣлали бы все возможное, что-бы выпутаться изъ бѣды, для того чтобы уменьшить въ глазахъ В. В-ва ея гибельныя послѣдствія.

Вы сами, не находясь на мѣстѣ, могли бы принять Ваши рѣшенія спокойно, безъ спѣха. Ссылаюсь на В. И. В-во относительно того способа, коимъ были отданы Ваши приказанія въ Голицѣ; какъ могли они быть хорошо взвѣшены среди этой кутерьмы, когда Вы были окружены лицами, кричавшими объ измѣнѣ Австрійцевъ, о необходимости отомстить имъ и поскорѣе вернуться въ Россію, увѣряя, что армія рѣшительно не въ силахъ драться еще разъ?

Тягостное впечатлѣніе, вынесенное мною объ этой эпохѣ, возбуждаетъ во мнѣ представленіе о томъ, чѣмъ должно быть революціонное правительство въ минуту опасности. Среди этого возбужденія и этихъ разногласныхъ криковъ не было никакой возможности возвысить голосъ въ пользу Австріи, въ пользу интересовъ Европы.

Изрѣченіе, повторяемое всего чаще, гласило, что В. В-во довольно сдѣлали для другихъ, и что теперь Вамъ слѣдуетъ подумать о себѣ, какъ будто-бы Ваша слава, Государь, и самая Ваша безопасность не имѣли ничего общаго съ паденіемъ Австріи и прочихъ Вашихъ союзниковъ.

Тоже самое сочли нужнымъ отвѣчать мнѣ и В. В-во, когда я осмѣлился замолвить слово въ пользу короля Неаполитанскаго. Что же касается до Австріи, то такъ какъ я гораздо болѣе былъ одушевленъ желаніемъ не мѣшаться ни въ какія дѣла, чѣмъ еще выставляться на видъ, зная при томъ, что мое вмѣшательство не будетъ имѣть ни малѣйшаго вѣса, я рѣшился неоднократно вызывать Императора Франца на прямыя объясненія съ В. В-вомъ, надѣясь, что это будетъ лучшимъ средствомъ, чтобы получить отъ Васъ благопріятный отвѣтъ.

Однако же, уѣзжая, Вы объявили, Государь, этому монарху, что онъ не можетъ болѣе разсчитывать на Ваше войско.

Этотъ отвѣтъ, о которомъ я узналъ по отъѣздѣ В. В-ва, не оставлялъ никакихъ сомнѣній на счетъ Вашего настроенія и на счетъ исхода всего дѣла.

Убѣжденный, однако же, въ великихъ неудобствахъ такого полнаго отступничества отъ дѣла, за которое мы взялись, я взялъ на себя написать въ Берлинъ въ этомъ смыслѣ, не будучи на то уполномоченъ В. В-вомъ. Эти депеши, которыхъ Вы до сихъ поръ не одобрили, не могли имѣть ни малѣйшаго дѣйствія при Дворѣ, подобномъ Берлинскому. Впрочемъ для того, что-бы отнять у нихъ всякую силу, было достаточно того способа, коимъ В. И. В-во, при возвращеніи моемъ сюда, объяснились съ Прусскимъ министромъ, которому Вы сочли нужнымъ сказать, что Вы предоставляете Пруссіи полную свободу раздѣлаться съ Франціею.

Было очевидно, что совершенно отступиться отъ дѣла значило предоставить среднія державы на произволъ Франціи и, съ самого моего пріѣзда въ Петербургъ, я постарался склонить В. В-во на то, что-бы Вы предписали Вашимъ генераламъ замедлить свое отступленіе и дали-бы имъ условныя инструкціи на случай извѣстнаго образа дѣйствій Берлинскаго и Вѣнскаго кабинетовъ, такъ что-бы мы могли поддержать каждый изъ нихъ и запугать другой, смотря по обстоятельствамъ, и сохранить, по возможности голосъ въ переговорахъ.

Въ то-же время я настаивалъ на необходимости сохранить всѣ наши силы въ Средиземномъ морѣ и употребить часть изъ нихъ на защиту короля Неаполитанскаго.

Я долженъ также, на минуту, обратить вниманіе В. В-ва на обстоятельство предшествовавшее и напомнить вамъ, что хотя и былъ я убѣжденъ въ необходимости вести войну самымъ энергическимъ образомъ, но я постоянно, пока Вы были при арміи, держался того мнѣнія, что не слѣдуетъ раздражать и оскорблять Бонапарта, что напротивъ того съ нимъ слѣдуетъ обращаться весьма осторожно, даже подавать ему надежды и не прерывать съ нимъ вовсе переговоровъ. Весьма прискорбно, что при обстоятельствахъ, повидимому самыхъ благопріятныхъ для того, что-бы разъузнать его образъ мыслей, его намѣренія, что-бы вывѣдать, какія предложенія хотѣлъ-бы намъ сдѣлать этотъ необыкновенный человѣкъ, былъ упущенъ къ тому самый удобный случай, и что мы вернулись сюда не пріобрѣтши на этотъ счетъ никакихъ вѣрныхъ свѣдѣній, такъ что въ истекшій съ тѣхъ поръ промежутокъ времени, и даже теперь, мы въ силахъ отвѣчать лишь предположеніями, правда, довольно вѣроятными, но не фактами, слишкомъ новыми, что-бы имѣть положительное значеніе, на вопросъ, повторяемый столь многими лицами: «Не было-ли возможности сговориться съ Бонапартомъ, заключить миръ выгодный, или по крайней мѣрѣ сносный?

Какъ скоро было рѣшено въ Голицѣ покинуть нашихъ несчастныхъ союзниковъ, мнѣ казалось желательнымъ, ради послѣдовательности, возбудить въ Бонапартѣ нѣкоторую надежду на примиреніе, завязать переговорами нѣкоторую нить, къ которой, въ силу взятаго рѣшенія, по необходимости пришлось-бы привязаться впослѣдствіи, и которая въ то время могла бы произвести немалое дѣйствіе, и по крайней мѣрѣ замедлить гибель нашихъ союзниковъ, предупреждая зло-

стныя намѣренія державъ, желавшихъ бы сговориться съ Франціею.

Остается мнѣ также, Государь, сказать словечко по поводу упрека, взведеннаго на Вашъ кабинетъ и на Вашихъ Вѣнскихъ агентовъ въ томъ, что они не сумѣли предъупредить Васъ о безсиліи Австрійскаго правительства и его арміи принести дѣйствительную помощь задуманному предпріятію.

Спрашиваю, не былъ ли-бы въ такомъ же правѣ Императоръ Австрійскій упрекнуть графа Стадіона, не предупредившаго его, что Русская армія одною неудачею будетъ лишена возможности дѣйствовать въ продолженіи цѣлой кампаніи, и что одна проигранная битва заставитъ Россію отказаться отъ игры?

Есть вещи, которыя въ голову не прійдетъ предусматривать, которыя суть послѣдствіе столь случайнаго стеченія обстоятельствъ, что онѣ не подлежатъ никакому расчету.

Хотя я и спѣшу окончить это и безъ того слишкомъ длинное письмо, не могу однако, въ заключеніе не повторить, что В. И. В-во, удостоивъ своего довѣрія, для составленія обширнаго плана, извѣстное число лицъ, перестали ихъ слушать, какъ только было приступлено къ его исполненію.

Никогда В. В-во не оказываете полнаго довѣрія, и вотъ, можетъ быть почему ничто не приходило къ желаемому концу; а когда событія, по изложеннымъ выше причинамъ, постепенно становились болѣе трудными, мы вовсе были лишены той мѣры довѣрія, которая одна могла дать намъ средство выпутаться изъ тогдашнихъ тяжкихъ обстоятельствъ.

Найдутся люди, которые быть можетъ, скажутъ, что лица, работавшія въ началѣ надъ созиданіемъ плана, не сдѣлали, при его осуществленіи, во всѣхъ отдѣльныхъ случаяхъ, всего, что̀ они могли-бы сдѣлать для предотвращенія гибельной развязки. Но, Государь, въ томъ виновны не мы, и позвольте мнѣ выразить Вамъ то, что̀ я испытывалъ не разъ. Когда дѣла ведутся, и съ людьми обращаются такъ, какъ это было испытано нами, особенно подъ конецъ, то теряется желаніе, едва поворачивается языкъ предлагать совѣты, не хочется настаивать на ихъ принятіи, утрачивается всякая надежда на правильное ихъ исполненіе.

Государю также весьма нужно внушать довѣріе. В. И. В-ву, если смѣю такъ выразиться, слѣдовало ободрять, примирять, вызывать совѣты, разбирать ихъ съ участіемъ и обдуманностію. Дѣло въ томъ, что Вы не хотите ихъ принимать, не придавая имъ ни цѣны, ни довѣрія.

Смѣю однако утверждать, что если бы, Государь, Вы продолжали дѣйствовать по прежнему, дѣла, всеконечно, не приняли-бы столь дурнаго оборота.

Мундиръ не составляетъ солдата, и мы могли-бы дать хорошіе совѣты даже на счетъ военныхъ дѣйствій, если-бы В. В-во допускали насъ на совѣщанія по этому предмету. И по истинѣ лица, трудившіяся надъ планомъ и всего болѣе содѣйствовавшія его осуществленію въ началѣ, всѣхъ болѣе были заинтересованы въ его успѣхѣ и, быть можетъ, всѣхъ болѣе способны помочь В. И. В-ву съ честію выйдти изъ Вашего предпріятія.

Если я преступилъ, въ этомъ слишкомъ длинномъ письмѣ, предѣлы позволительной откровенности, если В. В-во удивитесь моему подчасъ дидактическому и рѣзкому тону и найдете его неумѣстнымъ, то прошу Васъ

принять въ соображеніе, что, находясь быть можетъ наканунѣ разлуки съ Вами, я счелъ долгомъ не сдерживать своего усердія, подъ опасеніемъ даже Вашего неудовольствія и высказать Вамъ истины, быть можетъ непріятныя, но конечно полезныя.

Къ чему служилъ бы опытъ, если бы мы не старались обсуждать прошлыя событія съ самою строгою правдивостію и извлекать изъ нихъ уроки для настоящаго и для будущаго?

V.

Императоръ къ кн. А. Чарторыжскому *).

1806.

Я получилъ записку, которую Вы сочли нужнымъ мнѣ представить. Вы вызываете меня на прѣніе, и я на оное согласенъ; но не могу не сказать Вамъ, что оно, по моему мнѣнію, ни къ чему ни послужитъ, ибо основы, изъ коихъ мы исходимъ, столь діаметрально противоположны. По изложеніи затруднительнаго положенія, въ коемъ находится Россія и по исчисленіи бѣдствій, ей угрожающихъ, предлагаемыя Вами средства сводятся приблизительно лишь къ слѣдующему:

1°. Что-бы я объявилъ себя королемъ Польши.

2°. Что-бы я смѣнилъ лицъ, находящихся во главѣ министерствъ военнаго и иностранныхъ дѣлъ.

Подробный разборъ перваго пункта завелъ–бы насъ слишкомъ далеко; но я готовъ высказать мой образъ мыслей и поводы, руководствующіе моимъ образомъ дѣйствій; что касается до втораго, то объявляю Вамъ, что я доволенъ службою двухъ министерствъ, коимъ поручены двѣ вышеупомянутыя части. Сверхъ того, не вижу никого, кто-бы могъ ихъ замѣнить. Гдѣ этотъ примѣрный министръ, соединяющій въ свою пользу всѣ голоса? Ужъ не генералъ ли Сухтеленъ? Смѣло скажу, что не считаю его одареннымъ качествами, необходимыми для военнаго министра, и что изъ двухъ, я не колеблясь отдаю предпочтеніе генералу Вязьмитинову. Изъ прочихъ, я даже не вижу, кто могъ-бы быть предложенъ. Точно также не вижу никого для министерства иностранныхъ дѣлъ. Ужъ не Панины-ли, не Марковы? Мнѣ нужно уважать тѣхъ, съ коими я работаю; лишь при этомъ условіи могу я имѣть къ нимъ довѣріе. О ропотѣ я мало забочусь. Онъ обыкновенно есть лишь выраженіе духа партій. Не служите-ли тому примѣромъ Вы сами, не подверглись ли Вы осужденію, ненависти публики? Остается мнѣ сдѣлать замѣчаніе, отъ коего не могу воздержаться, а именно, что лучше было-бы *комитету* *) не поручать рукѣ посторонняго переписку на бѣло бумаги, подобной той, на которую я отвѣчаю. Прежде чѣмъ собраться, намъ-бы слѣдовало предварительно согласиться въ слѣдующемъ: что-бы, не смотря на все, что будетъ сказано въ этомъ комитетѣ, наши личныя отношенія оставались ненарушенными, что-бы мы взяли примѣръ съ членовъ Англійскаго парламента, которые, наговоривъ другъ другу самыхъ сильныхъ вещей въ пылу усердія къ общему благу, расходятся и остаются наилучшими друзьями. Вашъ душой и сердцемъ

Александръ.

*) Писано карандашомъ.

*) Извѣстный неоффиціальный комитетъ, состоявшій изъ Чарторыжскаго, Новосильцова, Строгонова и Кочубея.

VI.

Императоръ къ князю Адаму Чарторыжскому.

1806.

Я былъ далекъ отъ намѣренія Васъ огорчить. Разсуждая о дѣлахъ столь важныхъ, я не могъ говорить иначе, какъ по убѣжденію. Такъ я и сдѣлалъ. Въ концѣ Вашей записки, Вы изъявляете готовность представить мнѣ общій и подробный планъ тѣхъ мѣръ, которыя слѣдуетъ принять, вслѣдъ за предлагаемыми Вами. Если хотите, мы могли бы собраться (разумѣется въ маломъ комитетѣ) завтра послѣ обѣда въ шесть часовъ, и мы бы составили вмѣстѣ этотъ планъ, а потомъ-бы его обсудили. Весь Вашъ сердцемъ и душою

Александръ.

VII.

Императоръ къ князю Адаму Чарторыжскому.

1806.

Вотъ Вамъ, любезный другъ, бумаги, присланныя Вами. Депеша Воронцова не мало меня смущаетъ. Неужто изъ-за одной личности прійдется устраниться отъ *дѣла человѣчества*? Пускай-же онъ остается. Почему бы Новосильцову не исполнить его порученія? Если Воронцовъ будетъ снабженъ опредѣленными приказаніями, онъ по неволѣ долженъ будетъ ихъ исполнить или оставить свое мѣсто.

Нота и гласная депеша одобрены, точно такъ-же, какъ депеша, касающаяся Кобенцеля. Относительно же той, которая должна служить объясненіемъ, мнѣ приходится сдѣлать нѣсколько замѣчаній. Во первыхъ, Вы избаловали меня Вашимъ слогомъ, и слогъ г. Фат.... слишкомъ теряетъ отъ сравненія. Далѣе, мнѣ кажется, что къ первому N. B. можно было-бы присовокупить, вслѣдъ за условіемъ *sine qua non*, что мы могли-бы, въ возмездіе, согласиться на очищеніе Корфу, оставивъ тамъ лишь корпусъ подъ командою Назимова.—Второе N. B. относится лишь къ личности графа Стакельберга. Знаемъ ли мы его достаточно, что-бы поручить ему столь важные переговоры, и не лучше ли послать человѣка болѣе вѣрнаго, на пр. Будберга?

Не могу одобрить изложенія третьяго N. B.; оно кажется мнѣ неприличнымъ. Какъ *находить неудовольствіе въ томъ, что составляетъ предметъ нашихъ желаній?* Не значитъ ли это, иными словами: *Постарайтесь разстроить дѣло такъ, что-бы это не казалось нашею виною*? Вотъ любезный другъ, замѣчанія, которыя я имѣю сдѣлать на эту депешу, впрочемъ на мой взглядъ не дурную. Весь Вашъ.

Печатаю это письмо печатью графа Толстаго, такъ у меня нѣтъ съ собою своихъ.

Александръ.

РАЗГОВОРЫ

Князя А. Чарторыжскаго съ Императоромъ Александромъ.

I.

12 Ноября 1809.

Императоръ принялъ меня сегодня и слегка извинился въ томъ, что откладывалъ со дня на день призвать меня къ себѣ, согласно моей просьбѣ. Преже всего, я попросилъ у него извиненія въ томъ, что постоян-

но нахожусь вынужденнымъ быть навязчивымъ и говорить съ нимъ о лицахъ, пострадавшихъ или жалующихся, что не составляетъ пріятнаго предмета занятій. Е. В-во спросилъ меня, въ чемъ дѣло. Тогда я заговорилъ объ имѣніяхъ, взятыхъ подъ секвестръ у Поляковъ, поступившихъ на службу въ герцогствѣ Варшавскомъ. Императоръ тотчасъ прервалъ меня, сказавъ, что обстоятельства вынудили его принять эти мѣры, что онъ рѣшился на оныя лишь по единогласному совѣту своихъ министровъ, и что впрочемъ поведеніе Поляковъ сдѣлало эту строгость необходимою; что онъ еще недавно получилъ отъ своего посла въ Парижѣ извѣстіе, что находящіеся тамъ Поляки, хотя подданные Россіи, производятъ разные маневры и ведутъ самыя странныя рѣчи, не могущія не навлечь на нихъ строгости правительства.

Я отвѣчалъ, что на этотъ разъ не намѣренъ возбуждать вопроса о томъ, какъ правительство сочтетъ нужнымъ поступать въ будущемъ; но я считаю себя въ правѣ замѣтить Его И. В-ву, что недавно изданный указъ не согласенъ со строгими правилами справедливости; что вопервыхъ существуетъ разрядъ смѣшанныхъ подданныхъ, и что между тѣми, которые, поступивъ на иностранную службу, за то подверглись конфискаціи имуществъ, есть люди, принадлежащіе къ этой категоріи, и что слѣдовательно нельзя винить ихъ за то, что, живя въ Галиціи или Польшѣ, они тамъ поступили на службу; что притомъ указу дано обратное дѣйствіе, ибо наказывались люди не предупрежденные въ томъ, что дѣйствія ихъ считаются незаконными. Прежде чѣмъ карать, нужно предупреждать и назначить срокъ, послѣ котораго виновные подпадаютъ наказанію, опредѣленному правительствомъ. Е. В-во отвѣчалъ, что онъ дѣйствительно намѣренъ назначить срокъ для всѣхъ лицъ, поступавшихъ на службу до указа.— Тѣмъ не менѣе, я настаивалъ въ своихъ представленіяхъ Императору о насильственности и даже безполезности подобныхъ мѣръ, не производящихъ инаго дѣйствія, какъ раздраженіе. Я сказалъ, что всякому дворянину изъ Русскихъ подданныхъ предоставлено право поступать на иностранную службу, не подвергаясь конфискаціи имуществъ: ибо, если имѣешь несчастіе лишиться ихъ лично, они переходятъ къ наслѣдникамъ, и я спросилъ, почему одни Поляки составляютъ исключеніе.—Императоръ могъ отвѣчать только, что есть обстоятельства, при которыхъ безопасность государства требуетъ исключеній, что впрочемъ эта мѣра вызвана поведеніемъ Поляковъ, и что онъ лишь сообразовался съ единогласнымъ мнѣніемъ своихъ министровъ.—Я возразилъ, что нисколько не удивляюсь тому, что министры не приняли въ соображеніе страданій столькихъ семействъ, но что я надѣялся, что Императоръ взглянетъ на дѣло иначе и положитъ конецъ притѣсненіямъ; что впрочемъ, я не знаю, въ чемъ можно упрекать Поляковъ, которые желали принадлежать ему всѣ и постоянно встрѣчали отказъ.

Разговоръ на минуту принялъ другой оборотъ, и я постарался навести его на г. Новосильцова и на извѣстный доносъ, недавно сдѣланный на насъ обоихъ. Какъ только Императоръ замѣтилъ, къ чему я веду рѣчь, онъ прервалъ меня, сказавъ, что это дѣло поконченное, что я тутъ замѣшанъ лишь косвенно, ибо остался безучастнымъ въ то время, какъ г.

Новосильцовъ велъ самыя странныя рѣчи въ мѣстѣ столь публичномъ, какъ трактиръ. Дѣло шло объ обѣдѣ, на которомъ г. Новосильцовъ будто-бы разсуждалъ о письмѣ, недавно полученномъ Е. В-вомъ отъ Наполеона. Императоръ былъ весьма раздраженъ. Я защищалъ, какъ умѣлъ, г. Новосильцова, но все было напрасно.

Такъ какъ Императоръ, повидимому, не вполнѣ понялъ сказанное мною о различіи нашихъ взглядовъ, моего и г. Новосильцова, на письмо Наполеона, я объяснилъ ему, что г. Новосильцовъ взглянулъ на него, какъ Русскій и нашелъ его вполнѣ достаточнымъ, что-бы разсѣять всякое безпокойство, и весьма удовлетворительнымъ для настоящей минуты, между тѣмъ какъ я, по причинамъ совершенно противуположнымъ, и въ качествѣ Поляка, прочелъ это письмо съ огорченіемъ. Тутъ Императоръ спросилъ меня, знаю-ли я депешу г. де Шампаньи и присовокупилъ, что она гораздо сильнѣе письма.—Я отвѣчалъ, что, не читавъ ея, я объ ней слышалъ, и что могу лишь скорбѣть, узнавъ, что Императоръ теперь сдѣлался главнымъ врагомъ, первымъ гонителемъ націи и самого имени Польши; что лишь въ угоду ему Польша была покинута, обманута во всѣхъ своихъ надеждахъ, и что онъ простираетъ ожесточеніе до того, что хотѣлъ-бы вычеркнуть изъ исторіи и самое имя Польши.

Императоръ сперва защищался противъ этого упрека; онъ сказалъ мнѣ, что винить нужно не его, что его личныя чувства не измѣнились, что онѣ извѣстны мнѣ съ давнихъ временъ, что онъ стѣсненъ обязанностями своего положенія и что Русскому Государю иначе дѣйствовать нельзя. —Я отвѣчалъ, что относительно этого пункта мнѣ невозможно раздѣлять два качества, соединенныя въ лиц Императора; что самъ онъ призналъ, что возстановленіе Польши можетъ совершиться не только безъ нарушенія интересовъ Россіи, но, напротивъ того, къ великой ея пользѣ черезъ соединеніе обѣихъ коронъ на главѣ Е. В-ва.—Императоръ отвѣчалъ, что все это очень можетъ быть, но что такъ какъ это неосуществимо, то необходимо было избрать иной образъ дѣйствій. — Я тотчасъ возразилъ, что ничего не понимаю въ этомъ разсужденіи; что когда считаешь предпріятіе само по себѣ полезнымъ, то не хватаешься за мысль о немъ лишь для того, что-бы уготовать пути и по возможности овладѣть направленіемъ событій; что я не стану упоминать о томъ, что были на то благопріятные случаи; что, упустивши ихъ, теперь слѣдуетъ выжидать еще болѣе удобныхъ, лучше подготовлять будущее и дѣйствовать такъ, что-бы ничто не было испорчено; что первымъ дѣломъ должно быть не обирать націю, не уязвлять ее суровыми мѣрами. — Императоръ, опустивъ глаза и не докончивъ фразы, сказалъ: «Если бы по крайней мѣрѣ отъ Поляковъ можно было ожидать какой-либо взаимности и быть увѣреннымъ, что они не будутъ дѣйствовать всегда одинаково».

Я отвѣчалъ, что я не вижу, что было сдѣлано для того, что-бы пріобрѣсть привязанность Поляковъ, что слѣдуетъ быть справедливымъ, что ссылаюсь на самого Императора относительно всего того, что выстрадала эта страна. Что могло быть возмутительнѣе поведенія трехъ державъ относительно Польши? И удивляться-ли тому, что мысль о возстановленіи ихъ родины воспламеняетъ и соеди

няетъ всѣхъ Поляковъ? Теперь льстятъ себя надеждою, сказалъ я, что миръ ослабитъ этотъ энтузіазмъ. Я-же сужу о дѣлѣ иначе, и ликующій тонъ, съ которымъ провозглашали здѣсь, что всѣ надежды Поляковъ рушились, на мой взглядъ скорѣе принесетъ пользу, чѣмъ вредъ Наполеону, ибо обратитъ всю ненависть на Императора. Никто теперь не станетъ сомнѣваться въ томъ, что лишь по настояніямъ В. В-ва, и для того, чтобы избѣгнуть войны съ Россіею, Наполеонъ уступилъ въ дѣлѣ, отъ коего иначе онъ никогда-бы не отступился, которое остается постояннымъ предметомъ его заботъ, и такой взглядъ на вещи лишь болѣе ожесточитъ сердца Поляковъ. Строгости, коими ихъ преслѣдуютъ, довершатъ дѣло, ибо онѣ раздражаютъ, ихъ тѣмъ болѣе, что всѣ эти бѣдствія налагаются на нихъ именемъ государя, въ руки коего они согласились-бы предать свою судьбу. Наполеонъ, съ своей стороны, не останется въ бездѣйствіи. Между тѣмъ какъ здѣсь каждое слово дышетъ преслѣдованіемъ, онъ постарается всевозможными обѣщаніями и лестью разсѣять раздраженіе, которое на минуту могло противъ него возникнуть.

—Не слѣдуетъ думать, присовокупилъ я, что-бы онъ повсюду говорилъ однимъ языкомъ. Императору, лучше чѣмъ кому-либо, извѣстно, что Наполеонъ умѣетъ искусно вести самыя противуположныя рѣчи. Болѣе чѣмъ когда-либо дѣлаетъ онъ это теперь, когда, какъ увѣряютъ, онъ посылаетъ Польскую армію въ Испанію. Если онъ двинетъ Поляковъ въ походъ, онъ съумѣетъ сказать имъ, что тутъ онъ требуетъ отъ нихъ послѣдней услуги, что это для нихъ способъ окончательно усовершенствоваться въ военномъ искусствѣ, что послѣ этого ничто болѣе не помѣшаетъ ему исполнить ихъ желанія, что до сихъ поръ связывала его одна необходимость, что тому причина эта Русская имперія, этотъ вѣчный врагъ. Такими рѣчами уничтожитъ онъ все дурное дѣйствіе своихъ поступковъ, и его словамъ повѣрятъ, потому что они польстятъ надеждамъ націи, потому что съ другой стороны, не только не дѣлается ничего, что-бы уравновѣсить это впечатлѣніе, но напротивъ того дѣлается все, что-бы придать ему силы.

Императоръ въ своемъ отвѣтѣ, началъ съ того, что сослался на меня самаго относительно чувствъ, которыя онъ выражалъ мнѣ на счетъ поведенія трехъ державъ касательно Польши; онъ сказалъ мнѣ, что по его мнѣнію, оттуда берутъ свое начало всѣ бѣдствія, коимъ нынѣ подвергается Европа, но что этого уже поправить нельзя; что онъ не видитъ средства осуществить проэктъ прежде занимавшій его относительно Польши, что онъ считаетъ возможною лишь особую организацію для Польскихъ областей, нынѣ находящихся подъ его владычествомъ, но что и противъ этого можно сказать многое, и что этотъ планъ особенно здѣсь встрѣтитъ сильное сопротивленіе. — Я отвѣчалъ Императору, что я очень хорошо помню, какія чувства онъ выражалъ мнѣ относительно Польши, что либеральность его воззрѣній, какъ онъ можетъ припомнить, была первымъ поводомъ къ близости, коей онъ меня удостоилъ; что же касалось до затрудненій, только что имъ упомянутыхъ, то я о нихъ судить не могу; что я не знаю, была-ли когда-либо рѣчь объ этомъ проэктѣ между имъ и Наполеономъ.— Возможность сопротивленія со стороны

Наполеона—сказалъ я — есть единственное затрудненіе, которое я могъ-бы предположить, и мнѣ тѣмъ болѣе любопытно знать, была ли рѣчь объ этой матеріи въ многочисленныхъ разговорахъ, происходившихъ между Императоромъ и Наполеономъ. Лишь по отвѣту Наполеона можно было судить о мнѣніи Императора. — Императоръ отвѣчалъ мнѣ неопредѣленно, что о всемъ этомъ была рѣчь недавно, въ время Австрійской войны; но, тотчасъ прервавъ себя, онъ присовокупилъ, что никогда Наполеонъ не согласится на что либо подобное, потому что единственное его желаніе — сохранить постоянное вліяніе на Поляковъ, властвовать надъ ними и пользоваться ими для своихъ цѣлей.

— Что̀-же касается до того, что-бы дать областямъ, нынѣ принадлежащимъ Россіи, особое устройство и самостоятельность, присовокупилъ я, то я не слишкомъ знаю, что̀ объ этомъ сказать. Дѣло, конечно, само по себѣ хорошее, но весьма естественно, что оно встрѣчаетъ здѣсь сопротивленіе, еще большее, чѣмъ идея о присоединеніи всей Польши. Что̀-же касается до меня, что-бы ни говорили, и въ какомъ-бы видѣ не представлялись нынѣ дѣла, остаюсь при моемъ мнѣніи. Полагаю, что и В. В-во когда нибудь припомните, что нужно будетъ прибѣгнуть къ этому средству; что въ немъ заключается спасеніе Россіи; но очень боюсь, что когда это поймутъ, будетъ поздно.—Императоръ отвѣчалъ только, что безъ сомнѣнія, въ случаѣ войны съ Франціею, было-бы кстати ему объявить себя королемъ Польши, для того что-бы привлечь умы на свою сторону. — Я отвѣчалъ, что тогда будетъ поздно. и видя, что разговоръ уже затянулся слишкомъ долго, я не захотѣлъ его продолжать.

II.

26 Декабря 1809.

Я написалъ къ Императору, прося его о минутномъ разговорѣ и предъупреждая его именно, что хочу поговорить съ нимъ о продолженіи моего истекающаго отпуска. Нѣсколькими днями позже, послѣ обѣда у его матери, Императоръ подошелъ ко мнѣ и сказалъ, что-бы я зашелъ къ нему на другой день, что и ему нужно со мною поговорить. Я заключилъ изъ этого, что будетъ рѣчь о новыхъ измѣненіяхъ, предположенныхъ въ устройствѣ Совѣта, и о которыхъ толковали въ городѣ и при Дворѣ. Не зная, что̀ задумываетъ Императоръ и что̀ онъ хочетъ мнѣ предложить, я былъ въ нѣкоторомъ безпокойствѣ, ибо всегда непріятно выслушивать предложенія Государя, когда имѣешь всѣ причины, что-бы ихъ отклонять.

На другой день, я отправился во дворецъ и, послѣ довольно долгаго ожиданія, былъ введенъ къ Е. В-ву. Императоръ сперва спросилъ меня, чего я желаю. Я началъ съ того, что поговорилъ съ нимъ о разныхъ дѣлахъ, а затѣмъ попросилъ его продлить мой отпускъ.—Императоръ сказалъ мнѣ, что предполагалъ во мнѣ намѣреніе пробыть болѣе долгое время въ Петербургѣ, и въ этомъ предположеніи подумалъ, что я буду не прочь отъ болѣе дѣятельнаго занятія. Исходя отсюда, Императоръ сказалъ мнѣ, что Совѣтъ приметъ новую форму, съ болѣе обширнымъ кругомъ дѣятельности, и устройство, относительно котораго было взято за образецъ существующее въ иныхъ лучше управляемыхъ государствахъ, каковы Франція и Англія; что онъ раздѣлилъ Совѣтъ на четыре секціи—военную, внутреннихъ дѣлъ, финан-

совъ, юстиціи и законовъ, и что въ этой послѣдней онъ предназначилъ мнѣ мѣсто; что кромѣ того будетъ общее собраніе, въ коемъ дѣла, обработанныя въ секціяхъ, будутъ обсуждаться снова; но что для секцій въ особенности ему нужны работники.— Я отвѣчалъ Е. В-ву, что сознаю, сколь великую честь онъ оказываетъ мнѣ своимъ довѣріемъ, но что ему самому извѣстны причины, по которымъ я прошу объ отпускѣ: преклонныя лѣта моихъ родителей, съ коими я долго былъ разлученъ, заботы о моемъ здоровьи, коему вовсе непригоденъ Петербургскій климатъ, привычки и вкусы, развившіеся во мнѣ при продолжительномъ удаленіи отъ дѣлъ.— Императоръ отвѣчалъ мнѣ, что онъ и не думаетъ стѣснять меня въ моихъ планахъ, и присовокупилъ, что онъ предвидѣлъ мой отъѣздъ, но полагалъ, что я отсрочу его до лѣта.—Я отвѣчалъ, что, до наступленія лѣта, я намѣревался поѣхать на нѣкоторое время въ Вильну, гдѣ присутствіе мое было нужно для устройства дѣлъ Университета.—Императоръ сказалъ мнѣ, что до того времени новое устройство Совѣта будетъ обнародовано, и что я тогда увижу, какъ мнѣ лучше поступить; и такъ какъ я выражалъ опасеніе, что-бы мой отъѣздъ, при такихъ обстоятельствахъ, не показался неумѣстнымъ, Императоръ успокоилъ меня, сказавъ, что это не бѣда, что мнѣ всетаки можно будетъ взять отпускъ.

Его В-во объявилъ мнѣ затѣмъ, что всѣ мѣры строгости, принятыя относительно Поляковъ, будутъ отмѣнены, что это дѣло рѣшеное, но что это сдѣлается извѣстнымъ лишь черезъ нѣсколько недѣль; но что поводы къ этимъ мѣрамъ исчезли и что теперь онъ имѣетъ поводы быть спокойнымъ. — Я поблагодарилъ Е. В. и спросилъ его, какіе поводы онъ имѣетъ быть спокойнымъ на счетъ Польскихъ дѣлъ; единственно-ли мѣсто въ рѣчи г. Монталиве; или есть еще иной поводъ, напримѣръ обязательство не думать болѣе о возстановленіи Польши *). Дѣйствительно, мнѣ было извѣстно изъ разговора, который я имѣлъ съ канцлеромъ, что объ этомъ шла рѣчь между двумя Кабинетами, и я замѣтилъ Императору, что въ такомъ случаѣ и онъ будетъ вынужденъ взять на себя такое-же обязательство, и что онъ этимъ свяжетъ себѣ руки. — Императоръ уклонился отъ отвѣта и сказалъ просто, что объ этомъ не было и рѣчи.

Какъ мнѣ показалось, Императоръ хотѣлъ скрыть отъ меня истину, оттого ли что думалъ, что она можетъ ему повредить, или потому, что въ дѣлѣ, въ которомъ онъ зналъ, что его интересы не сходятся съ моими, взяла верхъ его недовѣрчивость.

Произошло небольшое смущеніе, разговоръ на минуту коснулся снова переустройства Совѣта, лицъ, которыхъ слѣдуетъ выбрать; и въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, я замѣтилъ, на сколько Императоръ давалъ себя обманывать всѣми доне-

*) Мѣсто въ рѣчи г. Монталиве, на которое здѣсь указывается, есть извлеченіе изъ *Отчета о состояніи Имперіи*, представленнаго законодательному корпусу, 1-го Декабря 1809 г. Заключается оно въ слѣдующихъ словахъ „....Герцогство Варшавское увеличено частію Галиціи. Императору было бы легко присоединить къ этому государству всю Галицію; но онъ не захотѣлъ сдѣлать ничего, что могло-бы возбудить опасенія въ его союзникѣ, Императорѣ Россійскомъ. Галиція стариннаго раздѣла почти вся осталась во власти Австріи. Е. В-во никогда не имѣлъ въ виду возстановленія Польши. То, что сдѣлалъ Императоръ для новой Галиціи, предписывалось ему болѣе честію, чѣмъ политикою. Онъ не могъ предоставить мести неумолимаго государя народовъ, которые съ такимъ жаромъ приняли сторону Франціи.

сеніями ему представляемыми, какъ не основательны были его мысли на счетъ лицъ, которыхъ ему приходилось употреблять. Легко было также замѣтить въ Его Величествѣ желаніе щадить, привлечь на свою сторону общественное мнѣніе, потребность въ популярности, возбужденная недавнею поѣздкою въ Москву.

Императоръ сказалъ мнѣ смѣясь, что есть много людей, которые, не отдавая себѣ отчета въ значеніи словъ, воображаютъ, что будущее устройство Совѣта есть народное представительство, какъ будто можетъ быть народное представительство, избранное не страною и зависимое отъ короны. — Величайшее мое желаніе, продолжалъ Е. В-во, состоитъ въ томъ, чтобы сохранить внѣшнее спокойствіе и исключительно заняться внутренними дѣлами; то, что теперь будетъ сдѣлано для Совѣта, есть лишь первый шагъ для того, что-бы дойти до другихъ измѣненій болѣе существенныхъ, относительно коихъ мнѣнія мои нисколько не измѣнились.—Я выразилъ опасенія на счетъ трудностей исполненія, и Е. В-во отвѣчалъ мнѣ, что, со временемъ и съ настойчивостію, можно уйти далеко. — Не знаю, хотѣлъ-ли Государь привлечь меня этими словами и внушить мнѣ охоту согласиться на его предложенія, показывая мнѣ, что онъ все еще держится старинныхъ мнѣній, о которыхъ мы такъ часто съ нимъ говорили; ибо съ Императоромъ часто случается, что иной цѣли въ его разговорѣ нѣтъ и что онъ, такъ сказать, подноситъ каждому то кушанье, которое по его мнѣнію можетъ нравиться его собесѣднику. За тѣмъ разговоръ, какъ-бы самъ собою, вернулся къ Польскимъ дѣламъ. Императоръ сталъ меня допрашивать.

— Событія, сказалъ я Е. В-ву, заставили умы вернуться къ настроенію, господствовавшему пятнадцать лѣтъ тому назадъ; было время, когда обстоятельства положили нѣкоторую повязку на раны нанесенныя Полякамъ и, быть можетъ, нѣсколько ослабили ихъ ощущеніе. Надежда на возстановленіе ихъ родины на минуту показалась имъ менѣе осуществимою, ихъ настоящее положеніе менѣе переходнымъ. Но теперь, полузажившая рана словно внезапно раскрылась. Здѣсь воображаютъ, что надежды Поляковъ могли ослабѣть вслѣдствіе послѣдняго мира съ Австріею, вслѣдствіе образа дѣйствій Франціи и нѣкоторыхъ писемъ и депешъ Наполеона, ходившихъ по рукамъ. Если-бы это и было справедливо (а противъ этого можно поспорить) нравственное состояніе тѣмъ не менѣе сдѣлалось такимъ-же, какимъ оно было пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Притомъ существованіе Варшавскаго герцогства, значительно увеличеннаго послѣднею войною, содѣйствуетъ тому, что-бы поддерживать патріотическія чувства. Это словно призракъ старой Польши, производящій неотразимое дѣйствіе на всѣхъ тѣхъ, которые считаютъ эту разрушенную страну истиннымъ своимъ отечествомъ. Это то-же самое, какъ если-бы послѣ утраты любимой особы, ея тѣнь посѣтила насъ и увѣряла, что скоро она сама будетъ намъ возвращена.

И такъ, продолжалъ я, В. В-во не должны удивляться тѣмъ чувствамъ, которыя Вы встрѣчаете во всякомъ Полякѣ. Говорю съ Вами не какъ съ Государемъ; прошу Васъ отрѣшиться на время отъ этого качества и сохранить лишь то, которое было первою причиною моей къ Вамъ привязанности. В. В-во конечно помните

тѣ чувства, которыя одушевляли меня, когда я прибылъ сюда. Вы тогда имѣли благосклонность ихъ одобрить; Вы могли судить о томъ, измѣнились-ли они съ тѣхъ поръ. Вернувшись изъ Италіи, я и не думалъ поступать на службу. В. В-во это припомните. Когда Вы захотѣли дать мнѣ должность, я долго отказывался, и главная причина тому заключалась въ томъ, что положеніе мое, въ качествѣ Поляка, могло сдѣлаться черезъ чуръ щекотливымъ и труднымъ. Я предчувствовалъ, что могутъ возникнуть обстоятельства, при которыхъ интересы моей страны будутъ противуположны интересамъ моей службы. В. В-во отвѣчали мнѣ, что въ настоящее время ничего подобнаго не предвидится и, что, если это случится, то оно будетъ видно заранѣе, и что тогда мнѣ можно будетъ поступать, какъ я сочту приличнымъ. Теперь не скрою отъ В. В-ва, что общее впечатлѣніе, произведенное на моихъ соотечественниковъ обстоятельствами и существованіемъ Варшавскаго герцогства, не могло не подѣйствовать и на меня. Я не могу воздержаться отъ живѣйшаго участія въ судьбахъ моего отечества.

«Въ моихъ глазахъ, присовокупилъ я, человѣкъ не привязанный къ своей родинѣ есть человѣкъ презрѣнный. Отрекаться отъ своей вѣры, отъ своихъ родныхъ, отъ своей страны, по моему мнѣнію, одинаково преступно. Таковы чувства мнѣ прирожденныя, укрѣпленныя во мнѣ воспитаніемъ и отъ которыхъ я никогда не отступлю. Къ тому-же, въ этой новой странѣ у меня есть братъ, сестра, цѣлое семейство, и признаюсь В. В-ву, что это одна изъ причинъ, по которымъ я не желалъ-бы вмѣшиваться ни въ какія здѣшнія дѣла; мнѣ недостаточно быть прямымъ, чистымъ и искреннимъ въ моихъ дѣйствіяхъ, хочу быть таковымъ и въ моихъ мысляхъ и чувствахъ. По этому я счастливъ, что мнѣ удалось поговорить съ Императоромъ совершенно свободно, и объясниться съ нимъ безъ всякихъ умолчаній. Первая моя цѣль заключается въ томъ, что-бы сохранить собственное свое уваженіе; вторая въ томъ, что-бы сохранить уваженіе людей, которыхъ я привыкъ любить и уважать. Охотно соглашаюсь, если дѣло до того дойдетъ, что-бы В. В-во велѣли конфисковать мои имущества и разстрѣлять меня. Я этому покорюсь, если только В. В-во, предписывая это, отдадите мнѣ ту справедливость, что я однако былъ честнымъ человѣкомъ, всегда говорившимъ Вамъ правду и никогда Васъ не обманывавшимъ».

Императоръ показался мнѣ удовлетвореннымъ; онъ сказалъ мнѣ, что всегда отдавалъ мнѣ справедливость, что онъ и сегодня умѣетъ цѣнить то, что я ему сказалъ, и что этотъ способъ объясняться съ нимъ дѣлаетъ мнѣ честь. Императоръ на минуту оставался погруженнымъ въ размышленіе; но, словно проснувшись внезапно, онъ произнесъ слѣдующія слова: «Нѣтъ иного средства все это уладить, какъ старинный нашъ планъ, какъ дарованіе отдѣльной конституціи и самостоятельности Польскому королевству, съ присоединеніемъ этого титула къ Русской коронѣ. Нужно подождать, продолжалъ Императоръ, что-бы Австрія сдѣлала глупость и вызвала новый разрывъ съ Франціею; тогда можно найти средство сговориться съ Наполеономъ и вознаградить короля Саксонскаго.» Императоръ присовокупилъ, что покуда было-бы умѣстно дѣйствовать въ этомъ смыслѣ въ

областяхъ, нынѣ принадлежащихъ Имперіи, и принять титулъ великаго князя Литовскаго; но что, имѣя дѣло съ противникомъ столь искуснымъ, какъ Наполеонъ, онъ побоялся возбудить его подозрѣнія и внушить ему мысль противодѣйствовать Россіи тѣмъ-же способомъ; что, при искусствѣ этого человѣка, легко остаться позади его.

Разговоръ продолжался, и я спросилъ Е. В-во, не случалось-ли ему, въ многочисленныхъ его разговорахъ съ Наполеономъ, коснуться этой струны. Этотъ вопросъ я уже дѣлалъ не разъ для того, что-бы узнать степень основательности разныхъ слуховъ, переходившихъ изъ устъ въ уста. Императоръ постоянно отклонялся отъ опредѣлительнаго отвѣта. На этотъ разъ онъ сказалъ мнѣ положительно, что этотъ предметъ никогда не былъ обсуждаемъ между нимъ и Наполеономъ; что, въ Тильзитѣ, Наполеонъ выразился очень слегка о всемъ, касающемся до Польши и до Поляковъ, а что въ Эрфуртѣ было слишкомъ много дѣла, что-бы заняться этимъ вопросомъ. Я выразилъ Е. В-ву мое сожалѣніе о томъ, что онъ ни разу не воспользовался случаемъ разузнать мнѣнія Наполеона объ этомъ предметѣ. Я не могъ впрочемъ, сказалъ я, не удивляться искусству, съ которымъ Наполеонъ распространялъ самыя противуположныя догадки и мнѣнія и заставлялъ имъ вѣрить; ибо несомнѣнно то, что, ведя рѣчи подобныя приведеннымъ В. В-вомъ; заставляя писать депеши и произносить рѣчи, которыя должны привести Поляковъ въ негодованіе и въ отчаяніе, онъ тѣмъ не менѣе успѣлъ въ то-же время распространить между нами убѣжденіе, что не только онъ принимаетъ къ сердцу интересы Польши, но еще, что онъ питаетъ къ нашей націи особое чувство пріязни. Между тѣмъ, какъ его считаютъ лишеннымъ всякаго человѣколюбиваго чувства и доступнымъ только расчетамъ честолюбія, онъ тѣмъ не менѣе съумѣлъ увѣрить Поляковъ, что онъ ихъ любитъ, что онъ желалъ-бы ихъ блага, что онъ лишь въ нихъ видитъ истинныхъ друзей.—Для того, что-бы возбудить энтузіазмъ, ему достаточно обнародовать газетную статью, послать въ Варшаву одного изъ своихъ адъютантовъ Поляковъ, который, принятый повсюду въ общества, повторяетъ какое-либо слово Наполеона или разсказываетъ какой нибудь анекдотъ, расшевеливающій патріотизмъ. Этимъ питаются въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, а затѣмъ новый посланный пріѣзжаетъ возбуждать умы.—Е. В-во, какъ бы отъ полноты чувствъ, прервалъ меня словами: «Ахъ! что вы говорите. Все это еще ничто, ибо мнѣ извѣстно изъ достовѣрнаго источника, что въ то самое время, какъ онъ заставлялъ Монталиве произносить свою рѣчь, онъ говорилъ совершенно противное вашимъ соотечественникамъ, и старался разрушить дурное впечатлѣніе, которое должно было произвести на ихъ умы извѣстное мѣсто въ этой рѣчи и оживить ихъ надежды разными объясненіями и обѣщаніями».

Его В-во присовокупилъ въ теченіи разговора, что это человѣкъ, для котораго всѣ средства хороши, только-бы они вели къ цѣли. Такъ какъ, съ нѣкотораго времени, я слышалъ, въ Петербургскомъ обществѣ, тысячу толковъ объ умственномъ разстройствѣ, угрожающемъ Наполеону, о припадкахъ падучей болѣзни, коимъ онъ подверженъ, то я спросилъ Императора, есть ли въ этомъ доля истины. Императоръ отвѣчалъ: «Никогда На-

полеонъ не сойдетъ съума; это вещь невозможная; и тѣ, которые этому вѣрятъ, его совсѣмъ не знаютъ. Это человѣкъ, который, среди самыхъ волнующихъ обстоятельствъ, остается спокойнымъ и хладнокровнымъ; всѣ его припадки гнѣва дѣлаются съ нимъ только для другихъ, и по большей части суть дѣйствіе расчета. Онъ не дѣлаетъ ничего, не предусмотрѣвши и не сообразивши всѣхъ послѣдствій. Тѣ изъ его дѣйствій, которыя кажутся самыми порывистыми и смѣлыми, расчитаны всего хладнокровнѣе. Одна изъ любимыхъ его поговорокъ та, что во всякомъ дѣлѣ прежде всего нужно отъискать методъ, что нѣтъ такой трудной вещи, съ которою не можно было-бы справиться, если только придумаешь надлежащій способъ дѣйствій; что если только этотъ послѣдній отъисканъ, остальное ничто; но что, съ другой стороны какъ бы ни было просто дѣло, не слѣдуетъ за него приниматься, не отъискавши къ тому надлежащаго метода, ибо иначе все испортишь и не достигнешь никакого результата. Чтó-же касается до его здоровья, то это сказки; никто не пользуется лучшимъ здоровьемъ: онъ никогда не бываетъ боленъ, и единственный недугъ, который за нимъ знаютъ, есть паршивое худосочіе, бросившееся внутрь и отъ котораго его лѣчили.... Никто лучше его не выноситъ труда и усталости; но ему нуженъ сонъ, хотя бы въ неопредѣленные часы, съ тѣмъ только, что-бы онъ могъ проспать восемь часовъ въ сутки. Онъ не краснорѣчивъ, ни на словахъ, ни въ письмѣ; онъ при мнѣ диктовалъ письма слогомъ отрывочнымъ, безсвязнымъ...» Его Величество говорилъ со мною о разводѣ и о дѣлахъ Испанскихъ; объ этихъ послѣднихъ, какъ о большой ошибкѣ, сдѣланной Наполеономъ, но изъ которой онъ наконецъ выпутается. О разводѣ онъ замѣтилъ, на сколько во Франціи обладаютъ искусствомъ придать каждому дѣлу форму ему свойственную и ходъ, самый приличный.

Размышляя объ всемъ этомъ разговорѣ, я пришелъ къ заключенію, что Императоръ все еще сохраняетъ ко мнѣ нѣкоторую благосклонность, но безъ особенно живаго желанія удержать меня при себѣ и безъ искренней откровенности на счетъ всего того, о чемъ я съ нимъ говорилъ. Онъ все еще кажется замкнутымъ; ему словно не по себѣ. Полагаю, что, кромѣ особыхъ обстоятельствъ, которыя могутъ приводить его въ смущеніе со мною, это сдѣлалось его нормальнымъ положеніемъ. Я сомнѣваюсь, что-бы отнынѣ онъ раскрылъ свое сердце для какого либо очень живаго чувства; впрочемъ таковое и не составляетъ для него природной потребности. Чтó касается до Наполеона, то ясно, что онъ его знаетъ лучше, чѣмъ кто-либо, что онъ убѣжденъ, что на него нельзя положиться ни въ чемъ; и столь-же ясно, что Наполеонъ сохранилъ замѣтную власть надъ его умомъ и что онъ его очень боится. Императоръ пріучилъ всѣхъ окружающихъ его искать во всѣхъ его рѣшеніяхъ побужденій различныхъ отъ тѣхъ, которыя онъ выставляетъ на видъ. Не могу воздержаться отъ того же самого, относительно общихъ рѣшеній, объявленныхъ имъ мнѣ касательно Польши; ибо удивительно, что-бы, повидимому, такъ мало вслушавшись въ замѣчанія, предложенныя мною въ предъидущихъ нашихъ разговорахъ, онъ вдругъ измѣнилъ свое мнѣніе, тогда какъ прежде было столько-же поводовъ оказывать

великодушіе, какъ и теперь, и я излагалъ ему именно тѣ доводы, на которыя онъ теперь ссылается, какъ на свои. И такъ, я склоненъ думать, что онъ сталъ помышлять о мѣрахъ кротости вовсе не потому, что онъ имѣетъ поводъ быть совершенно спокойнымъ, по скорѣе потому, что онъ имѣетъ новые поводы къ безпокойству, отъ которыхъ онъ считалъ себя избавленнымъ послѣ Вѣнскаго мира. Слово, вырвавшееся у Государя на счетъ рѣчи г. Монталиве, кажется мнѣ въ этомъ отношеніи указаніемъ; но я сверхъ того узналъ впослѣдствіи, что Французскій посолъ, который до тѣхъ поръ высказывалъ крайнее равнодушіе относительно притѣсненій, испытываемыхъ лицами, поступившими на службу въ герцогствѣ, сталъ выражаться объ этомъ предметѣ съ большимъ участіемъ и жаромъ и долженъ былъ объясняться о томъ съ правительствомъ, что̀ конечно есть слѣдствіе новыхъ, полученныхъ имъ инструкцій. Возможно также, что пребываніе въ Москвѣ подѣйствовало на умъ Императора благопріятно для Польши, показавши ему, что общественное мнѣніе не столь противно ей, какъ онъ предполагалъ. Императоръ конечно былъ удивленъ дошедшими до него словами стараго канцлера и графа Моркова, особенно послѣдняго, который до сихъ поръ былъ мнѣнія совершенно противуположнаго.

Въ сущности, къ разговорамъ съ Императоромъ объ этомъ вопросѣ и о выгодности для Россіи устройства Польскихъ дѣлъ присовокупить ничего. Въ этомъ отношеніи убѣжденіе Е. В-ва установилось вполнѣ; но это не ведетъ ни къ чему, ибо (развѣ если обстоятельства все устроятъ сами, и здѣшнему правительству прійдется только дать свое согласіе) дѣло не подвинется ни на шагъ: при малѣйшемъ препятствіи, намѣреніе, повидимому самое твердое, будетъ оставлено. Оттого-то все здѣсь такъ и опасно и скользко, что такъ мало можно полагаться на того, кому пришлось-бы играть главную роль.

III.

5 Апрѣля 1810.

Недѣли три тому назадъ, Е. В-во, которого я давно не видалъ, вдругъ призвалъ меня къ себѣ, и я напомнилъ ему нѣсколько частныхъ дѣлъ и вмѣстѣ съ тѣмъ данное мнѣ обѣщаніе даровать прощеніе всѣмъ тѣмъ, которые въ Польскихъ областяхъ подверглись мѣрамъ строгости. Относительно дѣлъ, о которыхъ мнѣ пришлось говорить, Е. В-во оказался весьма сговорчивымъ; что̀ касается до прощенія, то онъ сказалъ, что онъ его дастъ, какъ обѣщалъ, и что ожидаются лишь нѣкоторые отвѣты изъ Парижа. Послѣ этихъ словъ, я безъ труда замѣтилъ, что Императоръ призвалъ меня съ намѣреніемъ, для того чтобы снова завести рѣчь о предметѣ, обсуждавшемся между нами уже часто, и всегда безъ всякаго результата. Е. В-во скоро повернулъ разговоръ на Польскія дѣла и сказалъ мнѣ, что даровать прощеніе значитъ однако-же привлечь въ страну людей, на которыхъ расчитывать нельзя; что его желаніемъ всегда было пріобрѣсти привязанность жителей, но что трудность состояла въ томъ, чтобы узнать, какъ этого достигнуть: ибо, что̀ бы ни было сдѣлано, легкомысліе ихъ таково, что ни на что̀ положиться нельзя.— Я отвѣчалъ, что въ этомъ можетъ быть доля истины, но что причина приведенная Императоромъ

не есть дѣйствительная, что не изъ легкомыслія Поляки, повидимому, столь мало расположены податься на встрѣчу Русскому правительству, а напротивъ того изъ постоянства въ своей привязанности къ отчизнѣ и въ желаніи видѣть всѣ ея части собранными воедино. — Императоръ послѣ этихъ словъ заговорилъ о проэктѣ соединенія подъ отдѣльнымъ управленіемъ осьми Польскихъ губерній и спросилъ, каково мое мнѣніе: думаю-ли я, что можно расчитывать на жителей этихъ областей? Я отвѣчалъ, что ничего положительнаго я сказать не могу, и что мнѣ нужно подумать. Я однакоже выразилъ удивленіе тому, что Е. В-во еще занятъ этими предметами, въ виду конвенціи, подготовляемой съ Франціею. Дѣйствительно, мнѣ было извѣстно, что цѣлію этой конвенціи было разрушеніе всѣхъ надеждъ Поляковъ, и я думалъ, что Наполеонъ отказался ее утвердить. Е. В-во отвѣчалъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ, что это не такъ, что не онъ, а г. Шампаньи хотѣлъ помѣстить въ трактатъ выраженія и статьи, доходящія до разрушенія самого имени Польши, но что онъ измѣнилъ эти статьи, и что конвенція, видоизмѣненная такимъ образомъ, была снова отправлена въ Парижъ.

Я очень хорошо видѣлъ, что Императоръ не хотѣлъ объясниться со мною объ этомъ пунктѣ. Онъ отпустилъ меня, спросивъ, когда можно будетъ мнѣ дать отвѣтъ на предложенный имъ вопросъ. Это по истинѣ было не легко. Съ одной стороны, какія надежды можно было подать Императору на счетъ дѣйствительности средствъ, которыя пришлось-бы выбрать? Съ другой, сколько неудобствъ и опасностей для самого себя въ содѣйствіи какимъ либо планамъ? Это значило воздвигать алтарь противъ алтаря, рисковать въ своей странѣ междоусобною войною. Поддаваться лишь для вида на эти позднія поползновенія Императора, значило идти на всѣ трудности, на всѣ препятствія, безъ малѣшей надежды. Нужно было однакоже отвѣчать, какъ для соблюденія приличій, такъ и потому, что, въ виду все таки сомнительнаго будущаго, не слѣдовало совершенно обрывать нить, которая, при иныхъ обстоятельствахъ, могла еще оказаться драгоцѣнною.

И такъ, давъ пройти нѣсколькимъ недѣлямъ, я опять явился къ Императору и вручилъ ему записку, въ коей я обсуждалъ вопросъ по крайнему моему разумѣнію. Я не скрылъ отъ Е. В-ва, что меня крайне затрудняетъ мое незнаніе того, что происходитъ или готовится въ политическомъ мірѣ. Я сказалъ ему, что я не поспѣшилъ своимъ посѣщеніемъ, думая, что въ этотъ промежутокъ времени, быть можетъ, будутъ получены извѣстія изъ Парижа; что впрочемъ Императоръ столь часто измѣнялъ свое мнѣніе о Польскихъ дѣлахъ, смотря по обстоятельствамъ, въ особенности во время моего пріѣзда сюда, по заключеніи мира, что я вовсе не удивлюсь, если тоже самое произойдетъ и теперь.—Императоръ отвѣчалъ мнѣ, что если онъ, повидимому измѣнялъ свое мнѣніе, то это единственно потому, что онъ постоянно примѣшиваетъ къ этимъ дѣламъ господствующую мысль, трудно осуществимую, и что это-то затрудненіе постоянно его останавливаетъ. Онъ не присовокупилъ ничего положительнаго о конвенціи, но сказалъ мнѣ, что только что получилъ ее, видоизмѣненную, изъ Парижа. Говоря это, Императоръ

развернулъ, съ видомъ разсѣянности, депешу, лежавшую на столѣ, какъ-бы не зная, долженъ-ли онъ мнѣ ее показать, и сознавая, въ то время, какъ онъ вмѣстѣ со мною пробѣгалъ ее глазами, что содержаніе ея, вовсе не относившееся къ нашему разговору, могло дать мнѣ лишь невыгодное понятіе о почтительности къ нему Императора Французовъ. Дѣло въ томъ, что то была депеша г. Шампаньи къ г. Коленкуру, въ коей министръ писалъ послу, что онъ передалъ своему государю поздравленія Русскаго Императора по случаю его бракосочетанія: Наполеонъ былъ благодаренъ за это вниманіе своего союзника и друга и извѣщалъ, что пришлетъ безъ замедленія офицера, что-бы извѣстить его объ этомъ событіи.

Императоръ, нѣсколько смущенный, не читалъ далѣе и сложилъ депешу, сказавъ, что это неважно; что онъ, впрочемъ, получилъ другія депеши отъ г. Шампаньи, который продолжаетъ, все въ томъ-же тонѣ, повторять свои увѣренія относительно Польши, но что извѣстно, какую вѣру можно дать этимъ фразамъ, и что это не помѣшаетъ ему проводить тѣ мысли, которыя онъ мнѣ довѣрилъ.— Затѣмъ, я принялся читать мою бумагу. Императоръ прервалъ меня въ самомъ началѣ, говоря, что не только на случай войны, но и вообще, для того что-бы пріобрѣсти привязанность Поляковъ, онъ желаетъ для нихъ что нибудь сдѣлать. За тѣмъ онъ выслушалъ чтеніе записки, не произнося ни слова, но съ большимъ вниманіемъ. Лишь при концѣ, онъ прервалъ меня на томъ мѣстѣ, гдѣ было сказано, что самое благопріятное время для того, что-бы сдѣлать что-либо въ пользу Поляковъ, уже пропущено. «Вы конечно, когда писали это, думали о 1805 годѣ, сказалъ онъ, и о моемъ тогдашнемъ пребываніи въ Пулавахъ. Я самъ теперь вижу, что то была минута благопріятная, быть можетъ, единственная; тогда можно было сдѣлать легко то, что̀ теперь можно сдѣлать лишь съ большимъ трудомъ; но не слѣдуетъ забывать, что мы имѣли-бы противъ себя всю Прусскую армію.» Признаніе сдѣланной тогда ошибки, не разъ повторенное Императоромъ въ теченіи этого разговора, не позволило мнѣ настаивать.

Я удовольствовался отвѣтомъ, что другой весьма благопріятный случай представлялся во время послѣдней войны съ Австріею, что тогда Россія легко могла-бы добиться возстановленія Польши. «Это значило-бы подготовить окончательную гибель Австріи», сказалъ Императоръ. «Однако-же несомнѣнно, присовокупилъ я, что какой образъ дѣйствій въ то время былъ самый неразумный; ибо онъ нисколько не спасъ Австріи, которая оттого бросилась въ объятія Франціи; онъ возбудилъ неудовольствіе Наполеона и не принесъ никакой существенной выгоды Россіи.»

Окончивъ чтеніе, я еще разъ извинился въ томъ, что могъ представить лишь безсвязныя мысли безъ заключенія. Я не могъ, въ настоящее время, высказаться опредѣлительнѣе, ибо не зналъ что̀ дѣлается, не имѣлъ свѣдѣній о настроеніи, господствующемъ въ Польскихъ областяхъ. Лишь тамъ, на мѣстѣ, можно было-бы судить о пріемѣ, который могло-бы встрѣтить всякое предложеніе Россіи, и о способѣ, которымъ слѣдуетъ бороться противъ всесильнаго вліянія Наполеона.—«О! сказалъ Императоръ, и не находясь на мѣстахъ, не трудно знать, что̀ думаютъ въ областяхъ и

въ герцогствѣ; это можно выразить въ немногихъ словахъ: Поляки пойдутъ за самимъ чортомъ, если чортъ поведетъ ихъ къ возстановленію ихъ отчизны. Впрочемъ, продолжалъ Императоръ, я доволенъ тѣмъ, что Вы написали: это поможетъ моимъ размышленіямъ о предметѣ, такъ давно меня занимающемъ. Я придумывалъ разныя средства для осуществленія моихъ желаній и не дошелъ ни до чего удовлетворительнаго. Главное затрудненіе заключается въ томъ, какъ вознаградить Саксонскаго короля. Этого никакъ не сдѣлаешь, не обобравъ еще этого бѣднаго короля Прусскаго.»

Я замѣтилъ Е. В-ву, что главное затрудненіе заключается въ томъ, чтобы добиться согласія Франціи и что, по достиженіи этого пункта, все остальное сдѣлается легкимъ.—Императоръ сказалъ, что это всего труднѣе, потому что Наполеонъ, гораздо менѣе озабоченный благомъ Польши, чѣмъ возможностію пользоваться этою страною, какъ орудіемъ, въ случаѣ войны съ Россіею, заинтересованъ тѣмъ, что-бы настоящее положеніе дѣлъ не измѣнилось, для того что-бы имѣть подъ руками, въ случаѣ нужды, подготовленныя имъ средства. Что-же касалось до чувствъ жителей герцогства Варшавскаго, то Императоръ сознавался, впрочемъ, въ томъ, что, соображая обоюдныя силы двухъ державъ, таланты и опытность генераловъ и армій, и великія вѣроятности побѣды, имѣвшіяся во всякой войнѣ на сторонѣ Наполеона, Поляки не захотѣли-бы кинуться въ объятія Россіи, изъ опасенія лишиться плода усилій, производимыхъ ими съ столь долгихъ поръ. — Я выразилъ полное согласіе съ этимъ взглядомъ на вещи.— Тогда Императоръ изложилъ мнѣ подробно мысли, приходившія ему въ голову. Между прочими проэктами, онъ спросилъ меня, нельзя-ли завязать съ герцогствомъ мнимую войну, при которой, по взаимному соглашенію, Русскія войска могли-бы занять позиціи, въ коихъ, соединившись съ войсками Польскими, они могли-бы противустоять Французамъ; въ такомъ случаѣ, всѣ желанія Польши были-бы удовлетворены.—Трудности исполненія этого проэкта были слишкомъ очевидны, не говоря уже о его причудливости, и во всякомъ случаѣ, это опять таки была война съ Наполеономъ, при весьма ненадежныхъ вѣроятностяхъ.

Дѣлая обзоръ всѣхъ этихъ плановъ, Императоръ вдругъ спросилъ меня, нельзя-ли достичь желаннаго результата, допустивъ образованіе Польскаго королевства изъ герцогства и изъ Галиціи и позволивъ подданнымъ Польскихъ областей Россіи поступать тамъ на службу, какъ въ своей родинѣ. — Такъ какъ эта мысль меня удивила, то Императоръ присовокупилъ, что Поляки, такимъ образомъ удовлетворенные, не будутъ больше имѣть поводовъ враждовать съ Россіею и станутъ спокойнѣе; что Франція, когда не будетъ болѣе этого яблока раздора между нею и Россіею, лишится повода къ войнѣ противъ нея; что это, однимъ словомъ, значило-бы прибѣгнуть къ ампутаціи и пресѣчь зло, на мѣсто того, чтобы его замазывать. Тонъ Е. В-ва заставилъ меня предположить, что эта мысль могла быть ему внушена Французскимъ посломъ; что, словомъ, объ этомъ была рѣчь и что Императоръ, во избѣжаніе худшаго, былъ бы не прочь согласиться на это предположеніе, обстановивъ его приличными предлогами. Впрочемъ, это одно лишь предположеніе.

Императоръ кончилъ тѣмъ, что обѣщалъ мнѣ еще заняться этими мыслями и пригласилъ меня, съ своей стороны, искать нити, которая вела-бы къ цѣли.—Я отвѣчалъ, что я далекъ отъ желанія охладить добрыя намѣренія Е. В-ва, но что откровенно сознаюсь, я не знаю, какъ за это приняться; что по моему мнѣнію мѣры, предложенныя въ запискѣ, представленной мною Императору, суть единственныя, которыя могутъ быть приняты немедленно; что я смотрю на этотъ годъ, какъ на важную эпоху, что онъ не можетъ истечь не принесши съ собою событій важныхъ, болѣе важныхъ и рѣшительныхъ, чѣмъ всѣ видѣнныя нами до тѣхъ поръ. Императоръ прервалъ меня и сказалъ, тономъ глубокаго убѣжденія, что онъ не думаетъ, что-бы это было въ нынѣшнемъ году, ибо Наполеонъ слишкомъ занятъ своею женитьбою; но что онъ ожидаетъ кризиса на будущій годъ. «Теперь Апрѣль мѣсяцъ, сказалъ онъ; и такъ это будетъ черезъ девять мѣсяцовъ.» При этихъ словахъ, и вообще во время всего разговора, у Императора былъ взглядъ неподвижный и строгій, напомнившій мнѣ напряженное выраженіе его глазъ въ эпоху Аустерлица. Онъ имѣлъ видъ разочарованный и унылый. Я замѣтилъ въ немъ сильное безпокойство и желаніе, какъ-бы то ни было, уладить Польскія дѣла, сдѣлавъ для этого все возможное съ своей стороны. Онъ, не разъ, какъ бы признавалъ себя передо мною неправымъ, высказывая, безъ вызова съ моей стороны, что 1805 годъ былъ самымъ благопріятнымъ для осуществленія его плана. — Не знаю, было ли то его убѣжденіе или онъ выражался такъ, что-бы мнѣ польстить.

И такъ, я оставилъ Е. В-во, совершенно неувѣренный въ томъ, что можетъ произойти.

ПЕРЕПИСКА.

VIII.

Кн. А. Чарторыжскій къ Императору.

Вильна, 12 Янв. 1810.

Государь! Со времени пріѣзда моего въ Вильну, я не переставалъ заниматься Университетомъ и всѣмъ тѣмъ, что можетъ повести къ усовершенствованію въ немъ преподаванія всѣхъ отраслей наукъ.

Вашему И. В-ву извѣстно, что Правленіе Училищъ выработало проэктъ, стремящійся опредѣлить окончательно управленіе фондами, присвоенными Университету и его округу. Проэктъ этотъ, представленный уже болѣе шести мѣсяцовъ тому назадъ, до сихъ поръ остается безъ дѣйствія: онъ былъ перенесенъ въ Совѣтъ и находится въ секціи финансовъ. Одно слово В. И. В-ва можетъ теперь дать этому дѣлу благопріятный исходъ.

Вы соблаговолите припомнить, Государь, что этотъ предметъ былъ признанъ однимъ изъ тѣхъ, которые могутъ произвести въ этой странѣ спасительное впечатлѣніе. Съ тѣхъ поръ, какъ я нахожусь здѣсь, я еще болѣе убѣдился въ своевременности этой мѣры и въ дурныхъ послѣдствіяхъ, которыя произошли-бы, если-бы общія желанія и ожиданія по этому предмету были обмануты. Фонды, на которыя содержатся Университетъ и школы этихъ областей, составились изъ давнишнихъ и недавнихъ пожертвованій здѣшняго дворянства. В. И.

В-во торжественно присвоили эти фонды тому-же общеполезному назначенію, и на основаніи этой гарантіи они и были увеличены новыми дарами. Однако-же, если-бы упомянутый проэктъ не былъ принятъ, благодѣтельныя намѣренія В. И. В-ва тѣмъ самымъ подверглись бы противорѣчію и не возъимѣли-бы дѣйствія, и дѣло народнаго образованія и его усовершенствованія въ этихъ областяхъ вскорѣ бы рушилось, вмѣстѣ съ полезными учрежденіями, съ нимъ связанными.

Я только что получилъ письмо отъ г. министра народнаго просвѣщенія, извѣщающее меня, что министръ финансовъ хочетъ предписать выдачу суммъ, слѣдующихъ Университету—ассигнаціями. Эта мѣра, если-бы она была проведена, была-бы истиннымъ бѣдствіемъ, разорила-бы всѣхъ профессоровъ и имѣла-бы для области гибельныя послѣдствія. Огромное количество кредитныхъ билетовъ, которое наводнило-бы Университетъ и городъ, заставило-бы пасть цѣнность билетовъ гораздо ниже, чѣмъ она стоитъ теперь. Остальныя деньги исчезли-бы изъ обращенія, которое нынѣ оживляется единственно звонкою монетою, издерживаемою Университетомъ. Конфирмаціонный актъ, подписанный В. В-вомъ, статуты, Вами утвержденные, обезпечиваютъ за всѣмъ личнымъ составомъ Университета жалованіе звонкою монетою. Контракты съ профессорами были заключены въ виду этого обстоятельства, и въ этой увѣренности приняли они на себя обязательство служить. Банковые билеты не имѣютъ здѣсь хода для удовлетворенія ежедневнымъ потребностямъ, и на рынкѣ нельзя ничего купить иначе, какъ на звонкую монету; курсъ этихъ билетовъ впрочемъ и трудно было-бы опредѣлить, ибо онъ вѣроятно будетъ падать при всякой выдачѣ жалованія, произведенной ассигнаціями; и такъ, потеря постепенно и постоянно будетъ становиться все значительнѣе, какъ для личностей, такъ и для области и для казны, не говоря о томъ, что Университетъ непремѣнно разстроится вслѣдствіе подобной мѣры.

Между тѣмъ какъ эту область хотятъ наводнить ассигнаціями, казна требуетъ, что-бы всѣ налоги въ ней вносились монетою. Откуда ее взять? Могу удостовѣрить В. В-во въ томъ, что уже есть землевладѣльцы, продающіе свои земли, потому что они не могутъ справиться съ налогами, вдвое или втрое превышающими тѣ, которые взимаются во всей остальной Имперіи.

Многіе другіе землевладѣльцы подверглись секвестру имуществъ за недоимки въ налогахъ, и противъ нихъ поступаютъ съ крайнею строгостію.

Всѣ сборы, со включеніемъ косвенныхъ, каковы плата за пересылку писемъ, гербовая бумага, пріемъ рекрутовъ и т. д. взимаются деньгами не по курсу, а по номинальной цѣнѣ что̀ увеличиваетъ тягости приблизительно въ той-же пропорціи, какъ падаютъ ассигнаціи и какъ уменьшаются средства. Злоупотребленія, въ особенности при пріемѣ рекрутовъ, повидимому весьма тягостны; для того, что-бы могъ быть выбранъ одинъ человѣкъ, нужно приводить ихъ шесть, семь и до десяти, что̀ значительно увеличиваетъ издержки; ни одинъ не принимается безъ значительнаго вознагражденія чиновкамъ.

По всѣмъ даннымъ, сумма денегъ, обращающихся въ области, не равняется суммѣ наложеннаго сбора; вѣрно

то, что Литва находится въ плачевномъ положеніи, настоятельно требующемъ, что-бы В. В-во обратили на нее Ваше отеческое вниманіе.

Взиманіе податей находится въ томъ-же положеніи, какъ и въ остальной Имперіи. Что же касается до народнаго образованія, то Ваша поддержка, Государь, противъ рѣшенія министра финансовъ, которое обратило-бы въ ничто благодѣянія и привилегіи, Вами дарованныя, и утвержденіе проэкта представленнаго Правленіемъ Училищъ, вотъ о чемъ я нынѣ смѣю ходатайствовать передъ В. И. В-вомъ.

Соблаговолите, Государь, быть ходатаемъ за эту страну передъ собственнымъ Вашимъ правительствомъ, ибо никто, конечно, не приметъ въ ней участія; найдется, напротивъ того, много людей, желающихъ повредить ей и притѣснить ее, и однако-же, изъ какого-бы ни исходили начала, какимъ-бы ни предавались гаданіямъ на счетъ будущаго, не думаю, что-бы В. В-ву оказывали услугу, давая Вамъ совѣты, слѣдованіе коимъ могло-бы разорить значительную часть Вашего государства и отвратить отъ Васъ сердца его жителей.

Въ послѣднемъ разговорѣ, коимъ осчастливили меня В. И. В-во, я забылъ предложить на Ваше разсмотрѣніе, что, во время моего пребыванія въ Пулавахъ, мнѣ вѣроятно придется съѣздить въ Варшаву.

Соблаговолите, Государь, не оставлять меня своею прежнею милостію и вѣрить ненарушимой привязанности, столь давно питаемой мною къ особѣ В. И. В-ва, и моимъ непрестаннымъ молитвамъ о Вашемъ благополучіи.

IX.

Кн. А. Чарторыжскій къ Императору.

Пулавы. 15 (27) Ноября 1810.

Только что дошло до меня извѣстіе о коммиссіи, назначенной В. И. В-вомъ для Кременецкой гимназіи. Вы легко поймете, какъ глубоко я былъ ею огорченъ. Эта мѣра, повидимому, направлена противъ г. Чацкаго, какъ лица, попеченіями коего возникло и процвѣтало это заведеніе; но какъ мнѣ скрыть отъ себя, что, въ сущности, она настолько-же направлена и противъ меня, который, въ качествѣ попечителя, обязанъ наблюдать за всѣмъ и отвѣчать за все, что происходитъ въ округѣ, который постоянно содѣйствовалъ трудамъ г. Чацкаго, доставилъ имъ одобреніе В. И. В-ва и не переставалъ отдавать имъ передъ Вами должную справедливость. — Не знаю, кто тѣ лица, которыя въ своихъ доносахъ могли присвоить себѣ наименованіе Волынскаго дворянства; но во всякомъ случаѣ трудно предполагать въ нихъ намѣренія чистыя, любовь къ истинѣ и къ общему благу. Безукоризненность характера г. Чацкаго слишкомъ хорошо извѣстна, что-бы могли заподозрить его въ какомъ бы то ни было отношеніи. Его неутомимые труды были увѣнчаны удивительнымъ успѣхомъ. Добыть столь значительные фонды и создать училище, которое, по богатымъ коллекціямъ, коими оно владѣетъ, по профессорамъ, входящимъ въ его составъ, по различнымъ заведеніямъ, съ нимъ связаннымъ, по числу обучающихся въ немъ студентовъ, можетъ считаться одною изъ лучшихъ школъ, существующихъ въ какой бы то ни было странѣ; сдѣлать

все это въ столь короткое время — дѣйствительно отзывалось чудомъ, и лишь г. Чацкій былъ способенъ совершить это чудо своимъ терпѣніемъ, своею крайнею настойчивостію, своею совершенною преданностію этому единственному дѣлу, всеобщимъ довѣріемъ, внушаемымъ его характеромъ и его свѣдѣніями. В. И. В-во увидите, что Волынь не допуститъ, что-бы ея именемъ прикрывалась эта клевета, напротивъ того захочетъ смыть съ себя пятно, которое моглобы на ней остаться, и поспѣшитъ блистательно засвидѣтельствовать свое уваженіе къ согражданину, заслуги коего она еще недавно пожелала почтить медалью, которую В. В-во и позволили выбить съ этою цѣлью.

Я не сомнѣваюсь, что Чацкій дастъ побѣдоносный отвѣтъ на всѣ обвиненія, коими пытаются его осыпать. Факты очевидны и сами собою говорятъ въ его пользу. Но, Государь, — сердце В. В-ва создано для того, чтобы это почувствовать, — печально видѣть, что человѣкъ, не имѣвшій иныхъ помышленій, какъ благо своихъ ближнихъ, который посвятилъ оному свое существованіе въ такой мѣрѣ, что совершенно пренебрегъ собственными дѣлами, подвергается доносамъ, непріятностямъ и затрудненіямъ въ воздаяніе за дѣятельность, дающую ему столько правъ на уваженіе; что онъ вынужденъ отдавать отчеты передъ собраніемъ людей, совершенно чуждыхъ предмету, о коемъ судить имъ приходится, и предсѣдатель коего давно дурно расположенъ противъ него и постоянно старался ему противодѣйствовать.

Справедливость и намѣренія В. И. В-ва извѣстны мнѣ лучше, чѣмъ кому-либо. Но повѣрьте, Государь, что на этотъ разъ они были обмануты, и что Вы поступили въ противность своимъ отеческимъ желаніямъ. — Волынская гимназія, помѣщенная въ Кременцѣ, была утверждена дипломомъ, подписаннымъ рукою В. И. В-ва; этимъ упразднился всякій вопросъ о мѣстѣ, гдѣ всего приличнѣе ее устроить. В. В-во сдѣлали невозможнымъ возбужденіе вновь этого вопроса дарованіемъ этой гимназіи Кременецкаго староства, съ предписаніемъ основать въ немъ со временемъ опытную ферму. Фонды, употребленные на обзаведеніе училища, уже существующаго въ Кременцѣ, зданія, съ великими издержками возведенныя и устроенныя, все это погибнетъ, если-бы гимназію пришлось перевести въ иное мѣсто. Гдѣ найти новые фонды для того, что-бы съ новою потерею времени начать сызнова то-же дѣло, и зачѣмъ начинать сызнова, когда оно уже сдѣлано, и все идетъ хорошо? Какимъ образомъ могутъ заведенія дойти до какой-либо степени совершенства, если имъ не даютъ времени окрѣпнуть и если измѣняютъ ихъ устройство, какъ только они начинаютъ процвѣтать?

В. В-во можете быть увѣрены, что какъ только Вы захотите перевести Кременецкую гимназію въ иное мѣсто, или отъимете у нея ея теперешняго начальника, это заведеніе упадетъ и не будетъ въ силахъ подняться. Въ томъ и въ другомъ случаѣ, бо̀льшая часть жертвователей возмутъ назадъ свои фонды, присвоенные ими гимназіи лишь подъ непремѣннымъ условіемъ, что-бы она была устроена въ Кременцѣ и что-бы распоряженіе ея средствами было ввѣрено г. Чацкому, что̀ прямо и оговорено въ дипломѣ.

Что̀ касается до меня, то не могу скрыть отъ себя, что, безъ малѣйшаго участія попечителя, надъ главною

послѣ университета школою Виленскаго округа было наряжено слѣдствіе; что слѣдственной коммиссіи поручено разсмотрѣть уставъ Кременецкой гимназіи и способъ, коимъ онъ выполняется, что эта коммиссія должна судить о томъ, хорошо ли выбрано мѣсто школы, хорошо-ли въ ней устроено преподаваніе, распорядиться на счетъ полиціи, преподаванія, отчетности—предметовъ, непосредственно подлежащихъ распоряженію и надзору попечителя; предметовъ, которые всѣ были приведены имъ въ устройство, утверждены по его представленію и коими онъ занялся спеціально со всѣмъ усердіемъ и вниманіемъ, коихъ они заслуживаютъ; что наконецъ, вслѣдствіе обзора сдѣланнаго мною недавно на мѣстахъ, я отдалъ самый удовлетворительный отчетъ о цвѣтущемъ состояніи этой школы; что этотъ отчетъ, о коемъ упоминали мѣстныя газеты, опровергается и объявляется лишеннымъ всякаго значенія относительно предполаемыхъ мѣръ.

Со времени учрежденія министерства народнаго просвѣщенія, это первый примѣръ коммиссіи такого рода, подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго губернатора, назначенной для того, чтобы ревизовать и преобразовать учебное заведеніе. — Всѣ эти сближенія по необходимости заставляютъ заключить, что Виленскій попечитель имѣлъ несчастіе лишиться довѣрія правительства, и что даже хотѣли дать ему это почувствовать. Позвольте мнѣ, Государь, въ подтвержденіе этого убѣжденія, напомнить вамъ — отмѣну указа о Базиліанахъ и неуспѣхъ, коему подверглись, съ тѣхъ поръ, разные проэкты, относящіеся къ Виленскому округу, которые я осмѣлился представить и которые до сихъ поръ не имѣютъ ни малѣйшаго дѣйствія.

И такъ, при этихъ обстоятельствахъ, полагаю, что поступаю, какъ слѣдуетъ, умоляя В. И. В-во даровать мнѣ полную отставку отъ службы.

В. В-во, быть можетъ, найдете, что я придаю слишкомъ много важности предмету, который вообще считается лишь второстепеннымъ; но Вамъ не безъизвѣстно, что для меня онъ всегда былъ предметомъ первой важности; при томъ, по службѣ, это единственная возложенная на меня дѣятельная обязанность.

Сочетаніе многихъ причинъ, мое здоровье, которое, до сихъ поръ не можетъ поправиться, моя привязанность къ моей семьѣ, ея крайне разстроенныя дѣла, видъ политическихъ обстоятельствъ, коихъ затруднительность всегда меня страшила, давно заставляютъ меня желать удаленія отъ службы. Поступилъ я на нее лишь по личной моей преданности къ В. И. В-ву. Вамъ однимъ хотѣлъ я служить. Чувства, подвинувшія меня къ тому, никогда не измѣнятся. Льщу себя даже надеждою, что и В. И. В-во соблаговолите сохранить ко мнѣ, въ частныхъ сношеніяхъ, долю той милости, коей Вы въ прежнее время меня удостоивали. Но относительно общественной службы -- дѣло иное; я слишкомъ окончательно и глубоко убѣжденъ въ томъ, что въ ней я не могу болѣе принести никакой пользы В. И. В-ву. По этому, я долженъ желать возвращенія къ положенію, изъ коего мнѣ никогда не слѣдовалобы выходить, и Вы довершите, Государь, рядъ милостей, коими Вы меня осыпали, если, не лишая меня оныхъ, Вы соблаговолите даровать мнѣ отставку.

Простите мнѣ, Государь длинноту этого посланія и скуку, которую оно наведетъ на В. И. В-во. Въ те-

ченіи долгихъ лѣтъ, Вы не отказывались читать даже въ самыхъ сокровенныхъ глубинахъ моего сердца. Я не могъ воздержаться отъ того, чтобы не изобразить Вамъ здѣсь мои волненія и мои воззрѣнія со всею тою откровенностію, которая, по неизмѣннымъ моимъ къ Вамъ чувствамъ и долгой привычкѣ, сдѣлалась для меня и потребностію, и долгомъ.

Если, Государь, Вы будете столь милостивы, что снизойдете на мое прошеніе о полной отставкѣ, осмѣлюсь присовокупить къ нему просьбу относительно выбора лица, которое получитъ мѣсто попечителя въ Вильнѣ. Никто не былъ-бы къ тому способнѣе самаго г. Чацкаго. Если онъ, въ чемъ я не сомнѣваюсь, оправдается во взведенныхъ на него обвиненіяхъ, назначеніе его попечителемъ было-бы единственнымъ средствомъ исправить причиненное ему зло. Если-же однако г. Чацкій не удостоится мѣста, на которое онъ имѣетъ полное право въ силу заслугъ своихъ по округу, я-бы предложилъ г Огинскаго, коимъ В. В-во, повидимому, довольны и къ коему Вы оказали благосклонность.

Уже три мѣсяца тому назадъ, я писалъ къ В. В-ву, умоляя Васъ даровать мнѣ продолженіе моего отпуска. Хотя, до сихъ поръ, я еще не получалъ на этотъ счетъ никакого отвѣта, однако, полагаясь на данное Вами мнѣ слово, я продлилъ мое здѣсь пребываніе и приготовился къ предполагаемому путешествію за границу, которое я хотѣлъ-бы предпринять немедленно. Если-бы В. И. В-во не захотѣли продлить моего отпуска, Вы-бы меня о томъ предупредили, зная, что Ваше обѣщаніе, въ минуту моего отъѣзда, должно было внушить мнѣ величайшую увѣренность въ продолженіи отпуска, и что я долженъ былъ считать оное несомнѣннымъ, прежде даже чѣмъ о томъ получилъ подлинное извѣстіе.

Соблаговолите, Государь, довести до моего свѣдѣнія Ваши рѣшенія, для того что-бы я не впалъ въ вину по незнанію. Снисходя на просьбу, нынѣ повергаемую мною къ стопамъ Вашимъ, В. В-во однимъ почеркомъ пера положите конецъ всѣмъ моимъ безпокойствамъ

Я былъ-бы въ отчаяніи, если-бы эта просьба возбудила неудовольствіе В. И. В-ва. Я, признаюсь въ томъ, былъ печально пораженъ Вашимъ рескриптомъ на счетъ Кременца. Вы сами осудили-бы меня, если-бы я былъ способенъ имъ не встревожиться. Но, Государь, въ эту минуту, соблаговолите не считать мою просьбу за дѣйствіе мгновенной досады, которой я не могъ-бы себѣ простить. Соблаговолите взвѣсить сочетаніе всѣхъ причинъ, изложенныхъ мною выше, и настояніе моихъ родителей о томъ, что-бы я женился, и мое одиночество въ Петербургѣ, и тысячу иныхъ причинъ, извѣстныхъ В. В-ву. Тогда Вы придадите моему шагу его истинную цѣну и увидите въ немъ послѣдствіе множества частныхъ обстоятельствъ, въ сочетаніи съ пріобрѣтеннымъ мною глубокимъ убѣжденіемъ въ томъ, что я уже не нуженъ и что я не могу болѣе принести никакой пользы службѣ. Какъ только я буду извѣщенъ о рѣшеніяхъ В. В-ва, кои я предполагаю для меня благопріятными, я выѣду прямо отсюда, что-бы посѣтить Швейцарію и незнакомыя мнѣ части Италіи, и что-бы наконецъ воспользоваться водами и купаніями, въ коихъ я нуждаюсь и коими мнѣ не удалось воспользоваться въ теченіи трехъ лѣтъ. Вотъ уже приблизительно десять дней, какъ я вернулся изъ

Варшавы, гдѣ я провелъ три недѣли. Тамъ крайняя бѣдность какъ въ деньгахъ, такъ и вѣстяхъ. Будущность здѣсь совершенно темна, живутъ со дня на день, при большомъ недостаткѣ въ звонкой монетѣ и въ ожиданіи измѣненія къ лучшему: какого и откуда, никому не извѣстно.

Герцогъ Людовикъ Виртембергскій, весьма неосторожно и не слушая ничьихъ совѣтовъ, остановился въ Варшавѣ въ ожиданіи сына, который поѣхалъ провести недѣлю съ своею матерью въ Пулавахъ. Кредиторы герцога собрались, что-бы потребовать уплаты; правосудіе пошло своимъ путемъ и, не смотря на всѣ приложенныя старанія, герцогъ нашелъ себя вынужденнымъ оставить городъ. Сынъ его уѣхалъ въ Штутгартъ и Дрезденъ, для того что-бы уладить это прискорбное и несчастное дѣло.

Въ заключеніе, не стану говорить съ В. И. В-вомъ о чувствахъ, привязывающихъ меня къ Вашей особѣ; этотъ предметъ завлекъ-бы меня слишкомъ далеко, если-бы я хотѣлъ выразиться о немъ такъ, какъ я чувствую, а это письмо уже слишкомъ длинно. Мои чувства остались тѣми-же, какими Вы ихъ знали съ первыхъ временъ, когда я имѣлъ счастіе къ Вамъ приблизиться, и эти чувства на всегда неизгладимы. Остаюсь, и т. д.

X.

Князь А. Чарторыжскій къ Императору.

1810.

Государь, Коммиссія, назначенная для обревизованія Кременецкой гимназіи, только что окончила свое слѣдствіе. Заключенія ея благопріятны для заведенія и почетны для г. Чацкаго. Проэктъ перенесенія гимназіи въ какое либо иное мѣсто, который коммиссія повидимому не хотѣла отвергнуть безусловно, однако-же ею самою признанъ неисполнимымъ. Таковъ онъ и въ самомъ дѣлѣ, и для того, что-бы его осуществить, нужно было-бы сдѣлаться врагомъ и истребителемъ всего, что до сихъ поръ было сдѣлано въ Польскихъ областяхъ на пользу народнаго образованія. Трудъ этотъ вѣроятно будетъ повергнутъ на усмотрѣніе В. И. В-ва. Соблаговолите, Государь, принимая его къ свѣдѣнію, дать свободную волю извѣстнымъ Вашимъ чувствамъ справедливости и благости. Соблаговолите, высказывая ихъ, упрочить превосходное учрежденіе, которое составитъ эпоху въ области, въ коей оно возникло, и вознаградите человѣка добродѣтельнаго, напрасно оклеветаннаго и заслуживающаго со стороны В. В-ва покровительства и поощренія.

Знакъ Вашей благосклонности, Государь, во всякомъ случаѣ драгоцѣнный, былъ-бы еще драгоцѣннѣе нынѣ, какъ вознагражденіе за вредъ, который хотѣли причинить г. Чацкому въ Вашемъ мнѣніи, и какъ средство изгладить опасенія публики на счетъ заведенія, на которое она сдѣлала столько значительныхъ пожертвованій.

Знаю, до какой степени В. И. В-во обязаны быть бережливымъ на Ваши дары; однакоже, если–бы была возможность помочь г. Чацкому (который разорился, оттого что думалъ только о благѣ созданныхъ имъ заведеній и забывалъ о собственныхъ своихъ дѣлахъ) то теперь была-бы та минута, въ которую этотъ актъ справедливости и публичной благодарности могъ-бы быть совершенъ наибо-

лѣе кстати для правительства. Я говорю справедливости, ибо значительные убытки, понесенные имъ при секвестрѣ его имѣній и конфискаціи Острога, между тѣмъ какъ на немъ осталась тяжесть долговъ, лежащихъ на этомъ имѣніи, уполномочиваютъ меня къ этому выраженію.

Позвольте, Государь, что-бы я тутъ привелъ Вамъ на память дѣло объ едукаціонныхъ фондахъ, такъ давно залежавшееся въ Совѣтѣ. Особое управленіе надъ этими фондами необходимо для того, что-бы они были сохранены, увеличены и употреблены по назначенію. Я доказалъ, въ запискѣ, представленной по этому предмету, что, безъ этого особаго управленія, никогда не будетъ ни порядка, ни прочности въ управленіи этими фондами, ни возможности удовлетворять потребностямъ школъ и производить требуемыя улучшенія. Вся область объ этомъ ходатайствуетъ, Государь; она въ этомъ ищетъ мѣрки расположенія къ ней правительства; землевладѣльцы видятъ въ этомъ гарантію пожертвованій, какъ сдѣланныхъ ихъ предками, такъ и въ недавнее время, и тѣхъ, которыя они еще собираются принести на благо будущихъ поколѣній. Соблаговолите, Государь, уступить сочетанію столькихъ побужденій, въ коемъ сошлись общественная польза, благотворительность, справедливость и даже политика.

Вотъ уже болѣе полутора года, какъ это дѣло тянется и не приходитъ къ концу. Скоро будетъ годъ тому, какъ я изъ Вильны послалъ министру проэктъ особаго устава для университета, составленный на мѣстѣ, съ большимъ тщаніемъ и вниманіемъ. Другіе предметы, необходимые и полезные, каковы постройка библіотеки, устройство коллегіи для бѣдныхъ студентовъ въ Вильнѣ и въ Кременцѣ, также остаются безъ разрѣшенія.

Никогда не посмѣлъ-бы я утруждать В. В-во этими подробностями, если-бы не опасеніе, что мое отсутствіе повредитъ дѣламъ округа, коего я имѣю честь быть попечителемъ. Это опасеніе заставляетъ меня простирать смѣлость до того, что-бы просить В. В-во принять эти дѣла, если возможно, подъ особое Ваше покровительство, благодѣтельное дѣйствіе коего долго имѣлъ счастіе на себѣ испытывать Дерптскій университетъ.

XI.

Императоръ къ князю А. Чарторыжскому.

Петербургъ, 25 Декабря 1810.

Я получилъ Ваше письмо отъ 15 (27) Ноября, любезный другъ, и не скрою отъ Васъ, что оно очень меня огорчило. Вы хотите прервать единственную оффиціальную связь, существующую между нами, и послѣ пятнадцатилѣтней близости, которой не могли измѣнить никакія обстоятельства, мы сдѣлаемся другъ другу чуждыми, если не по чувствамъ, то по служебнымъ отношеніямъ. Вотъ мысль, къ которой мнѣ трудно привыкнуть, въ особенности въ моментъ, когда, какъ я думалъ, наша близость и наши отношенія примутъ размѣры, имъ подобающіе. Но не хочу смѣшивать предметовъ и предоставляю себѣ поговорить съ Вами объ этомъ ниже. Хочу сперва покончить съ этимъ несчастнымъ дѣломъ о гимназіи. Никогда не имѣлъ я ни малѣйшаго намѣренія причинить Вамъ огорченіе, и Вы взглянули на все дѣло съ точки

зрѣнія совершенно несогласной съ истиннымъ его смысломъ. Ваши соотечественники одни подали поводъ ко всему этому дѣлу, жалуясь на то, что мѣстность Кременца дурно выбрана для гимназіи, что близость Австрійской границы слишкомъ облегчаетъ студентамъ побѣги и другія шалости. Между этими лицами находились и предводители дворянства, и всѣ просили, что-бы пункты, на которые они жалуются, подверглись разсмотрѣнію. Лишь послѣ неоднократныхъ прошеній такого рода была назначена эта коммиссія.

Впрочемъ я былъ далекъ отъ мысли о какомъ-либо перемѣщеніи или измѣненіи въ организаціи гимназіи, и мое намѣреніе было, по полученіи донесенія комиссіи, не приступать ни къ чему, не посовѣтовавшись съ Вами. И такъ Вы видите, что все это дѣло не стоило того, что-бы Вы огорчились и приняли рѣшеніе, которое кажется мнѣ столь мало сообразнымъ съ обстоятельствами минуты. Вотъ мы и дошли до предмета, коего я коснулся выше.

Настоящія обстоятельства кажутся мнѣ весьма важными. Мнѣ кажется, что пришла минута доказать Полякамъ, что Россія не есть ихъ врагъ, но скорѣе ихъ истинный, естественный другъ; что, не смотря на то, что имъ представляютъ Россію, какъ единственное препятствіе, существующее къ возстановленію Польши, нѣтъ напротивъ невѣроятности въ томъ, чтобы именно она-то его не осуществила. То что я Вамъ говорю, быть можетъ, удивитъ Васъ; но повторяю, ничто не можетъ быть вѣроятнѣе, и обстоятельства кажутся мнѣ изъ самыхъ благопріятныхъ для развитія мысли, которая прежде была моею любимою мыслію, которую я два раза долженъ былъ отстрочить подъ давленіемъ обстоятельствъ, но которая тѣмъ не менѣе запала мнѣ въ душу. Никогда не представлялось къ тому болѣе удобной минуты; но, прежде чѣмъ пойти далѣе, я хотѣлъ-бы, что-бы Вы отвѣчали мнѣ по пунктамъ, съ величайшею подробностью, на вопросы, которые считаю нужнымъ предложить Вамъ, прежде чѣмъ приступить къ исполненію моего плана.

1-е. Имѣете-ли Вы достаточно вѣрныя данныя на счетъ настроенія умовъ въ герцогствѣ Варшавскомъ, и въ этомъ случаѣ,

2-е. Имѣете ли Вы основаніе думать, что Варшавцы схватятся съ жадностію за всякую *увѣренность* (говорю не *вѣроятность*, а увѣренность) своего возрожденія.

3-е. Схватятся-ли они за нее, откуда-бы она ни пришла и присоединятся-ли они ко всякой державѣ, безъ разбора, которая захотѣла-бы войти въ ихъ интересы съ искреннимъ сочувствіемъ? Само собою разумѣется, что провозглашеніе ихъ возстановленія будетъ предшествовать ихъ соединенію и докажетъ искренность принятаго относительно ихъ образа дѣйствій, или

4-е. Имѣете-ли Вы скорѣе поводъ предполагать, что существуютъ разныя партія, и что, поэтому

5-е. Нельзя расчитывать на соединеніе всѣхъ воль для того, что-бы поспѣшно схватиться за первый случай, который имъ представится къ возстановленію Польши?

6-е. Каковы эти партіи? Равно-ли онѣ значительны, и кто лица, которыхъ можно считать ихъ главами?

7-е. Эти партіи существуютъ-ли также въ арміи, или сію послѣднюю слѣдуетъ считать болѣе единою по мнѣніямъ и по чувствамъ?

8-е. Какое лицо, между военными, имѣетъ наибольшее вліяніе на мнѣнія въ арміи?

Таковы важнѣйшіе изъ вопросовъ, которые считаю нужнымъ предложить Вамъ въ эту минуту. Какъ только я получу Ваши отвѣты, я еще болѣе откроюсь передъ Вами.

Что̀ касается до этого письма, то если Вы подумаете, что оно написано для того, что-бы вліять на умы, и быть распространеннымъ подъ рукою, то Вы совершенно не достигнете цѣли, которую я себѣ поставилъ, и на счетъ его содержанія должна быть соблюдена ненарушимая тайна. Полагаю, что достаточно знаю Ваши ко мнѣ чувства, что-бы съ довѣріемъ положиться на Вашу осторожность. Впрочемъ предметъ, о которомъ идетъ рѣчь, слишкомъ долженъ интересовать Васъ, для того что-бы я не былъ увѣренъ въ стараніи, которое Вы приложите къ тому, что-бы не испортить дѣла, которому Ваша родина будетъ обязана своимъ возрожденіемъ, Европа своимъ избавленіемъ, а Вы лично славою и наслажденіемъ, которыя принесетъ Вамъ содѣйствіе оному, чѣмъ Вы докажете, что все Ваше личное поведеніе было послѣдовательно, и что тѣ изъ Вашихъ, которые разсчитывали на Васъ въ прежнее время, не ошиблись въ своихъ ожиданіяхъ. Если Вы мнѣ поможете, и если свѣдѣнія, которыя Вы сообщите мнѣ, будутъ такого свойства, что подадутъ мнѣ надежду на единодушное содѣйствіе Варшавцевъ, въ особенности арміи, къ возстановленію ихъ родины, отъ куда-бы ни пришла помощь, въ такомъ случаѣ успѣхъ, съ Божіею помощью, не подлежитъ сомнѣнію: ибо онъ основанъ не на надеждѣ найти противовѣсъ талантамъ Наполеона, но единственно на недостаткѣ силъ, коимъ онъ будетъ страдать, въ сочетаніи со всеобщимъ ожесточеніемъ умовъ противъ него во всей Германіи. Прилагаю тутъ небольшой списокъ вспомогательныхъ силъ, коими будутъ располагать обѣ стороны.

Вотъ, что̀ я имѣлъ Вамъ сказать. Обдумайте хладнокровно всю важность моихъ сообщеній. Подобная минута не повторяется; всякая другая комбинація приведетъ лишь къ безконечной борьбѣ, на жизнь и смерть, между Россіею и Франціею, борьбѣ, поприщемъ коей будетъ Ваша несчастная родина. И такъ какъ поддержка, на которую начнутъ разсчитывать Поляки, связана лишь съ личностію Наполеона, который однако не вѣченъ, то въ случаѣ перемѣны личности произошли-бы гибельныя для Польши послѣдствія, между тѣмъ какъ существованіе Вашей родины будетъ упрочено немедленно, когда сочетаніемъ Россіи съ державами, которыя неминуемо къ ней присоединятся, нравственная сила Франціи будетъ опрокинута, и Европа освобождена отъ ея ига. Въ настоящее время прошу Васъ только о слѣдующемъ:

1-е. О подробномъ и быстромъ отвѣтѣ на содержаніе моего письма.

2-е. Если мои мысли кажутся Вамъ заслуживающими вниманія, то быть можетъ Вы могли-бы *вступить въ разговоръ* съ тѣми изъ вліятельныхъ лицъ, съ коими Вы близки и въ коихъ вы признаете истинную привязанность къ родинѣ, *стоящую выше* всякихъ чужеземныхъ вліяній.

Непремѣнно *дѣлать это* лишь съ тѣми лицами, въ содѣйствіи коихъ есть *настоятельная нужда*.

Съ этою цѣлію, Вы могли-бы

1-е. Сказать, безъ особеннаго ударенія, что Вы получили изъ Россіи неограниченный отпускъ, для того что-

бы путешествовать и поправить Ваше здоровье.

2-е. Что это путешествіе Вы совершите лѣтомъ.

3-е Что для необходимыхъ приготовленій Вы ѣдете въ Варшаву. Тамъ Вы лучше можете судить о томъ, на сколько Вы можете направить мнѣніе вліятельныхъ лицъ, принадлежащихъ къ Вашему управленію.

То что я тутъ сообщаю Вамъ, будетъ поважнѣе гимназіи и отставки, которой Вы у меня просите. Вотъ минута, въ которую Вы въ первый разъ можете сослужить Вашей родинѣ дѣйствительную службу. Ожидаю Вашего отвѣта съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ. Для того что-бы не возбуждать толковъ, Вы можете послать его въ Пулавы, черезъ нарочнаго въ Брестъ, адресуя его къ Гродненскому губернатору Ланскому, который получитъ приказаніе позаботиться о пересылкѣ всего, что отъ Васъ прибудетъ; или же всякимъ инымъ путемъ, который Вы сочтете наиболѣе вѣрнымъ. Весь Вашъ сердцемъ и душою.

Тысячу привѣтовъ, прошу Васъ, Вашимъ родителямъ и сестрамъ, а также Вашему брату.

Александръ.

Списокъ силъ, которыя могутъ быть въ дѣлѣ.

Съ одной стороны.

100,000 Русскихъ.
50,000 Поляковъ.
50,000 Прусаковъ.
30,000 Датчанъ.

Всего 230 человѣкъ, которые могутъ быть усилены тотчасъ еще 100 тысячами Русскихъ.

Съ другой:

60,000 Французовъ (въ Германіи считаютъ лишь 46,000, но я прикладываю то, что можно извлечь изъ Голландіи и изъ внутренности Франціи.)
30,000 Саксонцевъ
30,000 Баварцевъ
20,000 Виртемберцевъ
15,000 Вестфальцевъ и иныхъ Нѣмецкихъ войскъ.

Всего 155,000 человѣкъ.

Но болѣе чѣмъ вѣроятно, что примѣру, поданному Поляками, послѣдуютъ Нѣмцы, и тогда останется лишь 60,000 Французовъ. И если Австрія, въ виду выгодъ, которыя ей предложатъ, также обратится противъ Франціи, то это будутъ еще 200,000 человѣкъ лишнихъ противъ Наполеона.

XII.

Кн. А. Чарторыжскій къ Императору.

18(30) Января 1811.

Государь.

В. И. В-во легко можете себѣ представить, съ какимъ вниманіемъ и съ какимъ живымъ интересомъ я читалъ и перечитывалъ письмо, которое Вы соблаговолили написать мнѣ отъ 25 Декабря и которое дошло до меня безъ всякаго замедленія.

Способъ, коимъ В. И. В-во изволите говорить со мною о Кременецкой гимназіи, закрываетъ мнѣ уста на этотъ счетъ, и я могу себѣ позволить раскрыть ихъ, Государь, лишь для того, что-бы выразить Вамъ, сколь я глубоко тронутъ драгоцѣнными для меня чувствами, кои Вы ко мнѣ выказываете. Мнѣ отрадно, мнѣ сладко думать, что, каковы-бы ни были обстоятельства, въ какомъ-бы я ни находился положеніи, мнѣ не будетъ лучшаго исхода, какъ полагаться всецѣло на Вашу справедливость и Вашу ко мнѣ милость. Но спѣшу перейти къ главному предмету письма В. В-ва.

Позвольте, Государь, что-бы я прежде всего повергъ къ стопамъ Вашимъ глубочайшую мою благодарность за благодѣтельныя Ваши намѣренія относительно моей родины, за благосклонное вниманіе, сохраненное къ ней Вами въ общемъ планѣ Вашихъ политическихъ соображеній и за особый знакъ довѣрія, коего Вы благоволили удостоить меня при этомъ случаѣ. Постараюсь заслужить его, исполняя приказанія В. И. В-ва со всѣмъ усердіемъ, со всею осмотрительностію, на которыя я способенъ, и столь хорошо, какъ то позволятъ обстоятельства. Сознаю, Государь, всю важность настоящей минуты и сознаю въ особенности, что проэкты, по видимому, занимающіе В. В-во, если они осуществятся, будутъ имѣть для Россіи, для всей Европы, величайшія и рѣшительныя послѣдствія, еще болѣе важныя для несчастной моей родины, для всѣхъ ея жителей вообще и для каждаго въ частности. В. И. В-во въ письмѣ своемъ, столь-же хорошо написанномъ, какъ и придуманномъ, уже столь мудро разобрали общій вопросъ, насъ занимающій, что считаю безполезнымъ къ нему возвращаться и, что-бы не терять времени, я тотчасъ приступлю къ отвѣтамъ на отдѣльные вопросы, предложенные мнѣ В. В-вомъ, которые постановлены съ замѣчательною ясностію и предусмотрительностію. Отвѣтъ мой, какъ основательно предвидѣли В. В-во, можетъ въ настоящую минуту быть лишь предварительнымъ.

По наблюденіямъ, которыя я могъ произвести въ здѣшней мѣстности надъ общественнымъ настроеніемъ, я заключаю, что въ арміи и между жителями герцогства Варшавскаго господствуетъ единодушіе въ намѣреніяхъ и въ цѣляхъ. Единственное ихъ желаніе, единственная ихъ цѣль есть возстановленіе Польши, соединеніе всѣхъ ея частей воедино, подъ національнымъ и конституціоннымъ правительствомъ. Разности въ мнѣніяхъ относительно степени довѣрія, которую можно возложить на того или другаго генерала, на то или другое выдающееся лицо, относительно степени его талантовъ и патріотизма, не могутъ носить имени партій, и эти оттѣнки изгладились-бы или имѣли вліяніе лишь весьма второстепенное, если-бы дѣло пошло о важныхъ отечественныхъ интересахъ. — И такъ, единодушіе есть; но задача состоитъ въ томъ, что-бы убѣдить всѣхъ, что спасеніе страны, что осуществленіе выгодъ болѣе значительныхъ, болѣе прочныхъ, болѣе обезпеченныхъ, требуютъ совершеннаго измѣненія въ образѣ дѣйствій и отказа отъ единственной поддержки, которую до сихъ поръ имѣло герцогство.

За увѣренность въ возстановленіи Польши, какъ мнѣ кажется, схватились-бы съ благодарностію, откуда-бы она ни пришла, только-бы эта увѣренность была дѣйствительная: хочу сказать, только-бы способъ, коимъ она была-бы предложена и подготовлена, осуществилъ надежды болѣе обширныя, внушилъ болѣе довѣрія и обезпеченій въ успѣхѣ, чѣмъ представляетъ ихъ (по крайней мѣрѣ во мнѣніи жителей герцогства) ихъ связь съ Франціею. — Считаю прежде всего долгомъ упомянуть о затрудненіяхъ, которыя я усматриваю въ исполненіи плана В. И. В-ва, въ быстромъ возбужденіи въ средѣ правительства, арміи и жителей того полнаго убѣжденія, о которомъ я упомянулъ; ибо мнѣ кажется, что въ этомъ заключается узелъ вопроса.

Какъ-бы ни были справедливы жалобы, которыя могутъ формулировать противъ Наполеона Поляки, онъ однакоже успѣлъ увѣрить, что лишь безусловная невозможность, а не недостатокъ въ доброй волѣ, помѣшала ему повести далѣе дѣло ихъ возрожденія, что гласныя и дипломатическія заявленія, противныя ихъ надеждамъ, были сдѣланы имъ лишь для того, что-бы лучше скрыть свою игру, но что при первомъ разрывѣ съ Россіею, Польша неминуемо возродится. Къ этой увѣренности присоединяется чувство благодарности за то, что Наполеонъ сдѣлалъ до сихъ поръ; за ту долю самостоятельности, которую онъ создалъ, которая хотя и непрочна, если ничѣмъ не будетъ дополнена, однако считается первымъ и весьма важнымъ шагомъ. И такъ, нужно ожидать, что, по чувствамъ чести и благодарности, люди, быть можетъ и самые благомыслящіе и честные, усумнятся обратить противъ Наполеона средства, имъ-же дарованныя, и покинуть его въ ту минуту, когда онъ всего болѣе будетъ расчитывать на содѣйствіе Варшавскаго герцогства. Присовокупимъ къ этому братство по оружію, установившееся между Французскими и Польскими войсками (между ними находится много лицъ всѣхъ чиновъ, бывавшихъ вмѣстѣ на войнѣ); далѣе, мысль, что Французы суть друзья Поляковъ, и что Русскіе напротивъ того суть злѣйшіе ихъ враги, какъ по политикѣ, такъ и по личной ненависти, —мысль, слишкомъ укоренившуюся, слишкомъ распространенную, что-бы не произвести въ арміи подобныя чувства, которыя могли быть лишь усилены событіями послѣдней войны и тѣми, которыя совершились съ тѣхъ поръ.

Мнѣ приходитъ въ голову другое затрудненіе: это гвардія и 20, 000 человѣкъ Польскаго войска въ Испаніи, гдѣ каждый имѣетъ или родственниковъ, или друзей, которыхъ побоятся принести въ жертву гнѣву Наполеона. Постоянно ожидая войны съ Россіею, много лицъ, даже изъ первыхъ семействъ, рѣшились послать своихъ дѣтей въ Парижъ, для того что-бы они воспитывались въ мѣстѣ, почитающемся самымъ безопаснымъ въ Европѣ, и въ которомъ воспитаніе молодаго человѣка всего менѣе можетъ подвергаться перерывамъ. Все это—заложники въ рукахъ Наполеона. Наконецъ послѣднее и самое сильное затрудненіе заключается въ высокихъ талантахъ Наполеона и въ томъ понятіи, которое о нихъ составилось. Такъ какъ онъ до сихъ поръ постоянно находилъ въ своемъ геніи средства для того, что-бы побѣдоносно выпутываться изо всѣхъ ложныхъ положеній, въ которыя онъ себя ставилъ, то всѣ убѣждены, что такъ будетъ и всегда, и что какъ-бы ни казались несчастны обстоятельства, но онъ все таки кончитъ тѣмъ, что возметъ надъ ними верхъ.

Вотъ главныя затрудненія, которыя, какъ мнѣ кажется, должно встрѣтить осуществленіе плана В. В-ва. Эти затрудненія, Государь, произошли не отъ какого-либо пристрастія, отъ коего свободна масса населенія, но скорѣе были слѣдствіемъ чувствъ чести и самосохраненія, которыя Ваше В-во (даже если эти чувства окажутся въ противорѣчіи съ Вашими видами) признаете уважительными и благоразумными. Для того, что-бы побѣдить подобныя трудности, нужно было-бы привести въ дѣйствіе весьма сильныя побужденія и средства. Перейду къ быстрому обзору тѣхъ изъ нихъ, которыя представляются моему уму.

Простое сохраненіе тѣхъ преимуществъ, коими уже пользуется герцогство, по всему сказанному, было-бы недостаточно для того, что-бы подвинуть правительство и начальство арміи (за которыми послѣдовали-бы жители и войска), къ оставленію теперешняго ихъ союзника и покровителя, коему они обязаны существованіемъ и который одинъ до сихъ поръ протянулъ имъ руку и воскресилъ ихъ изъ гроба. Для того, что-бы они могли счесть себя оправданными, передъ самими собою и передъ своего родиною, отъ упрека въ легкомысліи и непослѣдовательности, въ вѣроломствѣ и въ неблагодарности, нужно было-бы, повидимому, что-бы государственная необходимость заговорила весьма громко, что-бы благо родины предстало передъ ними непосредственно и несомнѣнно. Конституція, законы и правительство независимые, всѣ должностныя лица изъ туземцевъ и національное войско кажутся мнѣ поэтому необходимыми предварительными условіями, ибо все это суть преимущества, коими уже пользуется герцогство, и наиболѣе дорожитъ вся нація. Мысль объ иностранномъ управленіи, которое не имѣетъ ни привязанности, ни доброжелательства къ управляемымъ, всегда обращается съ ними, какъ побѣдитель съ побѣжденными, которое по необходимости надменно и привязчиво, эта мысль изъ всѣхъ самая несносная для Поляковъ, какъ и для всякого другого народа.

И такъ, если-бы желали сверхъ того посулить значительное увеличеніе благосостоянія, которое было-бы признано таковымъ, и правительствомъ и арміею, и всею націею, то мнѣ кажется, что три слѣдующіе пункта были-бы всего способнѣе произвести желаемое дѣйствіе: — 1) Конституція 3-го Мая 1791 года запечатлѣна неизгладимыми чертами въ сердцахъ всѣхъ Поляковъ. Провозгласивъ ее, можно было-бы ожидать объединенія всѣхъ воль, всѣхъ желаній. 2) Соединеніе всего что есть Польша подъ однимъ скипетромъ, для того что-бы положить конецъ тому печальному положенію вещей, при которомъ родственники, братья, люди, которые не могутъ не считать себя согражданами, одно и то-же лицо, когда оно имѣетъ помѣстья въ разныхъ владѣніяхъ, отчуждаются другъ отъ друга и отъ самихъ себя, будучи вынуждены повиноваться разнымъ государямъ, исполнять противорѣчивыя обязанности и, принадлежа къ одному народу, къ одному семейству, однако разлучены болѣе жестоко, чѣмъ если-бы ихъ раздѣляли моря или горы. Повѣрьте, Государь, что подать Полякамъ другихъ странъ надежду на возсоединеніе и на общее обезпеченіе ихъ участи есть средство наиболѣе способное подѣйствовать на настроеніе Поляковъ въ герцогствѣ. 3) Открыть и обезпечить пути для торговли, безъ которой эта страна, при теперешнемъ ея истощеніи, никогда не сможетъ подняться.

Не стану входить въ дальнѣйшія подробности относительно этихъ отдѣльныхъ пунктовъ. Въ настоящую минуту достаточно того, что я указалъ ихъ В. И. В-ву. Когда хочешь результатовъ, надо хотѣть и средствъ, и эти средства могутъ быть дѣйствительны, лишь когда они указаны знаніемъ цѣли, къ коей должны они вести. Тѣ, которые хотятъ извлечь изъ Поляковъ возможную пользу, должны удовлетворить единодушному желанію, которое не перестаетъ одушевлять эту націю и сдѣлалось еще пламеннѣе

отъ ея прошлыхъ несчастій и нѣкоторыхъ недавнихъ успѣховъ. Съ этою націею слѣдуетъ обращаться великодушно и честно; ибо Поляки, при несомнѣнныхъ недостаткахъ, одарены всѣми великими качествами, зависящими отъ сердца и воображенія. Они способны цѣнить и заслуживать самый великодушный образъ дѣйствія. Чѣмъ больше имъ будетъ оказано довѣрія, тѣмъ болѣе можно будетъ на нихъ положиться. Чѣмъ болѣе имъ сдѣлано будетъ добра, тѣмъ способнѣе будутъ они на самопожертвованіе въ пользу своего благодѣтеля. Для того, что-бы привязать къ себѣ Поляковъ, слѣдовало-бы обращаться съ ними, какъ съ націею, отъ которой ожидаешь великихъ, немедленныхъ услугъ и которой въ будущемъ имѣетъ быть ввѣрена защита передовой пограничной линіи Имперіи.

Однимъ словомъ, это дѣло нелегкое. Не полумѣрами, не полупризнаніями можно надѣяться превратить вдругъ, какъ-бы мановеніемъ волшебнаго жезла, недовѣріе и ненависть въ энтузіазмъ и привязанность.

Для того, что-бы достичь результата, столь противуположнаго нынѣшнему положенію вещей, столь противорѣчащему общепринятымъ мнѣніямъ и чувствамъ, вошедшимъ въ привычку, что-бы побѣдить зарѣнія совѣсти, вѣру въ обѣщанія и въ счастіе Наполеона, страхъ передъ его могуществомъ, нужно было-бы вдругъ привести въ дѣйствіе все, что можетъ убѣдить разумъ, тронуть сердце, возбудить воображеніе.

Второй разрядъ побужденій, который могъ-бы увлечь общественное мнѣніе въ герцогствѣ Варшавскомъ, относится къ вѣроятностямъ успѣха. В-у И. В-ву слѣдовало-бы еще дополнить, если возможно, Ваши объясненія на счетъ силъ, которыя могутъ быть приводимы въ дѣйствіе съ обѣихъ сторонъ, на счетъ времени исполненія плана, сообразно съ болѣе точными свѣдѣніями, которыя быть можетъ дойдутъ до Васъ, о расположеніяхъ Европейскихъ націй и кабинетовъ. Если-бы на этотъ счетъ оказался недостатокъ въ свѣдѣніяхъ точныхъ и достовѣрныхъ, то тѣмъ болѣе было-бы нужно, что-бы предложенныя выгоды были достаточно очевидны для покоренія всѣхъ убѣжденій. Лишь великое довѣріе къ искренности В. В-ва, къ Вашимъ намѣреніямъ, обнаруженнымъ Вашими воззваніями и поведеніемъ Вашихъ войскъ, могло-бы уравновѣсить глубокое впечатлѣніе, оставленное событіями и развязкою всѣхъ прошлыхъ войнъ. Не знаю, ошибаюсь-ли я; но мнѣ кажется, что, по странному стеченію обстоятельствъ, рѣшеніе, принятое правительствомъ и арміею герцогства, можетъ сильно повліять на успѣхъ всего предпріятія и значительно измѣнить все положеніе дѣлъ, чѣмъ-бы подтверждалась важность пріобрѣтенія этой союзной силы и умѣстность приложенія необходимыхъ къ тому средствъ.

Ваше В-во были правы, сказавъ, что примѣръ, поданный Поляками въ самомъ началѣ военныхъ дѣйствій, можетъ быть рѣшительнымъ, и что ихъ образъ дѣйствій, смотря по направленію, въ коемъ онъ обнаружится, повлечетъ за собою цѣлый рядъ послѣдствій, совершенно различныхъ, и которыя могутъ сдѣлаться весьма затруднительными или весьма благопріятными. Естли-бы увидѣли, что эта нація, которая одна въ Европѣ считается и можетъ быть приверженною къ Наполеону, одна оказывала ему добровольно услуги, налагаемыя имъ

на своихъ данниковъ, наконецъ покидаетъ его какъ человѣка, губящаго самого себя, не исполняющаго своихъ обѣщаній и, изъ чувства самосохраненія, присоединяется къ остальной Европѣ и становится подъ знамя союзниковъ, то это не преминуло-бы произвести глубочайшее впечатлѣніе и въ Германіи и повсюду.

Соблаговолите, кромѣ того, замѣтить, Государь, что въ маленькой таблицѣ обоюдныхъ силъ, приложенной къ Вашему письму, 50, 000 Поляковъ, составляющіе дѣйствительную силу герцогства, именно и даютъ нашей сторонѣ перевѣсъ. Если Вы съ одной стороны отъимете эти 50, 000 человѣкъ и приложите ихъ къ другой, то у союзниковъ въ началѣ будетъ лишь 180, 000 человѣкъ, а у Французовъ ихъ будетъ 205, 000.—Замѣтимъ, сверхъ того, что Силезскія крѣпости заняты Польскими полками.

Такъ какъ надлежитъ коснуться также общей вѣроятности успѣха того плана, который Вы имѣете въ виду, то я на этотъ счетъ, Государь, предложу на Ваше усмотрѣніе слѣдующіе вопросы. — Совершенно-ли увѣрены В. И. В-во, что-бы приближеніе столь важнаго поворота въ Вашемъ образѣ дѣйствій совершенно ускользнуло отъ вниманія г. Коленкура? Такъ какъ онъ имѣетъ всѣ способы видѣть ежедневно В. В-во и окружающія Васъ лица и имѣетъ возможность, такъ сказать, со сцены, на которой онъ дѣйствуетъ, постоянно заглядывать за кулисы, то нужны весьма искусныя предосторожности для того, что-бы скрыть отъ него подобную тайну, тѣмъ болѣе, что военныя приготовленія и движенія войскъ должны ее передъ нимъ обнаружить. Самъ Наполеонъ не находится-ли, быть можетъ, въ такомъ положеніи, что ему желателенъ разрывъ на материкѣ Европы, какъ предлогъ, что-бы вывести свои войска изъ Испаніи и наэлектризовать ихъ надеждою на болѣе легкіе успѣхи? Не притаился-ли онъ, для того что-бы вызвать одинъ изъ такихъ разрывовъ, какіе до сихъ поръ постоянно обращались ему въ пользу?

Высказываю эту мысль на угадъ, не придавая ей опредѣленнаго вѣса: ибо я на этотъ счетъ лишенъ всякихъ данныхъ. Но, признаюсь, мнѣ трудно повѣрить, что, если въ сѣверной Германіи есть 16, 000 Французовъ, изо всей Франціи, со включеніемъ Голландіи, можно бы было ихъ вывести лишь 15, 000. На этотъ счетъ, В. И. В-ву нельзя довольно стараться о пріобрѣтеніи вѣрныхъ свѣдѣній, и если Вы имѣете оныя лишь черезъ Берлинскій кабинетъ, то мой совѣтъ былъ-бы провѣрить ихъ путемъ болѣе надежнымъ; ибо Вамъ извѣстно, Государь, изъ неоднократнаго опыта, что Прусскія извѣстія не всегда очень точны, и что Французы иногда скрываютъ свои силы. Куда дѣлись 115, 000 рекрутовъ недавняго набора? В. В-ву не безъизвѣстно, насколько Франція обладаетъ искусствомъ организовать, почти мгновенно, новыя войска.

По тому понятію, которое я составилъ себѣ о планѣ В. И. В-ва, я представляю себѣ, что, если все пойдетъ хорошо въ началѣ, союзники будутъ имѣть возможность перейти черезъ Одеръ, не обнаживши меча, и даже дойти до Эльбы. Въ этомъ пройдетъ два мѣсяца; но, въ теченіи этихъ двухъ мѣсяцовъ, Наполеонъ, пробужденный изъ летаргіи, въ которую онъ, повидимому, погруженъ, успѣетъ собрать войско, вывести изъ

Испаніи большую часть своихъ силъ, и, обычнымъ своимъ способомъ, онъ прибудетъ форсированнымъ маршемъ, съ арміею, которая тогда будетъ равна арміи союзниковъ, на пунктъ имъ выбранный. Эту-то минуту въ особенности нужно предвидѣть и къ ней готовиться, ибо эта минута можетъ все разрушить, какъ это и случалось до сихъ поръ. Я заключаю отсюда, что содѣйствіе Австріи имѣетъ величайшую важность и что, судя по естественному теченію дѣлъ, ея-то содѣйствіе, въ теченіи этихъ двухъ-трехъ мѣсяцевъ, рѣшитъ, упрочитъ перевѣсъ дѣйствительный, не мнимый.— Если-же Австрія, по привычкѣ, принятой державами, покидать другъ друга, не выскажется во время въ пользу союзниковъ, то это весьма-бы ослабило вѣроятность окончательнаго успѣха. Соблаговолите, Государь, если возможно, установить мои мысли на этотъ счетъ.

Совершенно-ли увѣрены В. В–во въ томъ, что въ Вашемъ распоряженіи съ самаго начала будетъ 100, 000 войска? Я такъ часто видалъ въ Россіи 100, 000 человѣкъ записанныхъ на бумагѣ, а въ дѣйствительности составлявшихъ, по общимъ отзывамъ, лишь 60, 000! — Совершенно-ли увѣрены В. В-во въ томъ, что, немедленно затѣмъ, можете выставить еще 100, 000 человѣкъ? Въ точности-ли исчислено время переходовъ, возможность отвлечь войска отъ мѣстъ угрожаемыхъ, доставить ихъ во время въ назначенныя мѣста? В. И. В-во будетъ имѣть дѣло съ человѣкомъ, въ борьбѣ съ которымъ нельзя ошибиться безнаказанно.—Но что еще важнѣе, если этотъ планъ осуществится, будутъ-ли рѣшенія В. В-ва неизмѣнными? Останутся-ли они непоколебимыми, какъ относительно общаго предпріятія, такъ и относительно честнаго, великодушнаго и благосклоннаго обращенія съ цѣлымъ народомъ, который долженъ для Васъ пожертвовать собою?

Простите, Государь, если я увлекся разнообразными заботами, меня волнующими. Я, быть можетъ, удалился отъ главнаго предмета, о коемъ надлежитъ мнѣ вести рѣчь, и я къ нему возвращаюсь. Полагаю, что я отвѣчалъ на главный вопросъ Вашего письма столь удовлетворительно, какъ это мнѣ въ настоящую минуту возможно.—В. В-во еще спрашиваете меня, кто между военными лицо самое выдающееся, то, которое всего болѣе руководствуетъ мнѣніемъ арміи. Это, безъ всякого сомнѣнія, князь Понятовскій. Онъ соединяетъ въ себѣ званія главнокомандующаго арміями и военнаго министра. Сверхъ того, его личный характеръ обезпечиваетъ за нимъ такое вліяніе на его подчиненныхъ, съ коимъ не можетъ поспорить ни одинъ изъ прочихъ военныхъ начальниковъ.

Теперь остается мнѣ отдать В. В-ву отчетъ въ томъ, что я намѣренъ дѣлать. Вотъ шесть дней, какъ пріѣхалъ мой секретарь; нужно мнѣ еще пропустить дней пять-шесть, что-бы не возбудить подозрѣній. Тогда я отправлюсь въ Варшаву и, лишь поживши тамъ, получу возможность говорить съ В. В-вомъ съ большею увѣренностію.—В. В-во изволили разрѣшить мнѣ вступать въ разговоръ обо всемъ этомъ съ лицами, которыя я сочту вліятельными и съ коими имѣю дружескія связи. Мнѣ слишкомъ извѣстна важность тайны, я притомъ слишкомъ заинтересованъ въ ея сохраненіи опасностію, грозящею мнѣ лично и могущею обрушиться и на мое семейство, для

того, что-бы не быть чрезвычайно разборчивымъ въ моемъ выборѣ, чтобы не ограничивать его строго-безусловною необходимостію и что-бы не принимать всѣхъ возможныхъ предосторожностей. Однакоже мнѣ необходимо прерывать молчаніе, ибо, если я все буду держать про себя, мнѣ нельзя будетъ присовокупить ничего къ гадательнымъ разсужденіямъ моего нынѣшняго письма.

Вотъ все, что я могу сказать въ настоящую минуту; лишь побывавши на мѣстѣ и попытавъ почву, можно будетъ мнѣ шагнуть далѣе. Не скрою того отъ В. В-ва: мнѣ очень жаль, что Вы не сообщили мнѣ съ бо̀льшею полнотою подробностей Вашего плана, хочу сказать, тѣхъ выгодъ, на которыя могутъ расчитывать Поляки, того способа, которымъ осуществится дѣло; ибо въ виду болѣе положительныхъ данныхъ я могъ-бы и отвѣтить Вамъ съ бо̀льшею увѣренностію. Есть комбинаціи, которыя Вы могли предположить, Государь, и относительно коихъ я могъбы предъупредить Васъ, что ихъ и предлагать нечего; потому что напередъ можно сказать навѣрное, что предложеніе не будетъ принято. В. В-во, между прочимъ, говорите неопредѣленно о какой-либо державѣ, которая предложитъ Польшѣ ея возстановленіе, не высказывая положительно, что эта держава — Россія. Соблаговолите, Государь, объясниться на этотъ счетъ; но соблаговолите вспомнить, что соединеніе всѣхъ частей Польши есть одно изъ необходимѣйшихъ условій для покоренія общественнаго мнѣнія въ герцогствѣ, и въ этомъ отношеніи слѣдуетъ, въ свое время, вспомнить и объ остальной Галиціи. Соблаговолите также, Государь, если найдете это умѣстнымъ, сообщить мнѣ всѣ данныя, могущія увеличить вѣроятность успѣха. Не изъ нескромнаго любопытства желаю я этихъ дальнѣйшихъ разъясненій и прошу В. В-во сообщить ихъ мнѣ какъ можно скорѣе. Быть можетъ, лишь эти подробности могли-бы снабдить меня непобѣдимыми доводами для убѣжденія тѣхъ, которымъ прійдется выбирать между согласіемъ и отказомъ. Во всякомъ случаѣ, лишь ясно выраженныя и обезпеченныя условія могли-бы разсѣять сомнѣнія и быстро привести къ окончательному отвѣту.

Что-бы это дѣло пришло къ счастливому концу, желательно, что-бы все было предвидѣно заранѣе, условлено и обезпечено, что-бы Польша знала положительно, чего можетъ она ждать отъ В. И. В-ва, и что-бы В. В-во, съ Вашей стороны, знали, чего можете Вы требовать отъ Поляковъ, такъ что-бы, во всемъ этомъ, не было ни обмана, ни разочарованія съ той или другой стороны.

Я еще не упоминалъ о королѣ Саксонскомъ. Этого государя уважаютъ и могли-бы его любить, если-бы онъ принималъ болѣе участія въ странѣ и въ ея судьбахъ, и если-бы не были убѣждены въ томъ, что герцогство ввѣрено ему лишь на время. Однако же и онъ составляетъ препятствіе по тѣмъ обязательствамъ, которыя приняты передъ нимъ. Если-бы представилась возможность предложить ему желательное вознагражденіе и если-бы это предложеніе было сдѣлано съ вѣдома Варшавскаго правительства, или даже при его посредствѣ, то это затрудненіе значительно-бы уменьшилось.

Вообще, для того что бы привлечь умы, слѣдовало-бы придать дѣлу форму самую искреннюю. — Что̀ касается

до меня лично, то, если благодѣтельныя намѣренія В. И. В-ва относительно Польши не смогутъ осуществиться, и если Ваша политика потребуетъ, что-бы Вы отнеслись къ этой странѣ съ суровостію врага, то Вы легко поймете, сколь мало, при этомъ жестокомъ предположеніи, я могу быть Вамъ полезнымъ, и какъ долженъ буду я желать удаленія отъ службы странѣ, даже невольно довершающей гибель моей родины. — Съ другой стороны, если планъ В. В-ва удастся, то мнѣ кажется, что я сослужу лучшую службу общему дѣлу въ качествѣ Поляка, чѣмъ въ качествѣ лица, состоящаго на Русской службѣ.— Такъ какъ В. В-ву извѣстны мои чувства и мое положеніе, а также извѣстно лучше чѣмъ кому либо, какія предстоятъ событія, то умоляю Васъ принять въ соображеніе эти двѣ возможности. — Я забылъ спросить, не намѣрены ли В. В-во, передъ осуществленіемъ Вашего плана, сдѣлать попытку въ пользу общаго мира и убѣдиться, нельзя-ли достигнуть Вашихъ цѣлей безъ войны.

Не могу выразить Вамъ, Государь, что во мнѣ происходитъ, сколько надеждъ и опасеній безпрестанно волнуютъ меня. Какое счастіе было-бы трудиться разомъ для избавленія стольких страждущихъ народовъ, для счастія моей родины и для славы В. В-ва! — Какое счастіе увидѣть сліяніе столь различныхъ интересовъ, которыя судьба, повидимому, хотѣла противопоставить одинъ другому навсегда! Но часто все это кажется мнѣ слишкомъ счастливымъ, слишкомъ прекраснымъ, что-бы быть достижимымъ, и мнѣ сдается, что духъ зла, повидимому, всегда готовый разрушать комбинаціи, слишкомъ счастливыя для человѣчества, разстроитъ и эту.

Посылаю мое письмо, согласно Вашимъ приказаніямъ, къ г. Ланскому. Если мои разсужденія побудятъ В. В-во дать этому дѣлу дальнѣйшій ходъ, то льщу себя надеждою, что Вы соблаговолите сообщить мнѣ вскорѣ Ваши дальнѣйшія приказанія. Я, въ свою очередь, буду ожидать ихъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ. — Въ Брестѣ, надзоръ слишкомъ бдителенъ. В. В-во соблаговолите приказать, что-бы курьеръ, коему будетъ поручено Ваше письмо, доѣхалъ до заставы Рупъ, насупротивъ Влодавы, города въ горцогствѣ, въ десяти миляхъ отъ Бреста вверхъ по Бугу, и что-бы, позвавши г. Завадскаго, судью въ этомъ городѣ, принадлежащемъ моимъ родственникамъ, онъ передалъ ему письмо, адресованное на мое имя. Кромѣ этого пути, предлагаю другой, столь-же вѣрный, ибо хорошо имѣть выборъ и располагать разными средствами: пусть курьеръ доѣдетъ до Устьлуга, и скажетъ цольнеру таможни, Грознову, что-бы онъ послалъ въ Порыцкъ за г. Голембіовскимъ, которому онъ и отдастъ письмо. — Завадскій и Голембіовскій люди вѣрные, и каждый изъ нихъ будетъ предупрежденъ, что-бы онъ препроводилъ пакетъ, путемъ самымъ быстрымъ и самымъ вѣрнымъ, въ Пулавы. Курьеръ не долженъ говорить, что письмо — отъ В. В-ва. Лучше ему быть въ партикулярномъ платьѣ, и нужно, что-бы онъ избѣгалъ всякаго шума. Остаюсь и т. д. *P. S.* Люди, только что пріѣхавшіе изъ Варшавы, сей часъ сказали мнѣ, что тамъ много говорятъ о войнѣ; и что, по извѣстіямъ изъ Россіи, тамъ устраиваются склады; что войска внутри страны приходятъ въ движеніе, и что это здѣсь возбуждаетъ безпокойство.

XIII.

Императоръ къ князю Чарторыжскому.

Петербургъ, 31 Января 1811.

Третьяго дни вечеромъ получилъ я, любезный другъ, ваше интересное письмо отъ 18 (30) Января и спѣшу тотчасъ отвѣчать Вамъ.

Трудности, представляемыя Вами, весьма значительны, сознаюсь въ томъ; но такъ какъ я ихъ по большей части предвидѣлъ, и имѣются въ виду столь важные результаты, то остановиться на полъ-пути было-бы всего хуже.

Вдумываясь старательно въ Ваши письма, я счелъ себя въ правѣ вывести изъ сего относительно Вашихъ воззрѣній слѣдующія главныя заключенія.

1-е. Неувѣренность съ Вашей стороны на счетъ той державы, которою должно совершиться возстановленіе Польши.

2-е. Такая-же неувѣренность въ самомъ свойствѣ этого возрожденія и боязнь, что-бы не воспротивились сліянію воедино всего того, что̀ прежде составляло Польшу.

3-е. Необходимость предложить Полякамъ, для того, что-бы привлечь ихъ на свою сторону, увѣренность въ положеніи вещей лучшемъ, чѣмъ настоящее.

4-е. Боязнь съ Вашей стороны, чтобы силы, которыя хотятъ выставить противъ Наполеона, не оказались недостаточными.

Все это пункты, на которые считаю нужнымъ отвѣчать прежде всего, предоставляя себѣ коснуться остальныхъ въ продолженіи этого письма.

1-е. Держава, о которой я говорилъ, которая хочетъ взять на себя возрожденіе Польши, есть *Россія.*

2-е. Подъ этимъ возрожденіемъ разумѣю соединеніе всего того, что̀ прежде составляло Польшу со включеніемъ Русскихъ областей, за изъятіемъ Бѣлоруссіи, такъ что-бы границами были Двина, Березина и Днѣпръ.

3-е. Чиновники правительства, власти гражданскія, также какъ и армія, должны быть національно-польскіе.

4-е. Не помню хорошо конституціи 3-го Мая; не могу рѣшить ничего, не видавши ея и прошу Васъ ее мнѣ прислать. Во всякомъ случаѣ, предлагается конституція либеральная, которая могла-бы удовлетворить желаніямъ жителей.

5-е. Что-бы доказать искренность моихъ предложеній, всему должно предшествовать провозглашеніе возстановленія Польши, и этимъ дѣломъ должно начаться осуществленіе плана.

6-е. Но эти результаты я предлагаю подъ слѣдующими условіями sine qua non:

1-е. Что-бы Польское королевство навсегда было присоединено къ Россіи, императоръ коей впередъ будетъ носить титулъ императора Россіи и короля Польши.

2-е. Формальное и положительное удостовѣреніе въ единодушіи жителей герцогства относительно достиженія этого результата, которое должно быть скрѣплено подписью лицъ наиболѣе вліятельныхъ.—Теперь я постараюсь ослабить Ваши опасенія касательно недостаточности военныхъ средствъ, которыя могутъ быть пущены въ дѣло.

Армія, которая должна служить опорою Полякамъ и сражаться съ ними, уже совсѣмъ устроена и состоитъ

изъ осьми дивизій пѣхоты, состоящихъ каждая изъ 10,000 человѣкъ, совершенно полныхъ. Это дивизіи №№ 2, 3, 4, 5, 14, 17, 23 и одна гренадерская дивизія. Четыре дивизіи кавалеріи, имѣющія каждая 4000 лошадей. Это дивизіи №№ 1, 2, 3, и 2-ая кирасирская дивизія, что въ цѣломъ составляетъ 96,000 человѣкъ. Сверхъ того, пятнадцать казачьихъ полковъ, состоящихъ изъ 7,500 всадниковъ; всего 106, 500.

Все, что неспособно къ бою, изъ этого счета исключено.

Эта армія будетъ подкрѣплена другою, составленною изъ одиннадцати дивизій пѣхоты, №№ 1, 7, 9, 11, 12, 15, 18, 24, 26, одной дивизіи гренадеровъ и гвардейской дивизіи, и изъ четырехъ дивизій кавалеріи, а именно №№ 4, 5, 1-ой кирасирской и гвардейской кавалерійской.

Сверхъ того, семнадцать казачьихъ полковъ. Всего 134,000 человѣкъ.

Наконецъ, третья армія, составленная изъ резервныхъ батальоновъ и эскадроновъ, состоитъ изъ 45,000 воиновъ, подкрѣпленныхъ 80,000 рекрутовъ, всѣхъ обмундированныхъ и находящихся уже нѣсколько мѣсяцевъ въ ученіи.

Молдавская армія, въ случаѣ нужды, также можетъ отдѣлить нѣсколько дивизій, не лишаясь возможности вести оборонительныя дѣйствія; арміи-же Финляндская и Грузинская, также какъ Крымскій корпусъ, останутся совершенно неприкосновенными.

При этомъ прежде всего представляются два затрудненія:

1-е. Одно затрудненіе представляетъ Галиція относительно Австріи. Необходимо ее щадить и ни въ чемъ съ нею не сталкиваться. Въ этихъ видахъ я рѣшился предложить ей Валахію и Молдавію до Серета, въ обмѣнъ Галиціи. Но необходимо было-бы отсрочить присоединеніе Галиціи до полученія согласія отъ Австріи, что-бы доказать ей, что противъ нея не имѣется враждебныхъ видовъ.

Слѣдственно, Польское королевство будетъ составлено, въ началѣ, изъ герцогства Варшавскаго и изъ Русскихъ областей.

2-е. Вознагражденіе короля Саксонскаго представляетъ второе затрудненіе, съ коимъ мнѣ справиться труднѣе. Впрочемъ, почитаю себя обязаннымъ вознаградить его лишь въ томъ случаѣ, если онъ приметъ мою сторону.

Установивъ эти факты, перехожу къ обсужденію моего предмета.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Наполеонъ старается вызвать Россію на разрывъ, въ надеждѣ, что я сдѣлаю промахъ и на него нападу. Это было бы ошибкою при настоящихъ обстоятельствахъ, и я рѣшился въ нее не впадать. — Но если Поляки захотятъ ко мнѣ присоединиться, все приметъ иной оборотъ. Подкрѣпленный 50 тысячами человѣкъ, которыми я былъ-бы имъ обязанъ, и 50,000 Прусаковъ которые тогда, безъ риску, также могутъ къ намъ присоединиться, и нравственнымъ переворотомъ, который неминуемо отъ того произойдетъ въ Европѣ, я могу достигнуть Одера, не обнаживъ меча.

Согласно съ Вами, полагаю, что тутъ будетъ у мѣста предложеніе мира.—Даже если оно не будетъ принято, и если война должна произойти неминуемо, разсмотримъ внимательно и безпристрастно оба случая и выгоды, проистекающія изъ нихъ для Поляковъ.

Первый случай, въ коемъ я предполагаю Поляковъ приверженными къ Франціи и содѣйствующими ей.

Онъ подраздѣляется на два.

1-е. Такъ какъ Россія рѣшилась не быть нападающею стороною, то очень можетъ быть, что Наполеонъ не захочетъ начинать, по крайней мѣрѣ пока онъ будетъ занятъ дѣлами въ Испаніи, и тамъ будетъ находиться значительная доля его силъ. Тогда дѣла останутся на томъ основаніи, на которомъ они стоятъ теперь, и возрожденіе Польши слѣдовательно будетъ отсрочено на отдаленное и весьма неопредѣленное время.

2-е. Если-же Наполеонъ, напротивъ того, нападетъ на Россію и въ то-же время провозгласитъ возрожденіе Польши, то эта Польша обниметъ лишь герцогство Варшавское: ибо нужно будетъ оторвать отъ насъ Русскія области силою оружія. Между тѣмъ, герцогство Варшавское и Польскія области сдѣлаются поприщемъ войны и всевозможныхъ опустошеній. Такимъ образомъ можно утверждать положительно, что, послѣ подобной войны, каковъ-бы ни былъ ея результатъ, эта Польша будетъ лишь обширною пустынею, а ея жители несчастнѣйшими жертвами послѣдствій этой войны.

Таковъ вѣроятный результатъ возстановленія Польши Франціею.

Второй случай, въ коемъ предполагаю, что Поляки соединены съ Россіею и содѣйствуютъ ей.

Неминуемыя послѣдствія того были-бы слѣдующія:

1-е. Возрожденіе Польши, вмѣсто того, что-бы быть отсроченнымъ, будетъ предшествовать всякому другому событію.

2-е. Возрожденіе это распространится и на Варшавское герцогство, и на присоединенныя къ нему Русскія области, при надеждѣ, довольно положительной, на присоединеніе къ нимъ и Галиціи.

3-е. Театръ войны, вмѣсто того, чтобы находиться въ сердцѣ Польши, будетъ перенесенъ на Одеръ.

Таковы послѣдствія *неминуемыя*, а вотъ послѣдствія вѣроятныя:

1-е. Совершенный переворотъ въ общественномъ мнѣніи Европы.

2-е. Весьма замѣтное уменьшеніе въ силахъ Наполеона, и черезъ то, вѣроятность успѣха, ибо Наполеону будетъ весьма трудно вывести свои силы изъ Испаніи, гдѣ онъ имѣетъ дѣло съ народомъ, ожесточеннымъ противъ него, имѣющимъ болѣе 300,000 сражающихся и который не удовольствуется его отступленіемъ, но проникнетъ во Францію, пользуясь новою войною, которая будетъ на рукахъ у Наполеона.

3-е. Избавленіе отъ ига, подъ которымъ томится Европа.

4-е. Польша, сдѣлавшаяся вновь королевствомъ, государствомъ, связаннымъ съ сильною Имперіею, силы коей, въ собственномъ ея интересѣ, всегда будутъ готовы къ защитѣ Польши.

5-е. Возстановленіе торговли, уничтоженіе нищеты, либеральная конституція, налоги сообразные съ нуждами страны, а не такъ какъ теперь, вымучиваемые единственно для содержанія слишкомъ многочисленнаго войска, вынужденнаго служить честолюбивымъ планамъ Наполеона.

6-е. Наконецъ, даже страхъ, высказываемый Вами относительно 20,000 людей, находящихся на службѣ у Наполеона, не кажется мнѣ основательнымъ, ибо худшее, что могло-бы съ ними случиться, было-бы, что они на время считались бы военноплѣнными. Ко всѣмъ этимъ разсужденіямъ не въ правѣ-ли мы присовокупить еще, что такъ какъ успѣхи Франціи связаны единственно съ личностію

Наполеона, то если бы его не стало, участіе Франціи къ Польшѣ исчезло-бы вмѣстѣ съ нимъ? Съ другой-же стороны, войны съ Россіею, вслѣдствіе возстановленія Польши Франціею, не имѣли-бы конца и, по смерти Наполеона, лишь повторились-бы съ новою силою. Какой источникъ золъ для несчастнаго человѣчества, для потомства!

Такова картина нашего положенія, въ томъ видѣ, въ какомъ она мнѣ представляется. Вотъ, вкратцѣ, главныя ея черты:

1-е. Пока я не буду увѣренъ въ содѣйствіи Поляковъ, я рѣшился не начинать войны съ Франціею.

2-е. Если этому содѣйствію Поляковъ Россіи суждено осуществиться, нужно, что-бы я получилъ тому *несомнѣнныя* удостовѣренія и доказательства: лишь тогда могу я дѣйствовать вышеизложеннымъ способомъ. И, въ этомъ случаѣ, нужно, что-бы Вы прислали мнѣ всѣ бумаги, для этой цѣли нужныя, каковы прокламаціи, конституція и прочіе необходимые акты. Они могутъ быть изготовлены лишь въ герцогствѣ Варшавскомъ, ибо должны заключать въ себѣ множество подробностей, здѣсь неизвѣстныхъ. Остается мнѣ только сказать о возбужденномъ Вами опасеніи, что-бы Коленкуръ не догадался о тайнѣ, о которой идетъ рѣчь.—Догадаться невозможно, ибо даже канцлеръ ничего не знаетъ о нашей перепискѣ. Вопросъ этотъ не разъ обсуждался между нами; но я не хотѣлъ, что-бы кто нибудь зналъ, что я уже занятъ этими мѣрами. Что касается до военныхъ приготовленій, то я придалъ имъ характеръ оборонительный и вовсе не тайный. Сама Франція подала мнѣ къ тому предлогъ постепеннымъ усиленіемъ своей сѣверной арміи. Я открыто говорилъ объ этомъ съ Коленкуромъ, и Чернышевъ отвезъ въ Парижъ письмо, въ которомъ я даже говорю Императору, что осуществленіе моихъ плановъ требуетъ мѣръ предосторожности, но что я твердо рѣшился держаться своей системы и ни въ какомъ случаѣ не нападать.— Но вотъ въ чемъ я не могу не сознаться. Мнѣніе, что мнѣ слѣдовало-бы принять титулъ короля Польскаго, распространяется въ Петербургѣ. Если, съ одной стороны, это даетъ мнѣ увѣренность, что эта мѣра будетъ принята съ одобреніемъ, то, съ другой, въ настоящую минуту, эти толки болѣе вредны, чѣмъ полезны, и я стараюсь по возможности, положить имъ конецъ, утверждая, что дѣло это невозможно и несбыточно.

Я долженъ предъупредить Васъ также, что мнѣ извѣстно изъ достовѣрнаго источника, что за вами надзираетъ Парижскій министръ полиціи; и такъ удвойте осторожность и бдительность, даже относительно Вашего окруженія. Назначеніе Биньона на мѣсто Серры есть новое затрудненіе; говорятъ, что онъ очень расторопенъ.

Буду пользоваться, для нашей переписки, путями, указанными Вами, и прилагаю при семъ два подписанныхъ бланка для въѣзда въ наши границы, на случай, если Вамъ понадобится послать мнѣ нарочнаго.

Буду ждать съ величайшимъ нетерпѣніемъ Вашего отвѣта. Весь вашъ сердцемъ и душою, на жизнь.

Тысячу привѣтовъ, прошу Васъ, отъ меня, Вашимъ родителямъ, братьямъ и сестрамъ.

XIV.

Императоръ къ кн. Чарторыжскому.

С. Петербургъ, 1 Апрѣля 1812.

Не знаю, любезный другъ, догадались-ли Вы о причинѣ моего молчанія.

Ваши предъидущія письма оставили мнѣ слишкомъ мало надежды на успѣхъ, для того что-бы я могъ дѣйствовать, на что я могъ-бы разумно рѣшиться лишь при нѣкоторой вѣроятности успѣха. И такъ мнѣ по необходимости пришлось выжидать событій и не вызывать моими дѣйствіями борьбы, всю важность и опасности коей я оцѣняю, не думая впрочемъ по этому, что я ея избѣгну.

Къ этому присоединилась еще одна причина: я узналъ, изъ вѣрнаго источника, что слѣдятъ за каждымъ Вашимъ шагомъ, и что вокругъ Васъ устроено самое искусное шпіонство. И такъ, я не хотѣлъ подвергнуть Васъ ни малѣйшей опасности и подумалъ, что, отъ совершеннаго прекращенія сношеній между нами на довольно значительное время, подозрѣнія, питаемыя противъ Васъ, утихнутъ, и что тогда, при еще большей, противъ прежняго осторожности и осмотрительности, намъ можно будетъ возобновить нашу переписку безъ опасности для Васъ.

Дѣло въ томъ, что проэкты, насъ занимавшіе, по вѣроятности-ли своей, которая не могла ускользнуть ни отъ одного мыслящаго человѣка, или по нескромности нѣкоторыхъ изъ Вашихъ соотечественниковъ, съ добрымъ намѣреніемъ разгласившихъ собственныя свои предположенія, что эти проэкты пріобрѣли гласность, весьма невыгодную для ихъ осуществленія, такъ что о нихъ заговорили даже въ Дрезденѣ и въ Парижѣ. Всѣ эти соображенія заставили меня хранить это долгое молчаніе; но ни участіе къ идеямъ, насъ занимавшимъ, ни рѣшимость приложить ихъ къ дѣлу, какъ только позволятъ обтоятельства, не покидали меня ни на минуту. Прилагаемыя при семъ бумаги убѣдятъ Васъ въ этомъ лучше, чѣмъ все, что я могъ-бы Вамъ сказать.

Разрывъ съ Франціею, повидимому, неизбѣженъ. Цѣль Наполеона состоитъ въ томъ, что-бы уничтожить, или по крайней мѣрѣ унизить, послѣднюю державу, остающуюся въ Европѣ на ногахъ и, желая достигнуть этого, онъ заявляетъ требованія недопустимыя и несогласимыя съ честію Россіи.

1-е. Онъ хочетъ, что-бы всякая торговля съ нейтральными государствами была прекращена. Это значило-бы лишить насъ единственной торговли, которая у насъ осталась.

2-е. Въ то-же время онъ требуетъ, что-бы лишенные всякаго средства вывозить собственные наши продукты, мы бы не полагали никакаго препятствія ввозу Французскихъ предметовъ роскоши, который запрещенъ нами, ибо мы не имѣемъ болѣе средствъ за нихъ платить.

Такъ какъ я никогда не рѣшусь согласиться на подобныя предложенія, то изъ этого вѣроятно воспослѣдуетъ война, несмотря на все то, что сдѣлала Россія, что-бы ея избѣгнуть. Эта война прольетъ потоки крови, и бѣдное человѣчество еще разъ будетъ принесено въ жертву ненасытному честолюбію человѣка, созданнаго, повидимому, для его несчастія. Вы слишкомъ ясно смотрите на вещи, что-бы не видѣть, сколь мало либеральныя идеи относительно Вашей родины имѣютъ вліяніе на его образъ дѣйствій. Наполеонъ имѣлъ на этотъ счетъ конфиденціяльные разговоры съ посланниками Австрійскимъ и Прусскимъ, и тонъ, которымъ онъ объяснялся съ ними, прекрасно выражаетъ и его характеръ, и малую его привязанность къ Вашимъ соотечественникамъ, на которыхъ онъ

смотритъ лишь какъ на орудія своей ненависти противъ Россіи.

Эта война, отъ которой, какъ мнѣ кажется, я не могу болѣе уклониться, совершенно развязываетъ мнѣ руки относительно Франціи и предоставляетъ мнѣ свободу трудиться надъ любимыми моими планами возрожденія Вашего отечества.

И такъ, теперь дѣло идетъ только о томъ, что-бы опредѣлить образъ дѣйствій самый выгодный для обезпеченія успѣха нашихъ плановъ; и для того, что-бы Вы имѣли болѣе данныхъ для составленія себѣ мнѣнія, считаю полезнымъ сообщить Вамъ нѣсколько указаній о военныхъ дѣйствіяхъ.

Хотя нѣтъ невозможности, что-бы мы могли довести наши войска до Вислы, даже переправить ихъ, и занять Варшаву, однако осторожнѣе было-бы не основывать нашихъ расчетовъ на столь выгодныхъ предположеніяхъ; отсюда вытекаетъ необходимость распорядиться нашими дѣйствіями такъ, что-бы не было надобности расчитывать на средства и на вліяніе, которое доставило-бы намъ обладаніе Варшавою. И такъ центръ дѣйствій нужно будетъ создать въ нашихъ областяхъ.

Изъ этого проистекаетъ нѣсколько вопросовъ, разрѣшеніе коихъ весьма важно.

Какой моментъ всего удобнѣе для того, что-бы провозгласить возрожденіе Польши?

Самый-ли это моментъ разрыва?

Или выгоднѣе подождать, что-бы наши военныя дѣйствія увѣнчались какимъ-либо значительнымъ успѣхомъ?

Если мы предпочтемъ второе, будетъ-ли полезно, для успѣха нашихъ плановъ, устроить великое княжество Литовское, въ видѣ предварительной мѣры, и дать ему одну изъ двухъ приготовленныхъ конституцій?

Относительно этихъ двухъ существенныхъ вопросовъ прошу я Васъ откровенно высказать Ваше мнѣніе; желаю также, что-бы вы высказались о двухъ приложенныхъ при семъ бумагахъ *) и сказали мнѣ, которую изъ нихъ Вы считаете предпочтительною. Быть можетъ, Вы найдете болѣе полезнымъ слить посылаемые мною два проэкта съ третьимъ, при чемъ прошу Васъ руководствоваться собственнымъ убѣжденіемъ.

Я не стану болѣе вступать здѣсь въ разсужденіе о двухъ вѣроятностяхъ, представляющихся для Россіи въ этой борьбѣ. Мнѣ кажется, что я уже истощилъ этотъ предметъ въ предъидущихъ моихъ письмахъ; удовольствуюсь напоминаніемъ о громадномъ протяженіи земли, которое имѣютъ за собою Русскія войска для того, что-бы отступать, не давая себя разстроить, и о возрастающихъ трудностяхъ, которымъ будетъ подвергаться Наполеонъ, по мѣрѣ удаленія отъ источника своихъ силъ. Если только война начнется, здѣсь рѣшились не складывать оружія. Собранныя военныя средства весьма значительны, и общее настроеніе превосходно, въ противуположность тому, коего Вы были свидѣтелемъ первые два раза. Нѣтъ уже болѣе того хвастовства, которое заставляло презирать непріятеля. Напротивъ того, его силу признаютъ, и считаютъ неудачи весьма возможными; но, не смотря на то, твердо намѣрены до послѣдней возможности поддерживать честь Имперіи.

Какое-бы дѣйствіе произвело при этихъ обстоятельствахъ присоединеніе Поляковъ! Оно было-бы громадно, и

*) Всѣхъ приложеній этихъ не имѣется. *П. Б.*

эта масса Нѣмцевъ, влекомыхъ силою, конечно послѣдовала бы ихъ примѣру. Неужели невозможно достигнуть этого великаго результата?

Швеція заключила съ нами оборонительный и наступательный союзъ. Королевскій принцъ горитъ желаніемъ помѣриться съ Наполеономъ, противъ котораго онъ питаетъ старую личную вражду и, слѣдуя примѣру Густава Адольфа, онъ только и желаетъ послужить дѣлу, которое есть дѣло угнетенной Европы.

Вы, который всегда были столь усердны къ этому дѣлу, Вы, не сомнѣваюсь въ томъ, сознаете всѣ громадныя выгоды, которыя принесетъ Европѣ и человѣчеству вообще его успѣхъ и, въ качествѣ Поляка, Вы не можете быть ослѣплены относительна всѣхъ несчастій, коимъ подверглась-бы Ваша родина, если-бы, ставъ подъ знаменемъ Франціи, она дала Россіи право отомстить за все зло, которое бы ей причинила Польша.

Я желаю, что-бы Вы сообщили мнѣ списокъ лицъ, на которыхъ мы могли-бы расчитывать для осуществленія нашихъ плановъ. Было-бы весьма выгодно, если-бы въ ихъ числѣ нашлись военные изъ арміи герцогства.

Сообразуясь съ Вашими совѣтами, я до сихъ поръ поступалъ съ крайнею умѣренностію относительно тѣхъ изъ Вашихъ соотечественниковъ въ нашихъ областяхъ, которые извѣстны своимъ нерасположеніемъ къ Россіи, въ надеждѣ, что эта умѣренность будетъ оцѣнена.

Однако же, она породила мысль, что насъ заставляетъ лицемѣрить передъ ними какой-то страхъ. Было-бы весьма важно опредѣлить образъ дѣйствій, коего слѣдуетъ держаться относительно ихъ, когда начнется война. Отъ этого зависитъ общая безопасность, и я очень желаю, что-бы Вы сообщили мнѣ Ваши мысли на этотъ счетъ.

Прошу Васъ любезный другъ, отправить Вашъ отвѣтъ въ Вильну, черезъ г. Ланскаго, Гродненскаго губернатора или всякимъ инымъ способомъ, который покажется Вамъ наиболѣе вѣрнымъ и быстрымъ. Это письмо доставитъ Вамъ г. Ключинскій.

Замѣчаю, что я не отвѣчалъ на postscriptum Вашего послѣдняго письма отъ 25 Января *): замыселъ привести Наполеона къ тому, что-бы онъ безъ принужденія возстановилъ Польшу и поставилъ ее подъ владычество короля — Императора Россіи, совершенно мечтателенъ. Никогда не согласится онъ на исходъ, столь выгодный для Россіи, въ особенности въ минуту, когда онъ занятъ лишь разрушительными планами, направленными противъ нея. Онъ никогда не сочтетъ услугою со стороны Россіи невозможность, въ коей она находилась, помѣшать ему вторгнуться въ Пруссію, невозможность, происшедшую отъ совершеннаго отсутствія энергіи въ королѣ Прусскомъ, который видѣлъ въ Берлинѣ и въ своемъ дворцѣ всю свою монархію.

Прощайте, любезный другъ. Единому Провидѣнію извѣстенъ исходъ великихъ событій, которыя подготовляются. Мнѣ было-бы весьма отрадно видѣть Васъ въ Вильнѣ (куда я ѣду черезъ три дня) хотя бы на короткое время, въ этотъ столь важный моментъ; но не смѣю предложить Вамъ это, сознавая всю опасность, коей Вы подверглись-бы этою поѣздкою. Руководствуйтесь во всемъ этомъ лишь Вашею осторожностію и вѣрьте, что я остаюсь на жизнь весь Вашъ, сердцемъ и душою.

*) Письма этого, какъ и упомянутыхъ на стр. 831-й, въ книгѣ нѣтъ. *П. Б.*

Тысячу привѣтовъ отъ меня всему Вашему семейству, къ коему я питаю искреннюю привязанность.

XV.

Князь Чарторыжскій къ Императору

4 Іюля (22 Іюня) 1812. *)

Съ первой минуты, когда я имѣлъ счастіе приблизиться къ В. И. В-ву, Вамъ стала извѣстна безъ утайки глубокая моя привязанность къ моей родинѣ и, въ теченіи долгаго ряда лѣтъ, проведенныхъ мною въ Россіи, неизмѣнныя мои чувства въ этомъ отношеніи всегда были открыты передъ Вами и даже во многихъ случаяхъ развивались на Вашихъ глазахъ.

Рожденный Полякомъ, воспитанный въ правилахъ самаго чистаго патріотизма, свидѣтель того счастія, которое, въ теченіи слишкомъ краткихъ мгновеній, повидимому улыбнулось моей несчастной родинѣ, я раздѣлилъ восторгъ, въ то время воспламенявшій всѣ сердца, и я сражался, защищая ее въ дѣлѣ на столько же справедливомъ, на сколько оно оказалось несчастнымъ.

Эти впечатлѣнія моей молодости запечатлѣли въ душѣ моей неизгладимыми чертами тѣ обязанности, которыя всякій человѣкъ при рожденіи беретъ на себя относительно своей родины.

Когда В. И. В-во пожелали, что-бы я принялъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ, то я прежде всего просилъ Васъ уволить меня отъ этого, напоминая Вамъ, что, при возможныхъ случайностяхъ будущаго, надежды Польши и всѣмъ извѣстныя мои чувства на этотъ счетъ могутъ стать въ противорѣчіе съ благомъ Вашей службы, и что я долженъ избѣгать столь щекотливаго сплетенія обязанностей.

Когда-же наконецъ я подчинился Вашей волѣ, то эти-же соображенія, эти первостепенныя обязанности были признаны Вами за ограниченіе моихъ служебныхъ обязанностей. Желая слить воедино эти соображенія съ тѣмъ долгомъ, который возложили на меня моя привязанность къ особѣ В. И. В-ва и довѣріе, коимъ Вы меня удостоили, я предложилъ Вамъ, семь лѣтъ тому назадъ, сдѣлать починъ по Польскимъ дѣламъ и обезпечить за собою навсегда сочувстіе и содѣйствіе моихъ соотечественниковъ, связавъ ихъ интересы съ интересами Вашей славы.—Было-бы излишнимъ распространяться тутъ о выгодахъ, которыя принесло-бы принятіе Вами въ то время этого плана. Не стану распространяться о причинахъ, не допустившихъ его осуществленія. Позднѣе было много случаевъ, благопріятныхъ для его исполненія; но имъ дали ускользнуть, не воспользовавшись ими, и съ каждымъ упущеннымъ случаемъ возрастали трудности дѣла.

В. И. В-во имѣли благосклонность снизойти на мои просьбы, и уже лѣтомъ 1806 года позволили мнѣ сложить ту должность, которую Вы соблаговолили поручить мнѣ въ министерствѣ. То что въ началѣ моей служебной карьеры въ Россіи было

*) Для лучшаго пониманія этого письма, надо вспомнить, что вслѣдъ за вторженіемъ Наполеона въ Русскіе предѣлы, Поляки совсѣмъ забыли о томъ, какъ жестоко обольщалъ онъ ихъ. 26 Іюня въ Варшавѣ собрался сеймъ подъ предсѣдательствомъ кн. Адама Казиміра (такъ называемаго отца нашего князя Чарторыжскаго). превозглашено возстановленіе Польскаго королевства и предписано общее ополченіе. Князь Чарторыжскій однако не поѣхалъ въ Варшаву. См. его письмо о томъ къ Матусевичу изъ Сѣнявы отъ 10 Іюня 1812 г. въ въ Р. Арх. 1863 г. *П. Б.*

лишь неопредѣленнымъ безпокойствомъ, становилось основательнымъ опасеніемъ. Оно усиливалось съ каждымъ днемъ слѣдовавшими поочередно событіями, указывавшими на то, чего еще слѣдуетъ ожидать: возникновеніемъ Варшавскаго герцогства, которое всѣми Поляками было признано за ядро ихъ отечества, войною 1809 года, въ которую мои соотечественники двухъ владѣній соединились и выказали безграничную преданность своей общей родинѣ и которая включила въ герцогство всѣхъ лицъ моего семейства и его резиденцію.

Тогда я почувствовалъ, что, во многихъ обстоятельствахъ, я болѣе не имѣю возможности согласовать обязанности, сталкивающіяся между собою, и я предвидѣлъ ту минуту, когда онѣ станутъ между собою въ прямое противорѣчіе.

В. И. В-во часто были свидѣтелемъ моего безпокойства. Ненавидя всякій двусмысленный образъ дѣйствій, неспособный его поддерживать, я искалъ удаленія отъ Петербурга. Я даже ходатайствовалъ, тому скоро два года, о совершенной отставкѣ и имѣлъ смѣлость, Государь, напоминать Вамъ о моей просьбѣ въ двухъ послѣдовательныхъ письмахъ. — В. И. В-во, отказывая мнѣ въ отставкѣ, соблаговолили позволить, что-бы я продолжалъ пребывать въ нѣдрахъ моего семейства, единственномъ убѣжищѣ, которое могло мнѣ приличествовать и оградить меня на время отъ столкновеній, коихъ я опасался.

Событія, непосредственно предшествовавшія настоящему кризису, побудили меня въ послѣднихъ моихъ письмахъ отъ 22 Мая (4 Іюня) и 1 (13) Іюня, повторить мою просьбу о полной отставкѣ, съ настоятельностію, соотвѣтствующею возрастающей затруднительности моего положенія.

Наступила, Государь, минута, когда мои разнообразныя обязанности согласовать стало невозможно. Какъ я ни привязанъ къ моей родинѣ, какъ пламенно я ни желаю ей счастія, но выражаю это убѣжденіе В. И. В-ву со смущеніемъ и съ тяжелымъ сердцемъ.

Какой нибудь выборъ становится необходимымъ. Глубоко чувствую, на сколько въ моемъ положеніи такой выборъ тягостенъ и щекотливъ. Однако-же, если уже онъ необходимъ, можетъ-ли онъ быть сомнительнымъ передъ строжайшимъ изъ судилищъ, передъ судилищемъ совѣсти, взвѣшивающимъ и сравнивающимъ всѣ обязанности, и всѣ приговоры коего конечно оцѣнитъ и признаетъ великая душа В. И. В-ва?

Польша торжественно провозглашена генеральною конфедераціею, во главѣ которой стоитъ мой отецъ.— Имя Польши въ его устахъ, однажды произнесенное, для меня рѣшительно. Суровыя мѣры, къ сожалѣнію уже вступившія въ дѣйствіе, бѣдствія, всякаго рода, гибельнаго потока коихъ (боюсь) не остановить даже Вашему великодушію, доведутъ до крайности застарѣлую ненависть между двумя націями, которымъ слѣдовало-бы почитаться сестрами. Кровавая война упрочитъ существованіе моей родины, или наполнитъ ее плачемъ, превратитъ ее въ пустыню, довершитъ ея бѣдствія. Какая бы участь ея ни ожидала, эту участь я долженъ раздѣлить. Уже мое семейство, мои друзья, съ отцомъ моимъ во главѣ, послѣдовали ея призыву. Я одинъ его не послушался. Проникнутый обязанностями, возлагаемыми на меня честью и постоянными милостями В. В-ва, я даже теперь удаляюсь отъ

того поприща, на которомъ должна рѣшиться судьба всего, что привязываетъ меня къ жизни. Отправляюсь для поправленія моего здоровья, на Венгерскія и Богемскія воды. — Но, уѣзжая, я долженъ повторить мои настоятельныя просьбы и еще разъ повергнуть къ стопамъ В. И. В. формальное прошеніе объ отставкѣ. Въ силу 6-ой статьи конфедераціоннаго акта, всѣ Поляки, занимающіе въ Россіи военныя или гражданскія должности, обязаны оставить службу этой державы.

Полагаю, Государь, что я доказалъ Вамъ мою преданность; лучшіе мои годы были посвящены Вамъ. — Пока я былъ въ должности, я служилъ В. В-ву съ самымъ пламеннымъ усердіемъ. Вопрошаемый Вами въ послѣдствіи, я постоянно говорилъ по совѣсти, я не переставалъ говорить полную истину въ такой даже мѣрѣ, что не разъ навлекалъ на себя Ваше неудовольствіе.—Мнѣ нельзя сдѣлать ни одного упрека; ни одно несчастіе, общественное или частное, не будетъ возложено на мою отвѣтственность. Пока было мнѣ возможно, я исполнялъ съ усердіемъ и преданностію мой долгъ, не только относительно особы В. И. В-ва, но также относительно Вашей имперіи. При всякомъ случаѣ, единственнымъ моимъ желаніемъ было исполнять мой долгъ, нынѣ онъ предписываетъ мнѣ развязать узы, связывающія меня съ Россіею.

Повинуясь этому долгу и умоляя В. И. В-во не отказать мнѣ въ полной отставкѣ, мое сердце болѣе чѣмъ когда-либо преисполнено чувствами, привязывающими меня къ Вамъ. Но я не былъ бы способенъ на эти неизмѣнныя чувства, мой образъ дѣйствій до сихъ поръ не былъ-бы безупречнымъ, если-бы теперь я былъ способенъ молчать и забыть мои первѣйшія обязанности.

Соблаговолите, Государь, поставить себя на минуту въ мое положеніе; посудите о томъ, что происходитъ въ моей душѣ, и соблаговолите извѣстить меня о Вашихъ рѣшеніяхъ.

Если мое поведеніе раздражитъ В. И. В-во, то не прошу у Васъ никакого снисхожденія какъ у Государя, коимъ должны руководить одни государственныя соображенія. Прошу Васъ единственно помнить извѣстный Вамъ всегдашній мой образъ мыслей и тѣ побужденія, которыя постоянно мною руководили, и не лишать меня того личнаго расположенія, коимъ я дорожу болѣе всего.

Милости, коими осыпали меня В. В. В-во, никогда не изгладятся изъ моихъ мыслей. — Соблаговолите принять выраженіе преданности, коей положить предѣлы могъ одинъ долгъ.

XVI.

Князь Чарторыжскій къ Императору.

Карльсбадъ 4 (16) Августа 1812.

Лишенный отвѣта на послѣднее письмо мое отъ прошлаго 4-го Іюля, которое я осмѣлился отправить къ В. В-ву, умоляя Васъ даровать мнѣ полную отставку, о которой я уже просилъ Васъ въ предъидущихъ письмахъ, я нахожу себя вынужденнымъ представить В. В-ву о безусловной необходимости, въ коей я себя увижу (теряя надежду на отвѣтъ) не откладывать далѣе извѣстнаго срока моего приступленія къ Польской конфедераціи.

Этимъ приступленіемъ я объявлю себя Полякомъ и заявлю, что я не отдѣляюсь отъ единодушнаго порыва

всей націи. Это заявленіе, отъ котораго я не могу уклониться.

Будущность до сихъ поръ весьма сомнительна; но что̀ бы ни случилось, единственная надежда націй заключается въ ихъ единодушіи, и что̀ сталось-бы съ личностію, которая, при этихъ обстоятельствахъ, отдѣлилась-бы отъ своей націи и отрѣшилась-бы отъ всякаго отечества?

Вотъ уже третій разъ, въ теченіи довольно краткаго времени, я противлюсь повторяемымъ и съ каждымъ разомъ болѣе настоятельнымъ требованіямъ на этотъ счетъ. Ожидаю, что вскорѣ они еще усилятся. Нѣтъ путешествія, нѣтъ разстоянія, которое могло-бы разъединить меня съ моею родиною. Пытаюсь-ли я отдѣлить особу В. В-ва отъ Русскаго правительства, или вижу себя вынужденнымъ сливать ихъ во едино, мнѣ представляются доводы и побужденія, не могущія не производить на меня глубокаго впечатлѣнія, такъ что отнимается у меня всякая возможность увернуться.

Ни одинъ Полякъ конечно не обязанъ, и съ его стороны было-бы неизвинительнымъ, жертвовать собою для правительства Россіи, которая была главною причиною бѣдствій и разрушенія его родины, и которая (оставленіемъ большей части Польскихъ областей и суровостями, оказанными войсками при ихъ отступленіи) разрѣшила эти области отъ временныхъ узъ, которыя и первоначально были на нихъ несправедливо наложены *). Когда причина этого рода прекращается, тотчасъ прекращается и ея дѣйствіе, и лица пріобрѣтаютъ свободу, какъ только освобождаются области. Всякій свободный человѣкъ, какъ только онъ подалъ въ отставку, считается получившимъ ее. Упорствовать въ ожиданіи формальной отставки, которой Русское правительство быть можетъ никогда не захочетъ дать, это лишь предлогъ для того, что-бы обезпечить себя на случай неудачи и что-бы затѣмъ насладиться безопасно результатами, добытыми усиліями и опасностями всей націи.

Что̀ касается до привязанности, до благодарности, то если эти чувства громко даютъ о себѣ знать съ одной стороны, они не менѣе громко предъявлены и съ другой, когда на нихъ ссылаются столько старинныхъ друзей, глубоко уважаемые родители, нѣжно любимое семейство. Впрочемъ всѣми признано, что личныя чувства, какъ-бы ни были они почтенны, всегда и повсюду должны уступать тѣмъ, которыхъ требуетъ родина.

Вотъ что̀ мнѣ говорятъ и повторяютъ и на что̀ я не знаю, какъ отвѣчать.—Къ этому присовокупляютъ иные доводы, хотя и второстепенные, но имѣющіе свою важность, и о которыхъ я не упомяну, ибо, при всякихъ другихъ обстоятельствахъ, они бы меня не поколебали.

Вѣрно то, что первыя наши обязанности суть обязанности относительно нашей родины, и что величайшее несчастіе-подвергнуться неуваженію отъ своихъ соотечественниковъ и не имѣть возможности показаться съ открытымъ лицомъ у собственнаго своего очага. Признаюсь, что самая мысль о такомъ несчастіи для меня невыносима и что я не могъ бы взять на себя и роль эмигранта, не имѣющую въ настоящее время ни смысла, ни пользы. И такъ я буду вынужденъ высказаться. Это предписываетъ голосъ самыхъ сильныхъ связей, еще болѣе сильный голосъ долга, и самая

*) Чарторыжскій конечно лучше другихъ зналъ всю лживость такого рода утвержденій. *П. Б.*

строгая необходимость ставитъ мнѣ это въ законъ.

Я льстилъ себя надеждою, что В. И. В-во, зная мое положеніе и мой образъ мыслей, и вслѣдствіе своихъ прежнихъ милостей, удостоите меня нѣсколькихъ словъ отвѣта, прежде чѣмъ я буду доведенъ до этой крайности. Какъ-бы то ни было, я долженъ счесть согласіемъ сіе совершенное молчаніе, и объ этомъ я хотѣлъ представить напередъ В. И В-ву. Какое могу я имѣть иное желаніе, какъ не упускать ничего изъ того, чего требуютъ долгъ и приличіе въ печальномъ положеніи, въ коемъ я нахожусь, и что можетъ даже теперь доказать Вамъ, Государь, тѣ чувства, коими я проникнутъ!

XVII.

Князь Чарторыжскій къ Императору

Вѣна, 9 Октября 1812.

Такъ какъ я поручилъ лицамъ весьма вѣрнымъ два письма, написанныя мною одно за другимъ къ В. И. В-ву, отъ 22 Іюня (4 Іюля) и 4 (16) Августа сего года, то не могу сомнѣваться въ томъ, что они оба давно до Васъ дошли.—Въ первомъ я умолялъ Васъ, Государь, даровать мнѣ полную отставку, о коей я уже ходатайствовалъ прежде, и я принималъ смѣлость излагать причины, вынуждающія меня повторить лично эту просьбу; во второмъ, я осмѣливался представить В. В-ву, что, при неожиданныхъ обстоятельствахъ минуты и при отсутствіи отвѣта, Ваше молчаніе, Государь, наконецъ сравнится съ согласіемъ. Но я утѣшалъ себя надеждою, что прежде, чѣмъ я буду вынужденъ взглянуть на мое положеніе съ этой точки зрѣнія, Вы соблаговолите извѣстить меня о благопріятномъ рѣшеніи. Я до сихъ поръ не получилъ никакого отвѣта.

Понимаю, что у Вашего В-ва столько заботъ, и Вамъ не до отвѣта. Однако, если Вы не вовсе лишили меня той милости, коей Вы въ прежнее время меня удостоивали, если Вы еще принимаете нѣкоторое во мнѣ участіе, соблаговолите принять въ соображеніе, что вернуться на родину, соединиться съ моимъ семействомъ (не говоря о долгѣ, меня къ тому обязывающемъ) есть единственное счастіе, которое могла-бы представить мнѣ жизнь. Оно было-бы жестоко отравлено, если-бы я могъ насладиться имъ лишь противъ воли В. В-ва или, подвергаясь Вашему гнѣву, былъ вынужденъ удовольствоваться предполагаемымъ и молчаливымъ согласіемъ. Мое желаніе, въ настоящую минуту, заключается въ томъ, чтобы жить спокойно, но уже болѣе не разставаться съ моими. Каковы бы ни были событія, которыя готовитъ намъ будущее, отчего-бы В. В-ву не согласиться на просьбу, которую я снова повергаю на Ваше усмотрѣніе съ живѣйшею и почтительнѣйшею настоятельностію?

Слишкомъ-ли я разсчитывалъ на Вашу великодушную благость, обращаясь къ Вамъ съ этою просьбою? Было ли то притязаніемъ на милость, на которую я не имѣлъ никакого права и которая была-бы слишкомъ большимъ исключеніемъ изъ общихъ правилъ, принятыхъ правительствомъ? Даже въ этомъ случаѣ, я могъ бы привести доводы въ свою пользу и въ пользу соизволенія не въ примѣръ другимъ и придалъ-бы оному невыразимую цѣну по чувствамъ, питаемымъ мною въ теченіи столькихъ лѣтъ.

Съ другой стороны, безусловный отказъ въ столь давно просимомъ увольненіи, отнимая всякую надежду на его полученіе, не даетъ-ли тѣмъ самымъ право считать себя уволеннымъ? Меня увѣряли, что такой отказъ заключается въ письмѣ В. И. В-ва, адресованномъ ко мнѣ. Однако это письмо ко мнѣ не доходило *), и если оно дѣйствительно существуетъ, я ничего не знаю о его содержаніи. Какъ-бы то ни было, если еще пройдетъ шесть недѣль безъ всякого отвѣта отъ В. И. В-ва, чѣмъ могу я объяснить себѣ это продолжительное молчаніе, если не тѣмъ, что В. В-во обо мнѣ забыли, что Вы отнынѣ совершенно равнодушны къ ожидающей меня судьбѣ и что, предавъ меня забвенію, Вы предоставляете мнѣ свободу избрать тотъ образъ дѣйствій, который предпишутъ мнѣ обстоятельства и вытекающія изъ нихъ обязанности? Впрочемъ, даже по истеченіи этого срока, который я продлю на сколько то позволятъ эти обязанности, отвѣтъ отъ Васъ, Государь, будетъ предметомъ всѣхъ моихъ желаній; благопріятный, онъ будетъ драгоцѣннѣйшимъ изъ Вашихъ благодѣяній: отрицательный, онъ будетъ однимъ изъ несчастій моей жизни.

Когда, лишенный всякихъ средствъ отсрочить шагъ необходимый, я увижу себя вынужденнымъ приступить къ Польской конфедераціи, я стану лишь повторять моимъ соотечественникамъ то что̀ всегда было извѣстно В. И. В-ву о моихъ чувствахъ, то что̀ я поспѣшилъ изложить въ двухъ письмахъ, которыя я осмѣлился написать на Ваше имя. Актъ приступленія, коимъ я признаю себя за Поляка, въ нихъ заключается уже.—Я подумалъ, что прежде всего мнѣ слѣдуетъ вручить его Вамъ, полагаясь на Вашъ справедливый судъ и подвергаясь послѣдствіямъ, могущимъ проистечь изъ этого шага въ минуту, когда вѣроятности военныхъ успѣховъ были крайне шатки.

Мнѣ, въ сущности, нечего было прибавить къ этимъ двумъ письмамъ; но, такъ какъ представился случай написать въ Россію, я не хотѣлъ преминуть напомнить объ ихъ содержаніи В. И. В-ву, и переслать Вамъ эти строки, начертанныя мною съ печалью и безпокойствомъ: таково постоянное мое настроеніе въ теченіи послѣднихъ мѣсяцевъ. Непрестанный мой страхъ за Вашу особу, Государь, за Вашу безопасность, составляетъ значительную долю всевозможныхъ тревогъ, меня терзающихъ. Поставленный, къ несчастію, между столькими противуположными соображеніями и обязанностями, въ то время, когда одни изъ нихъ по необходимости должны уступить, другія одержать верхъ и, покоряясь послѣднимъ, какъ мнѣ отдѣлаться отъ чувствъ и опасеній, внушаемыхъ мнѣ первыми?

P. S.— Если-бы, Государь, Вамъ пришлось подумать о мирѣ и если-бы Вамъ пришлось покупать его великими жертвами, то не облегчилось-ли бы дѣло (прочнымъ и блестящимъ образомъ)возведеніемъ на Польскій престолъ младшаго изъ Великихъ Князей; не было-бы ли то средствомъ сдѣлать миръ болѣе легкимъ и почетнымъ и даже болѣе выгоднымъ, чѣмъ онъ покажется на первый взглядъ? Полагаю также, что въ эту минуту будетъ легче заключить общій миръ, чѣмъ миръ частный. Въ силу общаго мира, благодѣянія коего, даже если-

---

*) Полно, такъ ли? Играть въ эту игру слишкомъ выгодно. *П. Б.*

бы онъ былъ кратковременен, былибы неисчислимы для материка Европы, затрудненіе закрытія портовъ упразднилось-бы само собою, а это затрудненіе кажется мнѣ однимъ изъ самыхъ значительныхъ.

Въ случаѣ, если В. И. В-во соблаговолите удостоить меня отвѣтомъ, умоляю Васъ отправить Ваше письмо г. Беньковскому въ Меджибожь съ приказаніемъ доставить мнѣ его вѣрнымъ путемъ, или же, если есть надежныя сообщенія между Россіею и Вѣною, адресовать его въ этотъ городъ на имя моей тетки, княгини Любомирской, также поручивъ ей доставить мнѣ его черезъ вѣрнаго посредника.

XVIII.

Князь Чарторыжскій къ Императору.

6 Декабря 1812.

Побѣда, повидимому, рѣшительно увѣнчиваетъ усилія В. И. В-ва. Если Вы вступите побѣдителемъ въ Польшу, вернетесь-ли Вы, Государь, къ Вашимъ стариннымъ планамъ относительно этой страны? Покоряя ее, захочете-ли Вы въ то-же время покорить сердца? Пожелаете-ли Вы также сдѣлать узы, связующія обѣ націи неразрывными, содѣлавъ ихъ произвольными, и установить порядокъ вещей, котораго не могли бы разрушить никакія превратности, потому что онъ осуществитъ желанія и благополучіе покоренной націи?—Если В. В-во не измѣнили Вашихъ намѣреній, соблаговолите извѣстить меня о томъ и сообщить мнѣ Ваши мысли. Присланныя мнѣ бумаги могутъ сдѣлаться полезными, какъ первое основаніе.—Мы, быть можетъ, достигаемъ минуты, когда Ваши воинскіе успѣхи наконецъ позволятъ Вамъ приступить къ осуществленію этого дѣла.—Въ этомъ случаѣ, осмѣлюсь умолять В. В-во извѣстить меня о томъ безъ промедленія. Боюсь, что-бы Австрія и Пруссія, своими внушеніями, не захотѣли отклонить Васъ отъ Вашей мысли.—Между тѣмъ, Вы не обязаны ни къ какимъ уступкамъ передъ этими державами, и тѣ-же соображенія политики, славы, человѣколюбія, которыя заставили Васъ принять этотъ планъ, только и могутъ побудить Васъ привести его въ исполненіе, какъ только Вы къ тому увидите возможность. Обратиться нужно къ генеральной конфедераціи и съ нею условиться.—Это единственный и истинный путь, что-бы прійти прямо къ цѣли, что-бы возвести прочное зданіе, что-бы соединить всѣ умы и всѣ воли. Повторяю, Государь, смотря по событіямъ, которыя проистекутъ изъ военныхъ дѣйствій, сообщите мнѣ Ваши намѣренія на этотъ счетъ, чего Вы желаете, что Вы хотите сдѣлать; ибо, въ этомъ случаѣ я вижу передъ собою возможность послужить моей родинѣ, послужить и Вамъ.

Это не мѣшаетъ мнѣ повторить настоятельно еще разъ мою нижайшую просьбу о полной отставкѣ, съ которою я уже три раза обращался къ В. И. В-ву. Соблаговолите извинить, Государь, форму этого письма; арміи находятся въ такомъ другъ къ другу положеніи, что не смѣю его подписать.

XIX.

Князь Чарторыжскій къ Императору

15 (27) Декабря 1812.

Я отправилъ, 6-го сего мѣсяца, къ В. И. В-ву письмо безъ подписи, ко-

торое вѣроятно до Васъ дошло и копію съ коего я однако здѣсь прилагаю.

Военныя событія приняли оборотъ, повидимому, рѣшительный, и я боюсь, что никто не захочетъ теперь ходатайствовать передъ В. И. В-вомъ объ интересахъ моей родины. По этому я рѣшился отправить г. К. съ приложенными при семъ бумагами. Дай Богъ, что-бы онѣ содѣйствовали къ тому, чтобы убѣдить Васъ, Государь!

Опасаюсь, съ одной стороны, внушеній континентальныхъ державъ: онѣ захотятъ отклонить Васъ отъ мысли, которой онѣ испугаются и которая слишкомъ прекрасна, для того что-бы ее поняли ихъ Кабинеты. Успокоиваетъ меня то, что Англія, въ силу истинныхъ своихъ интересовъ и судя по образу мыслей принца-регента, не можетъ ея не одобрить.—Съ другой стороны, опасаюсь совѣтовъ лицъ, Васъ окружающихъ и которыя, по разнымъ соображеніямъ, быть можетъ отнесутся къ этому плану враждебно, или, ослѣпленныя Вашимъ успѣхомъ, забудутъ, что это—самое выгодное и славное средство его упрочить.

Въ сущности, вся моя надежда возлагается на собственныя Ваши чувства, Государь. Вы болѣе, чѣмъ кто-либо, знакомы съ предметомъ. — И такъ было-бы излишне вступать въ дальнѣйшія подробности и предъусматривать возраженія, что-бы на нихъ отвѣчать.

Не могу себѣ представить, что-бы В. И. В-во, желавши, когда Вы не могли, не желали теперь, когда Вы можете все, чего хотите. Это такія минуты, которыя въ жизни не повторяются.

Если В. И. В-во, въ ту минуту, когда Польская нація ждетъ мести завоевателя, протянете ей руку и предложите ей добровольно то, что для нея было цѣлію борьбы, то это произведетъ дѣйствіе волшебное, ручаюсь Вамъ въ томъ, Государь; оно превзойдетъ Ваши ожиданія, Вы будете удивлены и тронуты.

Если-бы Вы разсудили за благо послѣдовать мысли о Великомъ Князѣ Михаилѣ, я-бы взялъ на себя все подписать безъ замедленія и отвѣчалъ-бы за то, что все требуемое Вами будетъ исполнено.

Считаю долгомъ не скрыть отъ В. И. В-ва, что постоянный поводъ къ безпокойству и страху составляетъ для Поляковъ Великій Князь Константинъ, наслѣдникъ Вашего престола. Вотъ почему они предпочли-бы другую вѣтвь Вашего семейства. Дѣйствительно, король Польскій, у котораго будетъ въ распоряженіи 300,000 Русскихъ, какъ только онъ захочетъ не соблюдать законовъ, не исполнять обѣщаній, разрушить то, что было установлено его предшественникомъ, всегда будетъ властенъ это сдѣлать. Такая будущность заставитъ Поляковъ настаивать на правильно устроенной конституціи, хотя, въ сущности, и самыя тщательныя предосторожности этого рода не могутъ оградить ихъ отъ рѣшительнаго насилія, ни даже отъ измѣненій системы и взглядовъ со стороны одного изъ будущихъ государей Россіи.

Каково-бы впрочемъ ни было, Государь, устройство, избранное Вами, на основаніи предложенныхъ мною данныхъ, не думаю, что-бы я ошибся, утверждая, что оно можетъ осуществиться къ полному Вашему удовольствію.

Теперь дѣло В. И. В-ва дать первый толчокъ, объяснить Ваши жела-

нія, указать на средство сговориться; словомъ, кончить дѣло. Полагаю, что я, въ качествѣ Поляка, сдѣлалъ все возможное, что-бы оное подготовить.

Что касается до меня въ особенности, то я, Государь, въ ожиданіи отвѣта съ Вашей стороны, до сихъ поръ отказывался посылать актъ моего формальнаго приступленія къ конфедераціи; однакоже я по чувству присоединился къ ней, приступилъ къ ней всѣми моими желаніями за свою родину, какъ о томъ свидѣтельствуютъ три мои письма на имя В. И. В-ва. Конечно, не въ ту минуту, когда мои соотечественники опасаются, что-бы ихъ прямодушныя намѣренія, ихъ героическія жертвы, ихъ чувствительныя потери не повели къ еще большимъ бѣдствіямъ — не тогда, говорю я, когда всѣ надежды моей родины, повидимому, затмѣваются, стану я отступаться и отрѣкаться передъ В. В-вомъ отъ дѣла, священнаго для всякаго Поляка и которое останется таковымъ и справедливымъ, даже если оно не перестанетъ быть несчастнымъ. Если Вы протянете намъ руку, Госадарь, хочу испытать вполнѣ восторгъ моихъ соотечественниковъ; если Вы насъ отвергнете, я раздѣлю ихъ горе и ихъ отчаяніе.

Умоляю снова В. И. В-во даровать мнѣ безусловную отставку, о которой я просилъ гораздо раньше войны, по причинамъ частнымъ; сочетаніе всякаго рода причинъ заставляетъ меня ходатайствовать о ней нынѣ. У В. И. В-ва не можетъ быть поводовъ къ отказу, какой-бы оборотъ Вы ни желали придать дѣламъ.

Однако-же, если нужно что-бы я явился передъ вами, Государь, для защиты интересовъ моей родины, если Вы думаете, что мое присутствіе для нея полезно, то я готовъ предпринять это путешествіе.

В. И. В-во не приблизитесь-ли къ театру событій, что-бы удобнѣе управлять ими? Хотите-ли, Государь, что-бы я открылъ переговоры съ конфедераціею и съ Варшавскимъ правительствомъ, или хотите Вы поручить это кому-либо другому? — Не нашли-бы Вы удобнымъ, что-бы мнѣ поручили они устройство дѣла? Въ такомъ случаѣ, я поспѣшу послать имъ мое приступленіе къ конфедераціи и, снискавъ ихъ довѣріе, я вскорѣ доставлю имъ и Ваше.

Если Ваши намѣренія благопріятны, Государь, соблаговолите сообщить ихъ мнѣ немедленно; но, главное и прежде всего, отдайте Вашимъ генераламъ сообразныя съ тѣмъ приказанія.

Мой совѣтъ состоялъ бы въ томъ, что-бы В. И. В-во тотчасъ дали вашей арміи инструкціи подобныя изложеннымъ въ приложеніи А *), и что-бы въ то-же время доставили мнѣ предварительные пункты, которые, Государь, вы сочтете допустимыми, подписанные Вашею рукою. — Другіе пункты, требующіе дальнѣйшаго обсужденія, могли-бы быть улажены вслѣдъ за этимъ первымъ шагомъ.

Весьма далекій во всѣхъ возможныхъ случаяхъ отъ желанія брать на себя то, чего я не могу исполнить, полагаю, что въ этомъ случаѣ никто лучше меня не съумѣлъ бы сладить дѣло и окончить его быстро, сообразно съ желаніями обѣихъ сторонъ. Соблаговолите только сообщить мнѣ Ваши. — Если В. В-во призовете подателя этого пакета, онъ способенъ отвѣчать на Ваши вопросы и дать объясненія относительно многихъ пунктовъ.

*) Въ книгѣ не имѣется. *И. Б.*

XX.

Императоръ къ князю Чарторыжскому.

Лейпуны, 13-го Января 1813.

Два дня тому назадъ, я получилъ Ваше интересное письмо отъ 15 Декабря 1812 года и копію письма отъ 6-го, со всѣми приложеніями. Г. Ключевскій вручилъ ихъ мнѣ въ Мезельшѣ. Но оригиналъ письма отъ 6-го до сихъ поръ до меня не дошелъ.

Сегодня я получилъ черезъ корпусъ Чичагова бумагу, за подписью *министра внутреннихъ дѣлъ Мостовскаго*, въ конвертѣ, ко мнѣ адресованномъ. Прилагаю съ нея копію. *)

Не теряю ни минуты, что-бы отвѣчать Вамъ, и это письмо послужитъ въ то-же время отвѣтомъ на бумагу г. Мостовскаго.

Предложенія, заключающіяся во всѣхъ этихъ бумагахъ и личныя чувства ко мнѣ, въ нихъ выраженныя, глубоко меня тронули. Успѣхи, коими Провидѣнію угодно было благословить мои усилія и мою настойчивость, нисколько не измѣнили ни моихъ чувствъ, ни моихъ намѣреній относительно Польши. И такъ, пусть опасенія Вашихъ соотечественниковъ успокоятся.—Месть есть чувство, котораго я не знаю, и величайшее для меня наслажденіе—платить добромъ за зло. — Моимъ генераламъ отданы строжайшія приказанія дѣйствовать сообразно съ этимъ и обращаться съ Поляками, какъ съ друзьями и братьями.

Хочу говорить съ Вами совершенно откровенно. Для того, что-бы провести въ Польшѣ мои любимыя идеи, мнѣ придется побѣдить нѣкоторыя трудности, не смотря на блескъ моего теперешняго положенія.

*) Этой копіи тоже нѣтъ. *П. Б.*

Сперва объ общественномъ мнѣніи въ Россіи. Способъ, которымъ вела себя у насъ Польская армія, грабежи въ Смоленскѣ и въ Москвѣ, опустошеніе всей страны оживили старинную ненависть.

Во вторыхъ, разглашеніе въ настоящую минуту моихъ намѣреній относительно Польши окончательно бросило-бы Австрію и Пруссію въ объятія Франціи: результатъ, коему воспрепятствовать было-бы весьма важно, тѣмъ болѣе, что эти державы уже выказываютъ ко мнѣ наилучшее расположеніе.

Эти затрудненія, при осторожности и благоразуміи, будутъ побѣждены. Но что-бы мы этого достигли, нужно, что-бы Вы и Ваши соотечественники мнѣ содѣйствовали. Нужно, что-бы Вы сами помогли мнѣ примирить Русскихъ съ моими планами, и что-бы Вы оправдали всѣмъ извѣстное мое пристрастіе къ Полякамъ и ко всему, что относится къ ихъ любимымъ идеямъ.—Имѣйте нѣкоторое довѣріе ко мнѣ. къ моему характеру, къ моимъ убѣжденіямъ, и надежды Ваши не будутъ обмануты. По мѣрѣ того, какъ будутъ выясняться результаты военныхъ дѣйствій, Вы будете убѣждаться, сколь дороги мнѣ интересы Вашей родины и на сколько я вѣренъ моимъ старинымъ идеямъ.—Что касается до формъ, то Вамъ извѣстно, что я всегда предпочиталъ формы либеральныя.

Я долженъ предупредить Васъ однакожъ, и это самымъ рѣшительнымъ образомъ, что мысль о моемъ братѣ Михаилѣ не можетъ быть допущена. Не забудьте, что Литва, Подолія и Волынь считаютъ себя до сихъ поръ областями Русскими, и что никакая логика въ мірѣ не убѣдитъ Россію, что-бы онѣ могли быть подъ

владычествомъ иного государя, кромѣ того, кто въ ней царствуетъ. Что касается до названія, подъ коимъ онѣ будутъ входить въ ея составъ, то эту трудность побѣдить легко. И такъ, я прошу Васъ, съ своей стороны, сообщить изъ этого письма то, что Вы сочтете приличнымъ, лицамъ, содѣйствіе коихъ вы найдете необходимымъ. Пригласите Вашихъ соотечественниковъ выказать къ Россіи и къ Русскимъ добрыя чувства, для того что-бы изгладить впечатлѣнія этой кампаніи и тѣмъ облегчить мою работу.

Я съ своей стороны, что-бы доказать Полякамъ искренность моихъ намѣреній относительно ихъ, отдалъ своимъ войскамъ приказаніе не занимать Варшавы; но для этого нужно было-бы, что-бы тамъ не осталось никакого иностраннаго войска, и по возможности мало Вашего, и что-бы мы не должны были безпокоиться о лагерѣ, оставленномъ за нами. Пригласите моимъ именемъ членовъ конфедераціи и правительства оставаться спокойно въ Варшавѣ, обѣщая имъ, что они въ этомъ не раскаятся.

Вотъ теперь то, что касается военныхъ операцій. Кромѣ армій, нынѣ находящихся въ походѣ, каждый полкъ во всей арміи уже сформировалъ позади себя 1000 человѣкъ на всякій полкъ инфантеріи и два эскадрона на всякій полкъ кавалеріи, совершенно вооруженные, снабженные лошадьми и резервными артиллерійскими батальонами, которые весною вступятъ въ строй дѣйствующихъ войскъ.—Независимо отъ этой массы резервовъ, наборъ въ 180.000 человѣкъ оканчивается въ эту минуту и послужитъ къ возобновленію резервовъ, какъ только эти послѣдніе войдутъ въ составъ дѣйствующей арміи. Кромѣ того, всѣ ополченія, какъ пѣшія, такъ и конныя и артиллерійскія, различныхъ губерній, будутъ на ногахъ; 75.000 человѣкъ изъ нихъ выступили подъ начальствомъ графа Петра Толстаго, что-бы образовать обсерваціонный корпусъ въ Волыни. Энергія націи превыше всѣхъ похвалъ, и я рѣшился продолжать войну не только въ теченіи нынѣшней зимы, но до общаго мира, такого мира, какого требуетъ безопасность Россіи и Европы.

Что касается до Васъ лично, то я-бы безъ замедленія исполнилъ Вашу просьбу объ отставкѣ, но меня удерживаютъ два соображенія. Одно заключается въ опасеніи, что-бы у Васъ, въ глазахъ толпы, которой нельзя разъяснить истиннаго значенія этого шага, онъ не показался признакомъ того, что мои намѣренія относительно Польши измѣнились; другое въ томъ, что-бы, отрѣшившись отъ Вашихъ отношеній ко мнѣ, Вы бы не приняли личныхъ рѣшеній, которыя произвели-бы самое дурное впечатлѣніе въ Россіи и помѣшали-бы той громадной пользѣ, которую Вы можете принести успѣху моихъ плановъ относительно Вашей родины. Я безусловно раздѣляю Ваше мнѣніе, что Ваше присутствіе тамъ, гдѣ Вы находитесь, несравненно полезнѣе чѣмъ былъ-бы Вашъ пріѣздъ ко мнѣ, несмотря на крайнее мое нетерпѣніе свидѣться съ Вами, въ особенности при нынѣшнихъ обстоятельствахъ.

И такъ вотъ, въ общемъ выводѣ, результаты, которые я могу Вамъ сообщить. Польшѣ и Полякамъ нечего опасаться отъ меня какой-бы то ни было мести. -- Мои намѣренія по отношенію къ нимъ все-тѣ же.

Въ доказательство этого, всѣ власти въ герцогствѣ сохранены. Кон-

федерація и правительство приглашаются къ спокойному пребыванію къ Варшавѣ.

Этотъ городъ не будетъ занятъ моими войсками, если только изъ него выступятъ всѣ иностранныя войска, и количество остающихся въ немъ Польскихъ войскъ по возможности будетъ уменьшено.

Всѣ Русскіе генералы получили предписаніе обращаться съ Поляками какъ съ друзьями и братьями.

По мѣрѣ того, какъ успѣхи Русскихъ армій станутъ значительнѣе и полнѣе, станетъ вѣрнѣе и осуществленіе моихъ намѣреній и плановъ относительно Польши. — Воспрепятствовать же ему могутъ лишь военныя неудачи.

И такъ все, чтò Поляки сдѣлаютъ, что-бы содѣйствовать этимъ успѣхамъ, въ тоже время будетъ содѣйствовать осуществленію ихъ надеждъ.

Но чтò всего болѣе могло-бы упрочить неразрывную связь между Поляками и мною, это было-бы заключеніе союзнаго трактата, по занятіи страны, между правительствомъ герцогства и мною.—Тогда я сочту себя уполномоченнымъ отъ Россійской имперіи принять на себя священное обязательство не складывать оружія, пока надежды Польши не будутъ осуществлены: ибо этимъ Поляки доказали-бы передъ лицомъ Россіи и Европы, что они возложили все свое довѣріе на меня; а моей честности никогда никто не довѣрялся напрасно.

Наконецъ, Вы во всѣхъ отношеніяхъ тотъ посредникъ, который мнѣ всего болѣе по сердцу, вслѣдствіе полнаго моего къ Вамъ довѣрія; моя привязанность принадлежитъ Вамъ безвозвратно.

Александръ.

Краснополь, 3 Января 1813. *)

P. S. — Писаніе этого письма заняло у меня два дня, ибо дѣла арміи и иныя поглотили все мое время.

Такъ какъ мое письмо носитъ на себѣ нѣкоторый оффиціальный характеръ, то не могу отправить его, любезный другъ, не присовокупивъ къ нему этого дружескаго къ Вамъ словечка. Успѣхи не измѣнили ни моихъ идей относительно Вашей родины, ни моихъ общихъ убѣжденій, и Вы всегда найдете меня таковымъ, какимъ Вы меня знали. Передайте привѣтствія мои Вашимъ родителямъ и Вашимъ любезнымъ сестрамъ.

Если, по исходѣ всѣхъ этихъ событій, я могъ-бы на минуту очутиться въ нѣдрахъ Вашего семейства, это принесло-бы мнѣ безумную радость. Весь Вашъ, сердцемъ и душою.

XXI.

Князь Чарторыжскій къ Императору.

27 Марта (8 Апр.) 1813. Калишъ.

Я только что узналъ о сдачѣ Ченстохова и осмѣливаюсь еще разъ замѣтить В. И. В-ву, что если Вы не отдадите приказаній, что-бы остановили дѣйствія противъ Польскаго корпуса, то дѣла насильственно пріймутъ такой оборотъ, что посылка, которую собираются устроить въ Краковъ и соглашеніе, долженствующее быть ея слѣдствіемъ, либо запоздаютъ, либо сдѣлаются совершенно напрасными. Будетъ казаться, что хотѣли обмануть, что не дѣйствовали съ честными и искренними намѣреніями. Я исхожу отъ предположенія, что В. И. В-во лишь отложили исполненіе Вашихъ намѣреній, которыя неизмѣнны, и что слѣдовательно покуда Вы

*) Стараго стиля? *П. Б.*

желаете избѣгнуть всякой катастрофы, всякого несчастія, всякаго излишняго пролитія крови, и что, лишь не желая встревожить сосѣднія державы, Вы хотите дѣйствовать такъ, что-бы внушить Полякамъ довѣріе, привязанность и дать имъ угадать и предвидѣть счастливую участь, которую Вы имъ готовите. Таковымъ кажется мнѣ Вашъ путь. В. И. В-во совершенно уклонитесь отъ него, если съ одной стороны станутъ усиленно нападать на Поляковъ, между тѣмъ какъ съ другой имъ говорятъ, что съ ними хотятъ покончить полюбовно. Какъ при этомъ могло-бы возникнуть довѣріе? Между словомъ и дѣйствіемъ было-бы столь сильное противорѣчіе!—Разрушеніе Польскаго корпуса доставитъ весьма малыя военныя выгоды; но я счелъ-бы его весьма значительною ошибкою и великимъ политическимъ зломъ.

Невозможность имѣть лошадей еще задерживаетъ меня здѣсь.

P. S. Такъ какъ В. И. В-во не сказали мнѣ ничего о запискѣ, которую я написалъ къ Вамъ наканунѣ Вашего отъѣзда изъ Калиша, то полагаю, что исполняю Ваши намѣренія, подавая княгини Р. надежды на то, что имѣнія ея сына не будутъ конфискованы, и г-жѣ П., что ея племяннику будетъ позволено вернуться къ своему семейству.

XXII.

Князь Чарторыжскій къ Императору.

Варшава. 22 Апрѣля (4 Мая) 1813.

Государь.

Здѣсь распространились тревожные слухи о революціи, которая будто-бы должна была вспыхнуть на дняхъ во всей Польшѣ и въ особенности въ Варшавѣ. Предполагаю, что В. И. В-во имѣли объ этомъ свѣдѣнія. Мы всѣ здѣсь увѣряли г. Ланскаго*) въ ложности этихъ слуховъ. Въ мѣрахъ предосторожности, имъ принятыхъ, онъ выказалъ крайнюю умѣренность и кротость, коей, для блага Вашей службы, слѣдовало-бы подражать повсюду. При этомъ случаѣ, какъ и при многихъ другихъ, я не могъ не оцѣнить настоятельной необходимости рѣшительно прекратить положеніе, которое, если оно продлится, останется источникомъ постоянно возрождающихся тревогъ. Поводъ къ нимъ слишкомъ глубоко запечатлѣнъ въ сердцахъ Поляковъ и будетъ передаваться изъ поколѣнія въ поколѣніе. Если бы даже онъ могъ быть заглушенъ на время, то принципы, нынѣ проповѣдуемые Нѣмцамъ и во имя коихъ они вооружаются, не могутъ не придать ему новую силу.

Возвращаясь изъ Калиша, я встрѣтилъ въ Неборовѣ князя Антона Радзивила. Я узналъ отъ него подробности, которыя не худо знать В. И. В-ву. Король Прусскій нисколько не противъ существованія Польши. Онъ чувствуетъ необходимость удовлетворить желаніямъ этой націи, которыя онъ признаетъ справедливыми и разумными. Онъ былъ удивленъ тѣмъ, что В. И. В-во еще не сдѣлали ничего окончательнаго для Поляковъ; онъ жаловался на то, что каждый разъ, какъ онъ хотѣлъ коснуться этого предмета, Вы имѣли видъ смущенный и перемѣняли разговоръ. Онъ уговорилъ князя Антона поѣхать

*) Василія Сергѣевича, временно управлявшаго занятымъ Русскими войсками Варшавскимъ герцогствомъ. Сличи замѣчательное письмо его къ императору Александру Павловичу о Полякахъ въ Р. Архивѣ 1863, стр. 830. *П. Б.*

къ Варшаву, что-бы тамъ разузнать общественное мнѣніе и войти въ сношенія со мною. Наконецъ, Государь, по этимъ даннымъ кажется, что король Прусскій согласится на всякую мѣру, которую В. И. В-во найдете умѣстною въ этомѣ смыслѣ.

Не могли-бы ли оба государя, съ общаго согласія, издать прокламацію къ Полякамъ, какъ они уже издали прокламацію къ Нѣмцамъ? Подпись короля Прусскаго заставила бы замолчать всѣхъ Вашихъ генераловъ и весь Петербургъ. — Эта прокламація еще могла-бы быть изложена въ выраженіяхъ достаточно неопредѣленныхъ, что-бы оставить всѣмъ заинтересованныхъ партіямъ, какія-бы онѣ ни были, всѣмъ воображеніямъ, возможность найти въ ней то, что они захотятъ въ ней искать. Она отняла-бы у наименѣе спокойныхъ умовъ въ Польшѣ возможность къ дѣйствію и, смотря по своему содержанію, могла-бы даже подвинуть армію къ тому, что-бы принять ту или другую сторону. Эти результаты достаточно выгодны, что-бы перевѣсить многія другія соображенія. Для того, что-бы вѣрнѣе ихъ достигнуть, слѣдовало-бы предупредить минуту, когда Наполеонъ можетъ одержать нѣкоторый успѣхъ. Безпокойство объ исходѣ войны именно и есть побужденіе, заставляющее короля Прусскаго сознавать важность мѣры, которая привлекала-бы Поляковъ къ участію въ общей защитѣ.

Вообще, мнѣ кажется, что В. И. В-во преувеличиваете себѣ затрудненія предпріятія со стороны короля Прусскаго; они не существуютъ: напротивъ того, этотъ государь много будетъ содѣйствовать тому, что-бы облегчить затрудненія со стороны Русской арміи, мнѣніе коей всегда будетъ имѣть вліяніе на мнѣніе Петербурга; такимъ образомъ мнѣ кажется, что препятствія сглаживаются. Знаю, что Русскіе офицеры, находящіеся здѣсь, по большей части выражаются въ этомъ смыслѣ по убѣжденію, или что-бы польстить жителей. Князь Антонъ сказалъ мнѣ, что генералъ Витгенштейнъ выразился весьма сильно и не давалъ ему покоя настояніями, что-бы онъ отправился въ главную квартиру ковать желѣзо, ибо теперь минута, когда В. И. В-ву приходится высказаться. Что касается до Австріи, позволила-же она Наполеону создать Польшу и, если-бы В. И. В-во и король Прусскій издали теперь прокламацію къ Полякамъ, то легко было-бы объяснить Австріи, что это дѣлается для того, что-бы успокоить множество возбужденныхъ умовъ въ минуту, когда, со всѣми Вашими силами, Вы удаляетесь отъ Вашихъ границъ. Въ этихъ объясненіяхъ можно дать угадать, что это лишь временная мѣра, и что, оставаясь въ обладаніи страною, три государя могутъ согласиться впослѣдствіи на счетъ того, что съ нею слѣдуетъ дѣлать.

Нѣсколько дней по прибытіи моемъ сюда, были разосланы циркулярныя письма, созывающія депутатовъ въ департаменты. Прежде чѣмъ эти письма дойдутъ по назначенію и чѣмъ депутаты успѣютъ здѣсь собраться, пройдутъ недѣли двѣ. Я весьма огорченъ этою медленностію, впрочемъ неизбѣжною, которою отсрочивается также посылка депутаціи въ главную квартиру и армію. В. И. В-во соблаговолите войти въ причины этого замедленія и не гнѣваться за то на Поляковъ или ходатаевъ за нихъ и за націю.

Необходимость поддерживать общественное мнѣніе въ настроеніи, благопріятномъ В. И. В-ву, не только здѣсь, но также въ Литвѣ и въ Украйнѣ, заставила меня подумать о томъ, не слѣдовало-ли бы также собрать въ Вильнѣ наслѣдственныхъ маршаловъ всякой губерніи, что-бы разузнать о ея нуждахъ, о лежащихъ на ней тягостяхъ и о способахъ ихъ облегчить. Это собраніе, соотвѣтствующее собранію въ герцогствѣ, приняло-бы всякое направленіе, которое захотѣли-бы ему дать, и служило-бы Вашимъ планамъ по мѣрѣ ихъ развитія; покуда, оно поддерживало бы въ умахъ надежды, которыя отвлекали-бы ихъ отъ всякихъ другихъ мыслей. Все то, что произошло до войны, обѣщанія Поляковъ, побывавшихъ въ Петербургѣ, образъ дѣйствія г. Чичагова—подали столько надеждъ относительно Вашихъ намѣреній, что почти несомнѣннымъ казалось, что Вами будетъ издана прокламація, сперва въ Минскѣ, потомъ въ Вильвѣ. Когда-же обманулись въ этомъ ожиданіи, то разочарованіе и недовѣрчивое уныніе замѣнили эти мечты, и было-бы весьма кстати въ этихъ мѣстностяхъ оживить надежды, тѣмъ болѣе, что жители ихъ подвергаются разнымъ злоупотребленіямъ, самымъ чувствительнымъ притѣсненіямъ, и что губернаторы, вмѣсто того что-бы сообразоваться съ Вашими намѣреніями (что-бы слѣдовать примѣру тѣхъ, которыхъ Вы назначили сюда) напротивъ того, усвоили себѣ пріемы самые жесткіе и оскорбительные и нашли умѣстнымъ выказывать преувеличенную и ненужную строгость. Восемь старинныхъ губерній, въ этомъ отношеніи, далеко не пользуются тѣмъ благодѣяніемъ, коимъ Вы осчастливили Варшавское герцогство; положеніе ихъ достойно сожалѣнія и должно было-бы привлечь Ваше вниманіе.

Что касается до мысли, мною предложенной, то если она не осуществима теперь, она можетъ сдѣлаться такавою впослѣдствіи и во всякомъ случаѣ заслуживаетъ того, чтобы ее приняли во вниманіе. Я сожалѣю, что въ массѣ предметовъ, коими я Вамъ докучалъ, я забылъ о ней упомянуть.—Я также упустилъ попросить Вашихъ приказаній на случай, если-бы я могъ вернуться въ главную квартиру и привезти Вамъ важныя извѣстія, которыя могли-бы вызвать рѣшенія или соображенія и планы, требующіе серьезнаго обсужденія. — Долго-ли еще долженъ продлиться интердиктъ, наложенный на меня В. В-вомъ?

Въ отношеніи физическомъ и нравственномъ, единственная моя потребность есть покой; но я такъ проникнутъ справедливостію дѣла моей родины и его важностію для человѣчества, что совѣсть не позволяетъ мнѣ упустить что-бы то ни было изъ могущаго послужить ему въ пользу. Соблаговолите, Государь, просвѣтить меня и сказать мнѣ, что долженъ я дѣлать, и дозволить мнѣ попытку, когда Вы увидите, что мнѣ возможно успѣть и принести нѣкоторую пользу.

Я съ огорченіемъ узналъ, что въ главной квартирѣ издано приказаніе конфисковать имѣнія всѣхъ тѣхъ, которые служили въ Польской арміи. Приказаніе это кажется мнѣ безцѣльнымъ и несправедливымъ: нельзя наказывать людей за то, что они служили своей родинѣ и повиновались велѣніямъ своихъ правителей, признанныхъ таковыми В. В-вомъ. Центральный административный совѣтъ постарался смягчить это приказаніе

въ исполненіи, и я думаю, что г. Ланской донесъ объ этомъ кн. Кутузову. Опасаясь, что-бы маршалъ не рѣшилъ этого дѣла, не представивъ его В. И. В-ву, осмѣливаюсь предупредить Васъ объ этомъ и умоляю Васъ потребовать эти бумаги для пересмотра.

Сознаюсь, что я глубоко огорчаюсь, видя эти противорѣчія тому великодушно-справедливому образу дѣйствій, который до сихъ поръ былъ Вашимъ, лучше коего нельзя было-бы избрать, даже въ видахъ выгоды, и который было-бы столь достоино В. В-ва выдерживать во всей его чистотѣ. Вы убѣдитесь, что въ ту минуту, когда собирается здѣсь нѣкотораго рода представительство, чтобы поднести Вамъ выраженія благодарности и благоговѣнія всей страны, эта мѣра произвела-бы рѣзкій и весьма прискорбный диссонансъ.

Позвольте, Государь, напомнить Вамъ сказанное мною о смѣшанныхъ подданныхъ, которыхъ слѣдовало-бы изъять отъ предписанныхъ Вами мѣръ строгости, ибо имъ было дозволено и никогда не было запрещено служить въ герцогствѣ, въ коемъ имѣли они жительство. Осмѣливаюсь также возобновить мои ходатайства о военноплѣнныхъ; напрасно не различаютъ между вѣтренниками, злонамѣренными и еще худшими людьми, и тѣми, которые ведутъ себя прилично и разумно. Осмѣливаюсь приложить тутъ проэктъ приказа на этотъ счетъ, сообразный съ мѣрами, предложенными мною въ Калишѣ, и который лучше разъяснитъ мои мысли. Этимъ уменьшатся затрудненія, издержки на перевозку и содержаніе, и увеличится число людей и семействъ, которыя благословятъ Ваше человѣколюбіе, и черезъ это не произойдетъ никакого безпокойства или опасности.

Напомню также В. И. В-ву о кн. Лудвигѣ Радзивиллѣ и о г. Альфредѣ Потоцкомъ. В. В-во подали первому надежду на то, что его имѣнія не будутъ конфискованы; второму, на возвращеніе въ нѣдра его семейства.

XXIII.

Князь Чарторыжскій къ Императору.

Варшава, 27 Апрѣля 1813.

По отправленіи письма, которое, нѣсколько дней тому назадъ, я имѣлъ счастіе написать къ В. И. В-ву, я получилъ прямыя извѣстія изъ Литвы, между прочимъ отъ г. Васоржецкаго; то, что онъ пишетъ и что подтверждается свидѣтельствомъ лицъ достойныхъ, налагаетъ на меня обязанность распространиться подробнѣе о пунктахъ, коихъ я лишь коснулся въ предъидущемъ моемъ письмѣ.

Тотъ, кто близко знаетъ В. И. В-во, не можетъ допустить ни малѣйшаго подозрѣнія относительно искренности Вашихъ чувствъ, не можетъ питать ни единой минуты опасенія, что-бы, подавъ Полякамъ надежду на болѣе счастливое будущее, Вы не имѣли намѣренія ея осуществить. Но каковы-бы ни были на этотъ счетъ Ваши мысли, проникнуть кои не можетъ публика, очевидно и несомнѣнно, что, въ эту минуту, Ваше намѣреніе состоитъ въ томъ, что-бы льстить Польскую націю, что-бы привлечь ее, не только справедливостію Вашего способа правленія, но знаками великодушія и милосердія, и даже подать ей надежды, что желанія, съ коими она къ Вамъ обращается, могутъ быть исполнены. Въ Вашемъ поло-

женіи государь, руководствующійся лишь политикою и лишенный всякихъ нравственныхъ качествъ, дѣйствовалъ-бы точно такъ же; такова, Государь, принятая Вами система, такова выраженная Вами воля; однако эта столь разумная воля не производитъ дѣйствія; она теряется въ совершенно ошибочномъ, злонамѣренномъ исполненіи; тѣ, которые должны-бы были ее исполнять, противорѣчатъ ей самымъ вопіющимъ образомъ.

Пять губерній Литовскихъ, на мѣсто благодѣяній, коими Вы хотѣли ихъ осыпать, стонутъ подъ управленіемъ жесткимъ, несправедливымъ, произвольнымъ въ степени, еще никогда не бывалой. Никто тамъ, такъ сказать, не увѣренъ въ своей жизни, въ своемъ состояніи, въ своей чести. Первый негодяй, а въ нихъ нигдѣ нѣтъ недостатка, всякій Жидъ, всякій человѣкъ, руководящійся желаніемъ мести или прибыли, можетъ содѣлать несчастіе самаго невиннаго гражданина и его семейства. Система доносовъ тамъ въ полной силѣ; эта система, приводимая какъ одинъ изъ главныхъ источниковъ величайшихъ несчастій Рима, при самыхъ тираническихъ его императорахъ, можно-ли повѣрить, что-бы она могла существовать въ царствованіе В. И. В-ва? Жадное и слѣпое ожесточеніе, коего не берутъ на себя труда скрывать, оскорбительное презрѣніе, приправленное самою горькою ироніею, составляютъ сущность поведенія Русскихъ чиновниковъ; они усиливаются, всякаго рода придирками увеличить число конфискацій. Словомъ, правительство и всѣ власти, вмѣсто того, что-бы ограждать, защищать жителей, порученныхъ ихъ попеченію, воображаютъ себя назначенными для того, что-бы ихъ мучить, унижать, что-бы ставить имъ ловушки, что-бы обирать ихъ и губить.

Вы не имѣете понятія, Государь, о злѣ, которое дѣлается Вашимъ именемъ: иначе Вы положили-бы ему конецъ. Если мародёры, слѣдовавшіе за Французскою арміею, своимъ поведеніемъ, успѣли лишь помочь В. И. В-ву, то Русскія власти въ Литвѣ, если онѣ будутъ продолжать тоже самое, и если имъ не будетъ положено предѣла, наконецъ принесутъ Вамъ вредъ. Силамъ и покорности тамъ приходитъ конецъ; смертельное отчаяніе овладѣло всѣми жителями, и между тѣмъ какъ до сихъ поръ въ этой странѣ не было никакихъ признаковъ движенія, теперь очень возможно, что дѣло дойдетъ до возмущенія, не по убѣжденію или въ надеждѣ на успѣхъ, но единственно отъ избытка отчаянія и изъ предпочтенія гибели настоящему порядку вещей. Я-бы даже не удивился, если-бы Русскіе чиновники имѣли въ виду эту цѣль, и конечно большая часть изъ нихъ порадуется такому гибельному результату, въ надеждѣ, что-бы частные безпорядки усилили несчастіе всей страны и что-бы В. В-во устали защищать ее противъ ихъ притѣсненій и отказались отъ Вашихъ благодѣтельныхъ плановъ.

Впрочемъ, если это страшное дѣйствіе жестокости и произвола должно осуществиться, тому не воспрепятствуетъ никакая строгость, ибо эта послѣдняя уже доведена до крайности. Нужно предупредить зло управленіемъ разумнымъ, справедливымъ, кроткимъ, успокоительнымъ, которое дало бы вздохнуть и ожить.—Русскія войска, проникнутыя тѣмъ-же духомъ, позволяютъ себѣ жестокости и крайности, строго запрещенныя В. И. В-вомъ; усиливаютъ безпорядокъ и

раздраженіе и становятся умѣреннѣе лишь переступивши границу. Все это факты, требующіе самаго серьезнаго вниманія и быстраго врачеванія. Въ В. В-вѣ я, если смѣю такъ выразиться, нахожу лишь одну вину: ту, что Вы не всегда хорошо выбираете людей, и что Вашъ выборъ часто падаетъ на лица, недостатки и неспособность коихъ Вамъ уже извѣстны.

Одна изъ первыхъ причинъ того зла, на которые я указалъ В. И. В-ву, есть г. Эртель. Этотъ человѣкъ, въ коемъ нѣтъ ни души ни здраваго смысла, который какой-то фанатикъ, безъ всякаго понятія о томъ, что̀ справедливо, прилично, необходимо,—въ настоящую минуту властенъ надъ жизнію, надъ благосостояніемъ, надъ добрымъ именемъ всякаго несчастнаго Поляка; злополучна нація, преданная въ такія руки! Онъ властенъ схватить всякое лицо, отослать его куда ему заблагоразсудится, безъ процесса, безъ допроса; ибо что̀ такое допросъ, произведенный г. Эртелемъ? Граждане исчезаютъ изъ нѣдръ своего семейства, и никому неизвѣстно, что̀ съ ними сталось, чѣмъ они провинились; г. Эртель имѣетъ у себя на службѣ множество офицеровъ, разъѣзжающихъ по странѣ, что-бы приводить къ нему жертвъ, и В. И. В-во легко поймете, что для того, что-бы придать себѣ важности и что-бы угодить своему начальнику, они не стѣсняются въ доносахъ, въ арестахъ, въ ударахъ, которые они раздаютъ, что-бы добиться признанія въ преступленіи. Если-бы на счетъ г. Эртеля были собраны голоса, то это былъ бы одинъ изъ пунктовъ, на счетъ которыхъ между Русскими и Поляками оказалось-бы единогласіе: всѣ бы единодушно подали голосъ противъ него и подтвердили бы начертанное мною изображеніе. Вездѣ, гдѣ онъ былъ въ должности, онъ дѣлалъ лишь зло, и больше, по своей природѣ, онъ ничего и дѣлать не умѣетъ. Такой слуга не достоинъ В. В-ва.

Другая причина плачевнаго состоянія Литвы, о коей не могу умолчать передъ В. И. В-вомъ, это выборъ г. Ловинскаго, губернатора извѣстнаго своею рѣшительною ненавистью къ Полякамъ, которой онъ имѣетъ всѣ случаи и средства удовлетворить. Къ чему В. В-ву употреблять лицъ, которыя дѣлаютъ лишь противное тому, что̀ Вы желаете, извращаютъ, портятъ всякій добрый Вашъ замыселъ, и которые, вмѣсто того, что-бы проникнуться Вашимъ характеромъ и Вашими качествами, уничтожаютъ все ихъ дѣйствіе, либо своими недостатками, либо своею злонамѣренностію?

Князь Корсаковъ, у котораго тысяча хорошихъ качествъ, увлеченъ на тотъ-же путь: онъ не вѣдаетъ, что по нему идти не слѣдуетъ. В. И. В-во не нашли-ли бы умѣстнымъ внушить ему, также какъ и прочимъ генералъ-губернаторомъ, что имъ слѣдуетъ принять образъ дѣйствій примиряющій, справедливый, умѣренный, способный успокоить и привлечь умы, строго подавлять безпорядки, производимые войсками, словомъ, снабдить ихъ инструкціями, подобными тѣмъ, коими В. В-во снабдили г. Ланскаго и генераловъ, командующихъ въ герцогствѣ? Если-бы Литовскіе губернаторы или г. Эртель былъ въ Варшавѣ, то со всѣмъ тѣмъ шумомъ, слухами, доносами, которые смѣнялись здѣсь въ теченіи послѣднихъ дней и которые не имѣли никакого основанія, мы бы увидѣли экзекуціи и волненія, вызванныя преувеличен-

ною и вредною строгостію. Повелите, Государь, что-бы не обращали вниманія на доносы безъ серьезныхъ уликъ, безъ нелицепріятнаго разбора. Никто и не вздумаетъ осуждать наказанія бунтовщика или преступника; но пусть онъ будетъ судимъ честно и гласно. Заставьте засѣдать въ этомъ судилищѣ гражданъ: они первые осудятъ того, кто захотѣлъ-бы нарушить общественное спокойствіе и раздражить доброе сердце В. И. В-ва; но съ другой стороны, нужно, что-бы доносчикъ, которому ни по чемъ слезы и гибель невиннаго, былъ-бы наказанъ съ столь-же примѣрною строгостію. Все что̀ предшествовало амнистіи и что̀ она задернула своимъ покровомъ не можетъ болѣе подать повода ни къ какому розыску или преслѣдованію, ибо амнистія все изгладила.

Права супруговъ и кредиторовъ на имѣнія, находящіяся подъ секвестромъ, о коихъ я говорилъ съ В. И. В-вомъ, и которыя князь Кутузовъ призналъ въ моемъ присутствіи, должны были-бы быть поручены разсмотрѣнію безпристрастной коммиссіи, составленной изъ уважаемыхъ гражданъ. — Такъ какъ всѣ чиновники, по руководствующей ими ненависти, могутъ сдѣлать лишь много зла, и такъ какъ они нетолько себя въ этомъ не упрекаютъ, но еще считаютъ это позволительнымъ и ставятъ себѣ это въ заслугу: то нельзя принять противъ нихъ довольно предосторожностей, если желаешь обезпечить побѣду справедливости; безпрестанно нужно воздвигать преграду противъ ненависти и жадности.

Я узналъ, что В. И. В-во возстановили центральный Виленскій комитетъ для распредѣленія должностей; для того, что бы онъ принесъ ту пользу, которую онъ можетъ принести, нужно было-бы, что-бы всякая изъ пяти губерній, несущихъ тоже бремя, посылала туда кого-нибудь. Этотъ комитетъ, если-бы ему придали значеніе, если-бы расширили его права, могъ-бы соотвѣтствовать идеѣ, о которой я упомянулъ В. И. В-ву въ предъидущемъ моемъ письмѣ. — Три южныя губерніи находятся въ положеніи, менѣе жалкомъ, потому что судьба избавила ихъ отъ ужаснѣйшихъ бѣдствій войны; но со стороны правителей, и поскольку они могутъ дать себѣ волю, онѣ также сильно страдаютъ. — Комитетъ, подобный Виленскому, былъ-бы для нихъ необходимъ; оба комитета слились-бы въ одинъ въ ту минуту, когда это сочтено будетъ умѣстнымъ.

Напомню В. И. В-у то, что̀ я сказалъ Вамъ о г. Комбурлеѣ, и полагаю, что В. И. В-ву не выгодно поручать управленіе своими народами людямъ, ненавидящимъ и ненавистнымъ во всемъ значеніи этого слова.— Дальнѣйшія подробности были бы излишни въ этомъ письмѣ, уже слишкомъ длинномъ. Дошедшія до меня свѣдѣнія не оставляютъ мнѣ никакого сомнѣнія на счетъ истины фактовъ, предложенныхъ мною на усмотрѣніе В. И. В-ва. Приложенный при семъ въ переводѣ отрывокъ изъ письма г. Васоржецкаго, послужитъ подтвержденіемъ моихъ показаній. — Повелите ему, Государь, составить Вамъ подробное, правдивое донесеніе о состояніи области. Пусть Литовскій комитетъ, пусть тотъ, который Вы, быть можетъ, устроите на Волыни, получитъ порученіе представить Вамъ свои соображенія и просьбы. Повторяю, совершенно необходимо, что-бы В. И. В-во убѣдились въ дѣйствительности столькихъ бѣдствій, и что-бы Вы ока-

зали имъ быстрое противодѣйствіе. Очень боюсь, что-бы такія-же бѣдствія не грозили и Варшавскому герцогству: зло уже начинаетъ распространяться.

Если В. И. В-во желаете остановить его, поспѣшите приказать, что-бы центральный комитетъ былъ единственнымъ дѣятелемъ по мѣстной полиціи, какъ и по доставкѣ провіанта; лица, изъ коихъ В. И. В-во составили этотъ совѣтъ, заслуживаютъ Вашего довѣрія. Учрежденіе это не принесетъ никакой пользы, если другія лица, другія власти станутъ вмѣшиваться въ кругъ его дѣятельности и, по собственному произволу, будутъ вкривь и вкось распоряжаться въ странѣ. — Благоволите вспомнить, Государь, что въ Вашей Имперіи, между лицами, имѣющими вліяніе на правительственныя мѣры, В. И. В-во единственное лицо сколько нибудь благопріятствующее Полякамъ. Ваша мысль, Государь, Ваше слово измѣняется въ своемъ смыслѣ и дѣйствіи по мѣрѣ того, какъ оно удаляется отъ Васъ и превращается въ дѣйствіе. Отсюда крайняя безсвязность и безпрестанныя противорѣчія, замѣчаемыя въ мѣрахъ, принимаемыхъ относительно Поляковъ. Между тѣмъ какъ В. И. В-во, повидимому, хотите ихъ успокоить, ихъ польстить, ихъ привлечь, большинство губернаторовъ силится раздражить, оттолкнуть, вывести ихъ изъ терпѣнія. Нельзя-ли было-бы имѣть постоянно при главной квартирѣ какого-либо Поляка, который былъ-бы, такъ сказать, заступникомъ, представителемъ націи и которому были-бы поручены дѣла, касающіяся его страны? Я думалъ о томъ, что-бы занять это мѣсто; но всякій депутатъ, посланный изъ Вильны, всякій, кого было-бы угодно назначить В. В-ву, былъ бы столь-же хорошъ на этомъ мѣстѣ; только-бы понравилась Вамъ эта мысль, Государь, а выборъ не будетъ затруднителенъ.

Девять милліоновъ людей заслуживали-бы особеннаго вниманія *). Въ настоящую минуту нѣтъ никого, кто-бы заступался за насъ, кто-бы отвѣчалъ на тысячу обвиненій и неопредѣленныхъ предположеній, которыя часто заставляютъ прибѣгать къ несвоевременнымъ мѣрамъ; никого, кто-бы зналъ страну и лица, кто могъ-бы сообщить достовѣрныя справки, кто могъ-бы предложить мысль основанную на знаніи мѣстности; ни одного лица, присутствіе коего при В. И. В-вѣ внушало-бы націи довѣріе и надежду, Все, что̀ окружаетъ В. И. В-во, или ничего не знаетъ о Польскихъ дѣлахъ, или равнодушно, или враждебно къ нимъ.

Выводъ изъ всего того, что̀ я осмѣлился представить В. И. В-ву, заключается въ томъ, что настоящая минута требуетъ, что-бы Вы рѣшились на какую-либо мѣру, на какое-либо дѣйствіе, благопріятное для Поляковъ, которое положило бы конецъ, принесло-бы врачеванія всѣмъ бѣдствіямъ, на насъ обратившимся.

Духъ и мнѣнія общества измѣняются и не могутъ поддерживаться, когда имъ не оказываютъ вниманія, и когда все, что̀ дѣлается, способно только ихъ раздражать. Если В. И. В-во еще не можете объявить Вашихъ намѣреній, то сдѣлайте по крайней мѣрѣ что нибудь другое, для того,

---

*) Если бы императоръ Александръ зналъ, что изъ этихъ такъ называемыхъ девяти милліоновъ лишь немногія тысячи пановъ терпѣли невзгоду, которой въ тайнѣ радовалось остальное народонаселеніе, какъ возданію за интриги и неслыханныя угнетенія! *П. Б.*

что-бы ободрить умы, что-бы снова привязать ихъ къ себѣ. Содержаніе предъидущаго моего письма и настоящаго указываетъ Вамъ къ тому средства.

Я сей-часъ перечиталъ то, чтó я написалъ и боюсь, что отъ излишняго желанія убѣдить В. И. В-во, я подвергъ себя Вашему гнѣву; однако-же все написанное мною есть правда, и хорошо, что-бы В. И. В-во это знали; такъ какъ уже оно написано, посылаю это письмо безъ измѣненій.—Пока В. И. В-во позволите мнѣ переписываться съ Вами, буду говорить Вамъ то, чтó внушатъ мнѣ моя совѣсть и мое сердце, не руководствуясь никакими иными соображеніями. Если-бы я и не былъ Полякомъ, я все таки постарался-бы, изъ человѣколюбія, изъ любви къ правдѣ, привлечь Ваше вниманіе, заинтересовать Вашу справедливость, Вашу чувствительность, страданіями цѣлой страны, которыя отъ Васъ зависитъ прекратить или значительно смягчить. — Умоляю В. В-во не оставить безъ вниманія всего того, чтó я сказалъ Вамъ изъ привязанности и отъ избытка усердія и искренности. Если Вы не обратите на это никакого вниманія, то настоящее мучительное положеніе, постоянно ухудшающееся, будетъ имѣть самыя печальныя послѣдствія для страны, для жителей и для пользы службы В. И. В-ва.

Генералъ Эртель только что, весьма неожиданно, совершилъ въѣздъ въ городъ, съ многочисленною свитою и со всею обстановкою великаго инквизитора. — С. Петербургская герольдія прислала сюда толпу чиновниковъ всѣхъ возможныхъ разрядовъ. — Для нихъ собираются нарочно создать мѣста, въ разныхъ вѣдомствахъ правительства и въ департаментахъ. В. И. В-во угадаете, какое дѣйствіе производятъ въ публикѣ эти пріѣзды и эти мѣры, и насколько надежда на будущее счастіе должна слабѣть и теряться. — Генералъ Зайончекъ, семидесятилѣтній старикъ, не владѣющій ногами; генералъ Дзѣвановскій, почти тѣхъ же лѣтъ, и совершенно разстроеннаго здоровья, оба люди честные, перевезены изъ Вильны во внутренность Россіи. — Что могли предпринять эти два старика-инвалида, и зачѣмъ подвергать ихъ этому путешествію? Множество плѣнныхъ, изрубленные и неспособные къ дальнѣйшей службѣ, находящіеся во внутренности Имперіи, предлагающіе честное слово и поручительство уважаемыхъ родственниковъ, должны-бы быть отпущены съ позволеніемъ возвратиться въ свои семейства. За нихъ говорятъ побужденія человѣколюбія и экономіи.

XXIII.

Императоръ къ князю Чарторыжскому *).

Вѣна, 13(25) Мая 1815.

Въ то время, которое Вы провели близь меня, Вы имѣли случай озна-

*) Читатели видѣли, какъ Чарторыжскій, пользуясь неосторожною откровенностью молодаго Александра Павловича, полнымъ въ то время невѣдѣніемъ Польскаго внутренняго быта, а потомъ политическою запутанностью и нашими отношеніями къ Наполеону, успѣлъ обвить прекрасную душу благороднѣйшаго, человѣколюбивѣйшаго изъ монарховъ. Къ этому исчадію іезуитства вполнѣ примѣнимы извѣстные стихи:

И путаетъ, и вьется, и ползетъ,
Скользитъ изъ рукъ, шипитъ, грозитъ, и жалитъ.
Змѣя! Змѣя!....

Въ Петербургѣ это обольщеніе еще представляло неудобства; въ трехлѣтнее же пребываніе Александра за границею, Чарторыжскій такъ сказать не выпускалъ его изъ

комиться съ моими намѣреніями относительно учрежденій, которыя я хочу установить въ Польшѣ и улучшеній, которыя я желаю ввести въ этой странѣ. Вы постараетесь никогда не терять ихъ изъ виду, при совѣщаніяхъ Совѣта, и обращать на нихъ все вниманіе Вашихъ товарищей, для того что-бы ходъ правительства и реформы, которыя ему поручено произвести, были согласны съ моими воззрѣніями. Вы не упустите, если въ томъ представится нужда, принять на себя инициативу для ускоренія результатовъ и представлять проэкты, сообразные съ принятою системою.

Такъ какъ Вамъ не менѣе извѣстенъ мой взглядъ на духъ, въ коемъ долженъ производиться выборъ разныхъ чиновниковъ, то Вы не преминете смотрѣть за тѣмъ, что-бы онъ былъ направленъ въ этомъ смыслѣ. Въ странѣ, столь давно колеблемой всякими безпорядками и переворотами, въ высшей степени важно дѣйствовать послѣдовательно и обдуманно. Вотъ что̀ я хотѣлъ еще разъ напомнить Вамъ этими строками, которыя я позволяю Вамъ даже показывать, для того что-бы придать болѣе вѣсу тому, что̀ Вамъ придется говорить для исполненія моихъ намѣреній.

Александръ.

XXIV.

Князь Чарторыжскій къ Императору.

1815

Такъ какъ основы конституціи включаютъ военное министерство въ число отраслей управленія, которыя, соединенныя подъ однимъ общимъ надзоромъ, составляютъ цѣлое правительство, то мы считаемъ своею обязанностію вызвать по этому предмету Высочайшія рѣшенія Вашего Императорскаго и Царскаго Величества.

Присутствіе Великаго Князя въ этой странѣ и особыя полномочія, коими В. В-во снабдили Его Высочество, преградили временному правительству всякія сношенія съ военнымъ управленіемъ, исключительно порученнымъ особому комитету. — Это полное раздѣленіе между гражданскимъ и военнымъ управленіемъ страны влечетъ за собою самыя важныя неудобства.

Оно лишило правительство возможности представить В. В-ву общій отчетъ о положеніи и о будущихъ нуждахъ государства, въ коихъ армія составляетъ одинъ изъ главныхъ элементовъ.—Пока самая значительная и убыточная отрасль управленія остается совершенно независимою и одинокою, она не можетъ быть подчинена никакому контролю, и издержки страны не могутъ быть приведены въ уровень съ ея средствами.

Правительство, постоянно останавливаемое во всякомъ дѣйствіи, имѣющемъ какую либо связь съ военною частію, часто видитъ себя вынужденнымъ отказываться отъ полезныхъ мѣръ, осуществленіе коихъ возможно лишь при усердномъ и точномъ содѣйствіи военнаго управленія.

Бережливость, которую силились ввести во всѣ издержки страны, и въ особенности въ гражданское управленіе, уменьшая до крайности число чиновниковъ и количество ихъ жалованія, не произведетъ никакого дѣйствія, и ее даже поддержать будетъ невозможно, если тотъ же духъ

сѣтей своихъ, къ пагубѣ Россіи, и отнюдь не ко благу Польши, большинство населенія коей не переставало стонать подъ шляхетскимъ игомъ. — 13 (25) Мая 15 года состоялось Царство Польское, и Чарторыжскій сдѣланъ членомъ временнаго Варшавскаго правительства. *И. Б.*

строгой бережливости не будетъ руководствовать управленіемъ арміи и если не будетъ установлено нѣкотораго соотвѣтствія между жалованіемъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ.

Впрочемъ управленіе арміи, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, соприкасается въ стольких точкахъ съ гражданскимъ управленіемъ страны, что то и другое не можетъ быть ни устроено, ни руководимо иначе, какъ по общему плану.

Эти причины, увѣренность, что Польская армія въ скоромъ времени перейдетъ на иждивеніе страны, и то рѣшающее соображеніе, что въ такомъ случаѣ, средствъ государства не хватило-бы на нынѣшнее управленіе арміи, заставляютъ временное правительство сдѣлать В. И. и Ц. В-ву представленіе о томъ, не угодно-ли будетъ Вамъ предписать учрежденіе военнаго министерства, которое замѣнило-бы военный комитетъ и было-бы основано на тѣхъ-же началахъ и отношеніяхъ къ правительству, какъ два уже существующія министерства.

Первымъ дѣломъ этого министерства было-бы представить проэктъ своего внутренняго устройства; а правительство, если получитъ на то разрѣшеніе отъ В. И. и Ц. В-ства, предоставляетъ себѣ за тѣмъ повергнуть на Ваше усмотрѣніе, Государь, свои замѣчанія на трудъ, представленный военнымъ комитетомъ и касательно сбереженій, которыя могутъ быть произведены по штату арміи.

XXV.

Князь Чарторыжскій къ Императору.

Варшава, Іюнь 1815.

День 21 Іюня *) можетъ считаться между тѣми, память о коихъ становится, для великодушнаго сердца В. И. В-ва, наградою за Ваши труды, Государь, на благо человѣчества.

*) День провозглашенія Царства Польскаго.

Церемоніи, гражданская и военная, прошли одинаково хорошо. Разные отчеты, которые везетъ графъ Ожаровскій, и тотъ, который онъ представитъ изъустно В. И. и Ц. В-ву, дадутъ Вамъ возможность судить о томъ, что происходило.

Ограничусь замѣчаніемъ, что общее впечатлѣніе было таковымъ, какимъ только можно было его желать: безграничная благодарность за столькія благодѣянія, на которыя уже перестали надѣяться, и чувства преданности, запечатлѣвающія обѣтъ вѣрности въ сердцахъ Вашихъ новыхъ подданныхъ.

Основы конституціи въ особенности увлекли всѣ сердца; но онѣ были необходимы, что-бы произвести это дѣйствіе послѣ долгаго ожиданія часто обманутыхъ надеждъ и образа дѣйствій Великаго Князя.

Пожалѣли объ орлѣ въ той формѣ, которую онъ имѣлъ до сихъ поръ; новая форма герба и участіе Русскихъ въ правительствѣ возбудили неудовольствіе, но основы конституціи заставили о всемъ позабыть.

Тѣ, которые въ этой странѣ присутствовали при столь многихъ прежнихъ церемоніяхъ, замѣтили, что эта имѣла совсѣмъ иной характеръ, нѣчто спокойное и искреннее, ничего театральнаго и поддѣльнаго. Словно эта нація, послѣ столькихъ страданій, не имѣла болѣе силъ предаться безумной радости; глубокое умиленіе и разумное убѣжденіе выражались на всѣхъ лицахъ и составляли разительную характеристику этого дня.....

XXVI.

Князь Чарторыжскій къ Императору.

Варшава, 1 Іюля 1815.

Правительство начинаетъ устроиваться; въ первыя минуты, пока не всякій на своемъ мѣстѣ и не знаетъ, что ему дѣлать, ходъ машины сопряженъ съ нѣкоторыми затрудненіями; затрудненія эти постепенно устраняются; главное наше стараніе направлено на то, что-бы ничто не останавливалось.

Льщу себя надеждою, что когда будутъ побѣждены эти первыя трудности, управленіе усовершенствуется во всѣхъ своихъ отрасляхъ, сообразуясь съ основами конституціи.— Эта страна будетъ обязана В. И. В-ву управленіемъ и формою правительства, которыя постепенно будутъ приближаться къ совершенству.

Общественный духъ хорошъ и съ каждымъ днемъ становится лучше.— Русская и Польская гвардіи угощали другъ друга; между ними господствуетъ полное согласіе. Великій Князь упрочиваетъ его своею любезностію; войска, повидимому, довольны Е. И. В-вомъ.

Такъ какъ время еще не дозволило совершить обрядъ присяги во всѣхъ департаментахъ, то это обстоятельство замедлило депутацію, которую страна желаетъ послать своему Государю и благодѣтелю, что-бы поднести ему выраженіе своей признательности и преданности.

Одинъ изъ самыхъ существенныхъ и затруднительныхъ предметовъ, это Варшава. Настоящее ея управленіе дѣлаетъ невозможнымъ всякій контроль, всякій порядокъ.—Связь, долженствующая существовать между правительствомъ и военнымъ управленіемъ, не существуетъ вовсе, и установить ее при Русскомъ Великомъ Князѣ будетъ весьма трудно. И дѣйствительно, до сихъ поръ, эта связь, которую Е. И. Высочеству поручено установить указомъ отъ...., вовсе не существуетъ.

Говорятъ, что гвардія уже дошла до Вильны. Если В. И. В-во придерживаетесь прежняго Вашего рѣшенія, что-бы Великій Князь выступилъ къ Рейну во главѣ своего корпуса, то В. И. В-во конечно прикажете, кому передать командованіе и какъ его устроить. Минута для его организаціи будетъ выгодная.

Прежде всего слѣдуетъ рѣшить, будутъ-ли Польскія войска подъ начальствомъ Русскаго генерала. Великій Князь, вѣроятно, выразилъ о томъ свое мнѣніе.

Мнѣ кажется, что Польскій главнокомандующій могъ-бы во всемъ совѣщаться съ генераломъ Мюллеромъ.

Когда здѣсь будетъ генералъ Костюшко, поручите-ли ему В. И. В-во командованіе арміею?

XXVII.

Князь Чарторыжскій къ Императору.

Варшава 17 (29) Іюля 1815.

Организація министерствъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, такъ же какъ и судебныхъ мѣстъ, вскорѣ будетъ окончена и будетъ имѣть результатомъ сбереженіе, довольно значительное. — Первымъ нашимъ дѣломъ было не останавливать хода правительства; вторымъ, ввести безъ замедленія порядокъ и бережливость, возможныя въ началѣ.

Послѣдующія реформы и учрежденія, кои постепенно должны создаться на основахъ конституціи, тот-

часъ затѣмъ сдѣлаются предметомъ усидчивыхъ трудовъ правительства. Стараемся внести въ эти труды всю дѣятельность и всю настойчивость, на кои мы способны; лица, вновь призванныя къ правительственнымъ должностямъ, одушевлены тѣмъ-же усердіемъ, и я-бы не сомнѣвался, благодаря благодѣтельному направленію, данному В. И. В-вомъ, въ самыхъ удовлетворительныхъ результатахъ, если-бы одно обстоятельство не разстроивало операцій, наилучше обдуманныхъ: это существованіе независимой военной власти, съ коей правительство не въ силахъ бороться. Никогда не посмѣлъ-бы я коснуться этой нѣжной струны, если-бы къ тому меня не вынуждала сила обстоятельствъ; и такъ, подъ страхомъ возбудить гнѣвъ В. И. В-ва, буду говорить: ибо успѣхъ Вашего дѣла относительно Польши кажется мнѣ столь-же важнымъ для Вашей славы, Государь, какъ и для счастія этой страны.

Великій Князь опять совершенно измѣнился послѣ отъѣзда Ожаровскаго. — Никакое усердіе, никакая покорность не могутъ его смягчить *). Онъ, повидимому, возненавидѣлъ эту страну и все, что въ ней происходитъ, и ненависть эта возрастаетъ съ пугающею быстротою. Это предметъ его ежедневныхъ разговоровъ со всѣми. — Армія, нація, частныя лица, ничто не находитъ милости въ его глазахъ. — Конституція, въ особенности, подаетъ ему поводъ къ безпрестаннымъ насмѣшкамъ; все что есть правило, форма, законъ, подвергается глумленію и брани и, къ несчастію, дѣйствія уже послѣдовали за словами. Великій Князь не держится даже военныхъ законовъ, которые онъ самъ утвердилъ. Онъ непремѣнно хочетъ ввести тѣлесныя наказанія и вчера приказалъ пустить ихъ въ ходъ, не смотря на единогласныя представленія комитета. Дезертирство, уже теперь значительное, сдѣлается всеобщимъ; въ Сентябрѣ большинство офицеровъ попроситъ увольненія.

Словно составленъ планъ, для того что-бы противодѣйствовать видамъ В. В-ва, что-бы сдѣлать Ваши благодѣянія мнимыми, что-бы въ самомъ началѣ предотвратить успѣхъ Вашего предпріятія. Его И. Высочество въ такомъ случаѣ былъ-бы, самъ того не вѣдая, слѣпымъ орудіемъ этого пагубнаго замысла, первымъ дѣйствіемъ коего было-бы ожесточить въ равной степени и Русскихъ, и Поляковъ и отнять всякую силу у самыхъ торжественныхъ изрѣченій В. В-ва.—По видимому, нельзя сомнѣваться въ томъ, что нѣкоторые приближенные Великаго Князя, какъ явные, такъ и тайные, много содѣйствуютъ поддержанію его мрачнаго и гнѣвнаго настроенія.

Чего-бы не далъ я для того, чтобы здѣсь успѣли угодить Великому Князю и исполнить въ этомъ отношеніи желанія В. В-ва! Но это рѣшительно невозможно, и если онъ здѣсь останется, я предвижу, напротивъ того, самыя печальныя послѣдствія. Уже, въ предъидущихъ моихъ письмахъ, я осмѣлился представлять В.

*) В. С. Ланской писалъ къ Государю изъ Варшавы 4 Мая 1815 г.: „Объявленіе титула короля принимается не за милость, а за опасеніе послѣдствій отъ бѣглеца изъ Эльбы.... Благосердіе твое и всѣ усилія наши не могутъ быть сильны сблизить къ намъ народъ и вообще войско Польское, коего прежнее буйное поведеніе и сообразныя оному наклонности противны нашимъ правиламъ, и потому, если я не ошибаюсь, то въ формируемомъ войскѣ питаемъ мы змія, готоваго всегда излить на насъ ядъ свой“. Р. Арх. 1863, стр. 831 и 832. *П. Б.*

В-ву о необходимости ввести порядокъ и бережливость въ управленіе арміею, какъ и въ прочія отрасли правительства. Теперь, мое убѣжденіе на этотъ счетъ сдѣлалось еще положительнѣе.

Призывъ въ главную квартиру В. Князя, который не перестаетъ горько жаловаться на то, что его здѣсь покинули, и громко требуетъ освобожденія отъ этого наказанія, наложеннаго на него, какъ онъ говоритъ, В. И. В-вомъ, учрежденіе военнаго министерства на мѣсто комитета и назначеніе генерала Витгенштейна главнокомандующимъ въ Царствѣ,—таковы мѣры, которыя представляются мнѣ наиболѣе легко исполнимыми, приличными и настоятельно необходимыми.

Государь, время не терпитъ, и каждый часъ можетъ принести съ собою столкновеніе, катастрофу, при мысли о коей я содрогаюсь.

Великій Князь, повидимому, не хочетъ соблюдать никакой осторожности, словно онъ желаетъ довести дѣло до разрыва. Никакой врагъ не могъ-бы повредить болѣе В. И. В-ву.— Вы найдете при семъ проэктъ декрета, составленный на основаніи вышеизложенныхъ идей, и списокъ лицъ, для назначенія въ военное министерство. — Если даже В.И. В-во сочтете необходимымъ присутствіе здѣсь Великаго Князя, то пусть онъ вернется сюда единственно въ качествѣ главнокомандующаго войсками, а не правителя и судьи.

Въ другомъ письмѣ, я изложилъ нѣсколько фактовъ, которые, по мнѣнію моихъ товарищей, должны былибы составить предметъ донесенія отъ правительства; здѣсь я осмѣлился сказать больше. — Если я поступилъ дурно, то буду въ отчаяніи; но мнѣ будетъ не въ чемъ упрекать себя, и В. И. В-ву будетъ извѣстна истина.

Соблаговолите, Государь, сжалиться надъ Крюковецкимъ: вотъ уже три мѣсяца, какъ онъ подъ арестомъ; для суда надъ нимъ не было собрано военнаго совѣта, и это теперь было-бы излишнимъ, потому что онъ достаточно наказанъ столь долгимъ заключеніемъ. — Онъ только и проситъ о томъ, что-бы его освободили и что-бы дѣло его съ Сокольмскимъ было судимо по законамъ, бывшимъ въ силѣ въ то время, какъ былъ совершенъ проступокъ и какъ онъ дѣлалъ свои представленія. Очень боюсь, что-бы правосудіе въ этомъ случаѣ не оказалось несостоятельнымъ, ибо Великій Князь полагаетъ, что правосудіе должно подчиняться субординаціи, и что можно предписать приговоръ.

Проэктъ декрета, предложенный Е. И. Величеству.

Такъ какъ Великій Князь Константинъ оставляетъ командованіе арміею, что-бы стать во главѣ нашей гвардіи, то мы, по его представленію, повелѣваемъ слѣдующее.

Командованіе арміею остается предварительно порученнымъ старшему генералу въ военномъ комитетѣ.

Предсѣдатель военнаго комитета условится съ генераломъ Мюллеромъ на счетъ движенія войскъ и дисциплины въ арміи.

Комитетъ вступитъ въ прямыя сношенія съ нашими намѣстниками(?) для учрежденія военнаго министерства, входящаго въ составъ правительства, сообразно съ основами конституціи.

Если они не согласятся, мнѣ будетъ представленъ на этотъ счетъ окончательный проэктъ въ теченіи шести недѣль.

XXVIII.

Князь Чарторыжскій къ Императору.

31 Іюля 1815.

Государь.

Положеніе правительства В. И. В-ва въ этой странѣ сдѣлалось, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, съ нѣкотораго времени, несказанно тяжкимъ и труднымъ.—Что-бы оградить его отвѣтственность, нахожу себя вынужденнымъ довести до Вашего свѣдѣнія, Государь, подробности, о коихъ я желалъ-бы никогда не говорить.

Значительное количество военныхъ всякаго чина, испросивъ себѣ полную отставку въ формѣ безсрочнаго отпуска, сочли себя возращенными въ разрядъ обыкновенныхъ гражданъ, съ тѣмъ бóльшимъ основаніемъ, что они не сохранили ни жалованія, ни военныхъ обязанностей, ни даже надеждъ на дальнѣйшую, карьеру. Однакоже Е. И. В-во Великій Князь, во многихъ случаяхъ, выражался и дѣйствовалъ относительно лицъ этого рода, какъ если-бы они еще находились на военной службѣ. А именно Е. И. Высочество велѣлъ явиться передъ военнымъ совѣтомъ безсрочно-отпускному капитану Стамировскому, и такъ какъ военный совѣтъ двоекратно объявлялъ неподсуднымъ себѣ человѣка, который уже болѣе не военный, Великій Князь приговорилъ его безъ суда къ шестимѣсячному заключенію въ крѣпости Замостьѣ.—Обязанное покровительствовать гражданамъ и исполнять предписанія В. И. В-ва, что должно въ такихъ случаяхъ дѣлать Ваше правительство, для того что-бы оставаться свободнымъ отъ всякаго упрека? Соблаговолите, Государь, сообщить ему Ваше высочайшее рѣшеніе: должны-ли бывшіе военные, состоящіе въ безсрочномъ отпуску и самимъ Великимъ Княземъ признанные за уволенныхъ, зависѣть впредь отъ военныхъ властей?

Великій Князь уже нѣсколько разъ предписывалъ правительству вызывать къ нему на судъ гражданскихъ чиновниковъ, подъ-префектовъ, старостъ, и. т. д. Недавно Великій Князь подвергъ аресту предсѣдателя города Варшавы.

Нѣсколько дней тому назадъ, вслѣдствіе, вѣроятно, дѣла Стамировскаго, былъ обнародованъ приказъ безъ предварительнаго обсужденія этого законодательнаго акта въ военномъ комитетѣ. — На основаніи этого приказа, Великій Князь былъ-бы властенъ подвергнуть суду военнаго совѣта любое лицо, и судъ долженъ былъ-бы происходить, какъ только онъ повелитъ.

Каково-бы ни было уваженіе временнаго правительства къ Е. И. Высочеству, какъ ему не признать, что подобные пріемы и распоряженія противны правиламъ, установленнымъ во всѣхъ странахъ для поддержанія общественнаго порядка и безопасности, и что въ особенности они противорѣчатъ какъ стариннымъ полицейскимъ распоряженіямъ, такъ и основамъ конституціи, дарованной странѣ В. И. В-вомъ? Прискорбныя послѣдствія, которыя неминуемо должны вытечь изъ столь явнаго противорѣчія между только что произнесенными, священными словами В. В-ва и фактами, непосредственно за ними послѣдовавшими, не могли не поразить и не встревожить временнаго правительства.

Поставленные между нашими обязанностями относительно В. И. В-ва и нашимъ уваженіемъ къ Вашему августѣйшему брату, мы не имѣемъ

иного средства удовлетворить столькимъ соображеніямъ, какъ довести все это до Вашего свѣдѣнія и умолять Васъ, Государь, дать Вашему правительству средства къ проведенію Вашей Высочайшей воли.

Всѣ члены правительства единодушны въ этомъ мнѣніи и уполномочили меня довести его до свѣдѣнія В. И. В-ва. Однако-же они побоялись, чтобы оффиціяльное донесеніе не было въ такомъ дѣлѣ неумѣстнымъ, и я взялъ на себя тягостную обязанность замѣнить таковое донесеніе настоящимъ письмомъ. — Да соблаговолитъ В. И. В-во поспѣшить уврачеваніемъ порядка вещей, неудобства коего все усиливаются, и который каждый день можетъ повлечь за собою послѣдствія еще болѣе важныя, которыхъ нельзя ни предвидѣть, ни предупредить.

XXIX.

Князь Чарторыжскій къ Императору.

Варшава, 14 Октября 1815.

Временное правительство отдаетъ В. И. В-ву отчетъ о степени, коей достигла организація Царства.

Почтенный особымъ довѣріемъ В. И. В-ва и особымъ порученіемъ осуществлять Ваши благодѣтельныя намѣренія въ Царствѣ Польскомъ, считаю моимъ долгомъ отдать Вамъ краткій отчетъ о причинахъ, замедлившихъ эту организацію и задерживающихъ ее въ настоящую минуту.

1) Недостатокъ довѣрія къ правительству. Довѣріе, питаемое націею къ особѣ В. И. В-ва, не могло перенестись на здѣшнее Ваше правительство, ибо дѣйствія его не соотвѣтствуютъ Вашей волѣ. Присутствіе Русскихъ войскъ и чиновниковъ подаетъ поводъ ко многимъ злоупотребленіямъ и притѣсненіямъ; оно до сихъ поръ не допустило никакой иллюзіи національности.

2) Присутствіе Великаго Князя, образъ дѣйствій коего отнимаетъ всякую надежду относительно будущей судьбы страны, сдѣлало неисполнимыми многія реформы и улучшенія, коихъ желало правительство, но предпринять не дерзнуло.

3) Бѣдность частныхъ лицъ, которыя, разоренныя, запуганныя и разогнанныя, не охотно оставляютъ свои деревни и лишь съ трудомъ рѣшаются пріѣхать въ городъ, откуда они вырываются при первомъ удобномъ случаѣ.

4) Бѣдность правительства, не смѣющаго предлагать значительнаго вознагражденія для удержанія людей, которые были ему нужны, и находящаго себя вынужденнымъ обременять одно и то-же лицо множествомъ различныхъ порученій, что конечно уменьшаетъ расходъ, но очень вредитъ быстротѣ, и въ особенности достоинству работы.

5) Раздѣленіе власти, коей поручена организація, между пятью лицами, облеченными одинаковыми правами и по большей части двигаемыми разными побужденіями, началами и чувствами. Это препятствіе до того постоянно и важно, что оно вовсе не даетъ дѣлу двигаться съ мѣста.

6) Затрудненія, которыя влечетъ за собою продовольствованіе и безпрестанное передвиженіе войскъ, такъ же какъ многочисленныя работы и издержки, обусловленныя исполненіемъ Вѣнскаго трактата, умножая хлопоты, не перестаютъ поглощать всѣ минуты, которыя правительство желало бы посвятить трудамъ надъ организаціею страны. Не смотря на ежедневныя, весьма продолжительныя за-

сѣданія, правительство едва успѣваетъ справляться съ текущими дѣлами, ему подлежащими. Не слѣдуетъ забывать, что, независимо отъ всѣхъ сихъ препятствій, работа надъ реформою, во всѣхъ отрасляхъ общественнаго управленія, требуетъ долгихъ размышленій, частыхъ совѣщаній и значительнаго числа усердныхъ и искусныхъ дѣятелей.—Нельзя приступить къ этому дѣлу, не начертивъ себѣ хорошо обдуманной системы постепательнаго движенія, и одна эта подготовительная работа потребовала нѣсколькихъ недѣль, прежде чѣмъ она могла достигнуть надлежащей степени зрѣлости.

Наконецъ нація, столь давно привыкшая видѣть эту столь существенную часть связанною съ цѣлымъ центральнаго управленія и придающая этой связи особую важность, видитъ съ великимъ прискорбіемъ раздѣленіе сихъ двухъ составныхъ частей государсвта (военной и гражданской) и охотно склоняетъ слухъ ко всѣмъ злымъ толкамъ, къ коимъ такое положеніе вещей подаетъ лишь слишкомъ много поводовъ.

XXX.

Князь Чарторыжскій къ Императору.

Варшава. 1815.

Правительство отдаетъ В. И. и Ц. В-ву отчетъ въ побужденіяхъ, заставившихъ его отправить графа Льва Потоцкаго въ Парижъ.—Мы имѣемъ право требовать отъ Франціи весьма значительныхъ суммъ, и мы тѣмъ болѣе заинтересованы тѣмъ, что-бы получить въ этомъ отношеніи обезпеченіе, что между капиталами, которые должна намъ Франція, находятся Байонскіе, часть коихъ мы должны выплатить Пруссіи.

Вѣнскій трактатъ обременилъ насъ долгами. Наши финансы въ самомъ печальномъ положеніи. Правительство старается по возможности уменьшить издержки по гражданскому управленію; но его бережливость ни къ чему не поведетъ, если порядокъ и экономія не будутъ введены въ управленіе арміею. Ввести-же ихъ въ военную администрацію можетъ лишь министерство, входящее въ составъ правительства; объ этомъ я уже осмѣливался представлять В. И. В-ву.—Беру на себя смѣлость сегодня повторять мои представленія, потому, что, если В. И-ву угодно, что-бы народное войско состояло на иждивеніи страны, то это невозможно при нынѣшнемъ его устройствѣ и управленіи, далеко превышающемъ наши средства.

Большая часть Русскихъ чиновниковъ, по приказанію В. И. В-ва, уже получили предписаніе уѣхать въ Россію и подъемныя деньги. Однако-же ихъ оставлено количество достаточное, для того что-бы ихъ жалованіе, гораздо болѣе значительное чѣмъ жалованіе здѣшнихъ чиновниковъ, производило чувствительное обремененіе государственнаго бюджета. — Хотя безъ сомнѣнія, въ послѣдствіи многіе Русскіе чиновники могутъ найти мѣста въ странѣ, однако въ настоящую минуту не могу скрыть отъ В. И. и Ц. В-ва, что вся страна ожидаетъ и нетерпѣливо желаетъ того дня, когда, сообразно съ основами конституціи, всѣ безъ изъятія Русскіе чиновники покинутъ страну. Лишь съ этого дня страна будетъ считать дѣйствительное свое существованіе; пока ихъ видятъ здѣсь, не считаютъ себя избавленными отъ ферулы, которая все таки даетъ себя чувствовать.—Г. Ланской и г. Новосильцовъ, полагаю я,

отдали В. И. В-ву отчетъ въ побужденіяхъ, заставившихъ ихъ пока удержать здѣсь своихъ чиновниковъ. Побужденія эти съ каждымъ днемъ утрачиваютъ долю своего вѣса, по мѣрѣ того какъ въ Европѣ возстановляется спокойствіе.

Этотъ предметъ и вопросъ объ управленіи арміею подаютъ мнѣ поводъ упомянуть о квартирной повинности, относительно коей господствуютъ величайшія злоупотребленія, въ такой степени, что, не смотря на уменьшеніе войска и на отсутствіе фельдмаршала, городъ болѣе обремененъ, чѣмъ когда-либо, и никто не можетъ найти себѣ въ немъ помѣщенія. Необходимо, что-бы точныя приказанія В. И. В-ва Великому Князю, относительно квартированія фельдмаршала и войскъ, снова были введены въ силу и строго исполнялись военными властями, какъ Русскими, такъ и Польскими.

Дѣла здѣсь не подвигаются съ тою дѣятельностію, которая была-бы желательна. Не хочу утруждать сегодня В. И. В-во изложеніемъ причинъ, коимъ это можетъ быть приписано.

Многія изъ нихъ уже извѣстны В. И. В-ву, и я не премину изложить Вамъ и остальныя; ибо боюсь, что ко времени Вашего пребыванія здѣсь, въ особенности, если, въ силу обстоятельствъ, оно будетъ весьма кратко, работа не подвинулась слишкомъ мало, для того что-бы Ваше прибытіе сюда стало истинною эпохою для благоденствія страны.

Коммиссары для опредѣленія тарифа, посланные г. Гурьевымъ, прибыли сюда.—Проэктъ инструкціи, коими они снабжены, уже былъ повергнутъ на усмотрѣніе В. И. и Ц. В-ва.—Мы заняты составленіемъ инструкцій Польскихъ коммиссаровъ, для немедленнаго представленія ихъ на утвержденіе В. В-ва.—Такъ какъ начала, утвержденныя Вѣнскимъ трактатомъ для торговли Польскихъ странъ, расходятся съ тѣми, которыя приняты для внутренности Россіи, то не найдете-ли В. И. и Ц. В-во удобнымъ установить таможенную или контрольную линію въ полосѣ, которую Ваша Высочайшая воля опредѣлитъ границею между Россіею и Польшею?

Во всякомъ случаѣ, торговыя постановленія Вѣнскаго трактата безъ этого исполнены быть не могутъ, и нѣкоторый контроль надъ ввозомъ и вывозомъ товаровъ, быть можетъ и надъ полиціею, будетъ необходимъ на границахъ собственно такъ называемой Россіи.

XXXI.

Князь Чарторыжскій къ Императору.

Варшава, 1815.

То, чего всего болѣе опасались, случилось. Со времени моего послѣдняго письма, совершились новыя событія. Великій Князь подсмотрѣлъ Польскихъ солдатъ, воровавшихъ картофель въ саду. Онъ велѣлъ ихъ арестовать и наказать Русскимъ солдатамъ, которые были призваны для этой экзекуціи. Въ тотъ-же день, на парадѣ, генералъ Корнатовскій и командиръ полка, изъ котораго были виновные, подверглись самымъ жестокимъ и унизительнымъ упрекамъ. Эти господа сказались больными. Армія все еще надѣется на отозваніе Великаго Князя. Лишь въ этой надеждѣ и отъ боязни, что-бы ихъ побужденія не были представлены В. В-ву въ ложномъ свѣтѣ, они еще остаются на службѣ.

Я недавно узналъ достовѣрно, что въ Петербургѣ составилось, по большей части изъ военныхъ, общество, главная цѣль коего состоитъ въ томъ, что-бы противодѣйствовать благодѣтельнымъ намѣреніямъ В. И. и Ц. В-ва относительно Польши.— Общество это выслало сюда своихъ представителей и, повидимому, Великій Князь дѣйствовалъ и дѣйствуетъ подъ ихъ вліяніемъ, при чемъ имъ главнымъ образомъ руководствуетъ желаніе популярности.

Это общество уже приготовило увѣщаніе относительно Польши, которое собирались послать В. И. В-ву. Война, возникшая между тѣмъ и занявшая этихъ крамольниковъ, и совѣты нѣкоторыхъ благоразумныхъ людей помѣшали исполненію этого намѣренія.

XXXII.

Князь Чарторыжскій къ Императору.

Варшава 16 (28) Января 1816.

Государь.

Полагая, что по донесеніямъ генерала Зайончека и г Новосильцова. В. И. и К. Величеству извѣстно все, что въ странѣ заслуживаетъ Вашего вниманія, я не хотѣлъ утруждать Васъ моими письмами. Однакоже я намѣревался, при первомъ случаѣ, отдать передъ Вами нынѣшнему правительству свидѣтельство, которое, съ моей стороны, могло быть пріятно В. В-ву.

Я желалъ донести Вамъ, Государь, что генералъ Зайончекъ приступилъ къ своему управленію способомъ, обѣщающимъ для будущаго много добраго; что чувства, имъ обнаруживаемыя, мнѣнія, имъ высказываемыя, благоразумны и благородны, и что, не смотря на довольно распространенныя опасенія и предубѣжденія, послѣдствія вскорѣ докажутъ, что В. В-во въ Вашемъ выборѣ были правы. Подобное заключеніе еще теперь было-бы умѣстно, если-бы дѣла шли своимъ предвидѣннымъ и естественнымъ ходомъ. Къ несчастію, предметъ настоящаго моего письма настолько-же удаляется отъ моихъ желаній, какъ и отъ первоначальнаго моего ожиданія.

Въ эту минуту готовятся три нарушенія конституціонной хартіи. Первое есть устройство, предлагаемое Русскими комиссарами для таможенъ между Имперіею и Царствомъ. Вамъ будетъ представлено, Государь, оффиціяльное донесеніе объ этомъ предметѣ.

Свидѣтельство о второмъ нарушеніи уже находится въ Вашихъ рукахъ. Это проэктъ организаціи военной коммиссіи, присланный къ Вамъ прямо отъ Е. И. Высочества, безъ предварительнаго внесенія въ государственный совѣтъ, безъ обсужденій, предписанныхъ хартіею. Этотъ проэктъ, задуманный отдѣльно, не можетъ не грѣшить упущеніями и статьями, которыя будутъ несогласны съ прочими распоряженіями правительства. Пусть Ваша воля, Государь, возвратитъ дѣло къ надлежащему порядку: пусть этотъ проэктъ, какъ слѣдуетъ, будетъ отосланъ въ государственный совѣтъ и вернется къ Вамъ по предписанномъ разсмотрѣніи въ ономъ. Одно такое дѣйствіе со стороны В. В-ва докажетъ тѣмъ, кто въ томъ сомнѣвается, что Вы дали конституцію, для того что-бы съ нею сообразовались.

Третье нарушеніе также касается военнаго министерства. Предметъ этотъ обсуждается въ особой запискѣ, въ коей предлагается пріемъ, согласую-

щій главнокомандованіе Великаго Князя, съ тѣмъ, чего требуетъ конституціонный статутъ. Демаркаціонную линію тутъ провести тѣмъ легче, что лица, нынѣ занимающія должности намѣстника и военнаго министра, не только во всемъ согласятся съ Великимъ Княземъ, но еще безъ сомнѣнія будутъ стараться по возможности предупреждать его желанія.

В. И. В-во одни способны поддержать Ваше дѣло; оно рушилось-бы прежде, чѣмъ было-бы окончено, если-бы Вы попустили, Государь, столь разительныя и существенныя неправильности въ его исполненіи. Какой авторитетъ имѣла-бы конституція, дарованная столь торжественно и тотчасъ затѣмъ нарушенная въ существеннѣйшихъ пунктахъ? Только бы намъ добиться этой поддержки, о коей мы въ правѣ умолять В. И. и Ц. В-во, и все въ странѣ пойдетъ хорошо. Я съ радостію замѣтилъ, что мы уже достигли того вождѣленнаго положенія, гдѣ на первый планъ выступаютъ дѣла, а не люди и сосредоточиваютъ на себѣ все вниманіе. Наши учрежденія, хотя еще не окрѣпшія и не вышедшія изъ хаоса общей перестройки, достаточны, для того что-бы уже теперь приводить въ движеніе машину. Со времени назначенія временнаго правительства, между всѣми его членами господствуетъ полное согласіе. Всякій только и думаетъ о томъ, что-бы заслужить оказанное ему Вами довѣріе. Всѣ оживлены однимъ и тѣмъ-же духомъ, и духъ этотъ таковъ, какого только можетъ желать В. В-во, духъ благоразумія, усердія, настойчивости. Г-ъ намѣстникъ также проникнутъ этимъ духомъ; но не могу скрыть отъ Васъ, Государь, что добрыя его намѣренія останутся связанными въ степени, которая кажется мнѣ страшною, если В. В-во не окажете намъ быстрой помощи.

Вотъ уже нѣсколько времени, какъ совѣтъ управленія убѣдился, что генералъ Зайончекъ, при просвѣщенномъ и честномъ образѣ мыслей, однакоже лишенъ мнѣнія, воли, какъ-бы совѣсти, какъ только дѣло идетъ о Великомъ Князѣ. Потому-ли, что онъ считаетъ себя созданіемъ Великаго Князя и изъ этого заключаетъ, что его благодарности къ нему не должно быть границъ, или въ предположеніи, что воля Великаго Князя, во всѣхъ случаяхъ, есть воля В. В-ва, но вѣрно то, что генералъ Зайончекъ, если дать ему волю, доведетъ до рабства свою покорность приказаніямъ и мнѣніямъ Е. И. Высочества.

Благо страны и службы для него побужденія недостаточныя, что-бы подвинуть его къ малѣйшей оппозиціи; онъ готовъ каждый день нарушать конституцію, если только того пожелаетъ Великій Князь; таковы чувства, которыя генералъ наконецъ громко выразилъ въ Совѣтѣ и которыя съ тѣхъ поръ онъ съ настойчивостію выражаетъ каждый разъ, какъ къ тому представляется случай. Онъ даже въ вопросахъ, въ коихъ примѣшанъ Великій Князь, избѣгаетъ посредничества г. Новосильцова. Угодливость, доведенная до этой крайности со стороны перваго должностнаго лица, намѣстника В. В-ва, можетъ заглушить всякій зародышъ добродѣтели, всякое понятіе о правдѣ, всякую возможность добра и превратить Вашу конституцію въ тягостную и безполезную комедію.

Намѣстникъ не понялъ обязанностей своей должности, онъ не постигъ Вашихъ намѣреній, Государь. Ничто

не можетъ быть необходимѣе и ничто не можетъ быть легче, какъ разъяснить ихъ ему въ точности. Пусть онъ знаетъ, что Вы сами, Вы уважаете свое дѣло и требуете къ нему уваженія, что первая его обязанность состоитъ въ томъ, что-бы, въ этомъ отношеніи, осуществлять Ваши намѣренія, что его долгъ къ своему Государю, къ своей странѣ, къ своей присягѣ, прекрасно могутъ согласоваться съ его обязательствами относительно Великаго Князя, но никакъ не могутъ быть имъ подчинены.—Нѣсколькихъ словъ, даже косвенныхъ, будетъ достаточно.

Генералъ Зайончекъ, призванный къ порядку и предупрежденный на счетъ истинной Вашей воли, будетъ исполнять ее въ совершенствѣ. При этомъ условіи, я убѣжденъ, что генералъ этотъ совершенно на своемъ мѣстѣ, что онъ будетъ на немъ полезенъ, и что во всѣхъ отношеніяхъ пригодно удержать его на ономъ.

Съ другой стороны условіе это столь существенно, что если В. И. В-ву не было-бы угодно исправить воззрѣній Вашего намѣстника, я счелъ бы общественное дѣло потрясеннымъ, что-бы не сказать погибшимъ.

В. В-во можете мнѣ повѣрить. Слѣдуя Вашимъ внушеніямъ, я постоянно проповѣдовалъ довѣріе и надежду; никогда не перестану я это дѣлать, пока у меня на то будетъ возможность. Однако-же теперь, когда достигнуто то, на что мы надѣялись, когда дѣло идетъ только о его сохраненіи, если, погруженные въ иныя заботы, Вы не соблаговолите, особенно въ началѣ, даровать намъ поддержку и непрерывное покровительство, если разъ начнутъ сомнѣваться въ святости, въ дѣйствительности конституціоннаго порядка, отчаяніе и уныніе могутъ сдѣлаться всеобщими и непобѣдимыми.

Единственная наша надежда основывается на твердой Вашей волѣ, Государь, осчастливить эту страну, не только на время долгаго царствованія, но и на дальнѣйшее будущее.

Пусть эта воля будетъ непоколебима, и мы спасены; иначе, мы не избѣгнемъ участи, еще намъ грозящей. Вы, Государь—наша судьба; ясно, что всѣ наши силы, всѣ наши надежды сосредоточиваются въ В. В-вѣ, и что Вы одни можете придать долголѣтнюю прочность созданнымъ Вами учрежденіямъ.

Я сказалъ, безъ утаекъ, точную истину; позвольте, Государь, что-бы, оканчивая это письмо, я еще представилъ Вамъ о безусловной и настоятельной необходимости:

1) Оставляя значительную свободу дѣйствій Е. И. Высочеству, однако опредѣлить его власть и ограничить ее сообразно съ конституціонною хартіею.

2) Принять мѣры, которыя возвратили-бы намѣстника въ предѣлы его обязанностей.

3) Собственными Вашими распоряженіями подавать примѣръ строгаго уваженія къ законамъ и учрежденіямъ, исходящимъ отъ В. В-ва.

4) Въ случаѣ, если-бы, Государь, у Васъ на этотъ счетъ возникли сомнѣнія, отложить всякое рѣшеніе до пріѣзда г. Соболевскаго, который выѣзжаетъ отсюда въ самомъ непродолжительномъ времени.

Письмо мое будетъ отвезено въ Петербургъ камеръ-юнкеромъ Матушевичемъ, служащимъ при государственномъ секретарствѣ, котораго г. Со-

болевскій посылаетъ впередъ вмѣстѣ съ г. Тымовскимъ, также камеръ-юнкеромъ и вторымъ чиновникомъ того-же вѣдомства.

XXXIII.

Князь Чарторыжскій къ Императору.

Варшава, 6 Февр. 1816.

Написавъ, недавно, къ В. Им. К. В-ву письмо, уже слишкомъ длинное, остерегусь впасть въ ту-же ошибку, тѣмъ болѣе, что отъѣздъ г. Соболевскаго устраняетъ къ тому поводъ. Ограничусь, Государь, тѣмъ, что представлю Вамъ нѣкоторые выводы изъ моихъ наблюденій.

Прежде всего, да будетъ мнѣ позволено напомнить еще разъ о необходимости свято держаться конституціи и дать по этому предмету самыя точныя инструкціи намѣстнику.

Эти два замѣчанія включаютъ въ себѣ всѣ прочія. Пусть жители Царства видятъ и чувствуютъ, что они Поляки, что они у себя хозяева, что имъ предоставлена свобода мирно трудиться надъ улучшеніемъ своего внутренняго быта; при этомъ условіи они будутъ счастливы и довольны. Правительство предано Вамъ, Государь; нація Васъ любитъ; но этого мало: при вышесказанныхъ условіяхъ, она ненарушимо привяжется къ своему союзу съ Россіею, только-бы это была связь націи съ націею, только былъ-бы сохраненъ и фактъ и призракъ истинной, конституціонной Польши.

Это страстное желаніе національной отдѣльности есть единственный источникъ зависти, борьбы, притязаній, который можетъ существовать между обоими народами. Наступательное въ этомъ отношеніи положеніе Русскихъ, оборонительное Поляковъ, еще произведутъ столкновенія, горечь, опасенія, мечтательныя подозрѣнія, прискорбныя недоразумѣнія, которыя успокоить и устранить можетъ лишь мудрость В. И. В-ва.

Г. Новосильцовъ сильно желаетъ переселиться въ Петербургъ: здѣсь онъ празденъ, а тамъ онъ чувствуетъ, что могъ бы быть Вамъ гораздо полезнѣе. Сверхъ того, онъ тутъ не получаетъ жалованія и вынужденъ жить на собственныя средства.

Когда я припоминаю разговоры, кои я имѣлъ счастіе вести съ В. И. и Ц. В-вомъ, прекрасныя слова, слышанныя мною отъ Васъ, и тѣ, которыя Вы здѣсь сказали Вашимъ министрамъ, то я чувствую себя исполненнымъ надеждъ. Но признаюсь, что противъ моей воли, надъ надеждою часто беретъ верхъ страхъ. Какъ есть несчастныя лица, такъ есть несчастныя націи. Напрасно мы, въ лицѣ В. В-ва, имѣемъ лучшаго изъ Государей. Вы отъ насъ удалены. Вы отвлечены важными заботами. Какъ надѣяться, что-бы убѣжденія, характеръ, привычки Великаго Князя когда-либо могли измѣниться въ такой степени, что-бы онъ сталъ желать нашего настоящаго и будущаго благосостоянія? Преобладающее, прямое и постоянное вліяніе, уже оказанное имъ на судьбы страны и въ будущемъ долженствующее еще усилиться, заставляетъ меня опасаться, что злой рокъ, уже столько столѣтій преслѣдующій мою несчастную родину, еще не истощилъ своихъ ударовъ.

Мои опасенія, быть можетъ, преувеличены: выражаю ихъ такъ, какъ я ихъ ощущаю.

XXXIV.

Князь Чарторыжскій къ Императору.

24 Марта (5 Апрѣля) 1816.

Г. Новосильцовъ сегодня пишетъ къ В. И. В-ву, ссылаясь на мое письмо отъ 17 (29) Іюля, дупликатъ коего я-бы здѣсь приложилъ, если-бы я не былъ увѣренъ, что оно до Васъ уже дошло. Г. Новосильцовъ подтверждаетъ сказанное мною, и его свидѣтельство можетъ имѣть болѣе вѣса, чѣмъ мое.

Если В. И. В-во еще имѣете сомнѣніе на счетъ фактовъ, приведенныхъ нами, и если-бы Вы не хотѣли помочь злу средствомъ самымъ простымъ, то наилучшимъ путемъ для узнанія истиннаго положенія вещей былъ-бы вызовъ самого г. Новосильцова въ главную квартиру.

Каждый день, какая либо новая сцена распространяетъ здѣсь страхъ и горе. Третьяго дни, Великій Князь велѣлъ схватить въ его домѣ мѣщанина, обвиненнаго въ томъ, что онъ далъ убѣжище мальчику, обокравшему генерала Куруту. Великій Князь, безъ дальнѣйшихъ околичностей, велѣлъ, во дворцѣ, дать этому человѣку пять сотъ палокъ и выбрить ему голову и брови.

Я счелъ-бы себя виновнымъ, если-бы скрылъ отъ В. И. В-ва подобные факты, уничтожающіе всякую общественную безопасность и обезсиливающіе всѣ Ваши благодѣянія[1]).

Впрочемъ, вліяютъ-ли на поступки Великаго Князя ближайшія или болѣе отдаленныя причины, ясно то, что онъ думаетъ и дѣйствуетъ въ смыслѣ совершенно противуположномъ воззрѣніямъ В. И. В-ва. Это быть можетъ минутная мода, но она поддерживается людьми, которые пользуются довѣріемъ Е. И. Высочества и увѣряютъ его, что онъ дѣйствуетъ въ духѣ истыхъ, старыхъ Русскихъ. Кто знаетъ, не поджигаются ли эти чувства перепискою съ Петербургомъ?

Повѣрьте, Государь, что преданный Вамъ слуга не можетъ дать Вамъ лучшаго совѣта, какъ удалить отсюда Великаго Князя. Жаловаться на это онъ не станетъ, ибо онъ постоянно и громко повторяетъ, что это его единственное желаніе. Это воскреситъ страну, сдѣлаетъ въ ней возможными порядокъ и законность; этимъ потушится цѣлый очагъ критики и оппозиціи.

Не знаю, не вызоветъ-ли моя смѣлость осужденіе со стороны В. И. В-ва. Если я подвергаю себя опасности, разоблачая то, что́ я вижу, то пусть послужатъ мнѣ защитою мои побужденія; а впрочемъ, пусть узелъ будетъ разсѣченъ Вашею мудростію.

Г. Бенингсенъ говоритъ, что онъ не видитъ неудобства въ соединеніи Русскихъ и Польскихъ войскъ на Днѣстрѣ и, повидимому, даже желаетъ соединить ихъ подъ своимъ командованіемъ.

XXXV.

Князь Чарторыжскій къ Императору.

17 Апрѣля 1816.

Въ послѣднее время, между Польскими военными людьми стали очень часто повторяться самоубійства. Приложенное при семъ въ копіи и въ переводѣ письмо, оригиналъ коего находится въ рукахъ Великаго Князя, указываетъ на главную причину этого печальнаго явленія и на впечатлѣ-

[1]) Изъ писемъ къ маркизѣ Де Кюбьеръ (Р. Арх. 1870) читатели уже знакомы съ образомъ мыслей В. К. Константина Павловича. Весьма естественно, что природная вспыльчивость его возмущалась наглыми происками Поляковъ и доводила его иногда до мѣръ крутыхъ, впрочемъ довольно обыкновенныхъ вездѣ при военной диктатурѣ. *П. Б.*

ніе, которое оно должно производить въ публикѣ. — Г. Вильчекъ, адъютантъ генерала Красинскаго, написавшій это письмо передъ тѣмъ, какъ лишить себя жизни, былъ молодой человѣкъ, всѣми любимый и отличный военный.

Говорятъ также о письмѣ, написанномъ въ томъ-же духѣ г. Безекирскимъ, другимъ офицеромъ изъ числа тѣхъ, которые лишили себя жизни. — Этому примѣру послѣдовалъ одинъ ундеръ-офицеръ, и не преминули сказать, что онъ лишилъ себя жизни, что-бы не пережить стыда наказаній и оскорбленій, коимъ подвергся его полкъ.

В. И. В-во, быть можетъ, найдете это движеніе предосудительнымъ, но Вы оцѣните благородный источникъ, изъ коего оно беретъ свое начало.

Дай Богъ, что-бы эти печальныя событія произвели на Е. И. Высочество желанное впечатлѣніе и на минуту, Государь, привлекли Ваше вниманіе.

Армія настоятельно нуждается въ опредѣленномъ уставѣ и въ сводѣ узаконеній; настоящее ея управленіе не подчинено никакимъ правиламъ. Не строгость желательно устранить, но произволъ и оскорбленія.

Тысячу разъ я уже опасался, для Великаго Князя, какой-либо сцены или катастрофы, отъ которой оградить его было-бы трудно, ибо она можетъ возникнуть лишь отъ раздраженія человѣка, доведеннаго до отчаянія. Я очень радъ тому, что имѣлъ смѣлость признаться въ этомъ безпокойствѣ (какъ-бы ни было оно неопредѣленно) В. В-ву; это одною тяжестію меньше на моемъ сердцѣ. Ваша мудрость объ этомъ разсудитъ.

Вообще здѣсь съ нѣкотораго времени господствуетъ не волненіе, а великое уныніе. Это нравственная болѣзнь, весьма прилипчивая, коей подвержены въ особенности честные люди. Они боятся, что-бы наше правительство, постоянно оскорбляемое здѣсь, постоянно угрожаемое клеветою въ Петербургѣ, стѣсненное въ свободѣ обсужденія и дѣйствія, съ весьма малыми средствами, что-бы дѣлать добро и еще меньшими, что-бы его поддерживать, не утратило бодрости и авторитета и наконецъ самоуваженія.

Очень хорошо знаю, что не таково желаніе В. И. В-ва; но, не смотря на Вашу волю, дѣйствующую слишкомъ издалека, дѣла, повидимому, принимаютъ оборотъ, неблагопріятный для страны.

Всѣ, безъ сомнѣнія, спѣшатъ доводить до свѣдѣнія В. И. В-ва все хорошее; я подумалъ, что не слѣдуетъ скрывать отъ Васъ и дурнаго, и что это единственный способъ, коимъ я еще могу принести нѣкоторую пользу общему дѣлу. Эта печальная должность весьма тягостна и скучна; не знаю, не навлекаю-ли я на себя неудовольствіе В. И. -Вва и позволено-ли мнѣ еще выражать такимъ образомъ, безъ утайки, мои мысли.

Это и заставляетъ меня ожидать, съ тѣмъ бо̀льшимъ нетерпѣніемъ той минуты, когда, благодаря Вашимъ милостямъ, Государь, мнѣ можно будетъ дышать деревенскимъ воздухомъ, и я не буду болѣе вынужденъ утруждать В. В-во разсужденіями о предметахъ, быть можетъ, представляющихся мнѣ въ слишкомъ мрачномъ свѣтѣ.

Письмо г. Вильчека, адъютанта генерала Красинскаго, къ его сестрѣ,

Милая сестра.

Сплинъ, въ коемъ Вы такъ часто упрекали меня, скоро прекратится.—

Вотъ послѣднее его дѣйствіе. — Не смотря на любовь мою къ родинѣ и преданность ей, противная судьба не позволила мнѣ умереть смертію моихъ братьевъ, слава коихъ распространилась на насъ.—Настоящее мое положеніе лишило меня всякаго покоя. Я вижу моихъ собратьевъ по оружію и согражданъ униженными, славу нашихъ отцовъ попранную ногами, законы лучшаго изъ Государей ежедневно нарушаемыми. Словомъ, оставляю мою несчастную страну беззащитно преданную прихотямъ одного человѣка.

Сколько разъ я едва не дѣлался убійцею!—Какой-бы ударъ это былъ для васъ, любезная сестра! Да, я хотѣлъ пожертвовать собою, что-бы избавить насъ отъ этихъ постыдныхъ цѣпей, наложенныхъ на насъ противъ воли лучшаго изъ Государей.

Однакоже, сообразивъ, что дѣйствіе быть можетъ не исполнитъ моихъ надеждъ, я предпочитаю лишить себя существованія, которое могло-бы сдѣлаться гибельнымъ для моей страны: моимъ единственнымъ желаніемъ было посвятить себя ея счастію.

Знаю, что мой поступокъ навлечетъ на меня упрекъ въ малодушіи. Я совершилъ бы оный при самомъ прибытіи *его* сюда, если-бы наша святая вѣра и моя привязанность къ Вамъ не удержали меня.

Теперь, убѣдившись, что я не могу болѣе быть полезнымъ моей родинѣ, я, со многими изъ моихъ друзей, сговорился оставить этотъ міръ.

Оставляю его съ презрѣніемъ, а васъ, милая сестра, и васъ, мои родители, съ сожалѣніемъ.

Передайте мою саблю моему сыну; пусть онъ носитъ ее, какъ я, за родину и за друзей. *В.*

XXXVI.

Князь Чарторыжскій къ Императору.

Варшава, 1 (13) Мая 1816.

Прежде, чѣмъ оставить Варшаву, пользуясь отпускомъ, который соблаговолили даровать мнѣ В. И. и Ц. В-во, и за который повергаю къ стопамъ Вашимъ живѣйшую мою благодарность, полагаю, что я обязанъ передать Вамъ нѣкоторыя подробности о томъ, что здѣсь происходитъ.

Не сомнѣваюсь въ томъ, что пренія, съ нѣкотораго времени происходящія въ средѣ правительства, были представлены В. В-ву, какъ весьма шумныя и какъ доказательство нашего безпокойнаго духа и несогласія, господствующаго между нами.

Когда происходятъ въ совѣтѣ совѣщанія, каждый выражаетъ свое мнѣніе съ усердіемъ и поддерживаетъ его по совѣсти. Какъ можно требовать, что-бы въ собраніи, состоящемъ изъ почти двадцати лицъ, никогда не было различія мнѣній? Оно необходимо, для того что-бы происходили пренія. Безъ преній, какую пользу принесъ-бы совѣтъ?

Этого-то не съумѣлъ понять намѣстникъ, между тѣмъ какъ, имѣя власть рѣшать или переносить дѣла на Ваше Высочайшее усмотрѣніе, онъ долженъ былъ-бы уважать свободу мнѣній и видѣть въ преніяхъ средство для разъясненія вопросовъ.

Дѣло въ томъ, что г. генералъ Зайончекъ, относительно существенныхъ пунктовъ законодательства и управленія, держится началъ или предубѣжденій совершенно противуположныхъ мнѣніямъ всѣхъ прочихъ лицъ, входящихъ въ составъ правительства; что, проведши свою жизнь внѣ родины и въ военной службѣ, онъ

мало смыслитъ въ вопросахъ управленія и организаціи; что, слѣдовательно, ему часто приходилось отстаивать одному свое мнѣніе. Онъ приписываетъ это обстоятельство духу партій и мнимому къ нему нерасположенію, котораго вовсе не существуетъ. Къ несчастію, это мнѣніе раздѣляетъ Великій Князь.

Въ началѣ, все давало поводъ надѣяться, что между намѣстникомъ и членами правительства установятся согласіе и взаимное довѣріе; ни что не могло казаться болѣе естественнымъ; однакоже въ ту минуту, когда я пишу эти строки, положеніе вещей въ этомъ отношеніи нисколько не улучшилось. Г. намѣстникъ, повидимому, поддался вліянію дурныхъ совѣтовъ; оскорбленный весьма невинною оппозиціею, которую онъ навлекъ на себя, онъ сталъ въ отношенія холодныя, недовѣрчивыя, даже непріязненныя къ прочимъ членамъ правительства. Ничто его не удовлетворяетъ. Онъ находитъ, что все идетъ плохо и медленно; всякое предложеніе возбуждаетъ въ немъ подозрѣнія; онъ жалуется Е. И. Высочеству, который и безъ того слишкомъ нерасположенъ къ штатскимъ; онъ старается найти опору въ г. Новосильцовѣ. — Все это, вмѣстѣ взятое, ведетъ къ маленькимъ доносамъ и придиркамъ, весьма вреднымъ для дѣла, но въ особенности тягостнымъ для тѣхъ, кто становится ихъ жертвою.

Нѣкоторая степень согласія въ началахъ и въ стремленіяхъ между членами управленія весьма желательна; два средства, какъ мнѣ кажется, могутъ повести къ оному. Первое состоитъ въ томъ, что-бы В. В-во написали собственноручно намѣстнику и засвидѣтельствовали ему, что Вы довольны Вашими министрами и что по вопросамъ, ему мало знакомымъ, онъ долженъ болѣе руководствоваться ихъ мнѣніемъ и мнѣніемъ совѣта. За исключеніемъ этого средства, второе состоитъ въ томъ, чтобы смѣнить тѣхъ изъ министровъ, коими В. В-во недостаточно довольны, и назначить на ихъ мѣсто такихъ, которые могли-бы поладить съ намѣстникомъ.

Организація правительственныхъ коммиссій весьма некстати пріостановила труды государственнаго совѣта, которые подвинулись-бы гораздо болѣе, если-бы въ этомъ дѣлѣ придержались смысла и духа хартіи.— Какъ-бы ни было угодно В. В-ву рѣшить это дѣло, я не предвижу болѣе подобнаго затрудненія въ работахъ правительства, которыя, впредь, потекутъ своимъ чередомъ. Умоляю В. В-во приказать, что-бы Вамъ было представлено поданное мною мнѣніе о коллегіальности министерствъ. Быть можетъ, Государь, Вы найдете въ немъ нѣсколько замѣчаній, которыя помогутъ Вамъ установить Ваше мнѣніе объ этомъ предметѣ.

Впрочемъ дѣла, въ сущности, идутъ далеко не дурно; много прекрасныхъ вещей сдѣлано, многимъ другимъ положено начало. — Между мѣрами правительства, нельзя указать ни на одну дурную: все идетъ къ улучшенію и къ порядку, по мѣрѣ оставленныхъ намъ средствъ.—Однакоже общественный духъ падаетъ, и господствуетъ замѣтное уныніе. Я хотѣлъ доискаться причины этого настроенія, не оправданнаго положительными событіями, и мнѣ кажется, что я нашелъ ихъ въ противорѣчіяхъ, повидимому, представляемыхъ нынѣшними обстоятельствами, противорѣчіяхъ, не позволяющихъ вѣрить и наслаждаться спокойно.—Все, что исходитъ

отъ В. В-ва, дышетъ лишь благостію, великодушіемъ, либеральностію; слова-же и дѣйствія Е. И. Высочества направлены въ смыслѣ, совершенно противуположномъ.—Намѣстникъ, съ своей стороны, не перестаетъ повторять, что конституція есть уставъ безначалія и что слѣдуетъ ее измѣнить; даже Новосильцовъ сбиваетъ съ толку и смущаетъ общественное мнѣніе. Его считаютъ надзирателемъ за правительствомъ, и должность его состоитъ будто въ томъ, что-бы не позволять ему спокойно пользоваться правами, дарованными ему В. И. В-вомъ.— Словомъ, со всѣхъ сторонъ встрѣчаются обстоятельства, которыя заглушаютъ въ публикѣ всякое движеніе радости и потрясаютъ два самые драгоцѣнные элементы счастія—спокойствіе и надежду.

Къ великой моей радости, Новосильцова пригласили присутствовать при засѣданіяхъ административнаго совѣта, всякій разъ, какъ онъ того пожелаетъ; полагаю, что это единственное средство для избѣжанія многихъ недоразумѣній и подозрѣній, столь же тягостныхъ, какъ и безосновательныхъ.

Прошу В. И. В-во не думать, что-бы я не отдавалъ справедливости качествамъ Великаго Князя и не сознавалъ, что касательно его соображенія общія и болѣе важныя должны имѣть перевѣсъ надъ тѣми, которыя мы пожелали бы положить на вѣсы.

Все что́ смѣю я утверждать, заключается въ томъ, что постоянное присутствіе и окончательное водвореніе Великаго Князя въ Польшѣ есть одно изъ величайшихъ препятствій къ преуспѣянію въ ней начинаній В. В-ва. — Генералъ Зайончекъ, который, въ отсутствіи Великаго Князя, могъ бы съ пользою исполнять свою должность, гораздо менѣе къ тому способенъ въ его присутствіи; но такъ какъ, однакоже, на этомъ мѣстѣ не усидѣла-бы никакая другая личность, то вышесказанный путь, для возстановленія бо́льшаго согласія между намѣстникомъ и правительствомъ, кажется мнѣ единственнымъ облегченіемъ, которое можно придумать въ настоящихъ неудобствахъ.

Но единственнымъ кореннымъ врачеваніемъ было-бы прибытіе сюда В. И. В-ва. Ваше присутствіе желаемо всѣми. Да повторяются здѣсь Ваши пребыванія: въ этомъ вся надежда націи. Глубокое благоговѣніе, полная преданность къ Вашей особѣ, крайнее довѣріе къ Вашему характеру, суть чувства, непоколебимыя въ сердцахъ Поляковъ; когда рѣшенія будутъ исходить отъ Васъ, Государь, они всегда будутъ покорны и довольны.

Прежде чѣмъ кончить, отважусь на нѣкоторыя замѣчанія о военной части, подъ страхомъ навлечь на себя моимъ усердіемъ Ваше неудовольствіе.—Соблаговолите, Государь, извинить меня, принявъ во вниманіе мое доброе намѣреніе, и вспомнить, что когда можешь все, нужно все выслушивать и все знать, что-бы не впасть въ ошибку.

Нынѣшнее управленіе арміею ведетъ къ тому, что-бы развить въ ней лишь одну пружину дѣятельности, а именно страхъ.

Если эта система поддержится, то всѣ прочія побужденія, которыя также должны имѣть власть надъ душою истиннаго военнаго, каковы честь, долгъ, любовь къ родинѣ, постепенно ослабѣютъ и при случаѣ окажутся недѣйствительными. Они будутъ замѣнены исключительно страхомъ и корыстью, которыя не могутъ нако-

нецъ не привести къ послѣдствіямъ гибельнымъ и постыднымъ.

Сомнѣваюсь, что-бы внимательный наблюдатель нашелъ нынѣшній духъ арміи таковымъ, какимъ желали-бы его видѣть В. В-во. Занятія военными науками не поощряются и не процвѣтаютъ. Страхъ держитъ всѣхъ на сторожѣ; нѣтъ истиннаго усердія. Люди служащіе не изъ-за насущнаго хлѣба сказываются больными и оставляютъ или желаютъ оставить службу. Спасительное впечатлѣніе, произведенное самоубійствами, повидимому совершенно забыто. Вотъ оборотъ медали; лицовая сторона достаточно была расписана передъ В. И. В-вомъ, и я не отрицаю, что есть чѣмъ наполнить и ее.

Что̀ касается до меня, Государь, то кромѣ моего здоровья и дѣлъ, заставляющихъ меня желать свободы и спокойствія, я очень радъ удалиться отсюда по причинѣ постоянно повторяемой поговорки, что есть партіи, запутывающія и затрудняющія дѣла. Всякій случай, могущій содѣйствовать тому, чтобы разрушить это несчастное предубѣжденіе и доказать его несостоятельность и ложность, приноситъ пользу, перевѣшивающую всѣ прочія соображенія.—Желаю страстно блага моей родины, но мнѣ кажется, что я буду вдвойнѣ счастливъ, когда надъ нимъ будутъ трудиться другіе.—Въ настоящее время, задача не легка. По истеченіи перваго періода конституціоннаго правленія и по изготовленіи наиважнѣйшихъ организаціонныхъ работъ, нахожу себя въ Варшавѣ еще менѣе полезнымъ, чѣмъ въ началѣ. — Такъ какъ я въ жизни моей еще не занимался пристально и усердно собственными моими дѣлами и тѣмъ, что̀ относится до личной моей будущности, то чувствую, что объ этомъ теперь мнѣ слѣдуетъ подумать, и что въ этомъ отношеніи мнѣ терять времени не слѣдуетъ. Единственное мое желаніе—устроить себѣ спокойное существованіе; я даже желалъ-бы наконецъ жениться, если на то представится разумная возможность.

Всегда готовый повиноваться, согласно моему долгу, Вашимъ приказаніямъ, Государь, сознаюсь, что самыми отрадными и благотворными для меня были-бы такія, которыя позволили-бы мнѣ свободно воспользоваться моимъ досугомъ.

Соблаговолите извинить меня, если я говорю о предметахъ, касающихся лишь меня; это относится не къ Государю, а къ тому, кто въ теченіи столькихъ лѣтъ дозволялъ, что-бы я не скрывалъ отъ него ни единой моей мысли и смѣлъ всегда разсчитывать на драгоцѣнную дружбу, коей онъ удостоилъ меня въ ранней своей юности.

XXXVII.

Князь Чарторыжскій къ Императору.

Вильна 12 (24) Іюля 1817.

Какъ только сдѣлалось извѣстнымъ, что В. И. Ц. и В-во соблаговолили не только позволить, но и одобрить возведеніе, на одной изъ Варшавскихъ площадей, памятника въ честь покойнаго князя Понятовскаго [1]), на этотъ предметъ были произведены многочисленныя подписки.—Собранныя суммы уже доходятъ до 270, 861 флориновъ и еще увеличатся. — Лица, коимъ поручено исполненіе этого предпріятія (а къ числу оныхъ принадлежу и я) уже собирались представить В. В-ву рисунки конныхъ ста-

[1]) Сто̀итъ вспомнить, что въ это самое время приготовлялся къ открытію памятникъ Минину и кн. Пожарскому въ Москвѣ. *П. Б.*

туй и проэкты на счетъ помѣщенія памятника, когда ихъ смутили слухи о томъ, будто-бы В. В-во измѣнили Ваши взгляды на это дѣло и намѣрены взять назадъ милостивое разрѣшеніе, данное Вами родственникамъ и сослуживцамъ покойнаго князя.

Они писали ко мнѣ на этотъ счетъ, и я спѣшу повергнуть къ престолу В. В-ва ихъ опасенія и ихъ просьбы. Да не поколеблется никогда, Государь, Ваше великодушіе. — Надежда оказать торжественную почесть памяти князя Понятовскаго была столь отрадна для всей страны, что необходимость отказаться отъ нея была-бы сочтена однимъ изъ прискорбнѣйшихъ признаковъ уменьшенія Вашего отеческаго благорасположенія.

XXXVIII.

Князь Чарторыжскій къ Императору.

Варшава, 9 (21) Октября 1817

Я представилъ намѣстнику В. И. и Ц. В-ва прошеніе, которое онъ повергнетъ къ стопамъ Вашимъ, имѣющее предметомъ испросить мнѣ позволеніе путешествовать.

Плохое состояніе здоровья моего брата, желающаго меня видѣть, ставитъ мнѣ это въ обязанность. Онъ настаиваетъ на томъ, что-бы я къ нему пріѣхалъ. Я съ нѣкотораго времени женатъ, о чемъ уже имѣлъ честь написать В. И. В-ву.—Выборъ мой самый счастливый, и эти новыя отношенія усиливаютъ мое желаніе предпринять путешествіе за границу.— Разныя странныя обстоятельства, приключившіяся со мною въ послѣднее время и о коихъ В. В-во конечно имѣете свѣдѣнія, присовокупляются къ этимъ побужденіямъ и внушаютъ мнѣ живѣйшее желаніе заняться моимъ здоровьемъ и насладиться покоемъ въ болѣе легкомъ климатѣ.

Умоляю В. В-во не отказать мнѣ въ милости, о коей я ходатайствую. Я тѣмъ не менѣе буду готовъ, каждый разъ какъ В. В-во соблаговолите счесть меня на что либо полезнымъ, исполнять обязанности, которыя Вы на меня возложите и доказать Вамъ мое ненарушимое усердіе и преданность.

XXXIX.

4 (16) Мая 1818.

Такъ какъ ужъ сегодня мнѣ суждено утруждать В. И. и Ц. В-во, то да будетъ мнѣ дозволено попросить Васъ, чтобы Вы велѣли представить себѣ мнѣнія обѣихъ палатъ о донесеніи государственнаго совѣта и прошенія палаты.

Ваше В-во найдете тутъ много основательныхъ жалобъ и дѣльныхъ взглядовъ — изложеніе мнѣній націи и ея желаній.

Между частными вопросами, есть одинъ, котораго я не могу пройти молчаніемъ; говорю о національныхъ имуществахъ и о судьбѣ поселенныхъ на нихъ крестьянъ. Возмутительно, Государь, что правительство ею не занимается. Нужно устроить и улучшить бытъ крестьянъ національныхъ имуществъ и отдать крупныя фермы (фольварки) въ постоянныя аренды, которыя переоцѣнивались бы каждыя двадцать пять лѣтъ. — Эта операція (обсужденіе сихъ подробностей не подлежитъ веденію сейма) принесла-бы несказанныя выгоды, нравственныя и финансовыя. — Слишкомъ много людей заинтересованы въ ея замедленіи и предотвращеніи, для того что-бы я не счелъ долгомъ обратить на нее все вниманіе В. В-ва.

XL.

Сѣнява, 2 (14) Августа 1819

Съ живѣйшимъ сожалѣніемъ вижу я себя вынужденнымъ удалиться отсюда въ ту минуту, когда обѣщаютъ намъ, въ теченіи осени, пріѣздъ В. И. В-ва.— Здоровье моей жены не оставляетъ мнѣ выбора. — Медики торопятъ нашъ отъѣздъ; она еще нынѣшнимъ лѣтомъ должна воспользоваться Баденскими водами; упустивъ конецъ нынѣшняго сезона, она можетъ подвергнуться опаснымъ послѣдствіямъ. Я принужденъ сопутствовать ей. И такъ, на этотъ разъ, я долженъ отказаться отъ счастія (теперь столь рѣдкаго и быстро преходящаго) лично повергнуть къ стопамъ Вашимъ, Государь, выраженіе моей давнишней привязанности.

Я оставилъ Варшаву въ мрачной печали. Печаль эта сдѣлась всеобщею, какъ только узнали, что страна навлекла на себя Ваше неудовольствіе.

Вы велѣли написать, что Вы остановите потокъ обѣщанныхъ благодѣяній и даже можете взять назадъ уже дарованныя. Ахъ, Государь! Да будетъ мнѣ позволено спросить Васъ, какъ могутъ Ваши учрежденія и начатое Вами дѣло пріобрѣсти тотъ характеръ дѣйствительности и ненарушимости, который составляетъ ихъ достоинство и ихъ охрану, если Вы сами объявляете, что они могутъ быть разрушены?—Угроза столь страшная для поколѣній настоящихъ и будущихъ была произнесена, что-бы наказать минутный проступокъ двухъ или трехъ личностей! — Справедливо ли возлагать на цѣлую націю отвѣтственность за неосторожность нѣсколькихъ молодыхъ людей? — По ихъ ли словамъ или по рѣчамъ нѣкоторыхъ вѣтренныхъ женщинъ слѣдуетъ судить о духѣ населенія, который столь далекъ отъ строптивости, что, напротивъ, грѣшитъ излишнимъ уныніемъ?

Эти самые молодые люди, вѣтренность коихъ принесла столько вреда, не имѣли преступныхъ намѣреній. Они были введены въ заблужденіе увѣренностію, конечно весьма основательною, но ложно понятою, что В. В-во желаете поддержать и укрѣпить конституцію, Вами дарованную и что, напоминая о ней правительству каждый разъ, какъ оно отъ нея отступало, они дѣйствуютъ въ Вашемъ смыслѣ.

Да, Государь, при малѣйшемъ злѣ, которое ощущается, первая мысль, приходящая на умъ всѣмъ и каждому, состоитъ въ томъ, что-бы обратиться къ Монарху, отъ коего ожидаютъ лишь благости и исправленія злоупотребленій. — Развѣ это общее мнѣніе такъ предосудительно? — Нельзя отрицать, что существуетъ замѣтное различіе между образомъ дѣйствій В. И. В-ва и правительства, коимъ Вы представлены.—Все что исходитъ отъ В. И. и Ц. В-ва, Ваши приказанія, Ваши наказы, Ваши замѣчанія, постоянно носятъ отпечатокъ уваженія къ установленнымъ законамъ и желанія освятить конституцію, показывая своимъ примѣромъ, какъ слѣдуетъ уважать ея формы. Но этою умѣренностію, этою законностію, этою мудростью не всегда отличаются дѣйствія мѣстнаго правительства.

Когда Ваши приказанія строги, исполненіе ихъ быстро и безпощадно; но когда они благопріятны конституціонному порядку, всегда отъискиваются предлоги, что-бы оставить ихъ безъ дѣйствія или затруднить ихъ прило еніе.

Благоволите, Государь, не черпать исключительно изъ одного источника

Ваши данныя о состояніи страны, о духѣ, въ ней господствующемъ, о ходѣ управленія и о его результатахъ. —Слишкомъ ограничивая свои бесѣды и свои сношенія, В. В-во подвергаете себѣ опасности не знать истины.—Если мое желаніе довести ее до нашего свѣдѣнія излишне, В. И. и Ц. В-во по крайней мѣрѣ увидите въ немъ доказательство моей преданности къ Вашей особѣ, моего усердія къ Вашей славѣ и къ благу моей родины.

XLI.

Генуя, 10 Авг. 1820.

Я надѣялся имѣть счастіе представиться В. И. В-ву, во время Вашего нынѣшняго пребыванія въ Польшѣ. Здоровье моей жены, еще нисколько не возстановившееся, отнимаетъ у меня къ тому возможность, и я вижу себя вынужденнымъ просить прощенія у В. И. и Ц. В-ва, на случай, если я не буду имѣть возможности прибыть на сеймъ, который въ скоромъ времени долженъ открыться.

Крайне сожалѣю объ этомъ, припоминая, какъ давно я уже лишенъ счастія видѣть В. В-во и размышляя о важныхъ предметахъ, долженствующихъ обсуждаться на этомъ сеймѣ.

Въ подобныхъ случаяхъ, каждый, имѣетъ-ли онъ на то основанія или нѣтъ, льститъ себя мыслію, что онъ можетъ принести нѣкоторую пользу. Когда наше убѣжденіе искренно и глубоко, мы склонны придавать ему болѣе значенія, чѣмъ оно того заслуживаетъ. Подъ страхомъ впасть въ эту ошибку, да будетъ мнѣ позволено, Государь, выразить письменно и по возможности кратко нѣкоторыя мысли, которыя мнѣ не суждено изложить Вамъ изустно и болѣе подробно.

Первый трудъ, предстоящій В. В-ву, будетъ устраненіе дефицита.

Полагаю, что слѣдуетъ всегда остерегаться отъ сложныхъ и постоянно невѣрныхъ операцій, каковы займы, выпуски бумажныхъ денегъ и т. д.— Причины зла очевидны; не менѣе очевидны и средства, могущія ему помочь. — Они состоятъ въ томъ, что-бы привести государственные расходы въ соотвѣтствіе со средствами страны, и увеличить эти средства, не истощая ихъ, покровительствомъ торговлѣ и облегченіемъ сбыта. Мнѣ кажется, что съ нѣкотораго времени дѣлали совершенно противное распространеніемъ тарифа на Царство и послѣдними мѣрами, принятыми относительно военныхъ силъ Варшавы.

Какъ бы то ни было, я убѣжденъ, что уменьшеніе въ расходахъ можетъ быть произведено съ выгодою и безъ затрудненій. Въ нашемъ государствнномъ совѣтѣ и въ нашихъ министерскихъ канцеляріяхъ такое сбереженіе весьма возможно. Они значительно усилились въ составѣ со времени учрежденія конституціоннаго правительства, и между тѣмъ, по прошествіи шести лѣтъ, должно оставаться меньше работы, чѣмъ ея было въ минуту, когда предстояло сдѣлать все.

Можно добиться въ палатѣ экономій быть можетъ болѣе значительныхъ и еще съ меньшимъ трудомъ; слѣдуетъ только воспользоваться примѣромъ Польскихъ областей, до сихъ поръ включенныхъ во внутренніе предѣлы Имперіи. Тамъ, собственно такъ называемое управленіе въ уѣздахъ и въ губерніяхъ почти ничего не стоитъ казнѣ. Эти учрежденія, приспособленныя къ порядкамъ Царства, и въ немъ оказались полезными.

Затрудненія, въ коихъ находится казна, доказываютъ, сколь неумѣстно было-бы введеніе конституціонныхъ формъ въ финансовыя дѣла.

Это ведетъ меня ко второму пункту, который привлечетъ особое вниманіе В. В-ва. Говорю о нарушеніяхъ, произведенныхъ съ разныхъ сторонъ въ конституціи.

Мѣстное правительство безъ особаго размышленія и по большей части съ наилучшими намѣреніями издало множество распоряженій, превышающихъ его власть.—Лишь бдительная отеческая мудрость В. В-ва можетъ положить конецъ путаницѣ, печальныя послѣдствія коей уже даютъ себя чувствовать.

Если Богъ, черезъ великодушную волю В. В-ва, позволилъ-бы намъ когда-нибудь насладиться истинно-конституціоннымъ правленіемъ, которое Вы хотѣли намъ даровать, то мѣстное правительство вскорѣ-бы замѣтило, сколько оно выигрываетъ отъ постоянно-правильнаго хода дѣлъ.

Были распущены слухи, что этотъ сеймъ будетъ весьма безпокойный: я этого не думаю.

XLII.

Парижъ, 9 (21) Ноября 1820.

В. И. В-во соблаговолили возвести Кременецкую гимназію на степень лицея и повелѣли, что-бы попечителю Виленскаго университета было поручено представить проэктъ устава для этого заведенія.—Это и было исполнено мною до отъѣзда моего изъ Польши.—Вынужденный прожить за границею долѣе, чѣмъ я того ожидалъ и желалъ, я узналъ, что мой трудъ долженъ подвергнуться измѣненіямъ, по моему мнѣнію уменьшающимъ его полезность. Да будетъ мнѣ дозволено умолять В. В-во отсрочить Ваше Высочайшее утвержденіе устава Кременецкаго лицея до весны, когда, вернувшись на родину, я буду имѣть возможность доставить министерству народнаго просвѣщенія объясненіе на счетъ статей, которыя оно пожелаетъ измѣнить, и постараться о томъ, что-бы производящіяся въ уставѣ измѣненія были по возможности полезны и благотворны для заведенія.

XLIII.

Сѣнява, 21 Августа 1821.

Вернувшись къ моему очагу, считаю своимъ долгомъ представить В. И. и Ц. В-ву нѣсколько наблюденій, произведенныхъ мною въ теченіи немногихъ дней, проведенныхъ мною въ Варшавѣ. Я рѣдко утруждаю Васъ моими письмами; да будетъ мнѣ позволено сегодня выразиться подробнѣе обыкновеннаго; не откажите этимъ строкамъ въ минутѣ вниманія. Я обозначилъ на поляхъ то, о чемъ идетъ рѣчь въ каждомъ параграфѣ, для того, что-бы В. В-во могли прочитать лишь тѣ, которые покажутся Вамъ достойными Вашего вниманія.

Состояніе умовъ.—Я засталъ умы въ Польшѣ въ состояніи удивительнаго колебанія и крайняго унынія. Все подвергается сомнѣнію. Нѣтъ учрежденія, которое считали-бы прочнымъ; нѣтъ тѣхъ печальныхъ перемѣнъ, которыхъ не пророчили-бы странѣ. Этотъ способъ существованія гибеленъ. Побужденія низкія и личныя берутъ верхъ; благородныя чувства заглушаются; люди слабые и мало совѣстные изъ чиновниковъ высшихъ и низшихъ, считая общественное дѣло потеряннымъ, увѣряютъ себя, что имъ позволительно помышлять лишь о собственномъ интересѣ.

Сообщенія графа Соболевскаго. — Когда я освѣдомился о причинахъ столь разительнаго измѣненія, мнѣ указали прежде всего на послѣднія сообщенія, сдѣланныя отъ имени В. В-ва г. Соболевскимъ. Я постарался узнать ихъ содержаніе, и мнѣ показалось, что возбужденныя ими опасенія весьма преувеличены. Нельзя принять иначе, какъ съ благоговѣніемъ приказанія В. В-ва и мудрые совѣты, которые Вы благоволите давать Полякамъ. Но, Государь, почему обратилась Ваша строгость на націю (которая страдаетъ въ бездѣйствіи) вмѣсто того что-бы пасть на правительство, которое въ этомъ случаѣ виновно и дѣятельно? — Первый сеймъ предсказалъ неизбѣжныя затрудненія казны; второй сеймъ выразился еще положительнѣе; представленія, нынѣ удостоившіяся одобренія Государя,— отца своихъ народовъ, передъ тѣмъ были дурно приняты лицами, находящимися во главѣ управленія.

Тревожные слухи. Однако-же нынѣшнія тревоги въ особенности питались фразами, вырвавшимися, какъ говорятъ, у тѣхъ самыхъ лицъ, которыя считаются довѣренными истолкователями Вашей воли. Каждое слово изъ ихъ устъ, вслѣдствіе того, разбирается со страхомъ, какъ мрачное предсказаніе ожидающей насъ участи. Слова ихъ понимаются то такъ, что конституція неисполнима, не нужна, слишкомъ дорого обходится; то, что должна прекратиться независимость судовъ, или что общественное образованіе будетъ переработано и стѣснено, или что сеймы суть препятствіе, которое слѣдуетъ устранить, и что Царствомъ можно управлять, какъ и прочими областями, и тысяча другихъ подобныхъ слуховъ, поражающихъ въ самое сердце людей благомыслящихъ, привязанныхъ къ своему государю и къ своей родинѣ.

Чувства Вашего Величества. Не знаю что̀ можетъ быть истиннаго или воображаемаго въ слухахъ столь огорчительныхъ. Однакоже, увѣряютъ, что источника ихъ слѣдуетъ искать въ самыхъ мысляхъ В. И. В-ва; что, съ нѣкотораго времени, Ваши мнѣнія, Ваши чувства, совершенно измѣнились и сдѣлались противуположными тѣмъ, которыя Вы прежде питали. Что̀ касается до меня, не могу этому повѣрить. Обстоятельства необыкновенныя и минутныя конечно могутъ, Государь, вызвать оттѣнки въ Вашемъ способѣ дѣйствовать и судить о вещахъ. Но есть начала, есть черты характера, которыя превыше всѣхъ возможныхъ обстоятельствъ и къ коимъ я всегда буду взывать съ непоколебимымъ довѣріемъ. Это я и дѣлаю, защищая передъ В. В-вомъ мою страну и ея конституцію отъ тѣхъ, кто хотѣлъ-бы имъ повредить.

Издержки по арміи. — Было-бы несправедливо наказывать націю за зло, отъ коего она безвинно страдаетъ. Соображенія, взвѣшенныя Вашею мудростію и силу коихъ оспоривать я и не думаю, побудили Васъ, Государь, рѣшить, что издержки по Польской арміи не должны быть уменьшены. Несомнѣнно однако-же, что издержки эти не по силамъ Царству въ настоящемъ его объемѣ, и что онѣ относительно-значительнѣе, чѣмъ издержки на тотъ же предметъ во многихъ независимыхъ государствахъ, каковы Швеція, Саксонія, Виртембергъ и Пьемонтъ, гдѣ, при бо̀льшихъ средствахъ, военная система обходится менѣе дорого. Я не касаюсь мудрости, необходимости рѣшеній В. В-ва; но можноли безъ неспра-

ведливости упрекать націю въ обѣдненіи, отсюда проистекающемъ?

Малость Царства. — Когда рѣшилась судьба этой страны, В. В-во припомните, что Поляки, увлеченные своею благодарностію, выразили единодушное желаніе принадлежать Вамъ и что кромѣ этого неудержимаго чувства, ихъ покорило также Ваше великодушное обѣщаніе соединить подъ Вашимъ славнымъ скипетромъ и національнымъ правительствомъ всѣ Польскія области. В. В-во сами считали возрожденіе Польши достойнымъ Вашихъ заботъ лишь при размѣрахъ болѣе широкихъ. Нынѣшнее Царство на треть менѣе обширное, чѣмъ Герцогство, которое оно замѣняетъ, было въ Вашихъ глазахъ лишь основнымъ камнемъ зданія. Нельзя, Государь, порицать осторожности, которая побудила В. В-во отложить осуществленіе Вашихъ Высочайшихъ обѣщаній; но не было-бы ли крайнею несправедливостію наказывать Царство за малые размѣры, насильно ему приданные, тогда какъ нація готова принести величайшія жертвы, только-бы Богу и В. В-ву было угодно расширить эти размѣры?

О конституціи. — Перехожу къ упрекамъ, направленнымъ противъ формы правленія, коею мы обязаны, Государь, Вашему великодушію. Ясно, что въ излишнихъ или дурно направленныхъ издержкахъ администраціи виновна не конституція; онѣ, напротивъ того, произошли отъ того, что конституціи недостаточно повиновались, что ея строго не исполняли. Я не понимаю, какія препятствія хотятъ видѣть въ этой конституціи. Армія болѣе чѣмъ значительна, подати взимаются съ крайнею строгостію; правосудіе дѣйствуетъ, и остается только оградить судилища отъ всякихъ вліяній, кромѣ вліянія законовъ. Полицейскій надзоръ доведенъ до такой степени, что, можно сказать, онъ подчасъ становится инквизиторскимъ и притѣснительнымъ. Конституція не препятствуетъ ничему изъ того, что нужно; но, дѣйствительно, она недостаточно препятствуетъ излишнему и вредному.

Достиженіе этого втораго результата совершенно зависитъ отъ воли В. И. В-ва. Не слѣдуетъ упрекать сеймовъ въ томъ, что они затрудняютъ измѣненія и нововведенія; напротивъ того, въ томъ-то и заключается одна изъ выгодъ этой формы правленія, что она ведетъ къ прочности учрежденій; отвергнутый законъ оставляетъ вещи въ прежнемъ ихъ положеніи. Новымъ учрежденіямъ нужно дать время созрѣть. Не излишне иногда подвергать ихъ обсужденію на нѣсколькихъ послѣдовательныхъ сеймахъ.

Общая подозрительность. Во многихъ умахъ носится представленіе, будто существуетъ невысказанное стремленіе отталкивать, одного за другимъ, всѣхъ людей съ талантомъ и съ характеромъ и вводить въ правительство честолюбивыхъ, лишенныхъ добраго имени выскочекъ. Такимъ образомъ, говорятъ, все еще болѣе замедлится и запутается; самыя благодѣтельныя реформы извратятся; будетъ много предписаній, много порядка на бумагѣ; но исполненія будетъ мало, мало добрыхъ послѣдствій. Правительство, составленное такимъ образомъ, все болѣе и болѣе будетъ утрачивать довѣріе В. В-ва и уваженіе націи; оно такимъ образомъ сдѣлается орудіемъ собственнаго разрушенія, которое оно, пожалуй, наконецъ само предложитъ. В. В. и Ц. В-во найдете, что это пока-

занія неопредѣленныя, опасенія преувеличенныя и причудливыя. Однакоже упоминаю о нихъ, для того что-бы Васъ предъупредить и что-бы Вы были осторожны въ Вашихъ выборахъ.

Бережливость. В. И. В-во были правы, предписавъ строгую бережливость. Страна можетъ много выиграть отъ нея, если сбереженія будутъ распредѣлены, какъ слѣдуетъ, и если не будетъ отступленія отъ предписаннаго Вами правила, подъ предлогомъ, что дѣла идутъ не такъ дурно, какъ предполагали. Вы, Государь, мудро предписали уменьшить количество чиновниковъ, состоящихъ на жалованьи, и Вы, по этому поводу, взываете къ Польскому патріотизму: сомнѣваюсь, что-бы правительство отозвалось на этотъ призывъ въ той мѣрѣ, какъ это было-бы нужно, и что-бы оно воспользовалось имъ относительно жителей. Конституціонный бюджетъ, приходы и расходы, точно опредѣленные закономъ, одни могутъ впредь спасти финансы отъ новаго дефицита.

Надежды и желанія. — Каковы-бы ни были наши теперешнія испытанія, я убѣжденъ, что дѣло моей родины и ея свободы не погибло, пока оно находится въ рукахъ В. В-ва.— Оживите, Государь, нѣсколькими утѣшительными словами эту страждущую и унывающую страну. Одного Вашего слова будетъ достаточно, что-бы возвратить ей ускользающую отъ нея надежду на прочную и счастливую будущность. Націею руководить легко; она воспріимчива ко всѣмъ улучшеніямъ; она заключаетъ въ себѣ людей способныхъ, честныхъ, преданныхъ. Наши желанія заключаются единственно въ томъ, что-бы не случилось ничего такого, чего-бы не пожелали Вы сами; что-бы лица, Васъ замѣняющія, имѣли съ Вами одни цѣли, одни намѣренія, что-бы они усвоили себѣ Ваши формы. Тогда они покорили бы сердца вмѣсто того, что-бы ихъ отталкивать. Мѣстное правительство сдѣлалось-бы строгимъ къ самому себѣ и доброжелательнымъ къ управляемымъ; дружба, довѣріе, патріотизмъ руководили-бы его сношеніями съ націею и ея представителями, и эти послѣдніе спѣшили-бы идти на встрѣчу всякому разумному и полезному предложенію. Это было-бы средствомъ сдѣлать ненавистными личныя нападки, если-бы еще стали себѣ позволять таковыя и сдѣлать смѣшнымъ всякое передразниваніе Французскихъ ораторовъ, которое кажется мнѣ и неловкимъ, и предосудительнымъ.

Иностранное вліяніе.—Смѣю умолять В. И. В-во, что-бы Вы крайне остерегались внушеній и вліяній иностранныхъ кабинетовъ. Какъ не имѣть имъ заднихъ мыслей? Они только и думаютъ объ томъ, что-бы привить къ Вамъ всѣ свои воззрѣнія, что-бы увлечь Васъ по своему пути, для того что-бы низвести Васъ къ уровню прочихъ государей, надъ коимъ до сихъ поръ господствовала Ваша звѣзда. Первая ихъ цѣль, величайшій ихъ интересъ, заключается въ томъ, что-бы унизить Васъ во мнѣніи Европы и лишить Васъ любви и благоговѣнія народовъ, ибо они весьма сознаютъ, Государь, что это значило-бы лишить Васъ значительной доли Вашей власти.

Я пробылъ въ Варшавѣ лишь короткое время. Лѣта и немощи моего отца принудили меня тотчасъ отправиться въ деревню, въ которой онъ живетъ. Поставленный внѣ всякихъ дѣлъ, я не желаю измѣнять своего

положенія; съ каждымъ годомъ, сердце мое становится Вамъ болѣе благодарнымъ, Государь, за то, что Вы избавили меня отъ всякой правительственной должности. Однако-же, старинная моя преданность не можетъ, до сихъ поръ, согласиться на совершенное бездѣйствіе, и мнѣ представляется, что я еще приношу Вамъ пользу, Государь, извѣщая Васъ отъ времени до времени о томъ, что происходитъ и что едва-ли дойдетъ до Васъ иными путями.—Я бы желалъ, и я былъ бы счастливъ узнать, что усердіе мое Вамъ не въ тягость и что я и впредь не обязанъ его сдерживать.

Да сохранитъ Господь В. В-во для блага народовъ, ввѣреныхъ Имъ Вамъ. Да смягчитъ Онъ Ваше сердце въ пользу несчастной націи, для которой Вы единственная надежда. Въ неисповѣдимыхъ путяхъ Провидѣнія, да будутъ другіе исполнителями Его кары, и да будетъ Вамъ дано быть всегда орудіемъ Его благодѣяній.

XLIV.

1823.

Способъ, коимъ г. Новосильцовъ во время послѣдняго своего пребыванія въ Вильнѣ, выразился на счетъ Университета и подвѣдомственныхъ оному школъ, заставляетъ меня опасаться, что-бы, въ своемъ донесеніи о событіяхъ въ Гимназіи, онъ не помѣстилъ тяжкихъ обвиненій и самыхъ невыгодныхъ заключеній о народномъ образованіи въ Польскихъ областяхъ и объ учрежденіяхъ, завѣдующихъ онымъ.

Я не намѣренъ оправдывать фактовъ предосудительныхъ, ни защищать виновныхъ; однако-же, такъ какъ эти заведенія двадцать лѣтъ состояли подъ моимъ управленіемъ, то покорнѣйше умоляю В. И. В-во не произносить на ихъ счетъ Вашего Высочайшаго рѣшенія, не выслушавъ меня и не позволивъ мнѣ отвѣчать на обвиненія, которыя могутъ заключаться въ донесеніи г. Новосильцова.

Не разъ, въ теченіи моей жизни, имѣлъ я счастіе доказать мою привязанность къ Августѣйшей особѣ В. И. В-ва и удостоиться отъ Васъ свидѣтельствъ довѣрія и милости, лишиться коихъ я не заслужилъ, и которыя запечатлѣли въ сердцѣ моемъ глубочайшую благодарность.

Эти драгоцѣнныя воспоминанія подаютъ мнѣ утѣшительную надежду, что В. И. В-во соизволите принять просьбу, съ коею осмѣливаюсь къ Вамъ обращаться и которая не имѣетъ иной цѣли какъ представить Вамъ истину со всѣхъ ея сторонъ

Не смѣя утруждать В. И. В-во въ Брестѣ, гдѣ всѣ Ваши минуты будутъ слишкомъ заняты, я буду ожидать въ Меджибожѣ въ Подоліи приказаній, которыя Вамъ угодно будетъ мнѣ передать.

XLV.

Волосовцы, 18 (30) Октября 1823.

Пользуясь разрѣшеніемъ В. И. В-ва, осмѣливаюсь повергнуть къ стопамъ Вашимъ просьбу о дарованіи мнѣ полной отставки.

Если когда-либо В. И. В-во еще сочтете меня способнымъ принести Вамъ какую-либо пользу, я всегда буду готовъ и счастливъ повиноваться Вашимъ Высочайшимъ велѣніямъ.

Моя преданность, мои горячія молитвы о сохраненіи дней В. И. В. и о долгомъ благополучіи Вашего царствованія прекратятся лишь съ моею жизнію.

XLVI.

1823

Кн. Голицынъ обязательно извѣстилъ меня, что В. И. В-ву угодно даровать мнѣ отставку лишь по окончаніи Виленскаго дѣла.

Знаю, сколь обязанъ я повиноваться всему, что̀ будетъ угодно В. В-ву мнѣ предписывать; однако, да будетъ мнѣ дозволено представить Вамъ, что слѣдствія, предпринятыя въ Вильнѣ, могутъ еще протянуться весьма долго и что я по этому дѣлу не могу принести никакой пользы службѣ В. В-ва. Вотъ уже скоро годъ, какъ я разлученъ съ больною женою и съ сыномъ; состояніе ея здоровья не позволяетъ ей ускорить свой отъѣздъ. И такъ, я осмѣливаюсь сослаться на милостивыя увѣренія В. И. В-ва и снова представить Вамъ мою просьбу, что-бы Вы соблаговолили даровать мнѣ полную отставку отъ службы и дозволить мнѣ отправиться къ женѣ за границу. Простите мнѣ, Государь, мое почтительное ходатайство и соблаговолите снизойти на него.

XLVII.

1823.

Ревнуя о добромъ мнѣніи В. И. В-ва, столь для меня драгоцѣнномъ, осмѣливаюсь, въ ту минуту какъ получаю я отставку, умолять, что-бы мнѣ было дозволено сказать Вамъ нѣсколько словъ о себѣ самомъ. Не имѣя на малѣйшаго притязанія сохранить мою должность, стремлюсь только къ тому, что-бы оставить въ памяти В. И. В-ва благопріятное впечатлѣніе.

Хочу говорить лишь о моей службѣ въ должности попечителя, которая одна, повидимому, подвергается различнымъ толкованіямъ.

В. И. В-во соизволили возложить на меня эту должность въ 1803 году. Мои обязанности по коллегіи иностранныхъ дѣлъ и постоянное мое (за изъятіемъ нѣсколькихъ мѣсяцовъ, проведенныхъ съ родителями) пребываніе въ Петербургѣ не позволяли мнѣ заняться исключительно дѣлами Виленскаго округа. Этотъ предметъ, при всей его важности, казался тогда второстепеннымъ на ряду съ прочими моими занятіями.

Событія 1805, 1806 и 1807-го годовъ не могли не отвлечь меня отъ всякого иного предмета.

Я оставилъ Петербургъ въ 1810 году. Съ тѣхъ поръ, событія эпохи удерживали меня за границею. Путешествія мои и занятія въ теченіи 1814 и 1815-го годовъ извѣстны В. И. В-ву.

Я снова вступилъ въ должность попечителя лишь въ 1816 году. В.И. В-во позволили мнѣ, однакоже, остаться въ Варшавѣ, что-бы тамъ исполнять обязанности, которыя Вы соблаговолили ввѣрить мнѣ относительно Царства. Покончивъ съ ними, я посѣтилъ въ 1817 году Университетъ и многія изъ школъ округа.

Время, истекшее съ 1803 года, когда были составлены первые уставы, уже развило въ школахъ новыя потребности и дало почувствовать недостаточность старыхъ правилъ. Неудобства оныхъ, однако-же, могли быть замѣчены и вполнѣ оцѣнены лишь по мѣрѣ того, какъ ихъ обнаруживали обстоятельства. Сообразно съ этимъ, если сдѣлаютъ обзоръ моей служебной дѣятельности, то найдутъ, что важный этотъ предметъ постоянно занималъ мои мысли и что, начиная съ 1817 года, я вводилъ или

предлагалъ, почти ежегодно, мѣры къ улучшенію порядка въ школахъ (ибо здѣсь я намѣренъ говорить лишь объ одномъ этомъ предметѣ). Въ 1817 году я предписалъ студентамъ не носить иного платья, кромѣ присвоеннаго имъ мундира и совершенно запретилъ имъ посѣщать театры и прочія публичныя сборища. — Въ 1818 году я учредилъ въ самомъ Университетѣ спеціальный комитетъ, коему исключительно поручался надзоръ надъ школами и надъ элементарными книгами. Въ 1819 г. старыя правила относительно поведенія студентовъ и пріема ихъ въ Университетъ были передѣланы, и были опредѣлены обязанности гувернеровъ, надзирающихъ за ежедневнымъ поведеніемъ воспитанниковъ въ школахъ.

Конечно, эти мѣры нынѣ могутъ показаться недостаточными и слабыми; но слѣдуетъ судить о нихъ по времени и по обстоятельствамъ, для коихъ были онѣ расчитаны.

Около этого времени получилъ я отъ В. И. В-ва разрѣшеніе поѣхать за границу, гдѣ здоровье моей жены заставило меня прожить два года.

Во время всѣхъ сихъ моихъ отлучекъ, Университетъ и Виленскій округъ оставались въ непосредственномъ вѣдѣніи министерства, при чемъ система преподаванія не подвергалась ни малѣйшему измѣненію, ни малѣйшему порицанію.

До тѣхъ поръ и во всѣ періоды моей службы, управленіе школами и развитіе просвѣщенія конечно были предметомъ крайне важнымъ; но труды и надзоръ, коего онъ требовалъ, могли быть ведены исподоволь и безъ настоятельной поспѣшности.

При возвращеніи моемъ подъ конецъ 1821 года, я засталъ вещи въ положеніи гораздо болѣе трудномъ и опасномъ.

Дѣла школъ совершенно измѣнили свой видъ и свой характеръ. Буйный духъ, пробудившійся въ разныхъ Германскихъ университетахъ, пагубное повѣтріе тайныхъ обществъ между студентами этихъ университетовъ возбудили вниманіе правительствъ. Зараза легко могла распространиться и на наши школы. Вскорѣ по моемъ возвращеніи, я написалъ, еще въ Ноябрѣ мѣсяцѣ, къ тогдашнему ректору оффиціяльную бумагу, въ коей предписывалась ему крайняя бдительность и строго воспрещались тайныя общества.

Это распоряженіе, внушенное мнѣ неопредѣленными опасеніями, не осталось безъ нѣкоторого дѣйствія. Позволительно, по крайней мѣрѣ, льстить себя этою мыслію, при сближеніи времени, когда оно дано, съ эпохою, когда, даже по послѣднимъ Виленскимъ слѣдствіямъ, извѣстные тайные происки и первые зачатки обществъ были прерваны и разсѣяны.

Вскорѣ послѣ того, въ Мартѣ 1822 года, я предпринялъ общую ревизію Университета, которого я не видалъ три года, и пребываніе мое въ Вильнѣ продлилось до Іюня мѣсяца.

Знакомый съ состояніемъ воспитательныхъ заведеній въ Европѣ, съ измѣненіемъ ихъ духа и съ видами правительства, со времени этого посѣщенія, приложилъ я все мое усердіе и всѣ мои усилія къ тому, что-бы исполнить намѣренія В. В-ва, и чтобы спасти Виленскій округъ отъ несчастій, грозившихъ послѣдовательно всѣмъ Европейскимъ университетамъ.

Первою моею заботою должно было быть отъисканіе, для управленія Университетомъ, усерднаго и способ-

наго помощника, какъ орудія, на которое могъ-бы я расчитывать.

Замедленіе, коему я подвергся прежде, чѣмъ добился увольненія бывшаго ректора и утвержденія новаго, замедленіе, заставившее меня потерять шесть мѣсяцовъ, было причиною тому, что, за послѣднее это время, нѣкоторыя реформы, уже подготовленныя, не могли быть немедленно осуществлены, что̀ я и считаю одною изъ первыхъ причинъ тѣхъ несчастій, которыя обрушились на Университетъ.

Не будь этого замедленія, Виленская гимназія была-бы преобразована, и событіе 3 (15) Мая быть можетъ не совершилось-бы или приняло-бы оборотъ, гораздо болѣе естественный.

Однако-же съ того времени, какъ сдѣлался ректоромъ г. Твардовскій, было предпринято много улучшеній, въ особенности по части администраціи и полиціи, на которыя я обратилъ особливое его вниманіе оффиціальною бумагою отъ Ноября 1822 года, гдѣ школьной полиціи давалось новое развитіе. Все принялось процвѣтать, все подавало надежду, что эти заведенія заслужатъ вновь прежнее покровительство и столь драгоцѣнную благосклонность В. В-ва.

Но въ ту самую минуту, какъ новый ректоръ начиналъ развивать свою дѣятельность, его посадили подъ арестъ. Этимъ арестомъ, а за тѣмъ Виленскимъ слѣдствіемъ у насъ была отнята возможность дѣйствовать; — такъ что, выключивъ всѣ эти перерывы и бросивъ взглядъ на работы, занимавшія меня со времени вступленія въ должность новаго ректора, всякій будетъ вынужденъ сознаться, что обыкновеннаго усердія не хватало бы на то, что-бы совершить такъ много въ столь краткое время.

Я долженъ присовокупить еще одно обстоятельство, которое не преминетъ подѣйствовать на сердце В. И. В-ва и окончательно оправдаетъ меня въ Вашихъ глазахъ, если дѣятельность моя показалась Вамъ несоотвѣтствующею трудности обстоятельствъ. Среди этихъ-то затрудненій, этихъ непріятностій подвергся я въ моемъ семействѣ самымъ тяжкимъ несчастіямъ, такъ что я считаю этотъ послѣдній годъ моей службы однимъ изъ годовъ моей жизни, въ которые я испыталъ наиболѣе горя.

Какъ бы то ни было, я оставляю мою должность съ убѣжденіемъ, что я служилъ В. В-ву всѣми моими силами, съ усердіемъ искреннимъ и разумнымъ, въ убѣжденіи, что реформы и улучшенія, предположенныя или предпринятыя въ столь краткое время, произведутъ результаты достаточно-удовлетворительные, что-бы не оставить въ умѣ В. В-ва никакого сомнѣнія на счетъ Виленскаго округа и что польза будетъ принесена безъ шума, безъ крика, безъ возбужденія неудовольствія въ странѣ. — Отчетъ, который я представлю министерству, на свидѣтельство коего я въ правѣ сослаться, докажетъ подробнѣе и относительно всѣхъ прочихъ отраслей моего управленія истину того, что̀ я тутъ осмѣливаюсь высказать въ немногихъ словахъ.

Мнѣ остается только поручить заведенія зарождающіяся и упрочившіяся, всѣхъ лицъ, добросовѣстно и усердно исполняющихъ свои обязанности, многочисленное юношество Виленскаго округа, благотворному покровительству В. И. В-ва. — Буду постоянно молить Бога о томъ, что-бы они не лишились единственной этой защиты, безъ коей заведенія, и поддерживающіе ихъ фонды, и вся польза, коей можно отъ

нихъ ожидать въ настоящемъ и будущемъ, едва-ли избѣгнутъ гибели.

Царствованіе В. В-ва началось столь блистательно по покровительству, оказанному Вами просвѣщенію, что одна эта мысль должна успокоить всякую боязнь и внушить нѣкоторое довѣріе.

XLVIII.

Великій Князь Константинъ Павловичь къ Императору.

Варшава 14 Мая 1823.

Имѣю честь представить В. В-ву два донесенія, доставленныя мнѣ военнымъ губернаторомъ, генераломъ отъ инфантеріи Римскимъ-Корсаковымъ, отъ 11 Мая, по поводу волненій въ Виленскомъ Университетѣ, вызванныхъ политическими надписями, сдѣланными воспитанниками на фасадѣ Доминиканскаго монастыря, и копію съ моихъ инструкцій генералу, командующему въ Литвѣ.

Честь имѣю просить В. И. В-во изъявить мнѣ Вашу волю на счетъ дальнѣйшихъ приказаній. Я-бы посовѣтовалъ В. В-ву употребить мѣры строгости и послать коноводовъ, Платера, Кулаковскаго, Косцолковскаго, въ отдаленные Сибирскіе гарнизоны, въ качествѣ рядовыхъ. Мнѣніе мое на этотъ счетъ основано на вѣрныхъ данныхъ, ибо духъ воспитанниковъ Виленскаго Университета всегда былъ мятеженъ, безпокоенъ и противенъ установленному порядку. Университетскія власти, вмѣсто того что-бы его сдерживать, сочувствуютъ и мирволятъ ему, какъ это оказалось въ настоящемъ случаѣ. Необходимъ примѣръ, и нужно принять мѣры серьозныя и строгія, что-бы искоренить на всегда это застарѣлое зло.

Я велѣлъ моему адъютанту полковнику графу Нессельроду отправиться въ Вильну и тамъ переговорить съ генераломъ Римскимъ-Корсаковымъ, что-бы вполнѣ ознакомиться съ состояніемъ умовъ и съ подпольными происками въ Университетѣ. Когда у меня будутъ эти свѣдѣнія, поспѣшу передать ихъ В. В-ву.

XLIX.

Великій Князь Константинъ Павловичь къ князю А. Чарторыжскому.

Я получилъ актъ объ учрежденіи Виленскаго университета и донесеніе вашей свѣтлости отъ 18(30) Мая, въ коемъ сказано, что на фасадѣ Доминиканскаго монастыря были прибиты воспитанниками Университета тайныя и непозволительныя писанія. Манёвры эти весьма важны, и надлежитъ принять строгія мѣры для пресѣченія зла въ его корнѣ. В. свѣтлости не безъизвѣстно, что послѣ многократныхъ нашихъ вчерашнихъ совѣщаній объ этомъ дѣлѣ, я уже отдалъ предварительныя приказанія, вслѣдствіе донесенія генерала отъ инфантеріи Римскаго-Корсакова. Честь имѣю послать в. свѣтлости копію съ моего донесенія Е. В-ву, отъ 14 Мая, объ этомъ предметѣ и о мѣрахъ принятыхъ мною въ ожиданіи его приказаній. Я послалъ моего адъютанта полковника графа Нессельрода въ Вильну и приглашаю в. свѣтлость дождаться его возвращенія, для того что-бы принять, по соглашенію со мною, мѣры дѣйствительныя и приспособленныя къ обстоятельствамъ. Для окончательнаго-же разрѣшенія этого важнаго вопроса, слѣдуетъ дождаться отвѣта на депешу, которую я имѣлъ честь отправить къ Е. И. В-ву.

L.

Великій Князь Константинъ Павловичь къ кн. А. Чарторыжскому.

Варшава, 28 Іюня 1823

Я имѣлъ честь дать знать в. свѣтлости, отъ 19 Мая 1823 г., что, для принятія совокупныхъ мѣръ относительно мятежныхъ попытокъ воспитанниковъ Виленскаго Университета я желалъ, что-бы в. свѣтлость остались въ моей резиденціи. Но, такъ какъ первое слѣдствіе, хотя и разъясняетъ нѣкоторыя стороны дѣла, но оставляетъ другія во мракѣ, и необходимо находиться на мѣстахъ, чтобы лучше съ нимъ ознакомиться, то я, въ силу власти, данной мнѣ Е. В-вомъ, предписалъ г. тайному совѣтнику сенатору Новосильцову отправиться въ Вильну, и уполномочилъ его дѣйствовать тамъ по своему усмотрѣнію. Если къ тому представится случай, онъ посовѣтуется съ в. свѣтлостію. Облекая этою властію г. Новосильцова, честь имѣю извѣстить о томъ в. свѣтлость.

LI.

Кн. А Чарторыжскій къ Великому Князю Константину Павловичу.

18(30) Мая 1823.

Ректоръ Виленскаго университета извѣстилъ меня, что онъ сообщилъ всѣ подробности событія происшедшаго въ Вильнѣ 3(15) Мая г. Литовскому генералъ-губернатору и что этотъ послѣдній уже донесъ объ оныхъ В. И. Высочеству. Не смѣю, поэтому, утруждать В. И В-во новымъ разсказомъ того-же событія; но считаю долгомъ довести до Вашего свѣдѣнія обстоятельства приключившіяся вслѣдъ за тѣмъ.

Вскорѣ послѣ того, какъ протоколъ слѣдствія, составленный преподавателями Гимназіи, былъ посланъ г. генералъ-губернатору въ оригиналѣ, согласно съ его требованіемъ, Университетскому начальству были доставлены новые документы, касающіеся этого дѣла и, разсмотрѣвши исподоволь и эти бумаги, и самый протоколъ, оно рѣшило, по предложенію ректора, что первое слѣдствіе было недостаточно, что должно быть произведено новое изслѣдованіе и что нужно поручить его профессорамъ, избраннымъ въ самой средѣ Университета и пригласить гражданскія власти принять участіе въ слѣдствіи. Это постановленіе было сдѣлано университетскимъ правленіемъ въ засѣданіи 11 (23) Мая. Осмѣливаюсь приложить при семъ извлеченіе изъ протокола сказаннаго засѣданія.

Ректоръ Университета сообщилъ мнѣ это постановленіе, и я заключилъ изъ его донесенія, что событіе 3 (15) Мая приняло оборотъ гораздо болѣе серьезный, чѣмъ можно было предположить въ началѣ. По этому я подумалъ, что обязанности моей должности предписываютъ мнѣ тотчасъ отправиться въ Вильну, что-бы самому заняться веденіемъ этого дѣла и наказаніемъ виновныхъ.

Принявъ однако-же въ соображеніе что В. И. Высочество, главнокомандующій въ этихъ областяхъ, уже извѣщены объ этомъ дѣлѣ, я счелъ долгомъ прежде всего обратиться за приказаніями къ В. И. В-ву, что-бы затѣмъ руководствоваться оными.

LII.

Кн. А. Чарторыжскій къ Великому Князю Константину Павловичу.

Я имѣлъ честь получить приказанія, коими, въ отвѣтъ на мое донесе-

ніе отъ 18(30) Мая предписывается мнѣ ожидать здѣсь возвращенія графа Нессельрода изъ Вильны. Благодарю В. И. В-во за то, что Вы имѣли благосклонность сообщить мнѣ Ваше донесеніе Государю Императору и инструкціи, данныя Вами г. Литовскому генералъ-губернатору.

Прочитавши эти двѣ бумаги со всѣмъ вниманіемъ, какое предписываютъ мнѣ обязанности моей должности, важность обстоятельствъ, и довѣріе, оказанное мнѣ В. И. В-вомъ, вижу себя вынужденнымъ совѣстію представить В. И. В-ву слѣдующее.

Хотя я не имѣю свѣдѣній о донесеніяхъ, полученныхъ В. И. В-вомъ отъ г. Литовскаго ген.-губернатора, я долженъ однако-же заключить, изъ смысла отданныхъ приказаній, что этотъ генералъ, д. быть самъ введенный въ заблужденіе, основалъ сіи донесенія на свѣдѣніяхъ неточныхъ.

1°. Онъ смѣшалъ Гимназію съ Университетомъ, возлагая прямо на послѣдній отвѣтственность за безпорядки, происшедшіе въ первой.

2°. Онъ обвинилъ Университетъ въ незаконномъ веденіи слѣдствія.

3°. Онъ обвинилъ также Университетъ въ томъ, что онъ произнесъ приговоръ слишкомъ снисходительный и поспѣшилъ исполнить его, не предупредивъ г. генералъ-губернатора.

4°. Наконецъ его превосходительство словно обличаетъ Университетъ и въ особенности ректора въ томъ, что онъ въ этомъ дѣлѣ дѣйствовалъ слабо и безъ усердія.

Поэтому я вижу, что проницательность и справедливость В. И. В-ва были обойдены донесеніями, совершенно неточными, которыя по необходимости должны были зародить въ Вашемъ умѣ самое невыгодное сужденіе объ Университетѣ.

Полагаясь однако-же на ту-же проницательность и справедливость, льщу себя надеждою, что В. И. В-во соблаговолите извинить меня, если, для того, что-бы доказать неосновательность обвинительныхъ пунктовъ г. генералъ-губернатора, я войду въ нѣкоторыя подробности, которыя быть можетъ покажутся скучными, но заключаются единственно въ фактахъ, очевидность коихъ вытекаетъ изъ самыхъ тѣхъ донесеній, которыя были представлены В. И, В-ву.

Первый пунктъ. Г. Генералъ-губернаторъ не могъ не знать, что *правленіе* Гимназіи совершенно отдѣльно отъ правленія Университета. Это послѣднее занято общею администраціею всѣхъ школъ Виленскаго округа и не можетъ подробно слѣдить за каждою школою въ отдѣльности. Подробное это вѣдѣніе поручено въ Гимназіи особому начальнику и его помощнику, которые отвѣчаютъ за все то, что̀ въ ней происходитъ и о чемъ они не извѣщаютъ своевременно ректора Университета.

Нельзя также смѣшивать студентовъ Университета съ воспитанниками Гимназіи. Различіе въ лѣтахъ, въ степени знаній, въ образѣ занятій раздѣляетъ ихъ весьма рѣзкою чертою. Тѣ, коимъ близко знакомы школы, очень хорошо знаютъ, что студенты Университета не составляютъ одного общества съ воспитанниками Гимназіи и не смѣшиваются съ ними, почитая ихъ слишкомъ ниже себя.

Молодые люди, поступающіе въ Университетъ, уже прошли гимназическій курсъ, продолжающійся обыкновенно шесть лѣтъ; они, слѣдовательно, уже болѣе развиты образованіемъ, полученнымъ ими въ это время, между тѣмъ какъ воспитанники, поступающіе въ Гимназію, напротивъ то.

го, по большей части суть дѣти, прямо вышедшія изъ дома родительскаго и часто приносящія съ собою оттуда дурныя провычки и правила, которыя удается искоренить въ школахъ лишь по прошествіи многихъ лѣтъ и при самыхъ внимательныхъ усиліяхъ. Присовокуплю наконецъ, что воспитанники гимназій обыкновенно столь юны, что трудно предполагать въ нихъ предумышленность и дурныя намѣренія.

Вторый обвинительный пунктъ. — Дѣйствительно-ли первое слѣдствіе было произведено способомъ незаконнымъ и несогласнымъ съ предписанными формами?

1°. Ректоръ, какъ только до его свѣдѣнія дошло то, что произошло въ пятомъ классѣ Гимназіи, тотчасъ предписалъ начальству этого заведенія произвести слѣдствіе по порядку, постоянно соблюдаемому въ школахъ. Для произведенія этого слѣдствія были назначены лица, которыя первыя дали знать о самомъ событіи.

По близкому знакомству съ характеромъ, съ недостатками, съ привычками каждаго воспитанника, по знанію отношеній воспитанниковъ между собою, преподаватели Гимназіи казались прежде всего способными раскрыть истину.

2°. Администрація имѣла право поручить слѣдствіе членамъ Университета, лишь убѣдившись, что сами преподаватели Гимназіи замѣшаны въ дѣло. Мы увидимъ ниже, что она такъ и поступила.

3°. Университетскіе уставы предписываютъ, что-бы въ случаѣ, если строгое слѣдствіе обнаружитъ, что проступокъ имѣетъ характеръ уголовный, виновный былъ преданъ общимъ судилищамъ, но все-таки по окончаніи предварительнаго слѣдствія.... Но такъ какъ въ дѣлѣ, о коемъ идетъ рѣчь, слѣдствіе лишь начато (какъ будетъ доказано ниже) то еще не могли передать виновныхъ той власти, коей они подсудны.

4°. Далѣе, въ случаѣ, когда въ проступокъ окажутся замѣшанными постороннія лица, законъ хочетъ, что-бы слѣдствіе было произведено полицейскимъ чиновникомъ совмѣстно съ властями вѣдомства народнаго просвѣщенія. Эта формальность также была исполнена.

И такъ, думаю, что, на основаніи этого изложенія относительно законности, нельзя упрекнуть ни въ чемъ университетское начальство за ходъ, данный имъ этому дѣлу.

Третій упрекъ, повидимому взведенный на Университетъ, заключается въ томъ, что «онъ произнесъ приговоръ слишкомъ снисходительный и поспѣшилъ привести его въ исполненіе, не предупредивъ г. генералъ-губернатора». На это я отвѣчаю:

Университетъ, это правда, основалъ первыя свои рѣшенія на слѣдствіи, произведенномъ въ Гимназіи; но слѣдуетъ принять въ соображеніе:

1) Что надписи, усмотрѣнныя полиціею на стѣнахъ Доминиканскаго монастыря и другія отягчающія обстоятельства, еще не совершились, или оставались неизвѣстными.

2) Университетъ былъ вынужденъ настояніемъ генералъ-губернатора поспѣшить всѣми своими рѣшеніями.

3) Онъ еще не получалъ бумагъ, доказывающихъ недостаточность перваго слѣдствія, каковы объясненія гимназическихъ чиновниковъ и письмо г. Платера.

4) Университетъ полагалъ также, что въ началѣ умѣстно избѣгать всякой огласки, всякого подобія преслѣдованія или тревоги, что-бы не воз-

будить въ юношествѣ общаго интереса, чего слѣдовало остерегаться, что-бы не затруднить еще болѣе узнаніе истины. Однако, въ случаѣ этаго рода, онъ считалъ приличнымъ дѣйствовать прежде всего осторожно, безъ шума, предоставляя правительству затѣмъ дать этому дѣлу тотъ ходъ, какой оно сочтетъ нужнымъ.

5) Однако, не по одному отдѣльному обстоятельству можно судить объ администраціи Университета, но по совокупности его дѣйствій по этому дѣлу. Университетъ, какъ только получилъ онъ вышеупомянутыя бумаги, доказавшія ему недостаточность перваго слѣдствія, поспѣшилъ отмѣнить первыя свои рѣшенія. Онъ тотчасъ приступилъ къ новому слѣдствію, поручилъ его тремъ профессорамъ Университета, попросилъ г. генералъ-губернатора прикомандировать къ нимъ, по закону, полицейскаго чиновника и временно отрѣшилъ отъ должности директора Гимназіи и его помощника, какъ о томъ свидѣтельствуетъ протоколъ Университетскаго правленія, который я имѣлъ честь представить В. И. В-ву при донесеніи моемъ отъ 18 (30) Мая. Всѣ эти мѣры были приняты, какъ только успѣли очнуться. Университетъ принялъ ихъ по собственному побужденію, безъ всякаго вызова; ибо генералъ-губернаторъ, хотя и извѣщенный 9 Мая о первомъ рѣшеніи Университета, однако-же не выразилъ ему тогда своего неодобренія.

Что касается до упрека, «что первый приговоръ былъ слишкомъ снисходителенъ, и что поспѣшили привести его въ исполненіе, не предупредивши г. генералъ-губернатора», то дѣйствительно, въ постановленіи, состоявшемся послѣ перваго слѣдствія, Университетъ не выказалъ достаточной строгости. Я уже указалъ на причины этого обстоятельства и обязанъ только напомнить здѣсь В. И. В-ву, что начальство Университета, въ особенности-же начальство подчиненныхъ ему школъ, имѣя дѣло лишь съ дѣтьми, имѣя случай судить лишь проступки, коимъ, въ разсужденіи возраста виновныхъ и необдуманности, свойственной юности, самые законы придаютъ менѣе важности, что эти начальства, говорю, облечены лишь властью налагать легкія наказанія, изъ коихъ самыя тяжкія суть арестъ и исключенія.

Что-же касается до приведенія приговора въ исполненіе, безъ предупрежденія г. генералъ-губернатора, то я долженъ сперва повторить мимоходомъ, что г. генералъ-губернаторъ былъ извѣщенъ о первомъ постановленіи, какъ только оно состоялось, а именно 9 Мая.

Но совершенно опровергается это заявленіе слѣдующими словами:.... «какъ только было предписано новое слѣдствіе, постановленіе сдѣланное 8 Мая вслѣдствіе перваго не могло, по самой этой причинѣ, быть приведено въ исполненіе»—и дѣйствительно, къ исполненію его не было и приступлено ибо приговоренные воспитанники подверглись заключенію лишь по полученіи приказанія генералъ-губернатора отъ 11-го Мая.

Въ итогѣ, я, какъ мнѣ кажется, доказалъ фактами и послѣдовательностію обстоятельствъ этого дѣла, что Университетъ не заслужилъ обвиненій, взведенныхъ на него г. генералъ-губернаторомъ. Его превосходительство постоянно извѣщали обо всемъ, что происходило и обо всѣхъ мѣрахъ, принимаемыхъ Университетомъ. Этотъ послѣдній сдѣлалъ все,

чтò отъ него зависѣло, что-бы обезпечить раскрытіе истины, нарядивъ новое слѣдствіе, попросивъ генералъ-губернатора прикомандировать къ нему, по закону, гражданскихъ чиновниковъ; всякое исполненіе перваго приговора было пріостановлено, и гимназическіе начальники, виновные въ небрежности, на время были отрѣшены отъ должности. Наконецъ, съ тѣхъ поръ не происходило ни малѣйшаго безпорядка, ни малѣйшаго шума, и всѣ съ совершенною покорностію ожидали рѣшенія, которое будетъ угодно постановить В. В-ву.

Остается мнѣ отвѣчать на обвиненія, взведенныя передъ В. И. В-вомъ на ректора Твардовскаго. Чиновникъ этотъ, какъ мнѣ кажется, уже оправданъ всѣмъ сказаннымъ выше.

Его упрекаютъ въ томъ, что онъ, тотчасъ по полученіи слѣдствія, произведеннаго въ Гимназіи, не придалъ мѣропріятіямъ своимъ достаточной быстроты. Но ректоръ уставомъ обязанъ сообразоваться съ рѣшеніями правленія, состоящаго изъ декановъ, собирающихся подъ его предсѣдательствомъ. Дѣятельность его, слѣдовательно, замедляется коллегіальными формами, и онъ не можетъ вести дѣлъ съ тою-же быстротою, какъ чиновникъ дѣйствующій личною властію.

Чѣмъ ближе разсмотримъ мы ходъ этого дѣла, тѣмъ болѣе убѣдимся мы, что ректоръ въ немъ дѣйствовалъ съ совершеннымъ усердіемъ и искренностію. Тому служатъ очевиднымъ доказательствомъ быстрота и аккуратность, съ коими онъ извѣщалъ о всемъ, что дѣлалъ, г. ген.-губернатора, не только частыми изъустными сообщеніями, но и письменными донесеніями, а именно отъ 9—11 Мая.

Если-бы ректоръ отнесся къ дѣлу легко, какъ повидимому даетъ понимать г. генералъ-губернаторъ, то онъ не вытребовалъ бы у служащихъ въ Гимназіи объясненій по окончаніи перваго слѣдствія и препровожденіи его къ е. превосходительству.

Если-бы у него были заднія мысли, если-бы онъ захотѣлъ что-либо скрыть, онъ не сообщилъ-бы г. генералъ-губернатору, 10 Мая, этихъ объясненій въ коихъ именно и заключалось доказательство недостаточности перваго слѣдствія.

Кромѣ этихъ фактовъ, вполнѣ оправдывающихъ образъ дѣйствія ректора; въ настоящемъ случаѣ да будетъ мнѣ дозволено представить В. И. В-ву еще нѣсколько общихъ заключеній, говорящихъ въ его пользу.

Совершившееся событіе, во всякомъ случаѣ, можно разсматривать лишь какъ послѣдствіе прежнихъ злоупотребленій. Невозможно винить въ немъ нынѣшняго ректора, который, недавно призванный къ этой должности и утвержденный лишь нѣсколько мѣсяцовъ тому назадъ, не могъ, въ столь короткое время, вполнѣ искоренить прежніе безпорядки и злоупотребленія, хотя я и содѣйствовалъ ему изо всѣхъ силъ, на сколько то позволяли мнѣ размѣры моей власти.

Безпорядки, происшедшіе въ Виленской гимназіи, главную причину свою имѣютъ въ плохомъ составѣ начальства этой школы; но выборъ его былъ произведенъ гораздо прежде назначенія г. Твардовскаго въ ректоры. Уже давно собирались произвести перемѣны въ личномъ составѣ, такъ-же какъ и другія реформы, безусловно необходимыя; но желаніе сдѣлать выборъ хорошій, трудность удаленія старинныхъ наставниковъ и краткость времени еще не позволили намъ произвести всѣ предлагаемыя преобразованія.

Каковы-бы ни были подозрѣнія, которыя хотѣли внушить В. И. В-ву противъ прочихъ членовъ Университета, на новаго ректора они пасть не могутъ. Онъ былъ избранъ внѣ Университета. Онъ никогда не былъ профессоромъ. Осѣдлый гражданинъ, имѣющій независимое состояніе, онъ исполнялъ многія гражданскія должности, даже предводительскую, къ удовольствію правительства, и онъ постоянно выказывалъ неутомимое усердіе и величайшую преданность службѣ. Эти факты доказываютъ несомнѣнно, что ректоръ Твардовскій былъ несправедливо обвиненъ передъ В. И. В-вомъ.

Близкое мое знакомство съ его характеромъ, съ его поведеніемъ, съ его образомъ мыслей, съ его преданностію правительству, не позволяютъ мнѣ въ томъ сомнѣваться и въ настоящемъ случаѣ возлагаютъ на меня обязанность громко свидѣтельствовать о его достоинствахъ и невинности.

Я не долженъ скрыть отъ В. И. В-ва послѣдняго, чрезвычайно важнаго соображенія; дѣло въ томъ, что черезъ арестованіе ректора, Университетъ и подвѣдомствованныя оному школы остаются безъ главы что̀ можетъ подать поводъ къ прискорбнымъ замѣшательствамъ, повести къ возобновленію злоупотребленій и растратъ и остановить ходъ народнаго образованія въ семи губерніяхъ.

Всѣ эти побудительныя причины въ совокупности налагаютъ на меня обязанность представить Вамъ о настоятельной необходимости для самой пользы службы освобожденія главы Университета и школъ, по непосредственному приказанію В. И. В-ва. Это вмѣстѣ съ тѣмъ было-бы возстановленіемъ справедливости относительно г. Твардовскаго. Да, онъ этого заслуживаетъ, ручаюсь въ томъ честію и чувствами привязанности и преданности, одушевляющими меня къ священной особѣ Государя Императора, чувствами, столь давно извѣстными. Эта-то преданность, ненарушимо сохраненная мною среди всѣхъ треволненій моей жизни, заставила меня ощутить глубочайшее огорченіе при чтеніи донесенія, посланнаго В. И. В-вомъ Государю Императору, въ коемъ Вы выразились такъ сильно о вредномъ духѣ, который долженъ господствовать въ Виленскомъ Университетѣ. Управляя, въ теченіи двадцати лѣтъ этимъ учрежденіемъ, близко знакомый съ каждымъ изъ лицъ входящихъ въ составъ его, я имѣю возможность представить многочисленныя доказательства его пользы и обличить тѣхъ, которые напрасно взвели на него передъ В. И. В-вомъ столь тяжкія обвиненія.

Конечно, нѣкоторыхъ изъ его членовъ можно было упрекнуть въ недостаткѣ усердія, въ равнодушіи, въ небрежности, въ разныхъ злоупотребленіяхъ; студенты также могли провиниться противъ дисциплины; есть-ли человѣческое учрежденіе, въ которое не вкрадывались-бы иногда злоупотребленія? Но обвинять его передъ В. И. В-вомъ въ предательскихъ намѣреніяхъ, въ преступныхъ происках, въ вѣроломствѣ и неблагодарности къ Государю, осыпавшему его своими благодѣяніями, подобный извѣтъ могъ быть лишь дѣломъ враговъ спокойствія страны, людей ожесточенныхъ противъ народнаго образованія и противъ лицъ, коимъ оно поручено, тѣхъ наконецъ, которые, оскорбленные улучшеніями, предпринятыми въ Университетѣ, хотятъ отомстить за нарушеніе своихъ личныхъ интересовъ.

Но, такъ какъ В. И. В-во послали въ Вильну должностное лицо, просвѣщенное и удостоенное Вашего довѣрія, то мнѣ не пристало въ настоящее время входить въ подробную защиту Университета, и я долженъ ожидать возвращенія г. полковника Нессельрода, который, если только онъ имѣлъ достаточно времени, чтобы выслушать всѣ заинтересованныя лица, съумѣетъ, я въ томъ убѣжденъ, распознать истину и поможетъ мнѣ доказать, на сколько ненавистныя обвиненія взведенныя на Университетъ передъ В. И. В-вомъ, несправедливы и лишены основанія.

*

Замѣчательно, что на послѣднія докучливыя письма Чарторыжскаго мы не находимъ отвѣтовъ императора Александра Павловича. Не было ли вовсе этихъ отвѣтовъ, или сынъ Чарторыжскаго не нашелъ удобнымъ напечатать ихъ, — во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что и тутъ разочарованіе было горькимъ удѣломъ великодушнаго Государя. Современники и ближайшее потомство винили его въ образованіи Царства Польскаго; но мы увѣрены, что потомство болѣе отдаленное, болѣе безпристрастное, по справедливости оцѣнитъ высокія его побужденія, коими злоупотребили Польскіе паны во вредъ себѣ и Россіи. Благодѣтельствуя Полякамъ, Александръ Павловичъ желалъ привязать ихъ къ Россіи и чрезъ то отнять у Западной Европы лишнее орудіе противъ насъ; онъ желалъ (по позднѣйшему выраженію Жуковскаго) „на небѣ простертомъ надъ двумя подвластными ему народами поставить свѣтлую радугу союза"…. Его благородныя усилія дали намъ возможность яснѣе сознать, что наша нравственная правда по отношенію къ Польшѣ есть наша сила. — Прибавимъ въ заключеніе, что по новѣйшимъ изслѣдованіямъ связь между Россіею и Польшею, подобная той, какая выразилась въ образованіи Царства Польскаго, была предначертана еще Екатериною въ Гродненскомъ союзномъ трактатѣ 5 Октября 1793 г, осуществленію котораго помѣшала революція Костюшки (См. Иловайскаго, Гродненскій Сеймъ, стр. 223 и 264). *П. Б.*

ПИСЬМА НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ГОГОЛЯ КЪ В. А. ЖУКОВСКОМУ.

1.

Спб. Сентября 10 (1831)

Насилу могъ я управиться съ своею книгою и теперь только получилъ экземпляры для отправленія вамъ. Одинъ собственно для васъ, другой для Пушкина, третій съ сентиментальною надписью, для Розетти, а остальные—тѣмъ, кому вы по усмотренію своему опредѣлите. Сколько хлопотъ надѣлала мнѣ эта книга! Три дня я толкался изъ типографіи въ цензур. комитетъ, изъ цензур. комитета въ типографію, и наконецъ теперь только перевелъ духъ. Боже мой! сколько бы экземпляровъ я бы отдалъ, за то, чтобы увидѣть васъ хоть на минуту. Еслибы, часто думаю себѣ, появился въ окрестностяхъ Петербурга какой нибудь бродяга, ночной разбойникъ, и укралъ этотъ несносной кусокъ земли, эти 24 версты отъ Петербурга до Цар. С. и съ ними бы далъ тягу на край свѣта; — или какой нибудь проголодавшійся медвѣдь упряталъ ихъ вмѣсто завтрака въ свой медвѣжій желудокъ. О, съ какимъ бы я тогда восторгомъ стряхнулъ власами головы моей прахъ сапоговъ вашихъ, возлегъ у ногъ вашего превосходительства и ловилъ бы жаднымъ ухомъ сладчайшій нектаръ изъ устъ вашихъ, пріуготовленный самими богами изъ тмочисленнаго количества вѣдьмъ, чертей и всего любезнаго нашему сердцу. Но не такова досадная дѣйствительность или существенность. Карантины превратили эти 24 версты въ дорогу отъ Петербурга до Камчатки. Знаете ли что я узналъ на дняхъ только? что э… но вы не повѣрите мнѣ, назовете меня суевѣ-

ромъ; что всему этому виною никто другой, какъ врагъ честнаго креста церквей господнихъ и всего огражденнаго святымъ знаменіемъ. Это чортъ надѣлъ на себя зеленый мундиръ съ гербовыми пуговицами, привѣсилъ къ боку остроконечную шпагу и сталъ карантиннымъ надзирателемъ. Но Пушкинъ, какъ ангелъ святой, не побоялся сего рогатаго чиновника, какъ духъ пронесся его мимо и во мгновеніе ока очутился въ Петербургѣ, на Вознесенскомъ Проспектѣ и воззвалъ голосомъ трубнымъ ко мнѣ, лѣпившемуся по низменному тротуару, подъ высокими домами. Это была радостная минута; она уже прошла. Это случилось 8-го Августа. И къ вечеру того же дня, стало все снова скучно, темно какъ въ домѣ опустѣломъ

Окна мѣломъ
Забѣлены, хозяйки нѣтъ;
А гдѣ, Богъ вѣсть! пропалъ и слѣдъ!

Осталось воспоминаніе—и еще много кой-чего что̀ достаточно усладитъ здѣшнее одиночество: это извѣстіе, что сказка ваша уже окончена и начата другая, которой одно прелестное начало чуть не свело меня съ ума. И Пушкинъ окончилъ свою сказку! Боже мой, что-то будетъ далѣе? Мнѣ кажется, что теперь воздвигается огромное зданіе чисто-Руской поэзіи. Страшные граниты положены въ фундаментъ, и тѣже самые зодчіе выведутъ и стѣны, и куполъ, на славу вѣкамъ! Да поклонятся потомки и да имутъ мѣсто, гдѣ возносить умиленныя молитвы свои. — Какъ прекрасенъ удѣлъ вашъ, великіе зодчіе! Какой рай готовите вы истиннымъ христіанамъ! И какъ ужасенъ адъ, уготовленный для язычниковъ, ренегатовъ и прочаго сброду! Они не понимаютъ васъ и не умѣютъ молиться. Когда-то пріобщусь я этой божественной сказки?... Но скоро 12 часовъ, боюсь опоздать на почту. Прощайте! Извините мою несвязную грамоту. Не далось божественное писаніе въ руки. Будьте здоровы, и да почіетъ надъ вами благословеніе Божіе, и да возбуждаетъ оно васъ чаще и чаще ударять священныя струны; а я, вашъ вѣрный богомолецъ, буду возсылать Ему теплыя за сіе молитвы. Вѣчно вашъ неизмѣнный

Гоголь.

Моя квартира въ II Адмир. ч., въ Офицерской улицѣ, въ домѣ Брунста.

2.

Полтава. Іюля 15-го 1835.

Человѣкъ, страшно соскучившій безъ васъ, шлетъ вамъ поклонъ изъ дальняго угла Руси, съ желаніемъ здоровья, вдохновенья и всѣхъ благъ. Можетъ быть вы и не догадаетесь, что этотъ человѣкъ есть Гоголь, къ которому вы бывали всегда такъ благосклонны и благодѣтельны. Все почти мною извѣдано и узнано, только на Кавказѣ не былъ, туда именно хотѣлъ направить путь. Проклятыхъ денегъ не стало и на половину вояжа. Былъ только въ Крыму, гдѣ пачкался въ минеральныхъ грязяхъ. Впрочемъ, здоровье, кажется, ужъ отъ однѣхъ переѣздовъ поправилось. Сюжетовъ и плановъ нагромоздилось во время ѣзды ужасное множество, такъ что еслибъ не жаркое лѣто, то много бы изошло теперь у меня бумаги и перьевъ; но жаръ вдыхаетъ страшную лѣнь, и только десятая доля положена на бумагу и жаждетъ быть прочтенною вамъ. Черезъ мѣсяцъ я буду самъ звонить колокольчикъ у вашихъ дверей, крехтя отъ дюжей тетради. А теперь докучаю вамъ прозьбою;

вчера я получилъ извѣщеніе изъ Петербурга о странномъ происшествіи, что мѣсто мое въ Пат. Ин. долженствуетъ замѣститься другимъ господиномъ. Это для меня крайне прискорбно, потому что, какъ бы то ни было, это мѣсто доставляло мнѣ хлѣбъ, и притомъ мнѣ было очень пріятно заниматься, я привыкъ считать чѣмъ—то роднымъ и близкимъ. Мнѣ странно, потому что не имѣетъ права сдѣлать это Лонгиновъ, и вотъ почему: когда я просился на Кавказъ для поправленія здоровья, онъ мнѣ сказалъ, что причина моя законная, и никакого препятствія нѣтъ на мой отъѣздъ. За чѣмъ же онъ мнѣ тогда не сказалъ, что поѣзжайте, но помните, что вы чрезъ это лишитесь своего мѣста; тогда другое дѣло,—и можетъ быть я бы и не поѣхалъ. Впрочемъ Плетневъ мнѣ пишетъ, что еще о новомъ учителѣ будетъ представленіе въ Августѣ мѣсяцѣ первыхъ чиселъ, и что если Императрица не согласится, чтобы мое мѣсто отдать новому учителю, то оно останется за мною. И по этому-то поводу я прибѣгаю къ вамъ, нельзя ли такъ сдѣлать, чтобы Императрица не согласилась? Она добра и вѣрно не согласится меня обидѣть. Впрочемъ, что̀ то будетъ, то будетъ, а вѣрно будетъ такъ, какъ лучше. Все что̀ ни случалось доброе и злое, было для меня хорошо. Дай Богъ, чтобъ и впередъ такъ было. Желая вамъ всего, всего что̀ есть для насъ лучшаго, обнимая васъ, цѣлуя и оставаясь съ совершеннымъ почтеніемъ и глубокой преданностью, всегда вашъ

Гоголь.

3.

Гамбургъ $^{28}/_{16}$ Іюня (1836)

Мнѣ очень было прискорбно, что не удалось съ вами проститься передъ моимъ отъѣздомъ, тѣмъ болѣе, что отсутствіе мое, вѣроятно, продолжится на нѣсколько лѣтъ. Но теперь для меня есть что-то въ этомъ утѣшительное. Разлуки между нами не можетъ и не должно быть, и гдѣ бы я ни былъ, въ какомъ бы отдаленномъ уголкѣ ни трудился, я всегда буду возлѣ васъ. Каждую субботу я буду въ вашемъ кабинетѣ, вмѣстѣ со всѣми близкими вамъ. Вѣчно вы будете представляться мнѣ слушающимъ меня читающаго. Какое участіе, какое заботливо-родственное участіе, видѣлъ я въ глазахъ вашихъ! Низкимъ и пошлымъ почиталъ я выраженіе благодарности моей къ вамъ. Нѣтъ, я не былъ проникнутъ благодарностью; клянусь, это что-то выше, что-то больше ея; я не знаю, какъ назвать это чувство, но катящіяся въ эту минуту слезы, но взволнованное до глубины сердце говорятъ, что оно одно изъ тѣхъ чувствъ, которыя рѣдко достаются въ удѣлъ жителю земли.—Мнѣ ли не благодарить Пославшаго меня на землю! Какихъ высокихъ, какихъ торжественныхъ ощущеній, невидимыхъ, незамѣтныхъ для свѣта, исполнена жизнь моя! Клянусь, я что-то сдѣлаю, чего не дѣлаетъ обыкновенный человѣкъ. Львиную силу чувствую въ душѣ своей и замѣтно слышу переходъ свой изъ дѣтства, проведеннаго въ школьныхъ занятіяхъ, въ юношеской возрастъ.—Въ самомъ дѣлѣ, если разсмотрѣть строго и справедливо, что̀ такое все написанное мною до сихъ поръ? Мнѣ кажется, какъ будто я разворачиваю давнюю тетрадь ученика, въ которой на одной страницѣ видно нерадѣніе и лѣнь, на другой нетерпѣніе и поспѣшность, робкая, дрожащая рука начинающаго и смѣлая замашка шалуна, вмѣсто буквъ выводящая крючки, за которую бьютъ

по рукамъ. Изрѣдка, можетъ быть, выберется страница, за которую похвалитъ развѣ только учитель, провидящій въ нихъ зародышъ будущаго.— Пора, пора наконецъ заняться дѣломъ. О, какой непостижимо-изумительный смыслъ имѣли всѣ случаи и обстоятельства моей жизни! Какъ спасительны для меня были всѣ непріятности и огорченія! Они имѣли въ себѣ что-то эластическое; касаясь ихъ, мнѣ казалось я отпрыгивалъ выше, по крайней мѣрѣ чувствовалъ въ душѣ своей крѣпче отпоръ. - Могу сказать, что я никогда не жертвовалъ свѣту моимъ талантомъ. Никакое развлеченіе, никакая страсть не въ состояніи была на минуту овладѣть моею душою и отвлечь меня отъ моей обязанности. Для меня нѣтъ жизни внѣ моей жизни, и нынѣшнее мое удаленіе изъ отечества, оно послано свыше, тѣмъ же великимъ Провидѣніемъ, ниспославшимъ все на воспитаніе мое. Это великой переломъ, великая эпоха моей жизни. Знаю, что мнѣ много встрѣтится непріятнаго, что я буду терпѣть и недостатокъ и бѣдность, но ни за что въ свѣтѣ не возвращусь скоро. Долѣе, долѣе, какъ можно долѣе буду въ чужой землѣ. И хотя мысли мои, мое имя, мои труды будутъ принадлежать Россіи, но самъ я, но бренной составъ мой, будетъ удаленъ отъ нея.

Не знаю, какъ благодарить васъ за хлопоты ваши доставить мнѣ отъ Императрицы на дорогу. Если это сопряжено съ неудобствами, или сколько нибудь неприлично, то не старайтесь объ этомъ. Я надѣюсь, что, при теперешней бережливости моей, могу какъ нибудь управиться съ моими средствами. Правда, раздѣлавшись съ Петерб., я едва только вывезъ двѣ тысячи, но можетъ быть съ ними я протяну какъ нибудь до Октября, а въ Октябрѣ мѣсяцѣ долженъ мнѣ Смирдинъ вручить тысячу слишкомъ. Съ Петербургскими моими долгами я кое-какъ распорядился: иные выплатилъ изъ моей суммы, другіе готовы подождать. Если же на случай вы получите для меня деньги, то вручите ихъ Плетневу, который мнѣ можетъ переслать, если мнѣ придется большая надобность.—Я ѣду теперь прямо въ Ахенъ. Письмо къ Копу отправилъ по почтѣ вчера, раньше никакъ не могъ. Наше плаваніе было самое несчастное. Вмѣсто четырехъ дней, пароходъ шелъ цѣлыя полторы недѣли, по причинѣ дурнаго и бурнаго времени и безпрестанно портившейся пароходной машины. Одинъ изъ пассажировъ, графъ Мус. Пушкинъ, умеръ.—Въ Ахенѣ я дождусь отвѣта Копа, къ которому послалъ описаніе моей болѣзни, впрочемъ не слишкомъ важной. Въ Ахенѣ я займусь мѣсяца два языками, потому что мнѣ чрезвычайно трудно изъясняться, и потомъ ѣду на Рейнъ. Передайте мой поклонъ князю Вяземскому и благодарите его отъ меня за его участіе и письмо.—Даже съ Пушкинымъ я не успѣлъ и не могъ проститься; впрочемъ онъ въ этомъ виноватъ. Для его журнала я приготовлю кое-что, которое, какъ кажется мнѣ, будетъ смѣшно: изъ Нѣмецкой жизни.— Плетневу скажите, что я буду писать къ нему изъ Ахена, и что я очень сильно жму его руку. Желая вамъ какъ можно лучше, веселѣе проводить время и прося васъ думать иногда о томъ, который думать о васъ почитаетъ праздникомъ и приготовляетъ только на закуску послѣ трудовъ, остаюсь навсегда вашъ

Н. Гоголь.

4.

12 Ноября. (1836. Парижъ)

Я давно не писалъ къ вамъ; я ждалъ, чтобы минуло лѣто, потому что въ это время обыкновенно какъ-то мало вспоминается объ отсутствующихъ. Къ тому жъ у меня не было ничего достойнаго писать къ вамъ. Но я знаю, что вы меня любите и что съ наступленіемъ осени вы вспомните обо мнѣ, обо мнѣ, который каждую минуту васъ видитъ передъ собою. Я къ вамъ писалъ, кажется, въ самомъ началѣ моего путешествія. Прошатавшись лѣто на водахъ, я перебрался на осень въ Швейцарію. Я хотѣлъ скорѣе усѣсться на мѣстѣ и заняться дѣломъ, для этого поселился въ загородномъ домѣ близъ Женевы. Тамъ принялся перечитывать я Мольера, Шекспира и Вальтера Скота. Читалъ я до тѣхъ поръ, покамѣстъ сдѣлалось такъ холодно, что пропала вся охота къ чтенію. Женевскіе холода и вѣтры выгнали меня въ Веве; никого не было въ Веве; одинъ только Блашне выходилъ ежедневно въ 3 часа къ пристани встрѣчать пароходъ. Сначала было мнѣ нѣсколько скучно, потомъ я привыкъ и сдѣлался совершенно вашимъ наслѣдникомъ: завладѣлъ мѣстами вашихъ прогулокъ, мѣрилъ разстояніе по назначеннымъ вами верстамъ,колотя палкою бѣгавшихъ по стѣнамъ ящерицъ, нацарапалъ даже свое имя Рускими буквами въ Шильонскомъ подземельѣ, не посмѣлъ подписать его подъ двумя славными именами творца и переводчика Шиль. Узн.; впрочемъ, даже не было и мѣста. Подъ ними росписался какой-то Бурнашевъ, внизу послѣдней колоны, которая въ тѣни. Когда нибудь Руской путешественникъ разберетъ мое птичье имя, если не сядитъ на него Англичанинъ. Недоставало только мнѣ завладѣть комнатой въ вашемъ домѣ, въ которомъ живетъ теперь Великая Кн. Анна Ѳедоровна. Осень въ Веве наконецъ настала прекрасная, почти лѣто; у меня въ комнатѣ сдѣлалось тепло, и я принялся за Мертвыхъ Душъ, которыхъ было началъ въ Петербургѣ. Все начатое передѣлалъ я вновь, обдумалъ болѣе весь планъ и теперь веду его спокойно, какъ лѣтопись.— Швейцарія сдѣлалася мнѣ съ тѣхъ поръ лучше; сѣро-лилово-голубо-сине-розовыя ея горы легче и воздушнѣе. Если совершу это твореніе, такъ какъ нужно его совершить, то... какой огромный, какой оригинальной сюжетъ! Какая разнообразная куча! Вся Русь явится въ немъ! Это будетъ первая моя порядочная вещь; вещь, которая вынесетъ мое имя. Каждое утро въ прибавленіе къ завтраку, вписывалъ я по три страницы въ мою поэму, и смѣху отъ этихъ страницъ было для меня достаточно, чтобы усладить мой одинокій день. Но наконецъ и въ Веве сдѣлалось холодно, комната моя была нимало ни тепла; лучшей я не могъ найти. Мнѣ тогда представился Петербургъ, наши теплые домы; мнѣ живѣе тогда представились вы, вы въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ встрѣчали меня приходившаго къ вамъ и брали меня за руку, и были рады моему приходу... И мнѣ сдѣлалось страшно скучно. Меня не веселили мои Мертвыя Души, я даже не имѣлъ въ запасѣ столько веселости, чтобы продолжать ихъ. Докторъ мой отыскалъ во мнѣ признаки ипохондріи, происходившей отъ геморoидъ, и совѣтывалъ мнѣ развлекать себя; увидѣвши же, что я не въ состояніи былъ этого сдѣлать, совѣтывалъ перемѣнить мѣсто. Мое намѣреніе до того было про-

вести зиму въ Италіи, но въ Италіи бушевала холера страшнымъ образомъ; карантины покрыли ее какъ саранча. Я встрѣчалъ только бѣжавшихъ оттуда Итальянцевъ, которые отъ страху, въ маскахъ, проѣзжали свою землю. Не надѣясь развлечься въ Италіи, я отправился въ Парижъ, куда вовсе не располагалъ было ѣхать. Здѣсь встрѣтилъ я своего двоюроднаго брата, съ которымъ выѣхалъ изъ Петербурга. Это лучшій изъ выпущенныхъ вмѣстѣ со мною изъ Нѣжина. Жаль, что вы не знаете его стиховъ, которые подъ величайшимъ страхомъ, показалъ онъ только одному мнѣ, и то не прежде какъ затворивши всѣ двери, чтобы и Французы не услышали. Парижъ не такъ дуренъ, какъ я воображалъ, и что всего лучше для меня: мѣстъ для гулянья множество; одного сада Тюльери и Елисейскихъ полей достаточно на весь день ходьбы. Я нечувствительно дѣлаю препорядочный моціонъ, что для меня теперь необходимо. Богъ простеръ здѣсь надо мною Свое покровительство и сдѣлалъ чудо: указалъ мнѣ теплую квартиру, на солнцѣ, съ печкой, и я блаженствую. Снова веселъ; Мертвыя текутъ живо, свѣжѣе и бодрѣе, чѣмъ въ Веве, и мнѣ совершенно кажется какъ будто я въ Россіи: передо мною все наше, наши помѣщики, наши чиновники, наши офицеры, наши мужики, наши избы, словомъ вся православная Русь. Мнѣ даже смѣшно, какъ подумаю, что я пишу Мертвыхъ Душъ въ Парижѣ. Еще одинъ Левіаѳанъ затѣвается. Священная дрожь пробираетъ меня заранѣе, какъ подумаю о немъ; слышу коечто изъ него.. божественныя вкушу минуты... но... теперь я погруженъ весь въ Мертвыя Души. Огромно велико мое твореніе, и не скоро конецъ его. Еще возстанутъ противъ меня новыя сословія и много разныхъ господъ; но чтожъ мнѣ дѣлать! Уже судьба моя враждовать съ моими земляками. *Терпѣніе!* Кто-то Незримой пишетъ передо мною могущественнымъ жезломъ.—Знаю, что мое имя послѣ меня будетъ счастливѣе меня, и потомки тѣхъ-же земляковъ моихъ, можетъ быть, съ глазами влажными отъ слезъ, произнесутъ примиреніе моей тѣни.—Пришлите мнѣ портретъ вашъ. Ради всего, что есть для васъ дорогаго на свѣтѣ, не откажите мнѣ въ этомъ, но чтобы онъ былъ теперь снятъ съ васъ. Если у васъ нѣтъ его, не поскупитесь, посидите два часа на одномъ мѣстѣ; если вы не исполните моей просьбы, то.. но нѣтъ, я не хочу и думать объ отказѣ. Вы не захотите меня опечалить. Акварелью въ миньятюрѣ, чтобы онъ могъ не сворачиваясь уложиться въ письмо, и отдайте его для отправленія Плетневу. Я вамъ пришлю свой, которой закажу налитографировать только въ числѣ пяти экземпляровъ, чтобы никто, кромѣ моихъ ближайшихъ, не имѣлъ его.—Напишите что нибудь ко мнѣ, хоть только двѣ строчки, что вы здоровы и что получили мое письмо. Если-бъ вы знали, какую бодрость вдвинутъ въ меня ваши строки!—Я думаю, что я пробуду въ Парижѣ всю зиму, тѣмъ болѣе что здѣсь жить для меня несравненно дешевле, нежели было доселѣ въ Германіи и Швейцаріи. А съ началомъ Февраля отправлюсь въ Италію, если только холера прекратится, и Души потекутъ тоже за мной.

Адресъ мой: Place de la Bourse №12.

Не представится ли вамъ какихъ нибудь казусовъ, могущихъ случиться при покупкѣ мертвыхъ душъ? Это была бы для меня славная вещь, потому, какъ бы то ни было, но ваше

воображеніе вѣрно увидитъ такое, чего не увидитъ мое. Сообщите объ этомъ Пушкину; авось либо и онъ найдетъ что нибудь съ своей стороны. Хотѣлось бы мнѣ страшно вычерпать этотъ сюжетъ со всѣхъ сторонъ. У меня много есть такихъ вещей, которыя бы мнѣ никакъ прежде не представились; но не смотря на то, вы все еще можете мнѣ сказать много новаго, ибо чтò голова, то умъ. Никому не сказывайте, въ чемъ состоитъ сюжетъ Мервыхъ Душъ. Названіе можете объявить всѣмъ. Только три человѣка вы, Пушкинъ да Плетневъ, должны знать настоящее дѣло. Прилагаемое письмо прошу васъ покорнѣйше вручить Плетневу немедленно; оно нужное.

Будьте всегда здоровы и веселы, и да хранитъ васъ Богъ отъ почечуевъ и отъ встрѣчъ съ тѣми физіогноміями, на которыя нужно плевать, и да бѣгутъ они отъ васъ, какъ ночь бѣжитъ отъ дня.

Прощайте! до слѣдующаго письма.

5.

Октября 30. Римъ. 1837.

Я получилъ данное мнѣ великодушнымъ нашимъ Государемъ вспоможеніе. Благодарность сильна въ груди моей, но изліяніе ея не достигнетъ къ Его Престолу. Какъ нѣкій богъ, Онъ сыплетъ полною рукою благодѣянія и не желаетъ слышать нашихъ благодарностей; но можетъ быть слово бѣднаго при жизни поэта дойдетъ до потомства и прибавитъ умиленную черту къ Его нравственнымъ доблестямъ. Но до васъ можетъ досягнуть моя благодарность. Вы, все вы! Вашъ исполненный любви взоръ бодрствуетъ надо мною! Какъ будто нарочно дала мнѣ судьба тернистый путь, и сжимающая нужда увила жизнь мою, чтобы я былъ свидѣтелемъ прекраснѣйшихъ явленій на землѣ. Вексель съ извѣстіемъ еще въ Августѣ мѣсяцѣ пришелъ ко мнѣ въ Римъ, но я долго не могъ возвратиться туда по причинѣ холеры. Наконецъ я вырвался. Еслибъ вы знали, съ какою радостью я бросилъ Швейцарію и полетѣлъ въ мою душеньку, въ мою красавицу, Италію! Она моя! Никто въ мірѣ ея не отниметъ у меня! Я родился здѣсь.—Россія, Петербургъ, снѣга, подлецы, департаментъ, каѳедра, театръ, — все это мнѣ снилось. Я проснулся опять на родинѣ и пожалѣлъ только, что поэтическая часть этаго сна—вы, да три-четыре оставившихъ вѣчную радость воспоминанія въ душѣ моей, не перешли въ дѣйствительность. — Еще одно безвозвратное..... О Пушкинъ! Пушкинъ! Какой прекрасной сонъ удалось мнѣ видѣть въ жизни, и какъ печально было мое пробужденіе! Чтобы за жизнь моя была послѣ этаго въ Петербургѣ; но какъ будто съ цѣлью всемогущая рука Промысла бросила меня подъ сверкающее небо Италіи, чтобы я забылъ о горѣ, о людяхъ, о всемъ, и весь впился въ ея роскошныя красы. Она замѣнила мнѣ все. Гляжу какъ изступленный на нее и не нагляжусь до сихъ поръ. Вы говорили мнѣ о Швейцаріи, о Германіи и всегда вспоминали о нихъ съ восторгомъ. Моя душа также ихъ приняла живо, и я восхищался ими, даже можетъ съ большей живостью, нежели какъ я въѣхалъ въ первой разъ въ Италію. Но теперь, когда я побывалъ въ нихъ послѣ Италіи, низкими, пошлыми, гадкими, сѣрыми, холодными показались мнѣ они со всѣми ихъ горами и видами, и мнѣ кажется, какъ будто бы я былъ въ Олонецкой гу-

берніи и слышалъ медвѣжье дыханье сѣвернаго океана.—И неужели вы не побываете здѣсь, и не поглядите на нее? И не отдадите тотъ поклонъ, которымъ долженъ красавицѣ-природѣ всякъ кадящій прекрасному? Здѣсь престолъ ея. Въ другихъ мѣстахъ мелькаетъ одно только воскраіе ея ризы, а здѣсь она вся глядитъ прямо въ очи, своими пронзительными очами. — Я веселъ; душа моя свѣтла. Тружусь и спѣшу всѣми силами совершить трудъ мой. Жизни! Жизни! Еще бы жизни!—Я ничего еще не сдѣлалъ, что бы было достойно вашего трогательнаго расположенія.—Но можетъ быть это, которое пишу нынѣ, будетъ достойно его. Покрайней мѣрѣ мысль о томъ, что вы будете читать его нѣкогда, была одна изъ первыхъ оживлявшихъ меня во время бдѣнія надъ нимъ. Храни Богъ долго, долго прекрасную жизнь вашу!

Вашъ Гоголь.

Мой адресъ: Strada felice № 126. Ultimo piano.

Его превосходительству Василью Андреевичу Жуковскому. Прошу васъ покорнѣйше отдать эти письма Алекс. Осип. Смирновой и Андрею Карамзину.

6.

Римъ. Февраль (1839)

Вотъ уже недѣля какъ васъ нѣтъ въ Римѣ, а я все еще нахожусь въ такомъ состояніи, какъ будто бы вы уѣхали только сегодня по утру; т. е. разинувъ ротъ, глупо глядя вслѣдъ уѣзжающей вашей каретѣ и не зная потомъ, куда направить шаги свои. Два первые дни рѣшительно не зналъ за что приняться. Еслибы хотя была въ это время гадкая дождливая погода, но какъ на бѣду дни были чудные, какихъ при васъ еще не было, теплые, потопленные въ солнцѣ. Я отправился въ Колисей, на Форумъ Rom. и такъ странно глядѣлъ на все это, какъ еще никогда не глядѣлъ. Я возвратился въ городъ смутно, а къ вечеру мнѣ сдѣлалось просто скучно. Подлецъ Л. не прислалъ мнѣ даже вашего бюста, который онъ просилъ удержать на двѣ минуты и котораго я до сихъ поръ не могу у него добиться. Какъ я терпѣть не могу этого человѣка, и странно, что это чувство раздѣляютъ всѣ видящіе его въ первый разъ. Моя комната была бы тогда полнѣе, и лучше, успокоительнѣй; а теперь мнѣ все кажется, что изъ ней кто-то сію минуту выѣхалъ или выѣзжаетъ, что половину уложенный чемоданъ стоитъ по серединѣ, по всѣмъ угламъ клоки оберточной бумаги, веревочекъ, стараго бѣлья.... Гдѣ вы теперь въ эту самую минуту, когда пишу? Къ какому мѣсту подъѣзжаете? Слышите ли и видите ли эти божественные дни, которые теперь настали, передовые гонцы несущейся уже недалеко весны. Какъ я ихъ люблю! Боже, если бы вы встрѣтили ихъ еще здѣсь; но кто знаетъ, можетъ быть вы бы не захотѣли тогда выѣхать изъ Рима. Чудное время! Я бы былъ счастливъ совершенно, если бы въ мое наслажденіе не вмѣшалось нѣсколько изъ того томительнаго чувства, какое чувствуетъ школьникъ, когда учитель его отправится гулять за городъ съ его товарищами, а его оставитъ за лѣность одного въ маленькомъ школьномъ садикѣ, и онъ видитъ пропадающій вечеръ и видитъ сквозь него, глазами воображенія, вдали лугъ, на немъ свѣтъ солнца, кучу товарищей, летящій вверхъ мячь, веселые крики. Все видитъ онъ и не

хочетъ оторваться отъ своего зрѣлища, потирая кулакомъ и рукавомъ свою упрямо-кислую рожу и не спуская глазъ съ опускающагося ежеминутно ниже солнца. Моя портфель съ красками готова; съ сегодняшняго дня отправлюсь рисовать на весь день. Я думаю въ Колисей. Обѣдъ возьму въ карманъ. Дни значительно прибавились. Я вчера пробовалъ рисовать. Краски ложатся сами собою, такъ что потомъ дивишься, какъ удалось подмѣтить и составить такой-то колоритъ и оттѣнокъ. Если бы вы остались здѣсь еще недѣлю, вы бы уже не принялись за карандашъ. Колоритъ потеплѣлъ необыкновенно; всякая развалина, колонна, кустъ, ободранный мальчишка, кажется, воютъ къ вамъ и просятъ красокъ. Какъ чудно! Въ другихъ мѣстахъ весна дѣйствуетъ только на природу: вы видите, оживаетъ трава, дерево, ручей. Здѣсь же она дѣйствуетъ на все: оживаетъ развалина, оживаетъ плисъ на курткѣ бирбачона, оживаетъ высеребренная солнцемъ стѣна простаго дома; оживаютъ лохмотья нищаго, оживаетъ ряса капуцина съ висящими назади капучіо; даже этотъ продуктъ, котораго мы находили цѣлыя плантаціи разведенныя трудолюбивыми Римлянами подъ всѣми почти стѣнами и оградами, принялъ какой-то весьма пріятный для глазъ коричневый цвѣтъ; а сами производители его теперь попадаются несравненно чаще и совершенно какъ дома; —и въ такомъ количествѣ, что рады или не рады, а къ вамъ который нибудь непремѣнно попадетъ въ первый планъ. Бывало, помните, мы гонялись за натурою, т. е. движещеюся, а теперь она сама лѣзетъ въ глаза: то оселъ, то Албанка, то аббатъ, то наконецъ такого страннаго рода существа, которыхъ опредѣлить трудно. Вчера на примѣръ, когда я рисовалъ, сталъ прямо противъ меня мальчишка, у котораго были такого рода странные штаны, какихъ безъ сомнѣнія ни одинъ портной не шилъ. Я потомъ уже догадался, что они передѣланы изъ отцевской разодранной куртки; но только дѣло въ томъ, что они не перешиты, а просто ноги вдѣты въ рукава, и на брюхѣ подвязано веревкой; входъ къ заду совершенно свободенъ, такъ что онъ можетъ по примѣру отцовскому разводить коричневыя плантаціи подъ стѣнами развалинъ. Въ Колисеѣ явились проповѣди, и толпы народа, и монахи съ бѣлыми бородами, и одѣтые всѣ съ низу до верху въ бѣлое, какъ древніе жрецы. Драпировка чрезвычайно счастлива для нашего брата mezzo-художника; одинъ взмахъ кисти, и монахъ готовъ. Вчера солнце освѣтило мнѣ одного изъ нихъ, тогда какъ всѣ прочіе были обняты тѣнью. Это было прелесть какъ эфектно и какъ легко рисовать. Вчерашній день кончились празденства по случаю избранія двухъ кардиналовъ большимъ фейерверкомъ на Monte Citorio, гдѣ пушки между прочимъ составили какой-то музыкальный концертъ. Всѣ три дни Римъ былъ иллюминованъ, такъ какъ теперь не иллюминуютъ въ другихъ городахъ. Цѣлыя пылающія стѣны домовъ, смоляныя бочки по всѣмъ улицамъ. Я взглянулъ съ Monte-Pincio — прелесть! Вообразите смоляныхъ бочекъ не видно, а только стѣны въ огнѣ, такъ что кажется весь городъ грѣется у очага. Вотъ вамъ новость старыхъ временъ: на два дни ѣзды изъ Рима вырытъ на прошлой недѣли амфитеатръ почти равный величиной съ Teatro Marcello. Весь этажъ цѣлъ, много обломковъ отъ колонъ, и статуи думаютъ

на днѣ найти цѣлыя. Первымъ временемъ установившейся весны воспользуюсь и поѣду поглядѣть. Теперь жаль на минуту оставить Рима: такъ онъ хорошъ и такая бездна предметовъ для рисованья. Доживу ли я до того времени, когда мы вновь сядемъ вмѣстѣ, оба съ кистями? Вѣрите ли, что иногда рисуя, я позабывшись вдругъ оборачиваюсь, чтобъ сказать слово вамъ и оборотившись вижу и какъ будто слышу пустоту, покрайней мѣрѣ на нѣсколько минутъ, въ землѣ, гдѣ всякое мѣсто наполнено и гдѣ нѣтъ пустоты. Даже болвана Антонія не встрѣтили мои глаза, по крайней мѣрѣ я бы тогда обрадовался его присутствію. Какъ странно, когда встрѣтишь вдругъ среди улицы слугу, котораго мы знали въ услуженіи близкимъ и дорогимъ нашему сердцу и который теперь служитъ другимъ; съ перваго разу вдругъ подойдешь къ чему съ живостью; мысль о господахъ его не отрѣшилась еще отъ него въ глазахъ нашихъ. Даже спросишь: какъ, что̀ твои господа? И потомъ вдругъ остановишься, вспомнивши, что господа его чужіе. Вотъ настоящая мефистофелевская насмѣшка надъ человѣкомъ. Здѣсь только въ первый разъ видишь поэзію крѣпостнаго человѣка. — Я бы очень желалъ знать, какъ вашъ теперь маршрутъ, гдѣ и сколько дней, и не знаю, какъ бы это сдѣлать. Вамъ объ этомъ некогда меня увѣдомить. Поручите кому нибудь маленькія два слова, только главное, нѣтъ ли т. е. главныхъ измѣненій въ вашемъ маршрутѣ, чтобъ я зналъ, куда писать къ вамъ. Можетъ быть вамъ некогда читать мои письма. Но теперь это моя потребность: мнѣ кажется, я сталъ веселѣе, написавши къ вамъ письмо.

На оборотѣ:

Vienne (en Autriche)

Его превосходительству Василію Андреевичу Жуковскому

Recomandée aux soins obligeants de la légation Impériale de Russie.

7.

Римъ. Апрѣль $^{18}/_{6}$ (1839)

Я пишу къ вамъ на этотъ разъ съ намѣреніемъ удручить васъ моею прозьбою. Вы одни въ мірѣ, котораго интересуетъ моя участь. Вы сдѣлаете, я знаю, вы сдѣлаете все то что̀ только въ предѣлахъ возможности. Меня страшитъ мое будущее. Здоровье мое, кажется, съ каждымъ годомъ становится плоше и плоше. Я былъ недавно очень боленъ, теперь мнѣ сдѣлалось немного лучше. Если и Италія мнѣ ничего не поможетъ, то я не знаю, что̀ мнѣ тогда уже дѣлать. Я послалъ въ Петербургъ за послѣдними моими деньгами, и больше ни копѣйки; впереди не вижу совершенно никакихъ средствъ добыть ихъ. Заниматься какимъ нибудь журнальнымъ мелочнымъ вздоромъ не могу, хотя бы умиралъ съ голоду. Я долженъ продолжать мною начатой, большой трудъ, которой писать взялъ съ меня слово Пушкинъ, котораго мысль есть его созданіе и который обратился для меня съ этихъ поръ въ священное завѣщаніе. Я дорожу теперь минутами моей жизни потому, что не думаю, чтобъ она была долговѣчна;—а между тѣмъ, я начинаю вѣрить тому, что̀ прежде считалъ басней, что писатели въ наше время могутъ умирать съ голода. Но чуть ли это не правда. Будь я живописецъ, хоть даже плохой, я бы былъ обезпеченъ. Здѣсь въ Римѣ, около 15 человѣкъ нашихъ художниковъ, которые недавно высланы изъ Акаде-

міи, изъ которыхъ иные рисуютъ хуже моего: они всѣ получаютъ по три тысячи въ годъ. — Поди я въ актеры — я бы былъ обезпеченъ: актеры получаютъ по 10000 т. и больше, а вы сами знаете, что я не былъ бы плохой актеръ. — Но я писатель — и потому долженъ умереть съ голоду. На меня находятъ часто печальныя мысли, слѣдствіе ли это ипохондріи, или чего другаго. Доктора больше относятъ къ первому, я и самъ готовъ съ ними согласиться; но вы можете видѣть, что мои слова, съ своей стороны, также справедливы. — Разсмотрите положеніе, въ которомъ я нахожусь, мое болѣзненное состояніе, мою невозможность заняться чѣмъ нибудь постороннимъ, и дайте мнѣ спасительный совѣтъ, что̀ я долженъ сдѣлать для того, чтобы протянуть на свѣтѣ свою жизнь, до тѣхъ поръ, покамѣстъ сдѣлаю сколько нибудь изъ того что̀ мнѣ нужно сдѣлать. Я думалъ, думалъ и ничего не могъ придумать лучше, какъ прибѣгнуть къ Государю. Онъ милостивъ; мнѣ памятно до гроба то вниманіе, которое Онъ оказалъ къ моему Ревизору. Я написалъ письмо, которое прилагаю; если вы найдете его написаннымъ какъ слѣдуетъ, будьте моимъ предстателемъ, вручите! Если же оно написано не такъ какъ слѣдуетъ, то—Онъ милостивъ, Онъ извинитъ бѣдному своему подданному. Скажите, что я невѣжа, незнающій какъ писать къ Его высокой особѣ, но что я исполненъ весь такой любви къ Нему, какою можетъ быть исполненъ одинъ только Русской подданный, и что осмѣлился потому только безпокоить Его прозьбою, что зналъ, что мы всѣ Ему дороги какъ дѣти.—Но я знаю, вы лучше и приличнѣе скажете, нежели я. Не въ первый разъ я обязанъ многимъ, многимъ, вамъ, чего сердце не умѣетъ высказать; и я бы почувствовалъ на душѣ совѣсть безпокоить васъ, еслибъ вы не были вы!—Но въ сторону все это; я съ вами говорю просто, и я бы покраснѣлъ до ушей, еслибы сказалъ вамъ какой затѣйливой комплиментъ.—Если бы мнѣ такой пансіонъ, какой дается воспитанникамъ Академіи Художествъ, живущимъ въ Италіи, или хоть такой, какой дается дьячкамъ, находящимся здѣсь при нашей церкви, то я бы протянулся, тѣмъ болѣе, что въ Италіи жить дешевле. — Найдите случай и средство указать какъ нибудь Государю на мои повѣсти: *Старосвѣтскіе помѣщики* и *Тарасъ Бульба.* Это тѣ двѣ счастливыя повѣсти, которыя нравились совершенно всѣмъ вкусамъ и всѣмъ различнымъ темпераментамъ; всѣ недостатки, которыми они изобилуютъ, вовсе непримѣтны были для всѣхъ, кромѣ васъ, меня и Пушкина. Я видѣлъ, что по прочтеніи ихъ болѣе оказывали вниманія. Еслибъ ихъ прочелъ Государь! Онъ же такъ расположенъ ко всему, гдѣ есть теплота чувствъ и что̀ пишется прямо отъ души. О, меня что-то увѣряетъ, что Онъ бы прибавилъ ко мнѣ участія.—Но будь все то, что̀ угодно Богу. На Его и васъ моя надежда.—Увѣдомьте меня вашей строчкой, или скажите Плетневу, онъ можетъ быть ко мнѣ напишетъ.—Прощайте! Храни Богъ прекрасную вашу жизнь! Я ничего не пишу къ вамъ теперь ни о Римѣ, ни объ Италіи. Меня одолѣваютъ теперь такія печальныя мысли, что я опасаюсь быть несправедливымъ теперь ко всему что̀ должно утѣшать и восхищать душу.—Можетъ быть это отчасти дѣйствіе той ужасной утраты (*),

(*) Кончина молодаго графа Іосифа Михайловича Вельегорскаго. *П. Б.*

которую мы понесли, и въ которой я до сихъ поръ не имѣю силъ увѣриться, которая, кажется, какъ будто оборвала въ моей жизни лучшія ея украшенія и сдѣлала ее обнаженнѣе и печальнѣе.

Вашъ Гоголь.

8.

Варшава. Сентября 12 (1839)

До меня только дошли слухи, что вы писали ко мнѣ. Я два раза получилъ письмо отъ Вьельгорскаго; всякой разъ онъ меня увѣдомлялъ, что отъ васъ получалъ письмо и ко мнѣ маленькую приписочку, но что онъ мнѣ пришлетъ ее послѣ, и что, по разсѣянности, не помнитъ куда ее положилъ. Какъ досадно! Мнѣ нужно было получить ваши строки; клянусь, мнѣ они тогда были очень нужны.—Мои прожекты и старанія уладить мой неотъѣздъ въ Петербургъ не удались.—Выпускъ моихъ сестеръ требуетъ непремѣннаго и личнаго моего присутствія. Не выпускъ, но устроеніе будущей судьбы ихъ, которое, благодаря Бога, какимъ-то верховнымъ наитіемъ мнѣ внушено. Онѣ, надѣюсь, будутъ счастливы, я не безпокоюсь о ихъ. Одно меня тревожитъ теперь. Я не знаю, какъ мнѣ быть и раздѣлаться съ самимъ ихъ выпускомъ изъ института.—Мнѣ нужно на ихъ окипировку, на заплату за музыку учителямъ во все время ихъ пребыванія тамъ и пр. и пр., около 5000 рублей, и признаюсь, это на меня навело совершенный столбнякъ. Объ участи своей я не забочусь; мнѣ нуженъ воздухъ, да небо, да Римъ. Но эта строка и пунктъ..... Я еще принужденъ просить васъ. Можетъ быть, какимъ нибудь образомъ, Государыня, на щетъ которой они воспитывались, что нибудь стряхнетъ на нихъ отъ благодѣтельной руки своей. Что же дѣлать мнѣ? Знаю, безстыдно и безсовѣстно съ моей стороны просить еще Ту, Которая уже такъ много удручила мое сердце безсиліемъ выразить благодарность мою. Но я не нахожу, не знаю, не вижу, не могу придумать средствъ... и чувствую, что меня грызла бы совѣсть за то, что я не былъ безсовѣстнымъ. Во всякомъ случаѣ, хотя здѣсь и не можетъ быть успѣха, все по крайней мѣрѣ на душѣ моей будетъ легче при мысли, что я употреблялъ же и пытался на средства, и что сколько нибудь выполнилъ обязанность брата. Еслибы знали, чего мнѣ стоило бросить Римъ, хотя я знаю, что это неболыше какъ на два-три мѣсяца. Но клянусь, еслибъ мнѣ предлагали миліоны, и эти миліоны помножали еще на миліоны, и потомъ удесятерили эти миліоны, я бы не взялъ ихъ, еслибъ это было съ условіемъ оставить Римъ, хотя на полгода.—Но вы меня понимаете; вы знаете его, этотъ прекрасный рай, вознесшійся на седми холмахъ со всѣми его чудесами, исполинами-развалинами и тѣми соснами куполообразными, тѣми кипарисами, которые мы рисовали на этомъ божественномъ воздухѣ... О! Я ѣду за вами и вашимъ даннымъ вами словомъ, какъ Велзевулъ, которому дана рукописная и рукокровная клятва. Я слѣжу васъ и не выпущу.—Есть одно, которое изъ Петербурга для меня дѣлаетъ Римъ на нѣсколько дней: это восторгъ обнять васъ. Но къ чему слова? Сердечныхъ и глубокихъ явленій, какой пошлый переводъ въ силахъ передать!

Вѣчно вашъ Гоголь.

Адресуйте ваше письмо въ Москву по слѣдующему адресу: Его высок.

Михаилу Петровичу Погодину, профессору Московскаго Университ. на Дѣвичьемъ полѣ, въ собств. домѣ, для передачи Гоголю. Я проживу у него мѣсяцъ, затворясь отъ всѣхъ и отъ всего. Мнѣ нужно окончить мою нѣкоторую работу. Прощайте! Будьте вѣчно веселы душой!

Его превосходительству Василью Андреевичу Жуковскому.

Въ Зимнемъ дворцѣ. Въ С. Петербургъ.

9.

(1839. Москва)

Даже не помню, благодарилъ ли васъ за Петербугскій пріютъ и любовь вашу. Боже! какъ я глупъ, какъ я ничтожно, несчастно-глупъ! и какое странное мое существованіе въ Россіи! какой тяжелой сонъ! о, когда бъ скорѣе проснуться! Ничто, ни люди, встрѣча съ которыми принесла бы радость, ничто не въ состояніи возбудить меня. Нѣсколько разъ брался за перо писать къ вамъ и какъ деревянный стоялъ предъ столомъ: казалось какъ будто застыли всѣ нервы, находящіеся въ соприкосновеніи съ моимъ мозгомъ, и голова моя окаменѣла.—Мнѣ отдали сію минуту ваше письмо; вы заботились, вы хлопотали обо мнѣ, и мнѣ ту же минуту представились живые глаза ваши, и въ нихъ выраженное ко мнѣ участіе.... Чѣмъ благодарить васъ? Клянусь, я былъ утѣшенъ имъ въ нынѣшнемъ моемъ горькомъ положеніи въ тысячу разъ болѣе, чѣмъ жидовскимъ предложеніемъ Смирдина. Но поговоримъ о предложеніи Смирдина. Я вамъ говорилъ, что нѣтъ никакой выгоды издавать теперь всѣ мои сочиненія вмѣстѣ; что хотя разошлись экземпляры Ревизора и Миргорода, но еще довольно и Арабесокъ и особенно Вечеровъ на Хуторѣ, и что кромѣ Ревизора они вовсе не требуются такъ жадно, чтобы можно было предпринимать изданіе; а доказательствомъ, что это правда, служитъ бездѣльная сумма, предлагаемая Смирдинымъ. Но такая моя участь. Книгопродавцы всегда пользовались критическимъ моимъ положеніемъ и стѣсненными обстоятельствами.—Обожди я годъ, покамѣстъ выйдетъ мой новый романъ и обратитъ на себя четыре тысячи читателей, тогда бросятся вновь на мои сочиненія, нынѣ забытыя; а между тѣмъ переждутся нынѣшніе тяжелые, голодные, неурожайные годы, уменьшившіе число покупателей. Книгопродавцы говорятъ гласно, что у нихъ теперь нѣтъ денегъ и что тѣ, которые покупали прежде книги, отложили эти деньги на поправку разстроенныхъ неурожаемъ имѣній. Нужно же, какъ нарочно, чтобы мнѣ именно случилась надобность въ то время, когда меня болѣе всего можно притѣснить и сдѣлать изъ меня безгласную, страдающую жертву. Точно, я не помню никогда такъ тяжелыхъ моихъ обстоятельствъ. Все идетъ плохо. Бѣдный клочекъ земли нашъ, пристанище моей матери, продаютъ съ молотка, и гдѣ ей придется преклонить голову, я не знаю; предположеніе мое пристроить сестеръ такъ, какъ я думалъ, тоже рушилось; я самъ нахожусь въ ужасно-безчувственномъ, окаменѣвшемъ состояніи, въ какомъ никогда себя не помню. Когда же лучше книгопродавцамъ употребить въ свою пользу мое горе?.. Я Смирдина не охуждаю безусловно; онъ поступалъ съ другими хорошо, но со мною всегда Жидовскимъ образомъ; и послѣ всего того, что онъ со мною дѣлалъ, я

долженъ опять передъ нимъ унизиться. Я, признаюсь, думалъ, что вы сдѣлаете предложеніе другому книгопродавцу; мнѣ кажется, я вамъ говорилъ, что съ Смирдинымъ я не хочу имѣть сношеній. Но можетъ быть вамъ неизвѣстно, въ чемъ можетъ быть здѣсь жидовство Смирдина. Вотъ въ чемъ: мнѣ даютъ за одну третью часть, то есть за піесы назначенныя вами въ первый томъ собранія, какъ то: Ревизоръ, Женидьба и отрывки изъ неоконченной комедіи, *6 тысячъ*. И признаюсь, я ужъ готовъ былъ согласиться, не смотря на то, что смерть не хотѣлось, чтобы мои незрѣлыя творенія, какъ-то: Женихи (sic) и неоконченная комедія, являлись въ свѣтъ. Но нужда заставила на все рѣшиться. Я уже было предался минуты на двѣ отдохновенію, даже веселилъ себя мыслію, что наконецъ раздѣлаюсь какъ-нибудь съ моими тяжелыми обязанностями и, свѣтлый, съ оживленною душою, отправлюсь въ мой обѣтованный рай, въ мой Римъ, гдѣ вновь проснусь и окончу трудъ мой. Но это была мечта и обрадовала меня только на минуту. Я отыскалъ изъ недоконченной комедіи только два отрывка, она вся осталась въ Римѣ. А гдѣ дѣлись *Женихи*, я до сихъ поръ не могу постигнуть. Мнѣ кажется, какъ будто я взялъ ее изъ Рима съ собою, но сколько ни рылся въ бумагахъ, въ чемоданѣ, въ бѣльѣ, нигдѣ не могъ отыскать. Пропала ли она гдѣ нибудь на дорогѣ, или выбросили ее таможенные, рывшіеся въ моемъ чемоданѣ, или лежитъ она въ Римѣ на моей квартирѣ въ моемъ сундукѣ — ничего не знаю. — Знаю только, что я теперь погрузился опять въ мое ужасно-безчувственное состояніе. Рушилась послѣдняя возможность; и если бы даже принужденъ былъ принять предложеніе Смирдина, то и его условій не могу теперь исполнить Но согласитесь сами, что мнѣ нужно быть рѣшительно глупу, чтобы согласиться. Если за третью часть этого собранія даютъ уже 6 тысячъ, то вѣрно за другія двѣ хоть три дадутъ. Вотъ ужъ 9 т. Но я теряю много, издавая ихъ теперь; это мнѣ говорятъ и книгопродавцы, и литераторы, имѣющіе частыя сдѣлки, и наконецъ тяжелое и голодное время, угрожающее также и въ нынѣшнемъ году, если даже не болѣе. Ширяевъ мнѣ даетъ за эти же самыя сочиненія, съ условіемъ только, если я выдамъ впередъ романъ, 16 т., а можетъ быть даже, говоритъ, и болѣе, а теперь не даетъ ничего, потому что малой суммы не хочетъ мнѣ предлагать, чтобы не сказали, что онъ меня обманулъ и воспользовался моимъ незнаніемъ;—а Смирдинъ не посовѣстился. Притомъ развѣ вы не видите, въ какіе я попадаюсь когти къ Смирдину, принявши его условія? Замѣтьте, какое малое число экземпляровъ онъ печатаетъ, для того чтобы счетъ за экземпляры не былъ великъ. А кто поручится, что онъ напечатаетъ только полторы, а не три, или четыре тысячи,—вѣдь этого на лицѣ Смирдина не увидишь, а мнѣ же не нанимать шпіона, смотрѣть, что у него дѣлается дома и въ типографіи.— И что мнѣ изъ того, что право на два года, тогда какъ онъ обезпечитъ себя экземплярами на 20 лѣтъ. Если бы это были новыя сочиненія, то конечно выгодно продать на два года, зная, что въ эти два года экземпляры разойдутся всѣ, и можно предпринять новое изданіе; а тутъ все ужъ кончено—ужъ другаго изданія при жизни мнѣ не видать.—Это послѣдній ресурсъ, и я не могу теперь такъ

рискнуть. Тогда я былъ одинъ, теперь у меня разоренное семейство.

И такъ — рѣшился не продавать моихъ сочиненій, но употребить и поискать всѣхъ средствъ если не отразить, то хоть отсрочить несчастное теченіе моихъ трудныхъ обстоятельствъ. Какъ нибудь на годъ, уѣхать скорѣе какъ можно въ Римъ, гдѣ убитая душа моя воскреснетъ вновь, какъ воскресла прошлую зиму, а весну припяться горячо за работу и, если можно, кончить романъ въ одинъ годъ. Но какъ достать на это средствъ и денегъ? Я придумалъ вотъ что: сдѣлайте складку, сложитесь всѣ тѣ, которые питаютъ ко мнѣ истинное участіе; составьте сумму въ 4000 р. и дайте мнѣ въ займы на годъ. Черезъ годъ я даю вамъ слово, если только не обманутъ мои силы и я не умру, выплатить вамъ ее съ процентами. Это мнѣ дастъ средство какъ нибудь и сколько нибудь выгрузиться изъ моихъ обстоятельствъ и возвратитъ на сколько нибудь меня мнѣ.—Дайте вашъ отвѣтъ, и ради Бога скорѣе.—Я ожидаю съ нетерпѣніемъ. Вѣчно вашъ

Гоголь.

10.

(1839. Москва)

Что я могу написать къ вамъ! Благодарить только васъ за ваши заботы, за ваше рѣдкое участіе. Богъ мнѣ даетъ вкушать наслажденіе даже въ минуты самыхъ тяжкихъ, сердечныхъ болей. — Что жъ дѣлать мнѣ теперь! О Римъ мой, о мой Римъ! — Ничего я не въ силахъ сказать.... Но если бы меня туды перенесло теперь, Боже, какъ бы освѣжилась душа моя! — Но какъ, гдѣ найти средствъ! Думаю и ничего не могу придумать! Иногда мнѣ приходило на мысль, неужели мнѣ совершенно не дадутъ средствъ быть на свѣтѣ? Неужели мнѣ не могутъ дать какого нибудь офиціальнаго порученія? Неужели меня не могутъ приклеить и защитать въ какую нибудь должность? — Вѣдь все же таки въ Римѣ можно чѣмъ нибудь быть полезнымъ. Какъ бы то ни было, вѣдь все же тутъ огромная, великая часть, искусство, которое должно бы войти сколько нибудь въ дѣловой кругъ нашъ, и я бы тутъ могъ быть полезнымъ въ отношеніи художества; — но потомъ все это отъ меня уходило скоро, какъ мечта, и вспоминалъ, что кому обо мнѣ заводить дѣло, и притомъ это можно устроить только имѣя въ родствѣ какого нибудь важнаго дядюшку или тетушку.

Пріѣхавши въ Римъ, я непремѣнно соберу все, что̀ есть у меня и пришлю; но какъ я доѣду до Рима, это Богъ одинъ только знаетъ. — Письмо мое передастъ Погодинъ. Бѣдный мой Погодинъ! Добрая душа! Сколько онъ хлопоталъ и старался обо мнѣ! Никогда братъ..... О, если бы ему все удалось въ жизни! Но этому человѣку много борьбы было и будетъ. Онъ потерялъ теперь все состояніе свое, весь капиталъ, который замошенничали у него подлѣйшимъ образомъ. И хоть бы упрекъ, хоть бы что нибудь похожее на печаль показалось у него. Онъ опять занялся своей Исторіей и позабылъ все. И какой величественный, какой удивительный его трудъ теперь! Клянусь, міръ не знаетъ этаго человѣка!! Но будетъ время, когда имя его вознесутъ наравнѣ съ именами первыхъ столбовъ науки. Но прощайте! Благодарю васъ за все, за любовь вашу ко мнѣ. Подумайте обо мнѣ съ кѣмъ нибудь изъ людей должностныхъ и

Каковы-бы ни были подозрѣнія, которыя хотѣли внушить В. И. В-ву противъ прочихъ членовъ Университета, на новаго ректора они пасть не могутъ. Онъ былъ избранъ внѣ Университета. Онъ никогда не былъ профессоромъ. Осѣдлый гражданинъ, имѣющій независимое состояніе, онъ исполнялъ многія гражданскія должности, даже предводительскую, къ удовольствію правительства, и онъ постоянно выказывалъ неутомимое усердіе и величайшую преданность службѣ. Эти факты доказываютъ несомнѣнно, что ректоръ Твардовскій былъ несправедливо обвиненъ передъ В.И. В-вомъ.

Близкое мое знакомство съ его характеромъ, съ его поведеніемъ, съ его образомъ мыслей, съ его преданностію правительству, не позволяютъ мнѣ въ томъ сомнѣваться и въ настоящемъ случаѣ возлагаютъ на меня обязанность громко свидѣтельствовать о его достоинствахъ и невинности.

Я не долженъ скрыть отъ В. И. В-ва послѣдняго, чрезвычайно важнаго соображенія; дѣло въ томъ, что черезъ арестованіе ректора, Университетъ и подвѣдомствованныя оному школы остаются безъ главы что̀ можетъ подать поводъ къ прискорбнымъ замѣшательствамъ, повести къ возобновленію злоупотребленій и растратъ и остановить ходъ народнаго образованія въ семи губерніяхъ.

Всѣ эти побудительныя причины въ совокупности налагаютъ на меня обязанность представить Вамъ о настоятельной необходимости для самой пользы службы освобожденія главы Университета и школъ, по непосредственному приказанію В. И. В-ва. Это вмѣстѣ съ тѣмъ было-бы возстановленіемъ справедливости относительно г. Твардовскаго. Да, онъ этого заслуживаетъ, ручаюсь въ томъ честію и чувствами привязанности и преданности, одушевляющими меня къ священной особѣ Государя Императора, чувствами, столь давно извѣстными. Эта-то преданность, ненарушимо сохраненная мною среди всѣхъ треволненій моей жизни, заставила меня ощутить глубочайшее огорченіе при чтеніи донесенія, посланнаго В. И. В-вомъ Государю Императору, въ коемъ Вы выразились такъ сильно о вредномъ духѣ, который долженъ господствовать въ Виленскомъ Университетѣ. Управляя, въ теченіи двадцати лѣтъ этимъ учрежденіемъ, близко знакомый съ каждымъ изъ лицъ входящихъ въ составъ его, я имѣю возможность представить многочисленныя доказательства его пользы и обличить тѣхъ, которые напрасно взвели на него передъ В. И. В-вомъ столь тяжкія обвиненія.

Конечно, нѣкоторыхъ изъ его членовъ можно было упрекнуть въ недостаткѣ усердія, въ равнодушіи, въ небрежности, въ разныхъ злоупотребленіяхъ; студенты также могли провиниться противъ дисциплины; есть-ли человѣческое учрежденіе, въ которое не вкрадывались-бы иногда злоупотребленія? Но обвинять его передъ В. И. В-вомъ въ предательскихъ намѣреніяхъ, въ преступныхъ происках, въ вѣроломствѣ и неблагодарности къ Государю, осыпавшему его своими благодѣяніями, подобный извѣтъ могъ быть лишь дѣломъ враговъ спокойствія страны, людей ожесточенныхъ противъ народнаго образованія и противъ лицъ, коимъ оно поручено, тѣхъ наконецъ, которые, оскорбленные улучшеніями, предпринятыми въ Университетѣ, хотятъ отомстить за нарушеніе своихъ личныхъ интересовъ.

Но, такъ какъ В. И. В-во послали въ Вильну должностное лицо, просвѣщенное и удостоенное Вашего довѣрія, то мнѣ не пристало въ настоящее время входить въ подробную защиту Университета, и я долженъ ожидать возвращенія г. полковника Нессельрода, который, если только онъ имѣлъ достаточно времени, чтобы выслушать всѣ заинтересованныя лица, съумѣетъ, я въ томъ убѣжденъ, распознать истину и поможетъ мнѣ доказать, на сколько ненавистныя обвиненія взведенныя на Университетъ передъ В. И. В-вомъ, несправедливы и лишены основанія.

*

Замѣчательно, что на послѣднія докучливыя письма Чарторыжскаго мы не находимъ отвѣтовъ императора Александра Павловича. Не было ли вовсе этихъ отвѣтовъ, или сынъ Чарторыжскаго не нашелъ удобнымъ напечатать ихъ, — во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что и тутъ разочарованіе было горькимъ удѣломъ великодушнаго Государя. Современники и ближайшее потомство винили его въ образованіи Царства Польскаго; но мы увѣрены, что потомство болѣе отдаленное, болѣе безпристрастное, по справедливости оцѣнитъ высокія его побужденія, коими злоупотребили Польскіе паны во вредъ себѣ и России. Благодѣтельствуя Полякамъ, Александръ Павловичъ желалъ привязать ихъ къ России и чрезъ то отнять у Западной Европы лишнее орудіе противъ насъ; онъ желалъ (по позднѣйшему выраженію Жуковскаго) „на небѣ простертомъ надъ двумя подвластными ему народами поставить свѣтлую радугу союза“.... Его благородныя усилія дали намъ возможность яснѣе сознать, что наша нравственная правда по отношенію къ Польшѣ есть наша сила. — Прибавимъ въ заключеніе, что по новѣйшимъ изслѣдованіямъ связь между Россіею и Польшею, подобная той, какая выразилась въ образованіи Царства Польскаго, была предначертана еще Екатериною въ Гродненскомъ союзномъ трактатѣ 5 Октября 1793 г, осуществленію котораго помѣшала революція Костюшки (См. Иловайскаго, Гродненскій Сеймъ, стр. 223 и 264). *П. Б.*

ПИСЬМА НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ГОГОЛЯ КЪ В. А. ЖУКОВСКОМУ.

1.

Спб. Сентября 10 (1831)

Насилу могъ я управиться съ своею книгою и теперь только получилъ экземпляры для отправленія вамъ. Одинъ собственно для васъ, другой для Пушкина, третій съ сентиментальною надписью, для Розетти, а остальные—тѣмъ, кому вы по усмотренію своему опредѣлите. Сколько хлопотъ надѣлала мнѣ эта книга! Три дня я толкался изъ типографіи въ цензур. комитетъ, изъ цензур. комитета въ типографію, и наконецъ теперь только перевелъ духъ. Боже мой! сколько бы экземпляровъ я бы отдалъ, за то, чтобы увидѣть васъ хоть на минуту. Еслибы, часто думаю себѣ, появился въ окрестностяхъ Петербурга какой нибудь бродяга, ночной разбойникъ, и укралъ этотъ несносной кусокъ земли, эти 24 версты отъ Петербурга до Цар. С. и съ ними бы далъ тягу на край свѣта; — или какой нибудь проголодавшійся медвѣдь упряталъ ихъ вмѣсто завтрака въ свой медвѣжій желудокъ. О, съ какимъ бы я тогда восторгомъ стряхнулъ власами головы моей прахъ сапоговъ вашихъ, возлегъ у ногъ вашего превосходительства и ловилъ бы жаднымъ ухомъ сладчайшій нектаръ изъ устъ вашихъ, пріуготовленный самими богами изъ тмочисленнаго количества вѣдьмъ, чертей и всего любезнаго нашему сердцу. Но не такова досадная дѣйствительность или существенность. Карантины превратили эти 24 версты въ дорогу отъ Петербурга до Камчатки. Знаете ли что я узналъ на дняхъ только? что э... но вы не повѣрите мнѣ, назовете меня суевѣ-

ромъ; что всему этому виною никто другой, какъ врагъ честнаго креста церквей господнихъ и всего огражденнаго святымъ знаменіемъ. Это чортъ надѣлъ на себя зеленый мундиръ съ гербовыми пуговицами, привѣсилъ къ боку остроконечную шпагу и сталъ карантиннымъ надзирателемъ. Но Пушкинъ, какъ ангелъ святой, не побоялся сего рогатаго чиновника, какъ духъ пронесся его мимо и во мгновеніе ока очутился въ Петербургѣ, на Вознесенскомъ Проспектѣ и воззвалъ голосомъ трубнымъ ко мнѣ, лѣпившемуся по низменному тротуару, подъ высокими домами. Это была радостная минута; она уже прошла. Это случилось 8-го Августа. И къ вечеру того же дня, стало все снова скучно, темно какъ въ домѣ опустѣломъ

Окна мѣломъ
Забѣлены, хозяйки нѣтъ;
А гдѣ, Богъ вѣсть! пропалъ и слѣдъ!

Осталось воспоминаніе—и еще много кой-чего что̀ достаточно усладитъ здѣшнее одиночество: это извѣстіе, что сказка ваша уже окончена и начата другая, которой одно прелестное начало чуть не свело меня съ ума. И Пушкинъ окончилъ свою сказку! Боже мой, что-то будетъ далѣе? Мнѣ кажется, что теперь воздвигается огромное зданіе чисто-Руской поэзіи. Страшные граниты положены въ фундаментъ, и тѣже самые зодчіе выведутъ и стѣны, и куполъ, на славу вѣкамъ! Да поклонятся потомки и да имутъ мѣсто, гдѣ возносить умиленныя молитвы свои. — Какъ прекрасенъ удѣлъ вашъ, великіе зодчіе! Какой рай готовите вы истиннымъ христіанамъ! И какъ ужасенъ адъ, уготовленный для язычниковъ, ренегатовъ и прочаго сброду! Они не понимаютъ васъ и не умѣютъ молиться. Когда-то пріобщусь я этой божественной сказки?... Но скоро 12 часовъ, боюсь опоздать на почту. Прощайте! Извините мою несвязную грамоту. Не далось божественное писаніе въ руки. Будьте здоровы, и да почіетъ надъ вами благословеніе Божіе, и да возбуждаетъ оно васъ чаще и чаще ударять священныя струны; а я, вашъ вѣрный богомолецъ, буду возсылать Ему теплыя за сіе молитвы. Вѣчно вашъ неизмѣнный

Гоголь.

Моя квартира въ II Адмир. ч., въ Офицерской улицѣ, въ домѣ Брунста.

2.

Полтава. Іюля 15-го 1835.

Человѣкъ, страшно соскучившій безъ васъ, шлетъ вамъ поклонъ изъ дальняго угла Руси, съ желаніемъ здоровья, вдохновенья и всѣхъ благъ. Можетъ быть вы и не догадаетесь, что этотъ человѣкъ есть Гоголь, къ которому вы бывали всегда такъ благосклонны и благодѣтельны. Все почти мною извѣдано и узнано, только на Кавказѣ не былъ, туда именно хотѣлъ направить путь. Проклятыхъ денегъ не стало и на половину вояжа. Былъ только въ Крыму, гдѣ пачкался въ минеральныхъ грязяхъ. Впрочемъ, здоровье, кажется, ужъ отъ однѣхъ переѣздовъ поправилось. Сюжетовъ и плановъ нагромоздилось во время ѣзды ужасное множество, такъ что еслибъ не жаркое лѣто, то много бы изошло теперь у меня бумаги и перьевъ; но жаръ вдыхаетъ страшную лѣнь, и только десятая доля положена на бумагу и жаждетъ быть прочтенною вамъ. Черезъ мѣсяцъ я буду самъ звонить колокольчикъ у вашихъ дверей, крехтя отъ дюжей тетради. А теперь докучаю вамъ прозьбою;

вчера я получилъ извѣщеніе изъ Петербурга о странномъ произшествіи, что мѣсто мое въ Пат. Ин. долженствуетъ замѣститься другимъ господиномъ. Это для меня крайне прискорбно, потому что, какъ бы то ни было, это мѣсто доставляло мнѣ хлѣбъ, и притомъ мнѣ было очень пріятно заниматься, я привыкъ считать чѣмъ–то роднымъ и близкимъ. Мнѣ странно, потому что не имѣетъ права сдѣлать это Лонгиновъ, и вотъ почему: когда я просился на Кавказъ для поправленія здоровья, онъ мнѣ сказалъ, что причина моя законная, и никакого препятствія нѣтъ на мой отъѣздъ. За чѣмъ же онъ мнѣ тогда не сказалъ, что поѣзжайте, но помните, что вы чрезъ это лишитесь своего мѣста; тогда другое дѣло,—и можетъ быть я бы и не поѣхалъ. Впрочемъ Плетневъ мнѣ пишетъ, что еще о новомъ учителѣ будетъ представленіе въ Августѣ мѣсяцѣ первыхъ чиселъ, и что если Императрица не согласится, чтобы мое мѣсто отдать новому учителю, то оно останется за мною. И по этому-то поводу я прибѣгаю къ вамъ, нельзя ли такъ сдѣлать, чтобы Императрица не согласилась? Она добра и вѣрно не согласится меня обидѣть. Впрочемъ, что̀ то будетъ, то будетъ, а вѣрно будетъ такъ, какъ лучше. Все что̀ ни случалось доброе и злое, было для меня хорошо. Дай Богъ, чтобъ и впередъ такъ было. Желая вамъ всего, всего что̀ есть для насъ лучшаго, обнимая васъ, цѣлуя и оставаясь съ совершеннымъ почтеніемъ и глубокой преданностью, всегда вашъ

Гоголь.

3.

Гамбургъ $^{28}/_{16}$ Іюня (1836)

Мнѣ очень было прискорбно, что не удалось съ вами проститься передъ моимъ отъѣздомъ, тѣмъ болѣе, что отсутствіе мое, вѣроятно, продолжится на нѣсколько лѣтъ. Но теперь для меня есть что-то въ этомъ утѣшительное. Разлуки между нами не можетъ и не должно быть, и гдѣ бы я ни былъ, въ какомъ бы отдаленномъ уголкѣ ни трудился, я всегда буду возлѣ васъ. Каждую субботу я буду въ вашемъ кабинетѣ, вмѣстѣ со всѣми близкими вамъ. Вѣчно вы будете представляться мнѣ слушающимъ меня читающаго. Какое участіе, какое заботливо-родственное участіе, видѣлъ я въ глазахъ вашихъ! Низкимъ и пошлымъ почиталъ я выраженіе благодарности моей къ вамъ. Нѣтъ, я не былъ проникнутъ благодарностью; клянусь, это что-то выше, что-то больше ея; я не знаю, какъ назвать это чувство, но катящіяся въ эту минуту слезы, но взволнованное до глубины сердце говорятъ, что оно одно изъ тѣхъ чувствъ, которыя рѣдко достаются въ удѣлъ жителю земли.—Мнѣ ли не благодарить Пославшаго меня на землю! Какихъ высокихъ, какихъ торжественныхъ ощущеній, невидимыхъ, незамѣтныхъ для свѣта, исполнена жизнь моя! Клянусь, я что-то сдѣлаю, чего не дѣлаетъ обыкновенный человѣкъ. Львиную силу чувствую въ душѣ своей и замѣтно слышу переходъ свой изъ дѣтства, проведеннаго въ школьныхъ занятіяхъ, въ юношеской возрастъ.—Въ самомъ дѣлѣ, если разсмотрѣть строго и справедливо, что̀ такое все написанное мною до сихъ поръ? Мнѣ кажется, какъ будто я разворачиваю давнюю тетрадь ученика, въ которой на одной страницѣ видно нерадѣніе и лѣнь, на другой нетерпѣніе и поспѣшность, робкая, дрожащая рука начинающаго и смѣлая замашка шалуна, вмѣсто буквъ выводящая крючки, за которую бьютъ

по рукамъ. Изрѣдка, можетъ быть, выберется страница, за которую похвалитъ развѣ только учитель, провидящій въ нихъ зародышъ будущаго.—Пора, пора наконецъ заняться дѣломъ. О, какой непостижимо-изумительный смыслъ имѣли всѣ случаи и обстоятельства моей жизни! Какъ спасительны для меня были всѣ непріятности и огорченія! Они имѣли въ себѣ что-то эластическое; касаясь ихъ, мнѣ казалось я отпрыгивалъ выше, покрайней мѣрѣ чувствовалъ въ душѣ своей крѣпче отпоръ. - Могу сказать, что я никогда не жертвовалъ свѣту моимъ талантомъ. Никакое развлеченіе, никакая страсть не въ состояніи была на минуту овладѣть моею душою и отвлечь меня отъ моей обязанности. Для меня нѣтъ жизни внѣ моей жизни, и нынѣшнее мое удаленіе изъ отечества, оно послано свыше, тѣмъ же великимъ Провидѣніемъ, ниспославшимъ все на воспитаніе мое. Это великой переломъ, великая эпоха моей жизни. Знаю, что мнѣ много встрѣтится непріятнаго, что я буду терпѣть и недостатокъ и бѣдность, но ни за что въ свѣтѣ не возвращусь скоро. Долѣе, долѣе, какъ можно долѣе буду въ чужой землѣ. И хотя мысли мои, мое имя, мои труды будутъ принадлежать Россіи, но самъ я, но бренной составъ мой, будетъ удаленъ отъ нея.

Не знаю, какъ благодарить васъ за хлопоты ваши доставить мнѣ отъ Императрицы на дорогу. Если это сопряжено съ неудобствами, или сколько нибудь неприлично, то не старайтесь объ этомъ. Я надѣюсь, что, при теперешней бережливости моей, могу какъ нибудь управиться съ моими средствами. Правда, раздѣлавшись съ Петерб., я едва только вывезъ двѣ тысячи, но можетъ быть съ ними я протяну какъ нибудь до Октября, а въ Октябрѣ мѣсяцѣ долженъ мнѣ Смирдинъ вручить тысячу слишкомъ. Съ Петербургскими моими долгами я кое-какъ распорядился: иные выплатилъ изъ моей суммы, другіе готовы подождать. Если же на случай вы получите для меня деньги, то вручите ихъ Плетневу, который мнѣ можетъ переслать, если мнѣ придется большая надобность.—Я ѣду теперь прямо въ Ахенъ. Письмо къ Копу отправилъ по почтѣ вчера, раньше никакъ не могъ. Наше плаваніе было самое несчастное. Вмѣсто четырехъ дней, пароходъ шелъ цѣлыя полторы недѣли, по причинѣ дурнаго и бурнаго времени и безпрестанно портившейся пароходной машины. Одинъ изъ пассажировъ, графъ Мус. Пушкинъ, умеръ.—Въ Ахенѣ я дождусь отвѣта Копа, къ которому послалъ описаніе моей болѣзни, впрочемъ не слишкомъ важной. Въ Ахенѣ я займусь мѣсяца два языками, потому что мнѣ чрезвычайно трудно изъясняться, и потомъ ѣду на Рейнъ. Передайте мой поклонъ князю Вяземскому и благодарите его отъ меня за его участіе и письмо.—Даже съ Пушкинымъ я не успѣлъ и не могъ проститься; впрочемъ онъ въ этомъ виноватъ. Для его журнала я приготовлю коечто, которое, какъ кажется мнѣ, будетъ смѣшно: изъ Нѣмецкой жизни.—Плетневу скажите, что я буду писать къ нему изъ Ахена, и что я очень сильно жму его руку. Желая вамъ какъ можно лучше, веселѣе проводить время и прося васъ думать иногда о томъ, который думать о васъ почитаетъ праздникомъ и приготовляетъ только на закуску послѣ трудовъ, остаюсь навсегда вашъ

Н. Гоголь.

4.

12 Ноября. (1836. Парижъ)

Я давно не писалъ къ вамъ; я ждалъ, чтобы минуло лѣто, потому что въ это время обыкновенно какъ-то мало вспоминается объ отсутствующихъ. Къ тому жъ у меня не было ничего достойнаго писать къ вамъ. Но я знаю, что вы меня любите и что съ наступленіемъ осени вы вспомните обо мнѣ, обо мнѣ, который каждую минуту васъ видитъ передъ собою. Я къ вамъ писалъ, кажется, въ самомъ началѣ моего путешествія. Прошатавшись лѣто на водахъ, я перебрался на осень въ Швейцарію. Я хотѣлъ скорѣе усѣсться на мѣстѣ и заняться дѣломъ, для этого поселился въ загородномъ домѣ близъ Женевы. Тамъ принялся перечитывать я Мольера, Шекспира и Вальтера Скота. Читалъ я до тѣхъ поръ, покамѣстъ сдѣлалось такъ холодно, что пропала вся охота къ чтенію. Женевскіе холода и вѣтры выгнали меня въ Веве; никого не было въ Веве; одинъ только Блашне выходилъ ежедневно въ 3 часа къ пристани встрѣчать пароходъ. Сначала было мнѣ нѣсколько скучно, потомъ я привыкъ и сдѣлался совершенно вашимъ наслѣдникомъ: завладѣлъ мѣстами вашихъ прогулокъ, мѣрилъ разстояніе по назначеннымъ вами верстамъ, колотя палкою бѣгавшихъ по стѣнамъ ящерицъ, нацарапалъ даже свое имя Рускими буквами въ Шильонскомъ подземельѣ, не посмѣлъ подписать его подъ двумя славными именами творца и переводчика Шиль. Узн.; впрочемъ, даже не было и мѣста. Подъ ними росписался какой-то Бурнашевъ, внизу послѣдней колоны, которая въ тѣни. Когда нибудь Руской путешественникъ разберетъ мое птичье имя, если не сядитъ на него Англичанинъ. Недоставало только мнѣ завладѣть комнатой въ вашемъ домѣ, въ которомъ живетъ теперь Великая Кн. Анна Ѳедоровна. Осень въ Веве наконецъ настала прекрасная, почти лѣто; у меня въ комнатѣ сдѣлалось тепло, и я принялся за Мертвыхъ Душъ, которыхъ было началъ въ Петербургѣ. Все начатое передѣлалъ я вновь, обдумалъ болѣе весь планъ и теперь веду его спокойно, какъ лѣтопись.— Швейцарія сдѣлалася мнѣ съ тѣхъ поръ лучше; сѣро-лилово-голубо-синерозовыя ея горы легче и воздушнѣе. Если совершу это твореніе, такъ какъ нужно его совершить, то... какой огромный, какой оригинальной сюжетъ! Какая разнообразная куча! Вся Русь явится въ немъ! Это будетъ первая моя порядочная вещь; вещь, которая вынесетъ мое имя. Каждое утро въ прибавленіе къ завтраку, вписывалъ я по три страницы въ мою поэму, и смѣху отъ этихъ страницъ было для меня достаточно, чтобы усладить мой одинокій день. Но наконецъ и въ Веве сдѣлалось холодно, комната моя была нимало ни тепла; лучшей я не могъ найти. Мнѣ тогда представился Петербургъ, наши теплые домы; мнѣ живѣе тогда представились вы, вы въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ встрѣчали меня приходившаго къ вамъ и брали меня за руку, и были рады моему приходу... И мнѣ сдѣлалось страшно скучно. Меня не веселили мои Мертвыя Души, я даже не имѣлъ въ запасѣ столько веселости, чтобы продолжать ихъ. Докторъ мой отыскалъ во мнѣ признаки ипохондріи, происходившей отъ гемороидъ, и совѣтывалъ мнѣ развлекать себя; увидѣвши же, что я не въ состояніи былъ этого сдѣлать, совѣтывалъ перемѣнить мѣсто. Мое намѣреніе до того было про-

вести зиму въ Италіи, но въ Италіи бушевала холера страшнымъ образомъ; карантины покрыли ее какъ саранча. Я встрѣчалъ только бѣжавшихъ оттуда Итальянцевъ, которые отъ страху, въ маскахъ, проѣзжали свою землю. Не надѣясь развлечься въ Италіи, я отправился въ Парижъ, куда вовсе не располагалъ было ѣхать. Здѣсь встрѣтилъ я своего двоюроднаго брата, съ которымъ выѣхалъ изъ Петербурга. Это лучшій изъ выпущенныхъ вмѣстѣ со мною изъ Нѣжина. Жаль, что вы не знаете его стиховъ, которые подъ величайшимъ страхомъ, показалъ онъ только одному мнѣ, и то не прежде какъ затворивши всѣ двери, чтобы и Французы не услышали. Парижъ не такъ дуренъ, какъ я воображалъ, и что всего лучше для меня: мѣстъ для гулянья множество; одного сада Тюльери и Елисейскихъ полей достаточно на весь день ходьбы. Я нечувствительно дѣлаю препорядочный моціонъ, что для меня теперь необходимо. Богъ простеръ здѣсь надо мною Свое покровительство и сдѣлалъ чудо: указалъ мнѣ теплую квартиру, на солнцѣ, съ печкой, и я блаженствую. Снова веселъ; Мертвыя текутъ живо, свѣжѣе и бодрѣе, чѣмъ въ Веве, и мнѣ совершенно кажется какъ будто я въ Россіи: передо мною все наше, наши помѣщики, наши чиновники, наши офицеры, наши мужики, наши избы, словомъ вся православная Русь. Мнѣ даже смѣшно, какъ подумаю, что я пишу Мертвыхъ Душъ въ Парижѣ. Еще одинъ Левіаѳанъ затѣвается. Священная дрожь пробираетъ меня заранѣе, какъ подумаю о немъ; слышу коечто изъ него.. божественныя вкушу минуты... но... теперь я погруженъ весь въ Мертвыя Души. Огромно велико мое твореніе, и не скоро конецъ его. Еще возстанутъ противъ меня новыя сословія и много разныхъ господъ; но чтожъ мнѣ дѣлать! Уже судьба моя враждовать съ моими земляками. *Терпѣніе!* Кто-то Незримой пишетъ передо мною могущественнымъ жезломъ.—Знаю, что мое имя послѣ меня будетъ счастливѣе меня, и потомки тѣхъ-же земляковъ моихъ, можетъ быть, съ глазами влажными отъ слезъ, произнесутъ примиреніе моей тѣни.—Пришлите мнѣ портретъ вашъ. Ради всего, что есть для васъ дорогаго на свѣтѣ, не откажите мнѣ въ этомъ, но чтобы онъ былъ теперь снятъ съ васъ. Если у васъ нѣтъ его, не поскупитесь, посидите два часа на одномъ мѣстѣ; если вы не исполните моей просьбы, то.. но нѣтъ, я не хочу и думать объ отказѣ. Вы не захотите меня опечалить. Акварелью въ миньятюрѣ, чтобы онъ могъ не сворачиваясь уложиться въ письмо, и отдайте его для отправленія Плетневу. Я вамъ пришлю свой, которой закажу налитографировать только въ числѣ пяти экземпляровъ, чтобы никто, кромѣ моихъ ближайшихъ, не имѣлъ его.—Напишите что нибудь ко мнѣ, хоть только двѣ строчки, что вы здоровы и что получили мое письмо. Если-бъ вы знали, какую бодрость вдвинутъ въ меня ваши строки!—Я думаю, что я пробуду въ Парижѣ всю зиму, тѣмъ болѣе что здѣсь жить для меня несравненно дешевле, нежели было доселѣ въ Германіи и Швейцаріи. А съ началомъ Февраля отправлюсь въ Италію, если только холера прекратится, и Души потекутъ тоже за мной.

Адресъ мой: Place de la Bourse №12.

Не представится ли вамъ какихъ нибудь казусовъ, могущихъ случиться при покупкѣ мертвыхъ душъ? Это была бы для меня славная вещь, потому, какъ бы то ни было, но ваше

воображеніе вѣрно увидитъ такое, чего не увидитъ мое. Сообщите объ этомъ Пушкину; авось либо и онъ найдетъ что нибудь съ своей стороны. Хотѣлось бы мнѣ страшно вычерпать этотъ сюжетъ со всѣхъ сторонъ. У меня много есть такихъ вещей, которыя бы мнѣ никакъ прежде не представились; но не смотря на то, вы все еще можете мнѣ сказать много новаго, ибо что̀ голова, то умъ. Никому не сказывайте, въ чемъ состоитъ сюжетъ Мервыхъ Душъ. Названіе можете объявить всѣмъ. Только три человѣка вы, Пушкинъ да Плетневъ, должны знать настоящее дѣло. Прилагаемое письмо прошу васъ покорнѣйше вручить Плетневу немедленно; оно нужное.

Будьте всегда здоровы и веселы, и да хранитъ васъ Богъ отъ почечуевъ и отъ встрѣчъ съ тѣми физіогноміями, на которыя нужно плевать, и да бѣгутъ они отъ васъ, какъ ночь бѣжитъ отъ дня.

Прощайте! до слѣдующаго письма.

5.

Октября 30. Римъ. 1837.

Я получилъ данное мнѣ великодушнымъ нашимъ Государемъ вспоможеніе. Благодарность сильна въ груди моей, но изліяніе ея не достигнетъ къ Его Престолу. Какъ нѣкій богъ, Онъ сыплетъ полною рукою благодѣянія и не желаетъ слышать нашихъ благодарностей; но можетъ быть слово бѣднаго при жизни поэта дойдетъ до потомства и прибавитъ умиленную черту къ Его нравственнымъ доблестямъ. Но до васъ можетъ досягнуть моя благодарность. Вы, все вы! Вашъ исполненный любви взоръ бодрствуетъ надо мною! Какъ будто нарочно дала мнѣ судьба тернистый путь, и сжимающая нужда увила жизнь мою, чтобы я былъ свидѣтелемъ прекраснѣйшихъ явленій на землѣ. Вексель съ извѣстіемъ еще въ Августѣ мѣсяцѣ пришелъ ко мнѣ въ Римъ, но я долго не могъ возвратиться туда по причинѣ холеры. Наконецъ я вырвался. Еслибъ вы знали, съ какою радостью я бросилъ Швейцарію и полетѣлъ въ мою душеньку, въ мою красавицу, Италію! Она моя! Никто въ мірѣ ея не отниметъ у меня! Я родился здѣсь.—Россія, Петербургъ, снѣга, подлецы, департаментъ, каѳедра, театръ, — все это мнѣ снилось. Я проснулся опять на родинѣ и пожалѣлъ только, что поэтическая часть этаго сна—вы, да три-четыре оставившихъ вѣчную радость воспоминанія въ душѣ моей, не перешли въ дѣйствительность. — Еще одно безвозвратное..... О Пушкинъ! Пушкинъ! Какой прекрасной сонъ удалось мнѣ видѣть въ жизни, и какъ печально было мое пробужденіе! Чтобы за жизнь моя была послѣ этаго въ Петербургѣ; но какъ будто съ цѣлью всемогущая рука Промысла бросила меня подъ сверкающее небо Италіи, чтобы я забылъ о горѣ, о людяхъ, о всемъ, и весь впился въ ея роскошныя красы. Она замѣнила мнѣ все. Гляжу какъ изступленный на нее и не вагляжусь до сихъ поръ. Вы говорили мнѣ о Швейцаріи, о Германіи и всегда вспоминали о нихъ съ восторгомъ. Моя душа также ихъ приняла живо, и я восхищался ими, даже можетъ съ большей живостью, нежели какъ я въѣхалъ въ первой разъ въ Италію. Но теперь, когда я побывалъ въ нихъ послѣ Италіи , низкими, пошлыми, гадкими, сѣрыми, холодными показались мнѣ они со всѣми ихъ горами и видами, и мнѣ кажется, какъ будто бы я былъ въ Олонецкой гу-

берніи и слышалъ медвѣжье дыханье сѣвернаго океана.—И неужели вы не побываете здѣсь, и не поглядите на нее? И не отдадите тотъ поклонъ, которымъ долженъ красавицѣ-природѣ всякъ кадящій прекрасному? Здѣсь престолъ ея. Въ другихъ мѣстахъ мелькаетъ одно только воскраіе ея ризы, а здѣсь она вся глядитъ прямо въ очи, своими пронзительными очами. — Я веселъ; душа моя свѣтла. Тружусь и спѣшу всѣми силами совершить трудъ мой. Жизни! Жизни! Еще бы жизни!—Я ничего еще не сдѣлалъ, что бы было достойно вашего трогательнаго расположенія.—Но можетъ быть это, которое пишу нынѣ, будетъ достойно его. Покрайней мѣрѣ мысль о томъ, что вы будете читать его нѣкогда, была одна изъ первыхъ оживлявшихъ меня во время бдѣнія надъ нимъ. Храни Богъ долго, долго прекрасную жизнь вашу!

Вашъ Гоголь.

Мой адресъ: Strada felice № 126. Ultimo piano.

Его превосходительству Василью Андреевичу Жуковскому. Прошу васъ покорнѣйше отдать эти письма Алекс. Осип. Смирновой и Андрею Карамзину.

6.

Римъ. Февраль (1839)

Вотъ уже недѣля какъ васъ нѣтъ въ Римѣ, а я все еще нахожусь въ такомъ состояніи, какъ будто бы вы уѣхали только сегодня по утру; т. е. разинувъ ротъ, глупо гляя вслѣдъ уѣзжающей вашей каретѣ и не зная потомъ, куда направить шаги свои. Два первые дни рѣшительно не зналъ за что приняться. Еслибы хотя была въ это время гадкая дождливая погода, но какъ на бѣду дни были чудные, какихъ при васъ еще не было, теплые, потопленные въ солнцѣ. Я отправился въ Колисей, на Форумъ Rom. и такъ странно глядѣлъ на все это, какъ еще никогда не глядѣлъ. Я возвратился въ городъ смутно, а къ вечеру мнѣ сдѣлалось просто скучно. Подлецъ Л. не прислалъ мнѣ даже вашего бюста, который онъ просилъ удержать на двѣ минуты и котораго я до сихъ поръ не могу у него добиться. Какъ я терпѣть не могу этого человѣка, и странно, что это чувство раздѣляютъ всѣ видящіе его въ первый разъ. Моя комната была бы тогда полнѣе, и лучше, успокоительнѣй; а теперь мнѣ все кажется, что изъ ней кто-то сію минуту выѣхалъ или выѣзжаетъ, что половину уложенный чемоданъ стоитъ по серединѣ, по всѣмъ угламъ клоки оберточной бумаги, веревочекъ, стараго бѣлья.... Гдѣ вы теперь въ эту самую минуту, когда пишу? Къ какому мѣсту подъѣзжаете? Слишите ли и видите ли эти божественные дни, которые теперь настали, передовые гонцы несущейся уже недалеко весны. Какъ я ихъ люблю! Боже, если бы вы встрѣтили ихъ еще здѣсь; но кто знаетъ, можетъ быть вы бы не захотѣли тогда выѣхать изъ Рима. Чудное время! Я бы былъ счастливъ совершенно, если бы въ мое наслажденіе не вмѣшалось нѣсколько изъ того томительнаго чувства, какое чувствуетъ школьникъ, когда учитель его отправится гулять за городъ съ его товарищами, а его оставитъ за лѣность одного въ маленькомъ школьномъ садикѣ, и онъ видитъ пропадающій вечеръ и видитъ сквозь него, глазами воображенія, вдали лугъ, на немъ свѣтъ солнца, кучу товарищей, летящій вверхъ мячь, веселые крики. Все видитъ онъ и не

хочетъ оторваться отъ своего зрѣлища, потирая кулакомъ и рукавомъ свою упрямо-кислую рожу и не спуская глазъ съ опускающагося ежеминутно ниже солнца. Моя портфель съ красками готова; съ сегодняшняго дня отправлюсь рисовать на весь день. Я думаю въ Колисей. Обѣдъ возьму въ карманъ. Дни значительно прибавились. Я вчера пробовалъ рисовать. Краски ложатся сами собою, такъ что потомъ дивишься, какъ удалось подмѣтить и составить такой-то колоритъ и оттѣнокъ. Если бы вы остались здѣсь еще недѣлю, вы бы уже не принялись за карандашъ. Колоритъ потеплѣлъ необыкновенно; всякая развалина, колонна, кустъ, ободранный мальчишка, кажется, воютъ къ вамъ и просятъ красокъ. Какъ чудно! Въ другихъ мѣстахъ весна дѣйствуетъ только на природу: вы видите, оживаетъ трава, дерево, ручей. Здѣсь же она дѣйствуетъ на все: оживаетъ развалина, оживаетъ плисъ на курткѣ бирбачона, оживаетъ высеребренная солнцемъ стѣна простаго дома; оживаютъ лохмотья нищаго, оживаетъ ряса капуцина съ висящими назади капучіо; даже этотъ продуктъ, котораго мы находили цѣлыя плантаціи разведенныя трудолюбивыми Римлянами подъ всѣми почти стѣнами и оградами, принялъ какой-то весьма пріятный для глазъ коричневый цвѣтъ; а сами производители его теперь попадаются несравненно чаще и совершенно какъ дома; — и въ такомъ количествѣ, что рады или не рады, а къ вамъ который нибудь непремѣнно попадетъ въ первый планъ. Бывало, помните, мы гонялись за натурою, т. е. движещеюся, а теперь она сама лѣзетъ въ глаза: то оселъ, то Албанка, то аббатъ, то наконецъ такого страннаго рода существа, которыхъ опредѣлить трудно. Вчера на примѣръ, когда я рисовалъ, сталъ прямо противъ меня мальчишка, у котораго были такого рода странные штаны, какихъ безъ сомнѣнія ни одинъ портной не шилъ. Я потомъ уже догадался, что они передѣланы изъ отцевской разодранной куртки; но только дѣло въ томъ, что они не перешиты, а просто ноги вдѣты въ рукава, и на брюхѣ подвязано веревкой; входъ къ заду совершенно свободенъ, такъ что онъ можетъ по примѣру отцовскому разводить коричневыя плантаціи подъ стѣнами развалинъ. Въ Колисеѣ явились проповѣди, и толпы народа, и монахи съ бѣлыми бородами, и одѣтые всѣ съ низу до верху въ бѣлое, какъ древніе жрецы. Драпировка чрезвычайно счастлива для нашего брата mezzo-художника; одинъ взмахъ кисти, и монахъ готовъ. Вчера солнце освѣтило мнѣ одного изъ нихъ, тогда какъ всѣ прочіе были обняты тѣнью. Это было прелесть какъ эфектно и какъ легко рисовать. Вчерашній день кончились празденства по случаю избранія двухъ кардиналовъ большимъ фейерверкомъ на Monte Citorio, гдѣ пушки между прочимъ составили какой-то музыкальный концертъ. Всѣ три дни Римъ былъ иллюминованъ, такъ какъ теперь не иллюминуютъ въ другихъ городахъ. Цѣлыя пылающія стѣны домовъ, смоляныя бочки по всѣмъ улицамъ. Я взглянулъ съ Monte-Pincio — прелесть! Вообразите смоляныхъ бочекъ не видно, а только стѣны въ огнѣ, такъ что кажется весь городъ грѣется у очага. Вотъ вамъ новость старыхъ временъ: на два дни ѣзды изъ Рима вырытъ на прошлой недѣли амфитеатръ почти равный величиной съ Teatro Marcello. Весь этажъ цѣлъ, много обломковъ отъ колонъ, и статуи думаютъ

на днѣ найти цѣлыя. Первымъ временемъ установившейся весны воспользуюсь и поѣду поглядѣть. Теперь жаль на минуту оставить Рима: такъ онъ хорошъ и такая бездна предметовъ для рисованья. Доживу ли я до того времени, когда мы вновь сядемъ вмѣстѣ, оба съ кистями? Вѣрите ли, что иногда рисуя, я позабывшись вдругъ оборачиваюсь, чтобъ сказать слово вамъ и оборотившись вижу и какъ будто слышу пустоту, покрайней мѣрѣ на нѣсколько минутъ, въ землѣ, гдѣ всякое мѣсто наполнено и гдѣ нѣтъ пустоты. Даже болвана Антонія не встрѣтили мои глаза, по крайней мѣрѣ я бы тогда обрадовался его присутствію. Какъ странно, когда встрѣтишь вдругъ среди улицы слугу, котораго мы знали въ услуженіи близкимъ и дорогимъ нашему сердцу и который теперь служитъ другимъ; съ перваго разу вдругъ подойдешь къ чему съ живостью; мысль о господахъ его не отрѣшилась еще отъ него въ глазахъ нашихъ. Даже спросишь: какъ, что̀ твои господа? И потомъ вдругъ остановишься, вспомнивши, что господа его чужіе. Вотъ настоящая мефистофелевская насмѣшка надъ человѣкомъ. Здѣсь только въ первый разъ видишь поэзію крѣпостнаго человѣка. — Я бы очень желалъ знать, какъ вашъ теперь маршрутъ, гдѣ и сколько дней, и не знаю, какъ бы это сдѣлать. Вамъ объ этомъ некогда меня увѣдомить. Поручите кому нибудь маленькія два слова, только главное, нѣтъ ли т. е. главныхъ измѣненій въ вашемъ маршрутѣ, чтобъ я зналъ, куда писать къ вамъ. Можетъ быть вамъ некогда читать мои письма. Но теперь это моя потребность: мнѣ кажется, я сталъ веселѣе, написавши къ вамъ письмо.

На оборотѣ:

Vienne (en Autriche)

Его превосходительству Василію Андреевичу Жуковскому

Recomandée aux soins obligeants de la légation Impériale de Russie.

7.

Римъ. Апрѣль $\frac{18}{6}$ (1839)

Я пишу къ вамъ на этотъ разъ съ намѣреніемъ удручить васъ моею прозьбою. Вы одни въ мірѣ, котораго интересуетъ моя участь. Вы сдѣлаете, я знаю, вы сдѣлаете все то что̀ только въ предѣлахъ возможности. Меня страшитъ мое будущее. Здоровье мое, кажется, съ каждымъ годомъ становится плоше и плоше. Я былъ недавно очень боленъ, теперь мнѣ сдѣлалось немного лучше. Если и Италія мнѣ ничего не поможетъ, то я не знаю, что̀ мнѣ тогда уже дѣлать. Я послалъ въ Петербургъ за послѣдними моими деньгами, и больше ни копѣйки; впереди не вижу совершенно никакихъ средствъ добыть ихъ. Заниматься какимъ нибудь журнальнымъ мелочнымъ вздоромъ не могу, хотя бы умиралъ съ голоду. Я долженъ продолжать мною начатой, большой трудъ, которой писать взялъ съ меня слово Пушкинъ, котораго мысль есть его созданіе и который обратился для меня съ этихъ поръ въ священное завѣщаніе. Я дорожу теперь минутами моей жизни потому, что не думаю, чтобъ она была долговѣчна;—а между тѣмъ, я начинаю вѣрить тому, что̀ прежде считалъ басней, что писатели въ наше время могутъ умирать съ голода. Но чуть ли это не правда. Будь я живописецъ, хоть даже плохой, я бы былъ обезпеченъ. Здѣсь въ Римѣ, около 15 человѣкъ нашихъ художниковъ, которые недавно высланы изъ Акаде-

міи, изъ которыхъ иные рисуютъ хуже моего: они всѣ получаютъ по три тысячи въ годъ. — Поди я въ актеры — я бы былъ обезпеченъ: актеры получаютъ по 10000 т. и больше, а вы сами знаете, что я не былъ бы плохой актеръ. — Но я писатель — и потому долженъ умереть съ голоду. На меня находятъ часто печальныя мысли, слѣдствіе ли это ипохондріи, или чего другаго. Доктора больше относятъ къ первому, я и самъ готовъ съ ними согласиться; но вы можете видѣть, что мои слова, съ своей стороны, также справедливы. — Разсмотрите положеніе, въ которомъ я нахожусь, мое болѣзненное состояніе, мою невозможность заняться чѣмъ нибудь постороннимъ, и дайте мнѣ спасительный совѣтъ, что̀ я долженъ сдѣлать для того, чтобы протянуть на свѣтѣ свою жизнь, до тѣхъ поръ, покамѣстъ сдѣлаю сколько нибудь изъ того что̀ мнѣ нужно сдѣлать. Я думалъ, думалъ и ничего не могъ придумать лучше, какъ прибѣгнуть къ Государю. Онъ милостивъ; мнѣ памятно до гроба то вниманіе, которое Онъ оказалъ къ моему Ревизору. Я написалъ письмо, которое прилагаю; если вы найдете его написаннымъ какъ слѣдуетъ, будьте моимъ предстателемъ, вручите! Если же оно написано не такъ какъ слѣдуетъ, то—Онъ милостивъ, Онъ извинитъ бѣдному своему подданному. Скажите, что я невѣжа, незнающій какъ писать къ Его высокой особѣ, но что я исполненъ весь такой любви къ Нему, какою можетъ быть исполненъ одинъ только Русской подданный, и что осмѣлился потому только безпокоить Его прозьбою, что зналъ, что мы всѣ Ему дороги какъ дѣти.—Но я знаю, вы лучше и приличнѣе скажете, нежели я. Не въ первый разъ я обязанъ многимъ, многимъ, вамъ, чего сердце не умѣетъ высказать; и я бы почувствовалъ на душѣ совѣсть безпокоить васъ, еслибъ вы не были вы!—Но въ сторону все это; я съ вами говорю просто, и я бы покраснѣлъ до ушей, еслибы сказалъ вамъ какой затѣйливой комплиментъ.—Если бы мнѣ такой пансіонъ, какой дается воспитанникамъ Академіи Художествъ, живущимъ въ Италіи, или хоть такой, какой дается дьячкамъ, находящимся здѣсь при нашей церкви, то я бы протянулся, тѣмъ болѣе, что въ Италіи жить дешевле. — Найдите случай и средство указать какъ нибудь Государю на мои повѣсти: *Старосвѣтскіе помѣщики* и *Тарасъ Бульба*. Это тѣ двѣ счастливыя повѣсти, которыя нравились совершенно всѣмъ вкусамъ и всѣмъ различнымъ темпераментамъ; всѣ недостатки, которыми они изобилуютъ, вовсе непримѣтны были для всѣхъ, кромѣ васъ, меня и Пушкина. Я видѣлъ, что по прочтеніи ихъ болѣе оказывали вниманія. Еслибъ ихъ прочелъ Государь! Онъ же такъ расположенъ ко всему, гдѣ есть теплота чувствъ и что̀ пишется прямо отъ души. О, меня что-то увѣряетъ, что Онъ бы прибавилъ ко мнѣ участія.—Но будь все то, что̀ угодно Богу. На Его и васъ моя надежда.—Увѣдомьте меня вашей строчкой, или скажите Плетневу, онъ можетъ быть ко мнѣ напишетъ.—Прощайте! Храни Богъ прекрасную вашу жизнь! Я ничего не пишу къ вамъ теперь ни о Римѣ, ни объ Италіи. Меня одолѣваютъ теперь такія печальныя мысли, что я опасаюсь быть несправедливымъ теперь ко всему что̀ должно утѣшать и восхищать душу.—Можетъ быть это отчасти дѣйствіе той ужасной утраты (*),

(*) Кончина молодаго графа Іосифа Михайловича Вельегорскаго. *П. Б.*

которую мы понесли, и въ которой я до сихъ поръ не имѣю силъ увѣриться, которая, кажется, какъ будто оборвала въ моей жизни лучшія ея украшенія и сдѣлала ее обнаженнѣе и печальнѣе.

Вашъ Гоголь.

8.

Варшава. Сентября 12 (1839)

До меня только дошли слухи, что вы писали ко мнѣ. Я два раза получилъ письмо отъ Вьельгорскаго; всякой разъ онъ меня увѣдомлялъ, что отъ васъ получалъ письмо и ко мнѣ маленькую приписочку, но что онъ мнѣ пришлетъ ее послѣ, и что, по разсѣянности, не помнитъ куда ее положилъ. Какъ досадно! Мнѣ нужно было получить ваши строки; клянусь, мнѣ они тогда были очень нужны.—Мои прожекты и старанія уладить мой неотъѣздъ въ Петербургъ не удались.—Выпускъ моихъ сестеръ требуетъ непремѣннаго и личнаго моего присутствія. Не выпускъ, но устроеніе будущей судьбы ихъ, которое, благодаря Бога, какимъ-то верховнымъ наитіемъ мнѣ внушено. Онѣ, надѣюсь, будутъ счастливы, я не безпокоюсь о ихъ. Одно меня тревожитъ теперь. Я не знаю, какъ мнѣ быть и раздѣлаться съ самимъ ихъ выпускомъ изъ института.—Мнѣ нужно на ихъ окипировку, на заплату за музыку учителямъ во все время ихъ пребыванія тамъ и пр. и пр., около 5000 рублей, и признаюсь, это на меня навело совершенный столбнякъ. Объ участи своей я не забочусь; мнѣ нуженъ воздухъ, да небо, да Римъ. Но эта строка и пунктъ..... Я еще принужденъ просить васъ. Можетъ быть, какимъ нибудь образомъ, Государыня, на щетъ которой они воспитывались, что нибудь стряхнетъ на нихъ отъ благодѣтельной руки своей. Что же дѣлать мнѣ? Знаю, безстыдно и безсовѣстно съ моей стороны просить еще Ту, Которая уже такъ много удручила мое сердце безсиліемъ выразить благодарность мою. Но я не нахожу, не знаю, не вижу, не могу придумать средствъ... и чувствую, что меня грызла бы совѣсть за то, что я не былъ безсовѣстнымъ. Во всякомъ случаѣ, хотя здѣсь и не можетъ быть успѣха, все по крайней мѣрѣ на душѣ моей будетъ легче при мысли, что я употреблялъ же и пытался на средства, и что сколько нибудь выполнилъ обязанность брата. Еслибы знали, чего мнѣ стоило бросить Римъ, хотя я знаю, что это небольше какъ на два-три мѣсяца. Но клянусь, еслибъ мнѣ предлагали миліоны, и эти миліоны помножали еще на миліоны, и потомъ удесятерили эти миліоны, я бы не взялъ ихъ, еслибъ это было съ условіемъ оставить Римъ, хотя на полгода.—Но вы меня понимаете; вы знаете его, этотъ прекрасный рай, вознесшійся на седми холмахъ со всѣми его чудесами, исполинами-развалинами и тѣми соснами куполообразными, тѣми кипарисами, которые мы рисовали на этомъ божественномъ воздухѣ... О! Я ѣду за вами и вашимъ даннымъ вами словомъ, какъ Велзевулъ, которому дана рукописная и рукокровная клятва. Я слѣжу васъ и не выпущу.—Есть одно, которое изъ Петербурга для меня дѣлаетъ Римъ на нѣсколько дней: это восторгъ обнять васъ. Но къ чему слова? Сердечныхъ и глубокихъ явленій, какой пошлый переводъ въ силахъ передать!

Вѣчно вашъ Гоголь.

Адресуйте ваше письмо въ Москву по слѣдующему адресу: Его высок.

Михаилу Петровичу Погодину, профессору Московскаго Университ. на Дѣвичьемъ полѣ, въ собств. домѣ, для передачи Гоголю. Я проживу у него мѣсяцъ, затворясь отъ всѣхъ и отъ всего. Мнѣ нужно окончить мою нѣкоторую работу. Прощайте! Будьте вѣчно веселы душой!

Его превосходительству Василью Андреевичу Жуковскому.

Въ Зимнемъ дворцѣ. Въ С. Петербургъ.

9.

(1839. Москва)

Даже не помню, благодарилъ ли васъ за Петербугскій пріютъ и любовь вашу. Боже! какъ я глупъ, какъ я ничтожно, несчастно-глупъ! и какое странное мое существованіе въ Россіи! какой тяжелой сонъ! о, когда бъ скорѣе проснуться! Ничто, ни люди, встрѣча съ которыми принесла бы радость, ничто не въ состояніи возбудить меня. Нѣсколько разъ брался за перо писать къ вамъ и какъ деревянный стоялъ предъ столомъ: казалось какъ будто застыли всѣ нервы, находящіеся въ соприкосновеніи съ моимъ мозгомъ, и голова моя окаменѣла.—Мнѣ отдали сію минуту ваше письмо; вы заботились, вы хлопотали обо мнѣ, и мнѣ ту же минуту представились живые глаза ваши, и въ нихъ выраженное ко мнѣ участіе.... Чѣмъ благодарить васъ? Клянусь, я былъ утѣшенъ имъ въ нынѣшнемъ моемъ горькомъ положеніи въ тысячу разъ болѣе, чѣмъ жидовскимъ предложеніемъ Смирдина. Но поговоримъ о предложеніи Смирдина. Я вамъ говорилъ, что нѣтъ никакой выгоды издавать теперь всѣ мои сочиненія вмѣстѣ; что хотя разошлись экземпляры Ревизора и Миргорода, но еще довольно и Арабесокъ и особенно Вечеровъ на Хуторѣ, и что кромѣ Ревизора они вовсе не требуются такъ жадно, чтобы можно было предпринимать изданіе; а доказательствомъ, что это правда, служитъ бездѣльная сумма, предлагаемая Смирдинымъ. Но такая моя участь. Книгопродавцы всегда пользовались критическимъ моимъ положеніемъ и стѣсненными обстоятельствами.—Обожди я годъ, покамѣстъ выйдетъ мой новый романъ и обратитъ на себя четыре тысячи читателей, тогда бросятся вновь на мои сочиненія, нынѣ забытыя; а между тѣмъ перѣждутся нынѣшніе тяжелые, голодные, неурожайные годы, уменьшившіе число покупателей. Книгопродавцы говорятъ гласно, что у нихъ теперь нѣтъ денегъ и что тѣ, которые покупали прежде книги, отложили эти деньги на поправку разстроенныхъ неурожаемъ имѣній. Нужно же, какъ нарочно, чтобы мнѣ именно случилась надобность въ то время, когда меня болѣе всего можно притѣснить и сдѣлать изъ меня безгласную, страдающую жертву. Точно, я не помню никогда такъ тяжелыхъ моихъ обстоятельствъ. Все идетъ плохо. Бѣдный клочекъ земли нашъ, пристанище моей матери, продаютъ съ молотка, и гдѣ ей придется преклонить голову, я не знаю; предположеніе мое пристроить сестеръ такъ, какъ я думалъ, тоже рушилось; я самъ нахожусь въ ужасно-безчувственномъ, окаменѣвшемъ состояніи, въ какомъ никогда себя не помню. Когда же лучше книгопродавцамъ употребить въ свою пользу мое горе?.. Я Смирдина не осуждаю безусловно; онъ поступалъ съ другими хорошо, но со мною всегда Жидовскимъ образомъ; и послѣ всего того, что онъ со мною дѣлалъ, я

долженъ опять передъ нимъ унизиться. Я, признаюсь, думалъ, что вы сдѣлаете предложеніе другому книгопродавцу; мнѣ кажется, я вамъ говорилъ, что съ Смирдинымъ я не хочу имѣть сношеній. Но можетъ быть вамъ неизвѣстно, въ чемъ можетъ быть здѣсь жидовство Смирдина. Вотъ въ чемъ: мнѣ даютъ за одну третью часть, то есть за піесы назначенныя вами въ первый томъ собранія, какъ то: Ревизоръ, Женидьба и отрывки изъ неоконченной комедіи, *6 тысячъ*. И признаюсь, я ужъ готовъ былъ согласиться, не смотря на то, что смерть не хотѣлось, чтобы мои незрѣлыя творенія, какъ-то: Женихи (sic) и неоконченная комедія, являлись въ свѣтъ. Но нужда заставила на все рѣшиться. Я уже было предался минуты на двѣ отдохновенію, даже веселилъ себя мыслію, что наконецъ раздѣлаюсь какъ-нибудь съ моими тяжелыми обязанностями и, свѣтлый, съ оживленною душою, отправлюсь въ мой обѣтованный рай, въ мой Римъ, гдѣ вновь проснусь и окончу трудъ мой. Но это была мечта и обрадовала меня только на минуту. Я отыскалъ изъ недоконченной комедіи только два отрывка, она вся осталась въ Римѣ. А гдѣ дѣлись *Женихи*, я до сихъ поръ не могу постигнуть. Мнѣ кажется, какъ будто я взялъ ее изъ Рима съ собою, но сколько ни рылся въ бумагахъ, въ чемоданѣ, въ бѣльѣ, нигдѣ не могъ отыскать. Пропала ли она гдѣ нибудь на дорогѣ, или выбросили ее таможенные, рывшіеся въ моемъ чемоданѣ, или лежитъ она въ Римѣ на моей квартирѣ въ моемъ сундукѣ — ничего не знаю. — Знаю только, что я теперь погрузился опять въ мое ужасно-безчувственное состояніе. Рушилась послѣдняя возможность; и если бы даже принужденъ былъ принять предложеніе Смирдина, то и его условій не могу теперь исполнить Но согласитесь сами, что мнѣ нужно быть рѣшительно глупу, чтобы согласиться. Если за третью часть этого собранія даютъ уже 6 тысячъ, то вѣрно за другія двѣ хоть три дадутъ. Вотъ ужъ 9 т. Но я теряю много, издавая ихъ теперь; это мнѣ говорятъ и книгопродавцы, и литераторы, имѣющіе частыя сдѣлки, и наконецъ тяжелое и голодное время, угрожающее также и въ нынѣшнемъ году, если даже не болѣе. Ширяевъ мнѣ даетъ за эти же самыя сочиненія, съ условіемъ только, если я выдамъ впередъ романъ, 16 т., а можетъ быть даже, говоритъ, и болѣе, а теперь не даетъ ничего, потому что малой суммы не хочетъ мнѣ предлагать, чтобы не сказали, что онъ меня обманулъ и воспользовался моимъ незнаніемъ;—а Смирдинъ не посовѣстился. Притомъ развѣ вы не видите, въ какіе я попадаюсь когти къ Смирдину, принявши его условія? Замѣтьте, какое малое число экземпляровъ онъ печатаетъ, для того чтобы счетъ за экземпляры не былъ великъ. А кто поручится, что онъ напечатаетъ только полторы, а не три, или четыре тысячи,—вѣдь этого на лицѣ Смирдина не увидишь, а мнѣ же не нанимать шпіона, смотрѣть, что у него дѣлается дома и въ типографіи.— И что мнѣ изъ того, что право на два года, тогда какъ онъ обезпечитъ себя экземплярами на 20 лѣтъ. Если бы это были новыя сочиненія, то конечно выгодно продать на два года, зная, что въ эти два года экземпляры разойдутся всѣ, и можно предпринять новое изданіе; а тутъ все ужъ кончено—ужъ другаго изданія при жизни мнѣ не видать.—Это послѣдній ресурсъ, и я не могу теперь такъ

рискнуть. Тогда я былъ одинъ, теперь у меня разоренное семейство.

И такъ — рѣшился не продавать моихъ сочиненій, но употребить и поискать всѣхъ средствъ если не отразить, то хоть отсрочить несчастное теченіе моихъ трудныхъ обстоятельствъ. Какъ нибудь на годъ, уѣхать скорѣе какъ можно въ Римъ, гдѣ убитая душа моя воскреснетъ вновь, какъ воскресла прошлую зиму, а весну приняться горячо за работу и, если можно, кончить романъ въ одинъ годъ. Но какъ достать на это средствъ и денегъ? Я придумалъ вотъ что: сдѣлайте складку, сложитесь всѣ тѣ, которые питаютъ ко мнѣ истинное участіе; составьте сумму въ 4000 р. и дайте мнѣ въ займы на годъ. Черезъ годъ я даю вамъ слово, если только не обманутъ мои силы и я не умру, выплатить вамъ ее съ процентами. Это мнѣ дастъ средство какъ нибудь и сколько нибудь выгрузиться изъ моихъ обстоятельствъ и возвратитъ на сколько нибудь меня мнѣ.—Дайте вашъ отвѣтъ, и ради Бога скорѣе.—Я ожидаю съ нетерпѣніемъ. Вѣчно вашъ

Гоголь.

10.

(1839. Москва)

Что я могу написать къ вамъ! Благодарить только васъ за ваши заботы, за ваше рѣдкое участіе. Богъ мнѣ даетъ вкушать наслажденіе даже въ минуты самыхъ тяжкихъ, сердечныхъ болей. — Что жъ дѣлать мнѣ теперь! О Римъ мой, о мой Римъ! — Ничего я не въ силахъ сказать.... Но если бы меня туды перенесло теперь, Боже, какъ бы освѣжилась душа моя! — Но какъ, гдѣ найти средствъ! Думаю и ничего не могу придумать! Иногда мнѣ приходило на мысль, неужели мнѣ совершенно не дадутъ средствъ быть на свѣтѣ? Неужели мнѣ не могутъ дать какого нибудь офиціальнаго порученія? Неужели меня не могутъ приклеить и защитать въ какую нибудь должность? — Вѣдь все же таки въ Римѣ можно чѣмъ нибудь быть полезнымъ. Какъ бы то ни было, вѣдь все же тутъ огромная, великая часть, искусство, которое должно бы войти сколько нибудь въ дѣловой кругъ нашъ, и я бы тутъ могъ быть полезнымъ въ отношеніи художества; — но потомъ все это отъ меня уходило скоро, какъ мечта, и вспоминалъ, что кому обо мнѣ заводить дѣло, и притомъ это можно устроить только имѣя въ родствѣ какого нибудь важнаго дядюшку или тетушку.

Пріѣхавши въ Римъ, я непремѣнно соберу все, что̀ есть у меня и пришлю; но какъ я доѣду до Рима, это Богъ одинъ только знаетъ. — Письмо мое передастъ Погодинъ. Бѣдный мой Погодинъ! Добрая душа! Сколько онъ хлопоталъ и старался обо мнѣ! Никогда братъ..... О, если бы ему все удалось въ жизни! Но этому человѣку много борьбы было и будетъ. Онъ потерялъ теперь все состояніе свое, весь капиталъ, который замошенничали у него подлѣйшимъ образомъ. И хоть бы упрекъ, хоть бы что нибудь похожее на печаль показалось у него. Онъ опять занялся своей Исторіей и позабылъ все. И какой величественный, какой удивительный его трудъ теперь! Клянусь, міръ не знаетъ этаго человѣка!! Но будетъ время, когда имя его вознесутъ наравнѣ съ именами первыхъ столбовъ науки. Но прощайте! Благодарю васъ за все, за любовь вашу ко мнѣ. Подумайте обо мнѣ съ кѣмъ нибудь изъ людей должностныхъ и

государственныхъ. Не придумается ли какое средство? А впрочемъ, какъ Богу угодно. Будьте здоровы и увѣдомьте меня хоть двумя словами, какъ вашъ маршрутъ. Можетъ быть, мнѣ доведется опять гдѣ нибудь съ вами встрѣтиться.

11.

Берлинъ.

Я еще, какъ вы видите, до сихъ поръ не въ Россіи, и пишу къ вамъ теперь изъ Берлина. Пишу объ Ивановѣ, по дѣлу, о которомъ мы уже съ вами говорили. Я посылаю къ вамъ письмо, которое я написалъ вчернѣ для него къ Великому Князю. Копію съ него я послалъ уже къ нему; недѣли черезъ двѣ или три послѣ сего письма, вы получите отъ него письмо. Ему нужно помочь, иначе грѣхъ будетъ на душѣ. Помочь таланту значитъ помочь не одному ближнему, а двадцати ближнимъ вдругъ. Препровождая письмо его къ Наслѣднику, я думаю вамъ достаточно будетъ сказать только то, что Ивановъ, умоляя васъ о ходатайствѣ и о доставленіи письма, представилъ много по всей справедливости убѣдительныхъ причинъ на разрѣшеніе и продолженіе пансіона еще на 3 года, и что вы съ своей стороны можете засвидѣтельствовать: что Ивановъ дни и ночи сидитъ надъ картиной, что отказался отъ всякихъ работъ и заказовъ, чтобы ускорить ея окончаніе, что не ищетъ ничего, никакихъ другихъ наградъ, кромѣ средствъ и возможности ее окончить; что со всѣхъ сторонъ слышны самые благопріятные отзывы о его картинѣ, что картина Овербекова, вдвое меньше по величинѣ холста, заняла однакоже труда на 10 лѣтъ слишкомъ, и что наконецъ жаркою любовью къ искусству, простирающеюся до самоотверженія, мудрою скромностью и смиреніемъ украшенъ художникъ, вполнѣ заслуживающій всякаго вниманія и покровительства. Нельзя, чтобы слова сіи не произвели дѣйствія, ибо они чистая правда. — Прощайте, цѣлую васъ заочно. Пошли вамъ Богъ всякаго добра, а съ тѣмъ вмѣстѣ и высшее всѣхъ благъ, вдохновеніе.

Гоголь.

A Son Excellence
Monsieur
Monsieur de Joukoffsky
à Dusseldorf.
(1842)

12.

Письмо это вручитъ вамъ Алек. Тар. Марковъ, котораго вы уже знаете. Онъ стоитъ покровительства и по таланту своему, и по душевной добротѣ своей. Окажите ему ваше, подъ часъ, заступничество, гдѣ будетъ нужно. Я увѣренъ, что онъ много сдѣлаетъ хорошаго, если только ему будутъ задавать предметы сообразные съ его образомъ мыслей и направленіемъ его художества. Нельзя вдвинуть въ человѣка того, чего элементовъ въ немъ нѣтъ, и нельзя отнять, или затемнить, или передѣлать въ немъ то, для чего существуютъ въ немъ элементы. — Религіозное значеніе живописи — не Маркова дѣло. Физическая и моральная борьба человѣка сильнаго съ близкой опасностью, — его дѣло. Тутъ у него сильный, отважный размахъ; доказательство въ его картинѣ, которую онъ покажетъ вамъ. — Что вы дѣлаете? Здоровы ли вы, веселы ли, думаете ли о мнѣ? — Я ничего не знаю и не слышу о васъ — это грустно. Я не скажу, что я здоровъ; нѣтъ, здоровье можетъ быть еще хуже, но я болѣе

нежели здоровъ. Я слышу часто чудныя минуты, чудной жизнью живу, внутренней, огромной, заключенной во мнѣ самомъ, и никакого блага и здоровья не взялъ бы. Вся жизнь моя отнынѣ — одинъ благодарный гимнъ. — Не пѣняйте, что я до сихъ поръ не уплачиваю вамъ взятыхъ у васъ денегъ. Все будетъ заплочено, можетъ быть нынѣшней же зимою. Наконецъ не съ потупленными очами я предстану къ вамъ, а теперь я живу и дивлюсь самъ какъ живу, во всѣхъ отношеніяхъ ничѣмъ, и не забочусь о жизни и не стыжусь быть нищимъ.

Я васъ увижу и обниму; прощайте!

ПОСЛАНІЕ А. Ѳ. ВОЕЙКОВА КЪ Н. Н. РАЕВСКОМУ (СТАРШЕМУ) (*)

Раевскій, къ смѣлымъ знаменамъ
Своимъ побѣду приковавшій,
Уроки славные друзьямъ
И недругамъ въ сраженьяхъ давшій!
Ты хочешь, чтобъ поэтъ, тобой
Обвороженный, удивленный,
На брегъ Днѣпра переселенный,
Простился съ пышною Двиной—
И онъ готовъ повиноваться!
Съ табачнымъ дымомъ распрощаться;
Огнистыхъ париковъ съ толпой,
Всегда носимыхъ на болванахъ,
Иль на ученыхъ шарлатанахъ,
Которые намъ умъ чужой
Печатной продаютъ за свой;
Съ политикою, съ колбасами
И Нѣмцовъ съ красными носами.
Оставить Нѣмокъ въ завиткахъ,
Спѣшащихъ съ миною голодной
Изъ кухни чистой, но холодной,
Казать видъ сытый при гостяхъ.
Но прежде чѣмъ за подорожной
Пойдетъ, ему съ тобою должно
Сказать два-три словца за свой.....
Позволь, вѣдь кротость, какъ геройство,
Души твоей высокой свойство.
Щастливъ, кто можетъ обитать
Съ тобой въ стѣнахъ святова града,
И зря тебя воображать
Въ той славной битвѣ Россовъ рать,
Гдѣ ты, Отечества ограда!
Велъ, новый Авраамъ, сыновъ
На произвольное закланье:
Жестокое любви къ отчизнѣ испытанье!
Щастливъ любитель острыхъ словъ:
Онъ тамъ съ Давыдовымъ [1]) въ бесѣдѣ;
Иль у монаховъ на обѣдѣ
Пьетъ, споритъ, ѣстъ за четверыхъ,
Какъ древле кушивалъ Горацій.
Щастливъ, кто липъ въ тѣни густыхъ
Подсматриваетъ Польскихъ Грацій;
Иль съ Волковымъ [2]) въ веселый часъ
Велерѣчивѣйшій разсказъ
Директора [3]) смиренно внемлетъ,
И за него закрывшись дремлетъ;
Но это-межъ четырехъ глазъ:
Хранить почтенье къ предкамъ должно!
Тамъ надъ Орловскимъ пошутить
Въ бесѣдѣ дамъ безгрѣшно можно,
На мѣсто фанта сочинить
Задавъ письмо педанта слогомъ;
Онѣ божиться станутъ Богомъ,
Что легче имъ статуей быть,
Чай (*sic*) поцѣлуевъ разносить
Вокругъ героямъ крестоноснымъ,
Чѣмъ слогомъ сочинять несноснымъ
И портить розовый свой слогъ.

(*) Стихотвореніе это написано въ 1817 году, когда Воейковъ, будучи Дерптскимъ профессоромъ, путешествовалъ по Россіи и былъ между прочимъ въ Кіевѣ, гдѣ командовалъ однимъ изъ корпусовъ нашей арміи славный Н. Н. Раевскій. Извѣстно, что Воейковъ, въ большинствѣ произведеній своихъ, имѣлъ цѣли неисключительно литературные и отличался страстью къ злымъ намекамъ на современныя лица и событія.—Примѣчанія принадлежатъ самому Воейкову. *П. Б.*

[1]) Денисъ Васильевичъ.

[2]) Полковникъ, начальникъ штаба, добрый и любезный человѣкъ.

[3]) Директора гимназіи, 77 лѣтъ отъ роду; родился въ 1739 году; сошелъ съ ума въ 1780, въ разсужденіи чего и опредѣленъ къ нынѣшней своей должности. Онъ говоритъ славянско-руско-польско-малоросійскою смѣсью!

Я былъ бы тутъ какъ Сиверсъ[4]) строгъ,
Взыскателенъ какъ Аракчеевъ [5])
Но между игръ, притворствъ, затѣевъ
Подсказывалъ бы имъ тишкомъ:
(Какъ Менщикову оправданья
Петръ-другъ передъ Петромъ-царемъ!)
„Отвѣтствую вамъ на писанье:
„Я не заимствуюсь въ свой домъ
„Журналовъ полученьемъ;
„А вожделѣя оныхъ чтеньемъ
„Изъ Академіи всегда
„Заимствуюся ими."
Конецъ!... читаютъ... и тогда
Межь старыми и молодыми
Вдругъ раздается страшный крикъ;
Уста смѣются, плещутъ руки;
Заснувшій въ уголкѣ старикъ
Отъ страшной съ умными быть скуки,
Которому весь вѣкъ аза
Прочесть никакъ не удавалось,
Дивится выпуча глаза,
Чему такъ общество смѣялось.
О, я готовъ, готовъ сей часъ,
Брега Двины! оставить васъ.
Не страшны мнѣ почталіоны,
Которые и такъ и сякъ
Умѣютъ вдвое брать прогоны.
Не страшенъ Яншинъ [6]) мнѣ чудакъ,
Пугалище Пропойска:
Ахиллова душа геройска
Въ немъ обитаетъ въ мирны дни,
И лжётъ объ ранахъ небывалыхъ.
Я не боюсь коней усталыхъ:
Пусть тянутъ по пескамъ они
Столь тихо, съ тою же снаровкой,
Съ какой читаетъ разстановкой
Нашъ Тёрнеръ [7]), лекторъ за грѣхи,
Въ слухъ Ломоносова стихи.
Я даже не боюсь промѣна
И храбро на Жидовъ гляжу....
Но что? Какая вдругъ премѣна?
Какъ отъ испуга весь дрожу....
Себя принудить не умѣю!
Герой! Когда открыть посмѣю
Я опасеніе мое,
Великодушіе твое
Меня отъ Кіева избавитъ:
Не вздорныхъ страховъ, признаюсь,
Я неизбѣжнаго боюсь:
Боюсь, Полиція ограбитъ!

(Сообщено въ подлинникѣ княземъ П. А. Вяземскимъ)

НЕИЗДАННОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ А. С. НОРОВА НА КОНЧИНУ ПУШКИНА.

Погасъ лучь Неба, свѣтлый геній,
Умолкъ сей Бардъ полночныхъ странъ,
Чья слава въ сонмѣ поколѣній
Пройдетъ со славой Россіянъ!
Найдутъ въ исторіи далекой,
Средь лавровъ царскаго вѣнца,
Вплетенный миртъ тому, чье око
Хранило бурный вѣкъ пѣвца;
Кто, озаботясь, имъ какъ сыномъ,
Отходный далъ ему совѣтъ:
Безъ скорби перейти въ тотъ свѣтъ
И умереть Христіаниномъ!

(Сообщено Н. Е. Панинымъ.)

ИЗЪ ПАМЯТНЫХЪ ЗАМѢТОКЪ В. Д. ДАВЫДОВА.

I.

27 Іюня 1856 года, передъ самою коронаціею Государя Александра II-го, мнѣ пришлось выѣхать изъ Петербурга по желѣзной дорогѣ, съ нѣсколькими знакомыми и въ томъ числѣ съ княземъ Сергіемъ Григорьевичемъ Голицынымъ,

---

[4]) Сенаторъ, знаменитый своимъ безкорыстіемъ и строгостію.

[5]) Преобразитель артилеріи, человѣкъ безпримѣрно-вѣрный, безкорыстный, неутомимый и требующій въ другихъ такой же неутомимой дѣятельности.

[6]) Яншинъ, Бѣлорусскій лжецъ-дворянинъ, имѣетъ за собою 12,000 душъ крестьянъ; женатъ на публичной дѣвкѣ, которую похитилъ торжественно изъ Мѣщанской, тогда какъ никто не стерегъ ея и ускакалъ опрометью, тогда какъ никто за нимъ не гнался.

[7]) Учитель Россійскаго языка въ Дерптѣ; изъ числа тѣхъ Нѣмцовъ, которые, объѣхавъ Россію на козлахъ, сочиняютъ Россійскія статистики и географіи и обучаютъ юношество Россійской литтературѣ по правиламъ грамматики.

нынѣ умершимъ, котораго всѣ называли Ѳирсомъ [1]). Это былъ одинъ изъ остроумнѣйшихъ и пріятнѣйшихъ собесѣдниковъ своего времени; Русскій образованный баринъ въ полномъ смыслѣ слова и одинъ изъ такихъ разкащиковъ, какихъ весьма рѣдко можно слышать. Въ то время всѣ умы были заняты только что конченною войною; толковали объ ея неудачахъ, ея причинахъ. Одни взваливали вину на однаго, другіе на другаго; такъ было и съ нами сидѣвшими въ одномъ вагонѣ, но разрозненными какъ мыслями, такъ и чувствами. Разговоръ нашъ принялъ къ концу такое серьезное направленіе, разсказы были до того занимательны, что по пріѣздѣ моемъ въ Москву я немедленно записалъ ихъ, спустя нѣсколько времени провѣрилъ ихъ съ дѣйствующими лицами, измѣнилъ нѣкоторыя выраженія по ихъ замѣчаніямъ и нынѣ, по истеченіи 15 лѣтъ, рѣшаюсь предложить на страницы Русскаго Архива эти изустныя преданія, могущія служить и на будущее время мѣриломъ характеровъ и взглядовъ лицъ, игравшихъ въ эту тяжкую годину судьбами человѣческими. Послѣ полнаго осужденія съ нашей стороны дипломатовъ и начальниковъ, мой вагонный ареопагъ коснулся наконецъ дѣятельности бывшаго нашего посланника въ Парижѣ Николая Дмитріевича Киселева и общимъ хоромъ осуждалъ его за недальновидность и преступное самообольщеніе, въ коемъ онъ якобы обрѣтался, не смотря на то, что долженъ былъ знать какъ Францію, такъ и главнаго виновника войны Императора Наполеона, занимая столько лѣтъ постъ посланника. Долго оспоривалъ насъ общими мѣстами князь Сергѣй Голицынъ и наконецъ рѣшился разсказать намъ слѣдующее. Этотъ разсказъ, какъ я уже говорилъ, записанъ былъ мною почти въ вагонѣ и былъ провѣренъ какъ княземъ Голицынымъ, такъ и покойнымъ нынѣ Киселевымъ.

[1]) Род. 28 Іюля 1806, ум. въ Ноябрѣ 1868. —Прозвище Ѳирсъ, сколько намъ извѣстно, находилось въ какой-то связи съ 14-мъ Декабря, днемъ памяти св. мученика Ѳирса. *П. Б.*

Въ началѣ 1853 г., когда уже совсѣмъ состоялся разрывъ между Россіею, Франціею и Англіею, я пріѣхалъ въ Брюссель проѣздомъ въ Парижъ. Я ѣхалъ съ тѣмъ, чтобы взять мое семейство и вывезти его изъ Франціи по случаю выѣзда всѣхъ Русскихъ. Въ Брюсселѣ я видѣлъ каждый день нашего посланника гр. Хребтовича, который, будучи въ ежедневной, чтобы не сказать, ежечасной перепискѣ съ Киселевымъ и зная нашу съ нимъ дружбу, далъ ему знать объ моемъ пріѣздѣ въ Брюссель и объ моихъ намѣреніяхъ ѣхать въ Парижъ. На это извѣщеніе Киселевъ отвѣчалъ Хребтовичу, что онъ проситъ его посовѣтовать мнѣ не ѣхать прежде его пріѣзда: онъ-де имѣетъ сообщить мнѣ нѣчто очень важное. Но и для меня было важно ѣхать, и я, не дождавшись его, все таки поѣхалъ и дорогой разъѣхался съ Киселевымъ. Эта поѣздка заключаетъ въ себѣ два замѣчательные эпизода, и потому я передамъ вамъ ихъ по порядку. По пріѣздѣ моемъ въ Парижѣ я отправился въ Rue Lafitte, въ Hôtel Ротшильда для предъявленія въ его конторѣ моего кредитива отъ дома Штиглица. Подходя къ дому, я увидѣлъ у подъѣзда конторы щегольской кабріолетъ съ прекрасно одѣтымъ грумомъ и въ ту минуту какъ я, разсматривая экипажъ, сбирался спросить грумма, кто его владѣлецъ, я очутился сзади въ объятіяхъ кого-то прижимающаго меня къ сердцу и кричащаго: cher Firs, depuis quand à Paris et d'où? Любезный Ѳирсъ, давно ли въ Парижѣ и откудова?

Освободившись, я узналъ барона Зеебаха (нынѣ графа), Саксонскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, женатаго на граф. Нессельроде.

—Depuis le matin et de Pétersbourg, отвѣчалъ я. Съ нынѣшняго утра и изъ Петербурга.

—Non, je ne vous lâche plus; ma femme est dans une inquiétude terrible: son père ne lui écrit pas, personne ne nous fait

rien savoir, la guerre est declarée, enfin vous seul pouvez nous éclairer sur ce qui se passe à S. Pétersbourg.

Нѣтъ я васъ не выпущу, жена моя въ ужасномъ безпокойствѣ; отецъ ея не пишетъ ей, никто насъ ни объ чемъ не извѣщаетъ, война объявлена, вы одни можете насъ просвѣтить на счетъ того чтб дѣлается въ Петербургѣ.

Все это Зеебахъ сказалъ мнѣ съ чувствомъ; видно было, что эта неизвѣстность произшествій мучила его серьезно.

—Mon cher Baron, j'aurais ete charmé de courir sur le champ chez la Baronne, mais j'ai affaire ici et puis, je n'ai presque pas encore vu ma femme; demain je suis à vos ordres, ainsi qu'à votre disposition, сказалъ я ему.

Любезнѣйшій баронъ, я былъ бы счастливъ немедленно отправиться къ баронессѣ, но у меня здѣсь дѣло; къ тому же я почти не видалъ еще жены; завтра я къ вашимъ услугамъ и подчинюсь вашимъ велѣніямъ.

—Non, non, cela est impossible; il faut que vous voyez ma femme; voyons, dites moi franchement qu'avez vous à faire ici?

Нѣтъ, нѣтъ это невозможно; необходимо, чтобы вы видѣли мою жену; скажите мнѣ откровенно, чтб вы здѣсь будете дѣлать.

—Mais ni plus, ni moins que de toucher d'argent d'après une lettre de change de Stiglitz sur la maison Rotchild.

Ни больше, ни меньше какъ получить деньги по векселю Штиглица на домъ Ротшильда.

—Alors, allons le voir lui-même, отвѣчалъ Зеебахъ.

Въ такомъ случаѣ пойдемте къ нему самому.

—Mais je ne le connais pas, je n'ai eu jamais affaire à lui.

Я его не знаю, и никогда съ нимъ дѣла не имѣлъ.

—C'est égal; par le temps qui court c'est lui qui est intérressant, mais pas sa banque qui ne croullera certès pas, malgré tout le tremblement de la terre.

Все равно, въ теперешнее время онъ любопытенъ, но не его контора, которая навѣрное не провалится, не смотря ни на какія сотрясенія земныя.

—Ma foi, cela m'est égal, allons le voir et présentez moi à ce faiseur et défaiseur de fortunes.

Мнѣ все равно, пойдемте къ нему и представьте меня этому дѣлителю и раздѣлителю благосостояній.

Мы отправились. Поднявшись на лѣстницу и пройдя нѣсколько комнатъ, мы нашли банкира Ротшильда въ большой залѣ, къ которой примыкало нѣсколько дверей. Въ ней находилось человѣкъ сорокъ людей разнаго званія, стоявшихъ полукругомъ около пюпитра, за которымъ работалъ Ротшильдъ. Двери ведущія въ залу безпрестанно то отпирались, то запирались, пропуская то одного, то другаго агента съ извѣстіями объ фондахъ. Смотря по важности донесенія, онъ самъ указывалъ то на одни, то на другія двери и продолжалъ съ видимымъ равнодушіемъ говорить съ окружавшею его толпою. Бар. Зеебахъ подвелъ и представилъ меня. Ротшильдъ поклонился мнѣ и очень вѣжливо спросилъ:

—Depuis quand à Paris, mon Prince.

Давно ли вы въ Парижѣ, князь.

—Depuis le matin, M-r le Baron.

Съ нынѣшняго утра, баронъ.

—Et qu'est ce qu'il y a à vos ordres?

А что къ вашимъ услугамъ?

—J'ai une lettre de credit sur votre maison, monsieur, et j'aurais voulu vous la présenter en tirant sur elle une petite somme. Je vous demande pardon de vous deranger personnellement pour une pareille bagatelle, et de ne pas vous présenter mon passeport, c'est la faute du B. Seebach qui a voulu me faire l'honneur de me faire aboucher avec vous. J'ai toujours eu affaire à votre secretaire (un tel) qui me connait beaucoup.

У меня вексель на вашъ домъ, и я желалъ бы получить по немъ маленькую сумму. Я прошу у васъ извиненія, что безпокою васъ лично такою бездѣлицею, не представляя вамъ моего паспорта, но это вина барона Зеебаха, который желалъ доставить мнѣ честь лично имѣть съ вами дѣло. Я всегда обращался къ вашему секретарю, онъ меня хорошо знаетъ.

Ротшильдъ прервалъ мою рѣчь.

—Oui, nous connaissons cela maintenant: les affaires s'embrouillent, vous voulez voir, si je puis faire honneur à ma signature. Voyons votre lettre?

Да знаю, дѣла запутываются, и вы желаете убѣдиться, до какой степени вѣрна еще моя подпись. Дайте мнѣ вашъ вексель.

—La preuve qui j'y crois, сказалъ я ему, подавая ему кредитивъ, c'est que c'est moi

qui a prié Mr Stiglitz de passer mes fonds sur votre maison.

Доказательствомъ тому, что я ей вѣрю, это то, что я самъ просилъ Штиглица перевести мои фонды на вашъ домъ.

Но онъ мнѣ не далъ кончить, плутовски взглянулъ на меня и, разсматривая вексель, сказалъ мнѣ: Oh, une lettre de crédit illimité, et vous arrivez de S.Pétersbourg! Vous allez voir, mon Prince, comment agit maison Rotchild. Appelez monsieur un tel. Явился какой-то господинъ. Quand le Pr Galitzin voudra bien s'adresser à vous, pour quelque fusse la somme, jusqu'à 2 millions, vous remettrez immediatement la somme au Prince et vous mettrez par mon ordre.

О! о! вексель на неограниченный кредитъ, и вы изъ Петербурга! Вы увидите, князь, какъ поступаетъ домъ Ротшильда. Позовите такого то. Когда князь Голицынъ пожелаетъ обратиться къ вамъ для какой бы то суммы ни было, до двухъ милліоновъ, вы немедленно выплатите ему эту сумму и напишите по моему приказанію.

— C'est trop d'honneur, M.le Baron, возразилъ я; la somme indiquée par vous est beaucoup trop forte; je n'ai besoin dans le moment que de deux mille francs.

Слишкомъ много чести, баронъ; сумма вами указанная слишкомъ велика, мнѣ въ эту минуту нужно всего двѣ тысячи франковъ.

Онъ снова лукаво взглянулъ на меня и принужденно поклонившись отвѣчалъ: Je maintiens mon ordre, mon Prince.

Я стоекъ въ моемъ приказаніи, князь.

Увидивши, что всѣ находящіяся въ залѣ лица обратили на меня вниманіе и обступили меня, Ротшильдъ, по неизвѣстнымъ для меня причинамъ, вдругъ сѣлъ, сложилъ руки на колѣни и нахально-насмѣшливо спросилъ меня: Vous voulez donc nous faire la guerre? Voyons, comment nous la ferez vous.

И такъ вы хотите вести съ нами войну? Ну ка, какъ вы ее поведете?

Этотъ вопросъ былъ такъ неумѣстенъ, такъ странно сдѣланъ; онъ былъ такъ похожъ на вызовъ, для удовлетворенія любопытства присутствующей публики, что, видя наконецъ насмѣшливыя лица слушавшихъ Французовъ сгрупировавшихся около меня, я рѣшился поднять перчатку, брошенную мнѣ Ротшильдомъ. Я хладнокровно подошелъ къ стулу, взялъ его, поставилъ противъ пюпитра, сѣлъ, нарочно посмотрѣлъ внимательно какая нога у него на какой ногѣ, сдѣлалъ также и, скрестивши руки на колѣни какъ и онъ, отвѣчалъ ему: Pardon, M. le Baron, de m'offrir une siège quand vous ne me l'offrez pas; maintenant je suis mieux placé pour pouvoir repondre à votre question. Que me faisiez vous l'honneur de me dire?

Простите, баронъ, что я самъ себѣ далъ сидѣнье, котораго вы мнѣ не предлагаете: въ этомъ положеніи мнѣ гораздо удобнѣе теперь отвѣчать на вашъ вопросъ. Вы сдѣлали мнѣ честь спросить что-то у меня?

— Que vous voulez nous faire la guerre; voyons, comment nous la ferez vous sans papa-Rotchild.

Что вы хотите начать съ нами войну; ну скажите, какъ вы ее предпримите безъ батюшки-Ротшильда?

—Mais comme nous l'avons fait en 1812, M. le Baron.

Какъ мы ее вели въ 1812 году, баронъ.

—Oui, mais vous aviez alors l'Angleterre qui vous donnait des subsides, et maintenant je ne crois pas qu'elle y consente, отвѣчалъ онъ мнѣ.

Да, но у васъ тогда была Англія, которая вамъ давала деньги въ помощь, а нынѣ я не думаю, чтобы она на это согласилась.

—M. le Baron, n'étant pas versé dans la grave question de finances, je ne saurais la debattre avec vous, mais tout ce que je puis vous repondre, c'est que s'il le faut nous nous suffirons de nouveau à nous même comme alors.

Баронъ, не будучи опытенъ въ важныхъ финансовыхъ вопросахъ, я не чувствую себя въ силахъ обсуждать ихъ съ вами; все что я могу сказать это то, что если будетъ нужно, мы сами сумѣемъ управиться, какъ и тогда.

— Comment cela?

Какъ такъ?

—Mais comme en 1812: chacun de nous, toute la Russie, apportera son dernier sou, le denier de la veuve y passera, et nous tiendrons tête autant que nous pourrons.

Какъ въ 1812 году, всякой изъ насъ, вся Россія принесетъ свой послѣдній грошъ, послѣдняя лепта вдовицы будетъ дана, и мы будемъ держаться сколько можемъ.

— Mais tout cela est très bien; mais comment vous payerez vous? сказалъ онъ.

Все это очень хорошо; но какъ вы себя уплотите?

— Avant de vous repondre, M. le Baron, je vous dirais comment la chose s'est passée alors. Vous savez que pendant cette mémorable campagne la plupart des nobles comme le reste des classes fut à peu près complètement ruiné; la perte de Moscou que vous avez brulé....

Прежде чемъ вамъ отвѣчать, баронъ, я долженъ вамъ разсказать, какъ дѣло это совершилось тогда. Вы знаете, что въ эту достопамятную войну, большая часть дворянства, такъ же какъ и остальные классы, были окончательно разорены; потеря Москвы, которую вы сожгли.....

— Ce n'est pas nous: c'est vous qui l'avez brulé, перебилъ онъ.

Это не мы, а вы ее сожгли.

— Merci, M. le Baron; c'est vous qui l'avez dit; je n'ai pas voulu me vanter. Et bien, après que nous avons brulé Moscou, beaucoup de monde fut sur le pavé. Cet état de choses durait jusqu'à 1815, quand L'Empereur Alexandre revint de Paris que ni vous, ni nous n'avons brulé (remarquez bien cela, Baron) pour subvenir autant que possible aux besoins des indigents, il fit circuler dans les arrondissements plusieurs registres pour qu'on y puisse inscrire en vue des secours les demandes au gouvernement, en revanche des pertes essayées; et bien, mr le Baron, cette feuille revint vierge à l'Empereur après deux ans d'invocations infructueuses: voilà comment nous nous payons, M. le Baron.

Благодарю васъ, баронъ, это ваши слова, а не мои, я не хотѣлъ хвастаться. И такъ послѣ того что мы сожгли Москву, много народу осталось въ нищенствѣ. Это безотрадное положеніе продолжалось до 1815 года. Когда Государь Александръ I вернулся изъ Парижа, котораго ни вы, ни мы не жгли, (замѣтьте это, баронъ) чтобы помочь чѣмъ нибудь несчастнымъ, Государь приказалъ разослать по губерніямъ листы, на которыхъ каждый могъ записаться для полученія помощи отъ правительства въ замѣнъ потеряннаго; эти листы два года гуляли по Россіи и вернулись безъ подписей. Г. баронъ, вотъ какъ мы себя уплачиваемъ.

Не могу вамъ передать, какой эфектъ произвели мои слова; браво! раздалось кругомъ меня. Зеебахъ, не смотря на свое дипломатическое положеніе, бросился ко мнѣ и, пожимая мнѣ руку, сказалъ: Merci, merci, mon cher Prince, au nom de la noblesse Russe dont vous étes le noble representant; ce n'est pas parceque je suis marié à une Russe, que je le fais, mais parceque j'aime votre pays, vous tous, comme si j'étais Russe.

Благодарю, благодарю, любезный князь, отъ имени Русскаго дворянства, котораго вы благороднѣйшій представитель. Это я говорю не отъ того, что женатъ на Русской, но я люблю ваше отечество, васъ, всѣхъ, какъ будто я самъ Русскій.

— Vraiment, отвѣчалъ ему съ усмѣшкою сконфуженный Ротшильдъ: voilà des sentiments qui devront beaucoup plaire à votre gouvernement.

Право, вотъ чувство, которое вѣроятно очень понравится вашему правительству.

Зеебахъ увидѣлъ, что онъ увлекся и отвѣчалъ: Je puis aimer la Russie, mais ne jamais oublier les intérêts de mon pays.

Я могу любить Россію, не забывая интересовъ моего отечества.

— De quel pays veut donc parler monsieur? сказалъ дерзко и нахально Ротшильдъ.

Про какое государство говорите вы?

— Je suis Saxon, mr le Baron, je m'en honore et je m'en flatte.

Я Саксонецъ, баронъ, и этимъ горжусь.

— La Saxe, qu'est ce que c'est cela? отвѣчалъ Ротшильдъ съ сильнымъ презрительнымъ тономъ.

— Саксонія, это что такое?

Разговоръ могъ принять весьма серьезное направленіе, и я поспѣшилъ встать и раскланяться надменному банкиру и уходя сказалъ сконфуженному Зеебаху: Vous venez, n'est ce pas? Vous savez que j'ai affaire chez votre femme.

Вы, надѣюсь, пойдете: вы знаете, что у меня дѣло до вашей жены.

*

Въ Парижѣ я видѣлъ поѣздъ Императора въ Сенатъ для объявленія войны и былъ свидѣтелемъ холоднаго привѣта народа на улицахъ, вопреки разсказамъ журналовъ, увѣрявшихъ, что клики радости раздавались во всю дорогу. Возвратившись въ Брюссель, я засталъ тамъ Киселева недавно пріѣхавшаго. Я остановился съ нимъ въ одномъ

отелѣ (Hôtel de Bellevue) и, бывши съ нимъ друженъ съ самаго дѣтства, каждый день, чтобы не сказать каждый часъ, говорилъ объ политическихъ произшествіяхъ, занимавшихъ всѣ умы. Киселевъ спросилъ меня что объ немъ говорятъ въ Петербургѣ. Я признался ему чистосердечно, что его упрекаютъ въ неумѣніи замять начинавшееся разногласіе между двумя Дворами и въ недостаточной проницательности характера Наполеона.—Ну слушай же, отвѣчалъ мнѣ на это Киселевъ. Это въ порядкѣ вещей. Тамъ сдѣлали ошибку, сознаться въ ней не хотятъ, жертва нужна, и жертвой выбранъ я. Теперь политическая моя жизнь кончилась, терять нечего. Я знаю, что ты любимъ и уважаемъ въ обществѣ. Я тебѣ разскажу все какъ было; пусть въ вашемъ мнѣніи я не буду слыть за такого дурака, какъ они вѣроятно хотятъ меня представить. Ну слушай.

Уже послѣ Саторинскаго смотра и Дижонской рѣчи, я писалъ къ графу Нессельроду, прося у него инструкціи, какъ мнѣ поступить въ случаѣ провозглашенія Имперіи, которая быстрыми шагами выдвигалась впередъ. Мнѣ отвѣчали, что это случится не такъ еще скоро, что многія обстоятельства могутъ еще помѣшать этому дѣлу, что время еще терпитъ, и что всегда успѣютъ въ пору меня увѣдомить, какъ тогда поступить; однимъ словомъ, разный вздоръ, въ которомъ однако была видна враждебность, соединенная съ нерѣшительностью. Наконецъ президентъ былъ провозглашенъ Императоромъ. Всѣ Дворы наперерывъ спѣшили признать его; я одинъ не получалъ ни слова. Въ этихъ случаяхъ подагра якорь спасенія. Я надѣлъ бархатные сапоги и намѣренно велѣлъ разглашать объ моей болѣзни. Такъ прошло нѣсколько дней; вдругъ получаю отъ гофмаршала Двора графа Баччіоки приглашеніе на балъ въ Тюльери. Это меня крайне удивило, я терялся въ предположеніяхъ на счетъ этого зова и, зная, что новый императоръ ничего не дѣлаетъ не обдумавши всякаго шага, рѣшился ѣхать. Я бросилъ мои бархатные сапоги, съ ними мою подагру и отправился во дворецъ. Всѣ дипломаты были уже тамъ, когда я пріѣхалъ; всѣ глядѣли на меня съ любопытствомъ, зная, что я не акредитованъ; положеніе мое было весьма затруднительно. Черезъ нѣкоторое время huissier провозгласилъ L'Empereur, и всѣ эти подлецы, наканунѣ еще республиканцы, всѣ замерли отъ подобострастія, когда Императоръ сталъ подходить къ дипломатическому корпусу. Я, какъ не акредитованный и чтобы еще болѣе обратить его вниманіе, вышелъ изъ среды моихъ собратій и сталъ къ сторонкѣ. Поговоря съ каждымъ изъ дипломатовъ, онъ какъ будто нечаянно наткнулся на меня и сказалъ мнѣ: Bonjour, mr de Kisseleff, comment va votre goutte?

Здравствуйте, г. Киселевъ, какъ ваша подагра?

— Je l'ai fait taire, sire, pour avoir le bonheur de présenter mes hommages à Votre Majesté.

Я ее заставилъ замолчать, дабы имѣть счастіе засвидѣтельствовать мое нижайшее почтеніе Вашему Величеству.

— Je crois que de nous tous vous n'étes pas le moins etonné, m. Kisseleff, de vous voir à ce bal, mais j'ai à vous parler; rendez vous vers l'embrasure de cette fenêtre; dans quelque temps je viendrai y vous trouver.

Я думаю, что изъ насъ всѣхъ вы всего болѣе удивлены, г. Киселевъ, быть на этомъ балѣ, но мнѣ нужно съ вами переговорить; отойдите въ углубленіе этого окна; черезъ нѣкоторое время я подойду къ вамъ.

Я отправился по указанію Наполеона, въ весьма неспокойномъ расположеніи духа и стараясь приготовить весьма затруднительные отвѣты. Императоръ не заставилъ себя долго ждать. Je vous ai fait engager, monsieur, началъ онъ, pour ne pas vous prier de venir chez moi: votre visite aurait pu être interprété de toutes les façons, non par mes journaux, car j'y aurais mis ordre, mais par les journaux anglais et autres; ainsi c'est ici que je vous parlerai franchement. Voyons, mr Kisseleff, je ne suis pas reconnu par votre

gouvernement, au moment où toutes les autres Cours s'empressent de le faire. Voyons, je ne le suis pas?

Я васъ пригласилъ на балъ, милостивый государь, чтобы не приглашать васъ пожаловать ко мнѣ: ваше посѣщеніе могло быть перетолковано на разные лады, не моими журналами, я бы сумѣлъ съ ними принять мѣры, но журналами Англійскими и другими; здѣсь я хочу съ вами переговорить откровенно. Скажите мнѣ, г. Киселевъ, я не признанъ вашимъ правительствомъ въ то время, какъ остальные Дворы наперерывъ спѣшатъ это исполнить. Скажите откровенно, я еще не признанъ?

— Sire, je n'ai encore reçu aucune instruction.

Ваше Величество, я еще не получалъ никакихъ инструкцій.

— Repondez moi en gentilhomme et non en diplomate. Vous n'avez encore rien reçu?

Отвѣчайте мнѣ какъ благородный человѣкъ, а не какъ дипломатъ: вы еще ничего не получали?

— Rien, sire, je vous le jure sur l'honneur.

Ничего еще, Ваше Величество; клянусь Вамъ честью.

— Eh bien, j'aime mieux cela, j'aime mieux un silence complet, que des transiversations offensantes pour ma dignité. Je vous parlerai franchement, je suis Empereur par la grace de Dieu, du peuple et beaucoup par ma volonté; je le suis donc, monsieur, parceque je suis ambitieux et je le suis très fort; maintenant, en montant sur le trone, j'ai du involontairement me faire un plan de conduite, me prendre une règne quelconque comme base et m'y conformer. Le plus naturel aurait été de rester fidèle aux vues de mon oncle, mais non seulement que les temps sons changés, ce règne renferme trop de fautes, suite inévitable du système. Savez vous qui j'ai pris pous héros? Votre Empereur. Oui, monsieur, voilà un souverain, qui est le type d'un Empereur de nos jours: digne, fort, loyal arbitre par la force morale des destinées de l'Europe. Voilà celui que je tacherai d'imiter. Je vous dirai plus: de tout temps j'avais un sentiment d'admiration et d'affection, ou plutôt une irresistible attraction vers le souverain qui maintenant répugne de prendre ma main roturière que je lui offre non seulement comme frère, mais comme au héros que je prends pour modèle. Vous voyez, je ne vous parle pas comme Empereur, je vous dévoile mes sentiments d'homme, ce n'est pour vous que je le fais, m. Kisseleff, je tiens à jouer carte sur table avec votre souverain. Je suis assailli par l'Angleterre d' offres d'alliance, elle a besoin de moi, mais une alliance avec l'Angleterre me répugue. Si je dois le contracter, je verrai partout l'ombre de mon oncle me la reprocher, et personne ne pourra m'y forcer que votre souverain. Je lui offre loyalement, sincérement une alliance de coeur et de politique; le monde est à nous alors; l'Angleterre aura existé. Mais il faut que cette alliance soit à la vie et à la mort, qu'il me tende la main en frère, et alors la face du monde peut changer. Mais si je ne la trouve pas en lui, alors, comme il m'en faut une, je me jetterai dans les bras de l'Angleterre le coeur serré, mais c'est lui qui l'aura voulu. Redites bien mes paroles, m. Kisseleff, qu'on en pese bien la portée et quand vous aurez une reponse bonne à me donner, présentez vous chez moi même au milieu de la nuit: vous serez reçu avec joie. Maintenant separons nous, vous voyez que nous sommes déjà le point de mire de tous les regards. L'ambassadeur d'Angleterre croit se douter de notre conversation, car il nous devore des yeux. Adieu ou plutôt j'espère encore au revoir et bientôt.

Я лучше люблю полное молчаніе, чѣмъ обидное для моего достоинства колебаніе. Я вамъ буду говорить откровенно: я Императоръ по волѣ Бога, народа, но и по моей волѣ. Я Императоръ, потому что я честолюбивъ, и очень честлюбивъ; нынѣ, вступивъ на престолъ, я долженъ былъ выбрать какое либо царствованіе въ образецъ, и дѣйствоватъ согласно съ этимъ даннымъ. Всего свойственнѣе было бы мнѣ соображаться съ взглядами моего дяди, но не только времена уже не тѣ, царствованіе это заключаетъ въ себѣ такую гибель ошибокъ, неминуемое слѣдствіе системы. Знаете ли вы, кого я избралъ себѣ героемъ? Вашего Государя; да, г. Киселевъ: вотъ это типъ Государя Императора нашихъ временъ. Честный, сильный, благородный властитель по нравственной силѣ судебъ Европы; вотъ кого я выбралъ образцомъ и которому желаю подражать; скажу вамъ, что и прежде я всегда находился подъ вліяніемъ восхищенія и сочувствія неопреодолимаго, даже влеченія къ монарху, который нынѣ съ отвращеніемъ отталкиваетъ мою плебейскую руку и которому я ее предлагаю не только какъ брату, но

какъ герою взятому мною за образецъ [1]).—Вы видите, я съ вами говорю не какъ Императоръ, но раскрываю мои личныя чувства; это я дѣлаю не для васъ, г. Киселевъ, а для того чтобы откровенно передать мои мысли и чувства вашему Государю. Я заваленъ предложеніями Англіи объ союзѣ, онъ ей нуженъ, но союзъ съ Англіею мнѣ отвратителенъ; если мнѣ придется его заключить, я увижу повсюду упрекающую тѣнь моего дяди, и никто меня къ этому не можетъ вынудить какъ вашъ Государь. Я ему предлагаю честно и откровенно союзъ сердца и политики, миръ тогда нашъ. Англіи не будетъ; но для этого мнѣ нужно, чтобъ этотъ союзъ былъ на жизнь и смерть; я желаю, чтобы онъ по братски протянулъ мнѣ руку, и тогда судьбы вселенной могутъ быть иныя; но если я не найду союза съ нимъ, а мнѣ необходимъ союзъ, я кинусь въ объятія Англіи, съ стѣсненнымъ сердцемъ, но по его винѣ. Передайте хорошенько мои слова, г. Киселевъ, пусть серьезно взвѣсятъ ихъ значеніе, и когда вы получите отвѣтъ удовлетворительный, явитесь ко мнѣ, даже ночью, вы будете мною приняты съ радостью. Теперь растанемтесь; вы видите, что мы обращаемъ на себя всеобщее вниманіе. Англійскій посланникъ думаетъ предугадать нашъ разговоръ и поглощаетъ насъ глазами; прощайте или лучше сказать надѣюсь до скораго свиданія.

Ошеломленный этими замѣчательными, и въ эту минуту быть можетъ искренними словами, я поспѣшилъ домой, дабы немедленно послать курьера съ подробнымъ донесеніемъ, и нашелъ у себя только что пріѣхавшаго Балабина съ депешами. Съ трепещущимъ сердцемъ открылъ я ихъ; въ нихъ было предписаніе немедленно ѣхать къ министру иностранныхъ дѣлъ Друенъ де Люи, и объявить ему, что государь Николай признаетъ Лудовика Наполеона Императоромъ, Наполеона II, а не III, и въ добавокъ присовокупляетъ, что не рѣшается писать ему какъ новому брату (mon frère) по той причинѣ, что Наполеонъ, вступая тольковъ эту священную семью, не обнаружилъ еще своей политики, и нашъ Государь, какъ старѣйшій и могущественнѣйшій въ родѣ, нѣкоторое время будетъ ему писать mon cher ami (любезный другъ). Послѣ моего разговора съ Наполеономъ, я не рѣшился исполнить это предписаніе. Прописавши всю ночь, я отправилъ Балабина обратно въ Петербургъ, чтобы онъ могъ лично объяснить графу Нессельроду всю важность настоящей минуты. Съ лихорадочнымъ трепетомъ ждалъ я отвѣта; онъ послѣ долгихъ дней явился слѣдующій: Государь Императоръ весьма недоволенъ вашими дѣйствіями и предписываетъ вамъ немедленно отправиться къ Друенъ де Люи и объявить ему содержаніе депеши, полученной вами такого-то числа. Я это получилъ вечеромъ и немедленно отправился въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Видно, мое лицо выражало мои чувства; при входѣ моемъ министръ сказалъ мнѣ: Mauvaises nouvelles, m. Kisseleff.

Дурныя вѣсти, г. Киселевъ.

Я передалъ ему содержаніе депеши. C'est malheureux, отвѣчалъ онъ, nous ne pouvons pas vous en vouloir à vous personnellement; c'est une obstination de votre gouvernement d'autant plus malheureuse qu'elle peut lui être fatale. Je vais chez l'Empereur sur le champ.

Это очень грустно; мы за это не можемъ пенять на васъ лично, но это упрямство вашего правительства тѣмъ печальнѣе, что можетъ быть для него роковымъ. Сейчасъ отправляюсь къ Императору.

Дальнѣйшія произшествія открыли намъ глаза; но было поздно: союзъ съ Англіею былъ заключенъ на нашу погибель [1]).

II.

Вотъ что я слышалъ отъ графа Арсенія Андреевича Закревскаго, 12 Ноября 1861 года. Онъ уже не былъ тогда

---

[1]) Третій Наполеонъ, какъ и первый, желалъ поступить въ Русскую службу. Существуетъ о томъ письмо его матери Гортензіи къ княгинѣ Екатеринѣ Ивановнѣ Мещерской, сестрѣ военнаго министра князя Чернышева. Николай Павловичъ читалъ это письмо, но не выразилъ желанія имѣть въ Русской службѣ революціоннаго агитатора. *П. Б.*

[1]) Читатели сличатъ нынѣ столь оправданный событіями отзывъ покойнаго Государя о Людовикѣ Наполеонѣ въ Русскомъ Архивѣ 1870, стр. 1256 и 1947. *П. Б.*

генераль-губернаторомъ въ Москвѣ, а жилъ частнымъ человѣкомъ въ собственномъ домѣ, въ Леонтьевскомъ переулкѣ, въ домѣ бывшаго Николая Аполлоновича Волкова. Я привезъ ему однажды прочесть письмо Погодина къ бывшему Министру Народнаго Просвѣщенія Головнину. Послѣ чтенія зашелъ разговоръ объ прежней его службѣ и объ характерѣ покойнаго Государя Александра Павловича, и какъ-то рѣчь коснулась Сперанскаго, и по этому случаю графъ разсказалъ мнѣ слѣдующее. Это было въ 1821 году. Жилъ я въ Царскосельскомъ дворцѣ, гдѣ въ то время также жили Алексѣй Петровичъ Ермоловъ и Каподистрія и, по возвращеніи изъ Сибири, Сперанскій. До пріѣзда его, мы трое имѣли обыкновеніе, передъ вечернимъ чаемъ, гулять по парку и почти каждый день встрѣчали Императора, который милостиво удостоивалъ каждаго изъ насъ словомъ. По возвращеніи Сперанскаго, онъ, прежде гордый и надменный, сталъ сильно заискивать въ людяхъ, близкихъ къ Императору и потому прикомандировался къ намъ для вечернихъ прогулокъ. Въ то время Государь бывалъ къ нему необычайно милостивъ, и намъ казалось, что прежнія ихъ отношенія могутъ снова возобновиться. Въ одинъ изъ вечеровъ, мы отправились въ паркъ прогуливаться, и съ нами пошелъ Сперанскій. Подходя уже къ нашему дому, мы встрѣтили Государя, который, поклонившись намъ очень милостиво, поговорилъ съ каждымъ изъ насъ нѣсколько секундъ. По возвращеніи ко мнѣ, мы только что успѣли сѣсть около большаго чайнаго стола, какъ вошла къ намъ фрейлина Саблукова, впослѣдствіи княгиня Мадатова. Она въ то время не скрывала, что ей очень нравится Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, почти каждый вечеръ навѣщала насъ, и потому появленіе ея нисколько насъ не удивило; однако она обратила наше вниманіе своимъ встревоженнымъ и озабоченнымъ видомъ и, послѣ обычныхъ поклоновъ, сказала мнѣ: „Арсеній Андреевичъ, мнѣ нужно съ вами поговорить на единѣ“. Мы пошли. „Что къ вашимъ услугамъ?“ — „Вы сейчасъ встрѣтили Государя?“—„Да“—„Онъ вамъ ничего не говорилъ лично?“—„Сказалъ нѣсколько словъ.“—„Я сейчасъ шедши къ вамъ встрѣтилась съ Государемъ, который меня спросилъ, куда я иду и когда узналъ, что къ вамъ, то сказалъ мнѣ: „Скажите отъ меня Закревскому, что я „не желалъ бы, чтобъ онъ и друзья его „гуляли съ Сперанскимъ, даже чтобъ они „очень сходились. Я сейчасъ объ этомъ „говорилъ съ Императрицей“. Съ этихъ поръ мы сами перестали гулять и старались менѣе видѣться съ Сперанскимъ.

Однажды Государь, разговаривая съ графомъ Закревскимъ, сказалъ ему: „Сперанскій никогда не былъ измѣнникомъ „отечества, но вина его относилась лично ко мнѣ“.

Заявленіе Издателей Полярной Звѣзды.

Издатели Полярной Звѣзды просятъ всѣхъ собирателей такъ-называемыхъ новостей литературы, образцовыхъ сочиненій и прочихъ словесныхъ мозаиковъ, пощадить ихъ изданіе и не перепечатывать изъ онаго самовольно ни прозы, ни стиховъ. Въ противномъ случаѣ, если кто либо вздумаетъ впредь воспользоваться Варварійскимъ правомъ корсаровъ, то мы взамѣнъ не упустимъ употребить Европейское право эмбарго.

Побудительною причиною къ сему объявленію есть уваженіе къ Публикѣ, которой неприлично надоѣдать пьесами, нѣсколько разъ перепечатанными.

Александръ Бестужевъ.
Кондратій Рылѣевъ.

(Съ подлинника, писаннаго рукою Рылѣева)

КНИЖНЫЯ ЗАГРАНИЧНЫЯ ВѢСТИ.

Правительство Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки обладаетъ наилучшими статистическими описаніями своей территоріи. Описанія эти составлены спеціалистами и могутъ служить, во всѣхъ отношеніяхъ, точнымъ и надежнымъ руководствомъ какъ для правительства, такъ и для частныхъ лицъ, желающихъ имѣть вѣрныя свѣдѣнія о каждой мѣстности, о ея населеніи, естественныхъ свойствахъ и принадлежностяхъ. Послѣднее описаніе сего рода, только что изданное въ Бостонѣ, относится къ новой территоріи пріобрѣтенной отъ Россіи и составлено *Даллемъ*, директоромъ ученаго корпуса телеграфной экспедиціи (Alaska and its Resources. By Will. Dall, Director of the scientific Corps of the late Western-Union-Telegraph-Expedition. Boston, 1870.) Первая часть этой книги—этнографическая и содержитъ въ себѣ описаніе нравовъ, быта и промысловъ туземнаго населенія. Говорятъ, что это описаніе составлено весьма добросовѣстно и очень занимательно изложено. Сравнивая туземное племя, которое называетъ Иннуитами или Эскимосами, авторъ отдаетъ имъ въ нравственномъ отношеніи рѣшительное предпочтеніе передъ краснокожими. Съ особливою подробностью изслѣдованы звѣриные и мѣховые промыслы края.

*

По случаю предпринятаго Американскою Компаніею проведенія телеграфической линіи черезъ Русскія сѣвероамериканскія владѣнія и Беринговъ проливъ до устьевъ Амура, посланы были въ Камчатку четыре агента съ техниками. Они прибыли въ Петропавловской портъ въ Августѣ 1865 г. и въ ожиданіи пока двинется предпринятое дѣло (которое, какъ извѣстно, не состоялось) совершили путешествіе по дикимъ и малоизвѣстнымъ мѣстамъ, проѣхавъ со всевозможными приключеніями и опасностями до 6000 миль въ теченіи 20 мѣсяцевъ. Они изъѣздили весь Камчатскій полуостровъ, прибрежный край Охотскаго моря и, добравшись черезъ снѣжныя пустыни до Анадырскаго залива, направились оттуда черезъ всю Сибирь, въ Москву. Одинъ изъ участниковъ этого путешествія *Джорджъ Кеннанъ*, издалъ его описаніе, наполненное множествомъ интересныхъ и новыхъ для Англійской публики подробностей о природѣ края и о племенахъ его населяющихъ. Книга называется такъ: *Походная жизнь путешественника въ Сибири и приключенія у Коряковъ и прочихъ племенъ въ Камчаткѣ и Сѣверной Азіи.* (Tent-Life in Siberia, and Adventures among the Koraks and other Tribes in Kamtchatka and Northern Asia. By George Kennan. London, 1870. Low and C°).

*

Русскіе въ Средней Азіи, соч. Гелльвальда (Die Russen in Centralasien. Eine geographisch-historische Studie, mit einer Uebersichtskarte v. Friedrich v. Hellwald, Mitglied der Geographischen Gesellschaften zu Wien, Mexico, Paris, Genf u. s. w. Wien, 1869.) Это сочиненіе извѣстнаго въ георафической наукѣ автора посвящено описанію Средней Азіи и въ особенности вновь пріобрѣтенныхъ Русскихъ владѣній. Авторъ близко знакомъ съ обширною литературою своего предмета, но географическая часть его труда основана преимущественно на изслѣдованіи Русскихъ путешественниковъ, Ханыкова, Семенова, Венюкова, Сѣверцова; описаніе края отличается полнотою и подробностью, равно какъ и разсказъ о Русскихъ военныхъ дѣйствіяхъ въ Туркестанѣ. Англійскіе критики упрекаютъ Гельвальда въ излишнемъ довѣріи къ Русской политикѣ и въ предубѣжденіи противъ Англійской.

*

Въ 1870 г. Диксонъ издалъ книгу *Свободная Россія* (Free Russia by W. Hepworth Dixon. London. 1870. Hurst and Blackel), нынѣ напечатанную уже третьимъ изданіемъ. Содержаніе и характеръ книги довольно извѣстны Русскимъ читателемъ изъ статей объ ней, появившихся въ Русскихъ журналахъ и изъ полемики, возникшей по поводу этой книги между авторомъ и проф. Капустинымъ[1]). Впрочемъ вотъ полное ея оглавленіе. На сѣверѣ. Замерзлое море. Двина. Архангельскъ. Религіозная жизнь. Богомольцы. Отецъ Іоаннъ. Владыка. Судно съ богомольцами. Святые острова. Мѣстные святые. Монастырское хозяйство. День богомольца. Молитва и трудъ. Черное духовенство. Чудеса. Великое чудо. Монастырское привидѣніе. Исторія о великомъ князѣ. Тюрьмы. Николай Ильинъ. Адріанъ Пушкинъ. Расколъ. Новыя секты. Народная церковь. Старовѣрцы. Преображенское кладбище. Рогожская. Политика раскола. Примиреніе. Дороги. Крестьянинъ-поэтъ. Лѣсныя картины. Патріархальный бытъ. Сельскія республики. Коммунизмъ. Города. Кіевъ. Всеславянство. Ссылка. Сибиряки. Св. Георгій. Великій Новгородъ. — Крѣпостное право. Татарскій дворъ. Св. Филиппъ. Крѣпостные. Освобожденіе. Свобода. Цехъ и артель. Господа и люди. Библія. Приходское духовенство. Консервативная революція. Тайная Полиція. Губернскіе правители. Гласные суды. Исламъ. Волга. Восточная степь. Донскіе Козаки. Подъ ружьемъ. Александръ.

Еще прошлою весною объявлено было изданіе Русскаго перевода книги Диксона, но еще не появлялось въ печати.

*

[1]) По лично сообщенному намъ отзыву секретаря Американскаго въ Россіи посольства Е. Е. Скайлера, М. Н. Капустинъ не только не принималъ никакого участія въ составѣ книги Диксона, но, поправляя въ корректурахъ по его просьбѣ ошибки въ написаніи именъ собственныхъ, предостерегалъ автора отъ сообщенія публикѣ небылицъ. *П. Б.*

Гербертъ Барри, бывшій главноуправляющій Выксинскими заводами Баташевыхъ, издалъ книгу о горнозаводскомъ дѣлѣ въ Россіи (Russian Metallurgical Works, Iron, Copper and Gold, concisely described by Herbert Barry. London. Effingham Wilson. 1870). Сочиненіе это содержитъ въ себѣ краткую исторію горнозаводскаго дѣла въ Россіи, описаніе нынѣшняго состоянія желѣзнаго и мѣднаго производствъ и золотопромышленнаго дѣла; съ особеннымъ стараніемъ изложена исторія Баташевскихъ и Демидовскихъ заводовъ и дѣятельности первыхъ основателей оныхъ; авторъ излагаетъ причины упадка и нынѣшняго жалкаго состоянія какъ этихъ, такъ и другихъ частныхъ и казенныхъ заводовъ въ Россіи и описываетъ состояніе рабочихъ, о которыхъ отзывается съ похвалою.

*

Сочиненія объ исторіи и отношеніяхъ къ Россіи Прибалтійскихъ губерній.

1. **Бинеманъ**. Изъ Балтійскаго прошлаго; шесть лекцій изъ исторіи Эстолатышскаго края (Aus baltischer Vorzeit, v. Bienemann. Leipz. 1870). Авторъ, уроженецъ Риги, бывшій слушатель Ширрена, излагаетъ, съ точки зрѣнія своего учителя, въ шести публичныхъ лекціяхъ, исторію Эстляндіи и Лифляндіи до присоединенія къ Россіи.

2. **Бокъ**. *Лифляндскіе вклады* (Livl. Beiträge). Въ вышедшихъ 2 первыхъ тетрадяхъ третьяго тома, Бокъ продолжаетъ свои полемическія изслѣдованія о Русской внутренней политикѣ, особливо по отношенію къ Балтійскому поморью. Онъ распространяется объ отношеніяхъ Русской православной церкви къ католичеству и, по своему обычаю, обличаетъ со страстью усматриваемыя имъ повсюду стремленія православной церкви къ политической и религіозной пропагандѣ. Это даетъ ему поводъ къ выходкамъ противъ Овербека и даже про-

тивъ *Януса*, который по мнѣнію автора, дѣйствуетъ въ соглашеніи и за одно съ Овербекомъ!

3. **Тотъ же Бокъ** издалъ книгу: Нѣмецко-русское столкновеніе на Балтійскомъ поморьѣ: взгляды въ будущее при свѣтѣ прошедшаго и настоящаго (Der Deutsch-russische Konflikt an der Ostsee. Zukünftiges geschaut im Bilde der Vergangenheit und der Gegenwart. Leipzig. 1869). Сочиненіе это состоитъ изъ двухъ статей. Послѣдняя содержитъ въ себѣ изслѣдованіе о Русской сельской общинѣ, критику общиннаго владѣнія и управленія по крестьянскому положенію 1861 г.; въ противоположность ему указываются общественныя и хозяйственныя улучшенія быта поселянъ въ Прибалтійскомъ краѣ, котораго не коснулась общая реформа.

4. Въ Лейпцигѣ вышла вторымъ изданіемъ извѣстная книга Гарлесса: *Историческіе очерки лютеранской церкви въ Лифляндіи съ 1845 г.* (Harless, Geschichtsbilder aus der lutherischen Kirche Livlands. Leipzig. 1869). Авторъ, занимающій важный церковный постъ въ Баваріи, горячій ревнитель лютеранства, описываетъ въ этой книгѣ, разумѣется съ своей пристрастной точки зрѣнія, борьбу лютеранства съ такъ-называемымъ фанатизмомъ православной пропаганды.

5. *Изъ прошедшаго Россіи.* Очерки изъ исторіи общественнаго развитія, соч. *Пирсона* (Dr. Will. Pierson. Aus Russland Vergangenheit. Kulturgeschichtliche Skizzen. Leipz. 1870. Dunker.) Книга эта, по всей вѣроятности, вышла изъ враждебнаго Русской національности лагеря поборниковъ Остзейскаго германизма, ибо въ концѣ ея, въ видѣ приложенія, находится статья: *Лифляндія въ лучшіе дни.* Вообще же сочиненіе Пирсона представляетъ рядъ очерковъ Русской исторіи и Русскаго быта съ начала Руси до 17 столѣтія прекрасно писанныхъ, но выражающихъ одну общую мысль—поставить Русскую національность и Русское развитіе внѣ общеевропейской цивилизаціи. Исторіей Россіи онъ хочетъ доказать, что Русскій народъ не имѣетъ права считать себя народомъ духовной культуры, подобно Германскому или Романскому племени.

6. Состояніе сельскаго населенія въ Россіи со времени отмѣны крѣпостнаго права, изд. *Эккарта* (Russland's ländliche Zustände seit Aufhebung der Leibeigenschaft. Drei russische Urtheile übersetzt und commentirt v. Julius Eckardt. Leipz. 1870). Книга эта содержитъ въ себѣ переводъ трехъ Русскихъ сочиненій: 1. Земля и воля; 2. статьи Кошелева о настоящемъ положеніи Русскихъ крестьянъ; и 3. письмà изъ деревни, помѣщеннаго въ Московск. Вѣдомостяхъ. Въ своихъ комментаріяхъ издатель относится критически къ освобожденію крестьянъ съ землей и къ его послѣдствіямъ.

7. *О финансовомъ самоуправленіи вообще и о преобразованіи Русской податной системы*, соч. Валькера (Walcker. Die Selbstverwaltung des Steuerwesens im Allgemeinen und die Russische Steuerreform. Berlin. 1869) Первая часть этой книги содержитъ въ себѣ общія начала предлагаемой авторомъ системы. Во второй части изложены начала Русской податной системы съ обстоятельнымъ ея разборомъ, по матеріаламъ и указаніямъ, содержащимся въ изданныхъ 16 томахъ „Трудовъ Русской Податной Коммиссіи“.

8. Г. Эккартъ распространяетъ свои взгляды на Россію и въ Англійской литературѣ. Одна изъ статей помѣщенныхъ въ этой книгѣ (Земля и воля) вмѣстѣ съ другими статьями того же автора собраны въ одну книгу, изданную на Англійскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ „Современная Россія“ (Modern Russia, by Dr. Julius Eckardt. Lond. 1869. Smith, Elder et C°). Первую половину книги занимаетъ большая статья: *Россія при Александрѣ II*, составленная изъ прежнихъ сочиненій автора, напечатанныхъ въ журналѣ: Preussische Jahrbücher. Далѣе слѣдуютъ статьи: Русскій Комму-

низмъ, Православная церковь съ своими сектами, и—Балтійскія провинціи, выбранныя изъ прошлогодней книги Эккарта: Baltische und Russische Culturstudien. —По имени автора можно судить, въ какомъ духѣ всѣ эти статьи писаны; здравая критика въ самой Англіи не довѣряетъ безпристрастію отзывовъ и сужденій автора, особенно по крестьянскому дѣлу, которое именно съ прошлаго года возбуждаетъ особливый интересъ въ Англіи, по поводу горячаго вопроса объ устройствѣ поземельныхъ отношеній въ Ирландіи. Литература спѣшитъ, сколько можно, удовлетворить возбужденный интересъ. Въ началѣ нынѣшняго года Кобденовскій клубъ издалъ собраніе статей разныхъ авторовъ, пользующихся извѣстностью, подъ общимъ заглавіемъ: Системы земельнаго владѣнія въ разныхъ странахъ (Systems of Land-Tenure in various Countries. Essays published under the Sanction of the Cobden. Club. Lond. Macmillan.) Здѣсь помѣщена между прочимъ серіозная, безпристрастная и обстоятельная статья доктора Юлія Фошера о поземельномъ устройствѣ крестьянъ въ Россіи по случаю освобожденія (On Russian Agrareanlegislation of 1861, by Dr. Julius Faucher). Авторъ—родомъ Прусакъ сочувственно относится къ закону 1861 года и съ похвалами говоритъ объ общихъ положеніяхъ крестьянской реформы, но подвергаетъ критическому разбору организацію сельской общины въ Россіи.

*

Переписка Вил. Уикгема, начиная съ 1794. (The Correspondence of the Right Honorable William Wickham from the year 1794, edited, with notes, by his Grondson, W. Wickham. 2 v. bl. London 1870. Bentley). Уикгемъ, извѣстный Англійскій дипломатъ, посланъ былъ въ 1794 г. Британскимъ правительствомъ въ Швейцарію, съ секретнымъ политическимъ порученіемъ, коего подлинная цѣль донынѣ остается въ неизвѣстности за истребленіемъ всѣхъ оффціальныхъ бумагъ по этому дѣлу. Проживая въ Швейцаріи, въ качествѣ Британскаго уполномоченнаго министра, онъ вступилъ въ сношеніе съ Французскими роялистами, дѣйствовалъ усиленно противъ республиканскаго правительства во Франціи, возбуждалъ и поддерживалъ главныхъ вождей Вандейскаго возстанія и т. под. Изданная нынѣ переписка его интересна для Русскихъ читателей разсказами о знаменитомъ Суворовѣ, съ которымъ Уикгемъ имѣлъ довольно частыя сношенія во время Итальянской кампаніи. Иностранца конечно всего болѣе поражали въ Суворовѣ его странности; въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ такъ описываетъ обѣдъ у Суворова. „Сегодня я обѣдалъ у Фельдмаршала въ 8 часовъ утра; хотя я и слыхалъ прежде объ его странностяхъ, но поведеніе его въ это утро такъ меня поразило, что я конечно принялъ бы его за сумашедшаго человѣка совсѣмъ безъ разсудка, когда бъ не зналъ по личному опыту, какой умъ у этаго человѣка. Колѣна у него совсѣмъ были согнуты, точно у дряхлаго старика,—а я еще наканунѣ вечеромъ былъ свидѣтелемъ его подвижной дѣятельности. Онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ точно идіотъ, повѣсивъ голову, спустивъ руки, обращался ко всякому и говорилъ сущій вздоръ, выбрасывая по временамъ ѣдкія слова и острыя замѣчанія, особливо объ Австріи и объ Вѣнскомъ кабинетѣ. Обѣдъ, вся сервировка и особливо прислуга — все было до такой степени грязно и отвратительно, что генералъ Еллашичь, самъ Кроатъ, не могъ себя принудить съѣсть что нибудь, чѣмъ Фельдмаршалъ повидимому былъ весьма недоволенъ. Обѣдъ продолжался цѣлыхъ три часа; тотчасъ послѣ обѣда онъ ушелъ спать, легъ въ постель и не вставалъ до четырехъ часовъ, а до пяти никого не пускалъ къ себѣ. И такимъ-то образомъ каждый день пропадаетъ у него самое лучшее время."—Письмо содержитъ въ себѣ довольно подробностей о бывшихъ при Суворовѣ пле-

мянникахъ его, двухъ князьяхъ Горчаковыхъ. По словамъ Уикгема, оба они, особливо старшій [1]), до того завладѣли Суворовымъ, что мимо ихъ никто не можетъ его видѣть, и всѣ объясненія происходятъ въ ихъ присутствіи. Самъ Уикгемъ два раза безъ успѣха пытался добиться аудіенціи у Суворова, чтобы передать ему важное порученіе отъ своего правительства; наконецъ, не вытерпѣвъ, написалъ къ нему письмо и отдалъ кн. Горчакову для передачи, предупредивъ, что письмо это требуетъ соблюденія самой строгой тайны. Но черезъ нѣсколько минутъ увидѣлъ онъ случайно, какъ Горчаковъ въ другой комнатѣ самъ распечаталъ это письмо, сталъ читать его и разсказывать его содержаніе бывшимъ тутъ Русскимъ офицерамъ.

*

Дипломатическій Кодексъ Тавро-лигурской Колоніи подъ управленіемъ Банка святаго Георгія съ 1453 по 1475 годъ (Codice diplomatico delle colonie Tauro-liguri durante la signoria dell'Ufficio di S. Giorgio, ordinato ed illustrato dal P. Amedeo Vigna. Tom I. Fasc. 1. 1868. 2. 1869. 3. 1870. Genova).

Это изданіе представляетъ много новыхъ, любопытныхъ матеріаловъ для исторіи Генуэзскихъ поселеній въ Крыму. Матеріалы эти извлечены изъ богатаго архива Банка св. Георгія, имѣвшаго въ старинной Генуэзской республикѣ важное политическое значеніе, подобное значенію Остъ-индской Компаніи для Англійскихъ колоній. Банкъ этотъ составлялъ принадлежность громадной торговой компаніи, завѣдывавшей финансами въ Генуэзской республикѣ, ибо всѣ ея государственные доходы были въ залогѣ у Банка. Въ концѣ своего политическаго существованія, республика, не имѣя возможности удержать за собой свои иностранныя владѣнія, передала ихъ въ управленіе Компаніи Банка. Такимъ образомъ этотъ Банкъ, вслѣдъ за взятіемъ Константинополя Турками, принялъ въ неограниченное владѣніе свое всѣ Генуэзскія колоніи на Черноморскомъ берегу и управлялъ ими 22 года, до окончательнаго завоеванія ихъ Турками. Весь механизмъ этого управленія открывается изъ обнародованныхъ нынѣ документовъ. Центромъ управленія служила Кафа (Ѳеодосія), а кругъ его простирался въ одну сторону по прибрежью Азовскаго моря и Кавказскому прибрежью, а въ другую сторону по южному берегу Крыма черезъ нынѣшній Судакъ (Солдайя) до Балаклавы (Цембало). Изъ нынѣшнихъ документовъ открывается, что у самыхъ устьевъ Днѣпра существовало укрѣпленное владѣніе Генуэзскаго знатнаго рода, Сенавега. На южномъ берегу Крыма утвердился въ особенности Греческій элементъ, и нѣкоторые изъ владѣльцевъ стали мало по малу въ полную независимость отъ республики, владѣя на свое имя землями отхваченными у республики. Таково было владѣніе фамиліи Теодоро въ Инкерманѣ; изъ документовъ видно, что эта фамилія устроила для себя новую гавань въ Каламитѣ (близь Севастополя) и вела въ ней обширныя торговыя операціи въ подрывъ интересамъ республики.

*

Во Франціи изданы Воспоминанія знаменитой живописицы Вижѐ Ле-брёнъ (Souvenirs de Madame Vigée Le Brun. Paris. Charpentier. 1869. 2 vols.). Эта книга содержитъ въ себѣ разсказъ о поѣздкахъ автора ко Дворамъ разныхъ Европейскихъ государствъ.

Въ Россія она прожила нѣсколько лѣтъ, и описываетъ съ подробностями Императрицу Екатерину II (скончавшуюся во время пребыванія г-жи Лебрёнъ въ Петербургѣ) и Русскій Дворъ того времени. Къ книгѣ приложенъ подробный

[1]) Кн. Алексѣй Ивановичъ. позднѣе военный министръ.

каталогъ всѣхъ портретовъ (числомъ до 700) писанныхъ г-жею Лебрёнъ.

*

Извѣстный историкъ Ранке сообщилъ въ Извѣстіяхъ Берлинской Академіи, а потомъ издалъ особо, отъисканную имъ въ государственныхъ архивахъ гор. Гаги переписку Фридриха Великаго съ принцемъ Вильгельмомъ IV Оранскимъ и съ супругою его Анною, дочерью Англійскаго короля Георга II (Berlin. 1869. Briefwechsel Friedrich des Grossen mit dem Prinzen Wilhelm IV etc.). Письма эти обнимаютъ періодъ времени съ 1735 по 1758 годъ и составляютъ любопытный матеріалъ для исторіи Семилѣтней войны и отношеній Пруссіи къ сосѣднимъ державамъ. Принцесса Анна, имѣвъ случай получать прямымъ путемъ извѣстія отъ Русскаго Двора, извѣщала Фридриха о видахъ въ отношеніи къ нему Русской политики, предупреждая его объ опасностяхъ, которыя угрожали ему съ этой стороны и которымъ король не хотѣлъ вѣрить.

*

Жизнеописаніе покойной Императрицы Александры Ѳеодоровны, сочиненное Гриммомъ, переведено на Англійскій языкъ леди Уеллесъ и издано въ 2 томахъ въ Эдинбургѣ (Alexandra Feodorovna, Empress of Russia. By Th. von Grimm. Translated by Lady Wallace. Edinburgh. 1870).

*

Изданное въ Лейпцигѣ сочиненіе Пфлейдерера о жизни и дѣятельности Лейбница (Leibnitz als Patriot, Staatsmann und Bildungsträger. Leipzig. 1870) содержитъ въ себѣ между прочимъ любопытныя изысканія объ участіи Лейбница въ политической борьбѣ партій за Польскую корону 1668 года и объ отношеніяхъ Россіи къ Польшѣ и къ Германіи того времени.

*

Въ Лейпцигѣ издана книга: Государственный переворотъ 2 Декабря 1851 г. (Der Staatsstreich vom 2 December 1851 und seine Rückwirkung auf Europa), содержащая въ себѣ дипломатическую переписку между Французскимъ и прочими Европейскими правительствами по поводу событій 2 Декабря. Въ томъ числѣ помѣщено, кромѣ письма Императора Николая, нѣсколько важныхъ депешъ барона Брунова, гр. Нессельрода и Киселева.

*

Нѣкто Розенталь, ревностный католикъ, предпринялъ изданіе біографій всѣхъ значительныхъ лицъ, обратившихся въ католичество въ 19 столѣтіи и разсказовъ объ ихъ обращеніи. Это сочиненіе выходитъ отдѣльными частями подъ заглавіемъ: Convertitenbilder aus dem 19 Jahrhundert. Schaffhausen. Вышедшее въ 1870 году 2 отдѣленіе 3 тома этого изданія содержитъ въ себѣ 785 страницъ, изъ числа коихъ 250 посвящены обращеніямъ въ католичество Русскихъ людей, съ біографическими подробностями объ нихъ. Первымъ въ ряду этихъ портретовъ выставленъ кн. Августинъ Голицынъ. Введеніе къ этому тому содержитъ въ себѣ общій очеркъ положенія и отношеній католической церкви въ Россіи къ правительству, наполненный обычными обвиненіями и жалобами на преслѣдованія.

*

Военныя силы Россіи, новыя преобразованія въ нихъ и политическое ихъ значеніе (Die Heeresmacht Russlands, ihre Neugestaltung und politische Bedeutung. Berlin. Dunker. 1870). Подъ этимъ заглавіемъ неизвѣстный авторъ описы-

ваетъ обстоятельно и безпристрастно, въ духѣ болѣе благопріятномъ нежели враждебномъ, нынѣшнее состояніе Русской арміи, новѣйшія улучшенія и существующіе недостатки.

*

Устная литература у Славянъ, какъ источникъ миѳологіи (Krek, Ueber die Wichtigkeit der Slavischen traditionellen Literatur als Quelle der Mythologie. Wien. 1869). Авторъ, г. Крекъ, самъ Славянинъ, дѣлаетъ въ этомъ сочиненіи остроумные выводы изъ пѣсенъ, сказокъ, пословицъ, загадокъ, преданій и обычаевъ разныхъ Славянскихъ племенъ, для сравнительной миѳологіи.

*

Wagner. Die Abschaffung des privaten Grundeigenthums. Leipz. 1870. Сочиненіе это, политическаго свойства, появилось въ опроверженіе разсужденій бывшихъ въ 1869 г. на Базельскомъ международномъ съѣздѣ рабочихъ о вредѣ частной поземельной собственности. Авторъ, являясь рѣшительнымъ ея защитникомъ, посвящаетъ третью главу своего сочиненія критикѣ общиннаго землевладѣнія въ Россіи (das Gemeineigenthum am Grund und Boden nach russischen Erfahrungen) и выставляетъ въ черномъ свѣтѣ хозяйственныя и общественныя его невыгоды, обнаружившіяся по показаніямъ противниковъ нашей общины, послѣ освобожденія крестьянъ въ Россіи.

*

Вышедшій въ Гамбургѣ 12 томъ дневника (Tagebücher) Фарнгагена фонъ Энзе заключаетъ въ себѣ замѣтки и разсужденія по поводу Восточной войны въ 1855 и 1856 г.—разсужденія, большею частью враждебныя Россіи.

*

Нѣкто фонъ-Фалль написалъ на Нѣмецкомъ языкѣ романъ въ 2 частяхъ изъ Русской жизни, подъ названіемъ: *Бояринъ* (Ein Bojar. Bilder aus dem russischen Leben. Von. A. V. Fall. Leipz. 1870. 2 Bände). Нѣмецкіе читатели хвалятъ живость описаній и занимательность интриги въ этомъ романѣ, отличающемся множествомъ дѣйствующихъ лицъ.

Статьи въ журналахъ.

Въ 1 книжкѣ историческаго журнала (Historische Zeitschrift) Зибеля, самого издателя: ***Паденіе Польши*** и ***Революціонная война.*** Бернгардта, статья ***Объ освобожденіи Крестьянъ въ Россіи.***

Въ Англійскомъ журналѣ Temple-Bar-Magazine, біографическая статья о Герценѣ, соч. Ральстона. (Апрѣль 1870) Этотъ почтенный знатокъ и любитель Русской литературы не пропускаетъ случая, гдѣ можно, вступиться за нее противъ невѣжественныхъ отзывовъ другихъ писателей. Такъ въ изданной недавно книгѣ г. Фаррара: „Семейныя группы нарѣчій" (Families of Languages), Ральстонъ положительно обидѣлся бѣглымъ замѣчаніемъ, что изъ числа Славянскихъ нарѣчій только Польскій языкъ да Сербскій представляютъ интересъ литературы, и напечаталъ въ журналѣ Athenaeum (1870, 26 Марта) статейку, въ которой цифрами взятыми изъ Указателя Межова доказываетъ, что есть Русская литература, и не только есть, но по всѣмъ отдѣламъ предоставляетъ замѣчательныя произведенія. Въ заключеніе онъ совѣтуетъ автору измѣнить свой отзывъ въ новомъ изданіи, чтобы не подвергнуться новымъ нападкамъ отъ „оскорбленнаго чувства" Ральстона. Любопытно самое заглавіе этой статейки: Жалоба Славянофила (A Slavophile's appeal)

Въ ежемѣсячномъ журналѣ *Belgravia* (April 1870) есть статья нѣкоего Стиганда, подъ заглавіемъ: *Россія* и ***Николай*** 1 (Russia and Nicholas I. A biographical paper).

Въ концѣ прошлаго года появился новый Итальянскій литературный журналъ подъ назв. *Европейское Обозрѣніе* (Rivista Europea). Въ одной изъ первыхъ книжекъ этого изданія помѣщена статья Русской писательницы, Татьяны Свѣтовой: О правахъ женщины передъ закономъ (La Posizione Legale della Donna). Въ этой статьѣ, писанной по поводу извѣстнаго сочиненія Милля о подчиненіи женщины, авторъ доказываетъ, что по Русскому закону женщинѣ издавна предоставлены права равныя съ мужчиной. Въ 8 книжкѣ того же журнала помѣщена статья той-же писательницы о Диккенсѣ и Теккереѣ; а въ 9-й статьѣ Александра Герцена-сына объ Оуенѣ и Нью-Ланаркѣ.

Статьи о Россіи, довольно часто появляющіяся въ Нѣмецкихъ журналахъ, отличаются въ послѣднее время особенно враждебнымъ тономъ. Такова статья Гербеля въ Unsere Zeit (6 тетрадь 1870 года): Der Moskovitismus. Zur Characteristik der jetzigen russischen Zustände. Того же Гербеля статья подъ назв: „Жизнь въ Петербугскихъ салонахъ“ появилась въ журналѣ: Das Ausland, N. 10.

Въ журналѣ *Сѣверное Британское Обозрѣніе* (North British Review) за Апрѣль помѣщена статья „О партіяхъ и о политикѣ въ новой Россіи“ (Parties and Politics of Modern Russia), а за Октябрь — статья о Русской церкви и Русскомъ духовенствѣ (Russian church and clergy). Въ Эдинбурскомъ Обозрѣніи, за Октябрь, есть статья по поводу извѣстныхъ записокъ барона Розена: Aus den Memoiren eines russischen Dekabristen. —Въ Лондонскомъ Двухнедѣльномъ Обозрѣніи (Fortnightly Review) за Сентябрь помѣщена статья за подписью г. Маркса: *Россія при Александрѣ II* (Russia under Alexander II), содержащая въ себѣ довольно жидкій очеркъ крестьянской реформы и послѣдующихъ событій на основаніи книги Эккарта и свѣдѣній собранныхъ Митчелемъ для Парламента. Въ *Art-Journal* за Ноябрь есть статья о художественныхъ классахъ въ Москвѣ.

Извѣстно, что Французскій король Людовикъ XV имѣлъ обычай вести секретныя дипломатическія сношенія непосредственно и независимо отъ оффиціальныхъ сношеній, чрезъ особо-довѣренныя лица, въ глубокой тайнѣ отъ своихъ министровъ и оффиціальныхъ представителей. Въ статьяхъ герцога Альберта де Броли, помѣщенныхъ въ Revue de deux Monde 15 Мая и 15 Іюля 1870 г. разсказанъ любопытный эпизодъ этой тайной дипломатики, имѣющій отношеніе къ Россіи и Польшѣ. Это—исторія тайныхъ сношеній Людовика XV съ Польшей чрезъ одного изъ предковъ автора, графа Шарля Франсуа де Броли, —имѣвшихъ цѣлію противодѣйствовать вліянію Русской партіи въ Варшавѣ и содѣйствовать выбору на Польскій престолъ принца де Конти (1754 г.).

Въ третьей статьѣ (тамъ же, 15 Іюля) описывается посылка де Броли въ Варшаву (въ Мартѣ 1757 г.) въ качествѣ Французскаго посланника, и усилія его при дворѣ короля Августа для противодѣйствія Русскому вліянію и Русской политикѣ. Авторъ останавливается на личности Станислава Понятовскаго, бывшаго въ то время представителемъ Польши при Рускомъ дворѣ. Де Броли не былъ поддержанъ своимъ дворомъ въ энергическихъ дѣйствіяхъ противъ Россіи, и Французская партія въ Польшѣ потерпѣла уронъ, вслѣдствіе неуспѣховъ Французскаго оружія въ Семилѣтней войнѣ,—и Броли въ досадѣ на недостатокъ поддержки выходитъ въ отставку.

Въ Извѣстіяхъ Берлинской Академіи Наукъ помѣщено и потомъ издано особо изслѣдованіе Шотта о Татарскихъ нарѣчіяхъ въ Сибири (W. Schott. Altaische Studien oder Untersuchungen auf den Gebiete der tatarischen (turanischen) Sprachen. Berlin. Dümmler).

Во второй книжкѣ Историческаго Журнала Зибеля (Historische Zeitschrift) за 1870 годъ помѣщена депеша Лаудона Австрійскому правительству, писанная въ пору битвы подъ Кунерсдорфомъ и

объясняющая неудовольствіе и пререканія между Русскими и Австрійскими военачальниками во время Семилѣтвей войны. Въ той же книжкѣ статья Викельмана о положеніи Прибалтійскихъ губерній и объ отношеніи ихъ къ Рускому правительству и къ общественному мнѣнію въ Россіи. Статья эта составлена на основаніи враждебныхъ Россіи сочиненій Эккарта, Ширрена, Гарлесса и Бока. Въ томъ же духѣ пристрастномъ противъ Россіи написана и статья помѣщенная въ Іюльской книгѣ Эдинбургскаго Обозрѣнія: *The Baltic Provinces of Russia.*

Существующее въ Парижѣ общество Польской исторіи и литературы (Société d'Histoire et de literature polonaise) издаетъ труды свои ежегодными выпусками. Въ послѣднемъ, 4-мъ, ежегодникѣ помѣщено историческое изслѣдованіе о причинахъ разстройства и слабости Польскаго правительства въ 17 и 18 столѣтіяхъ и о сношеніяхъ Польши съ Оттоманскою Портой въ царствованіе Станислава Августа.

Въ засѣданіи Лондонскаго Азіятскаго общества, одинъ изъ членовъ, г. Томасъ, представилъ записку: „О монетахъ недавно найденныхъ въ Пермской губерніи", написанную по приглашенію г. Тизенгаузена, секретаря Археологическаго общества въ Петербургѣ. По изслѣдованіи этихъ монетъ въ доставленныхъ снимкахъ, г. Томасъ придаетъ имъ великую важность, полагая, что ими открывается совершенно новое поле для историческихъ изысканій о невѣдомой доселѣ Индо-Пароянской династіи, властвовавшей по всей вѣроятности не въ далекѣ отъ области р. Инда.

—Въ засѣданіи Лондонскаго антропологическаго общества 15 Марта 1870 года читана была записка „О странныхъ свойствахъ Русской религіозной секты скопцовъ" (On the Stronge Peculiarities obserwed by a religions Sect of Moscovites, called Scoptsi). Записка эта составлена членомъ общества докторомъ Бернардомъ Дéвисомъ по матеріаламъ и свѣдѣніямъ, доставленнымъ отъ доктора Коперницкаго изъ Букарешта. Для изъясненія записки былъ выставленъ нарочно устроенный анатомической препаратъ.

Въ Маѣ 1870 г. г. Рольстонъ предпринялъ въ Лондонѣ два публичныя чтенія о Русскихъ народныхъ сказкахъ и преданіяхъ (Russian Folk-lore). Изъ журнальныхъ отзывовъ видно, что эти чтенія имѣли большой успѣхъ и въ высшей степени интересовали публику.

Съ 1870 года учреждена въ Оксфордскомъ университетѣ каѳедра Славянскихъ нарѣчій и исторіи Славянскихъ литературъ. На каѳедру эту избранъ мистеръ Морфилль (Morfill), который славится знатокомъ предмета. Замѣчательно, что каѳедра эта поддерживается процентами съ капитала, принесеннаго Университету въ даръ лордомъ Ильчестеромъ, именно для основанія Славянской каѳедры.

Переводы Русскихъ сочиненій.

Самарина, Окраины Россіи, переводъ съ предисловіемъ и комментаріями Юлія Эккарта. (Juri Samarin's Anklage gegen die Ostseeprovinzen Russlands, übersetzt aus dem russischen. Eingeleitet und commentirt v. J. Eckardt. Leipz. 1869.)

Въ Копенгагенѣ, профессоромъ Смитомъ изданъ въ 1869 г. Датскій переводъ лѣтописи Нестора, съ комментаріями издателя, которымъ ученая критика придаетъ значительную цѣну и для исторіи и для филологіи.

Въ періодическомъ изданіи „Viden Skabernes Selskab" за 1869 годъ помѣщена статья проф. Гольма: Политика Даніи во время войны Россіи со Швеціей 1788—1790.

Изъ сочиненій Тургенева появились во Французскомъ переводѣ *Странная исторія* Etrange histoire. Revue de d.Mondes, Mars. 1870. Въ Англійскомъ: *Собачка* (The Dog. Temple-Bar-Magazine. March. 1870) Въ томъ же журналѣ (May 1870) помѣщена *Странная исторія*, подъ названіемъ; *Idiot*, въ прекрасномъ переводѣ г. *Родь*

стона. О Тургеневѣ и его сочиненіяхъ пишетъ съ восторженною похвалою извѣстный Нѣмецкій критикъ Юліанъ Шмидтъ въ собраніи критическихъ статей, появившемся въ 1870 г. подъ названіемъ: *Bilder aus dem geistigen Leben unserer Zeit.* Въ Нѣмецкомъ журналѣ Buch der Welt за 1870 годъ напечатанъ переводъ повѣсти *Наканунѣ* (Am Vorabend).

Въ Галле напечатано и издано собраніе Эстонскихъ народныхъ сказокъ (числомъ 24) въ Нѣмецкомъ переводѣ Лёве, съ предисловіемъ академика Шифнера, и съ примѣчаніями Веймарскаго книгопродавца Кёлера.

Русскій проживающій въ Парижѣ, г. Скрипицынъ, собралъ въ одну книжку статьи своей помѣщенныя въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ (Union Chretienne, Le Nord) съ 1862 по 1869 годъ, по вопросамъ религіознымъ, церковнымъ и политическимъ. Книжка издана въ Парижѣ подъ заглавіемъ. Mélanges politiques et réligieux. 1869.

Сынъ извѣстнаго Русскаго писателя Герцена, Александръ Герценъ, проживающій во Флоренціи, издалъ тамъ на Итальянскомъ языкѣ сочиненіе подъ заглавіемъ: *Физіологическій анализъ свободной воли у человѣка* (Analisi fisiologica del libero arbitrio umana).

При нѣкоторыхъ Нѣмецкихъ журналахъ 1870 года разослано было объявленіе книгопродавца Бера въ Лейпцигѣ о предстоящемъ появленіи въ свѣтъ изданія, подъ заглавіемъ: *Библіотека Спиритуализма* (Eine Bibl. des Spiritualismus), предпринятаго съ цѣлію познакомить Германскую публику и представителей науки съ фактами и началами, добытыми спиритуализмомъ въ Америкѣ и въ Англіи. Упоминаемъ объ этомъ изданіи потому, что въ числѣ двухъ издателей поименованъ нѣкто г. Александръ Аксаковъ, надворный совѣтникъ въ Петербургѣ. Первый выпускъ этого изданія, содержащій въ себѣ переводъ книги г. Девиса: Die Principien der Natur, содержитъ въ себѣ предисловіе, написанное г. Аксаковымъ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.			Напечатано:	Читай:
196	св.	15	архіепискомъ	архіепископомъ
218	сн.	5	Платонотъ	Платономъ
—	—	4	пископъ	пископомъ
—	—	3	Мильхиседека	Мельхиседека
220	св.	23	горадо	гораздо
226	сн.	12	вѣстіепосвящая	вѣстіе посвящаю
235	сн.	11	надо	но до
260	сн.	14	тахъ	товъ
266	сн.	1	корпуская	корпусная
278	св.	6	Кисилевъ	Киселевъ
8	—	8	учиницъ	учениц
38	—	16	съѣдить	съѣздить
46	—	18	кажныя	важныя
52	—	17	рилигіей	религіей
160	сн.	18	увидить	увидѣть
162	—	21	ни могъ	не могъ
177	св.		V	XIV
012	сн.	5	нужна	нужно
035	св.	13	Московской	Владимірской
037	сн.	8	Корсаковъ	Корсакова
040	св.	1	губсратора	губернатора
041	сн.	13	положенія	положеніе
044	—	17	Мишалевичъ	Милашевичъ
0103	—	19	запыльчивостію	запальчивостію
0104	св.	14	прижались	принижались
0115	сн.	9	татарскомъ	татарскимъ
0118	—	16	это	этого
0135	—	2	ими	имъ
0137	св.	8	эта	это
0156	—	6	totius	totus
0188	сн.	8	тоща	таща
328	св.	15	протирѣчія	противорѣчія
333	сн.	17	убидить автора Записакъ	убѣдить автора Записокъ
336	св.	20	доблястяхъ	доблестяхъ
339	—	34	непечатаніс	напечатаніе
370	сн.	6	удивитъ	удивляетъ
372	св.	17	нужны	нужды
391	сн.	5	командуютъ	командуетъ
392	—	13	посьмо	письмо
423	св.	12	рую	рою
484	—	17	ведѣнія	веденія
490	—	21	народъ	на родъ
513	—	7	ризумѣется	разумѣется
522	—	3	тожс	таже
529	сн.	9	имя	ими
537	—	17	вреиенное	временное
539	—	17	Делсгацію	Делегацісю
544	—	20	Зоболоцкаго	Заболоцкаго
710	—	7	много	мною
750	—	2	преже	прежде
—	—	14	такъ	такъ какъ
774	—	23	какой	такой

ТРЕТЬЯ КНИГА
ОСМНАДЦАТАГО ВѢКА.

Екатерина Первая, статья *В. В. Андреева.*

Восемь собственноручныхъ писемъ *императрицы Анны Іоанновны* (къ А. М. Козодавлевой, Е. И. Пашкову и А. И. Остерману).

Изъ дѣла о присвоеніи В. К. Тредьяковскимъ гренадерской жены.

Выписки изъ архива канцеляріи Прибалтійскаго ген.-губернатора.

Ванька-Каинъ. Статья *Г. В. Есипова.*

Свѣдѣнія о первыхъ пособникахъ Екатерины II-й, статья *М. Н. Лонгинова.*

Свѣдѣнія, новыя письма и бумаги, касающіяся Екатерины II-й и ея царствованія.

Письма князя *А. Б. Куракина*, *Великаго Князя Павла Петровича и Великой Княгини Маріи Ѳеодоровны* къ Ѳ. И. Вадковскому.

Частное письмо о первыхъ дняхъ царствованія Павла Петровича.

Изъ бумагъ Е. И. Нелидовой. Переписка *императора Павла Петровича и императрицы Маріи Ѳеодоровны* съ *Е. И. Нелидовой.*

Письмо о кончинѣ Вольтера, доставленное императ. Екатеринѣ съ предис. *Ев. Ев. Скайлера* (Американскаго консула въ Москвѣ).

Былое изъ Пугачевщины, разсказъ *Аскалона Труворова.*

ЧЕТВЕРТАЯ КНИГА
ОСМНАДЦАТАГО ВѢКА.

Рескрипты и указы (151) Императора *Петра I-го* къ Лифляндскимъ генералъ-губернаторамъ: Полонскому, князю Голицыну и князю Репнину. 1711—1724.

Изъ подлинныхъ бумагъ Елизаветинскаго царствованія (Сообщено профессоромъ *С. М. Соловьевымъ*).

1. Выписки изъ перлюстраціи 1748 и 1749 г.

2. Записка *Бестужева* объ его ссорѣ съ Тепловымъ.

Послѣдній король Польскій въ Гроднѣ и Литва въ исходѣ XVIII вѣка. Статья *М. Ѳ. де-Пуле*, написанная на основаніи бумагъ, найденныхъ въ архивѣ Виленскаго генералъ-губернатора.

Первые дни Екатерининскаго царствованія. Извлечено изъ подлинныхъ бумагъ *В. И. Ламанскимъ.*

Четыре манифеста о восшествіи на престолъ Екатерины II-й и о кончинѣ Петра III-го.

Антидотъ (Противоядіе). Полемическое сочиненіе *Екатерины II-й*, или разборъ книги аббата Шаппа д'Отероша о Россіи.

Современный журналъ о пребываніи въ Казани Императора Павла I-го.

Разсказъ очевидца о посѣщеніи Императоромъ Павломъ I-мъ города Владиміра на Клязьмѣ.

Бумага князя *Лопухина* и два рескрипта Императора *Павла I-го* къ Владимірскому губернатору Руничу о Зубовыхъ (Сообщено графомъ *Д. Н. Толстымъ*).

Ода Императору Павлу I-му, *Степана Руссова*, съ предисловіемъ *М. И. Семевскаго.*

Приложенъ подробный азбучный указатель къ III и IV книгамъ Осмнадцатаго Вѣка.

Книги «Осмнадцатаго Вѣка» выходятъ безсрочно и продаются, каждая отдѣльно, въ Москвѣ на Мясницкой № 7 въ Чертковской библіотекѣ.

Вышли первыя четыре книги «Осмнадцатаго Вѣка». Цѣна первой— 2 руб. 50 коп., второй, третьей и четвертой — по 3 р. Пересылка каждой — за три фунта.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1871

(ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

Русскій Архивъ, посвященный историческому изученію нашего отечества, преимущественно въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, выходитъ въ 1871 году на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и первыя восемь лѣтъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1871 года (12 тетрадей котораго, *выходящихъ по мѣрѣ отпечатанія*, составятъ до 2000 и свыше страницъ четкой печати), какъ въ Москвѣ и Петербургѣ съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

Семь рублей.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1871 году доставляютъ или высылаютъ эти **семь** рублей съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства — *въ Москву, въ Чертковскую библіотеку, на Мясницкой № 7-й, издателю Русскаго Архива Петру Ивановичу Бартеневу*.

Можно подписываться также въ С.-Петербургѣ въ книжномъ магазинѣ *А. Ө. Базунова* на Невскомъ, и въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ *И. Г. Соловьева*, на Страстномъ бульварѣ.

Тетради Русскаго Архива отдѣльно не продаются.

За перемѣну адреса уплачивается 10 к. или почтовая марка, при чемъ просятъ непремѣнно сообщать прежній адресъ или нумеръ перемѣняемаго адреса.

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, къ вышепоказанной цѣнѣ прибавляютъ: для Германіи и Бельгіи — **1** р. **50** к., для Франціи — **2** р., для Англіи — **2** р. **50** к., для Швейцаріи и Италіи — **3** р.

Для подписчиковъ Русскаго Архива, не имѣющихъ «Осмнадцатаго Вѣка», на внутренней сторонѣ этой обертки напечатано содержаніе первыхъ четырехъ книгъ этого историческаго сборника. Выписывающіе его **вмѣстѣ** съ Русскимъ Архивомъ за пересылку ничего не прилагаютъ.

Составитель и издатель Русскаго Архива. **Петръ Бартеневъ.**